

ВЕСТНИК МГПУ.

**СЕРИЯ «ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ».**

**MCU JOURNAL OF PHILOLOGY.
THEORY OF LINGUISTICS.
LINGUISTIC EDUCATION**

№ 3 (51)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ / SCIENTIFIC JOURNAL

**Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Published since 2008
Quarterly**

**Москва
2023**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Реморенко И. М.

председатель

ректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор педагогических наук, доцент, почетный работник общего образования Российской Федерации, член-корреспондент РАО президент ГАОУ ВО МГПУ, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО

Рябов В. В.

заместитель председателя

первый проректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор экономических наук, профессор, академик РАО

Геворкян Е. Н.

заместитель председателя

проректор по учебной работе ГАОУ ВО МГПУ, доктор социологических наук, доцент

Агранат Д. Л.

заместитель председателя

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Тарева Е. Г.

главный редактор

доктор педагогических наук, профессор

Викулова Л. Г.

заместитель главного редактора

доктор филологических наук, профессор

Смирнова А. И.

заместитель главного редактора

доктор филологических наук, профессор

Алмазова Н. И.

доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный политехнический университет Петра Великого)

Аминова В. Р.

доктор филологических наук, доцент (Казанский (Приволжский) федеральный университет)

Афанасьева О. В.

доктор филологических наук, профессор

Беляева И. А.

доктор филологических наук, профессор

Богданова Л. И.

доктор филологических наук, профессор (МГУ им. М. В. Ломоносова)

Борботько Л. А.

ответственный секретарь

кандидат филологических наук, доцент

Бубнова И. А.

доктор филологических наук, профессор

Геймбух Е. Ю.

доктор филологических наук, профессор

Желтухина М. Р.

доктор филологических наук, профессор

Журавлева Е. А.

доктор филологических наук, профессор (Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Казахстан, Алматы)

Курдюмов В. А.

доктор филологических наук, профессор

Матвеева И. И.

секретарь

кандидат филологических наук, доцент

Поршнева Е. Р.

доктор филологических наук, профессор (Нижегородский лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова)

Радченко О. А.

доктор филологических наук, профессор (Московский государственный лингвистический университет)

Романова Г. И.

доктор филологических наук, доцент

Сагаз Мицунори

доктор филологии, доцент (Университет Сока, Токио, Япония)

Собянина В. А.

доктор филологических наук, профессор

Сулейманова О. А.

доктор филологических наук, профессор

Тивьяева И. В.

доктор филологических наук, доцент

Тышковска-Каспиак Эльжбета

доктор филологических наук, доцент (Вроцлавский университет, Польша)

Черняская В. Е.

доктор филологических наук, профессор, член Санкт-Петербургского союза ученых (Санкт-Петербургский государственный политехнический университет Петра Великого)

Чупрына О. Г.

доктор филологических наук, профессор

Шафранская Э. Ф.

доктор филологических наук, доцент

Языкова Н. В.

доктор педагогических наук, профессор

Якушевич И. В.

доктор филологических наук, доцент

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

СОДЕРЖАНИЕ

Литературоведение

- Громова А. В.* Творчество И. А. Новикова в восприятии и оценке А. М. Горького 7
- Макарова А. С., Смирнова А. И.* Категория пространства и времени в неклассической прозе О. Мандельштама и К. Вагинова 1920–1930-х годов 16
- Лушникова Г. И., Осадчая Т. Ю.* Художественная маска как средство создания психологического портрета в романе С. Кинга «Билли Саммерс» 27
- Чжу Цзыцзин, Кольцова Н. З.* К вопросу о диалоге М. Булгакова с В. Вересаевым: «Записки юного врача» и «Записки врача» как два варианта «врачебных записок» в русской литературе первой трети XX века 40

Русистика. Германистика. Романистика

- Алексеева Т. Е.* Сравнение в английских пословицах как грамматическая категория и стилистический прием: структурно-семантический анализ 50
- Штукарева Е. Б.* Языковые особенности и стилистические приемы в фантастической дилогии Сергея Лукьяненко «Z: Квази. Кайнозой» 64
- Цзи Сяоцзюнь.* О репрезентации семантического поля локативов в русских вопросно-ответных единствах 79
- Поварницына Е. Д.* Имена собственные и этнонимы «Слова о полку Игореве» в зеркале французского языка 89

Теория языка. Теория межкультурной коммуникации

- Гусейнова И. А., Косиченко Е. Ф.* Лингводидактический потенциал семиотически осложненных текстов речевого жанра шутки 103
- Гурулева Т. Л.* Специфические характеристики слова в китайском языке 118
- Горностаева Ю. А.* Языковые маркеры культурной травмы в нарративах социальных страданий (на материале нарративов мексиканцев об испанской конкисте) 130

Языковое образование. Методика преподавания филологических дисциплин

- Гальскова Н. Д.* Культурная предметность методической науки как основа профессионально-методической подготовки студентов — будущих учителей иностранных языков.....147
- Коряковцева Н. Ф.* Актуальные вопросы профессиональной подготовки учителя иностранного языка в контексте реформирования отечественной системы высшего образования 155
- Никитенко З. Н.* Личность учителя-профессионала как ценность: возвращение к методической традиции, заложенной профессором Н. В. Языковой 162

Слово молодым ученым

- Нуридджанян Р. Г.* Структурные и металингвистические особенности билингвальных СМИ (на материале парагвайской газеты *Sabichuí*) 168
- Кутеко Д. А.* Функционирование служебных частей речи в комедиях итальянских авторов XVI века в сопоставлении с феноменами *italiano neostandard* 179
- Юй Вэньсинь.* Образы птиц как одно из средств обозначения высокой самооценки человека в русском и китайском языках 189
- Хоу Линьсюе.* Анализ ошибок на основе учебного корпуса русских текстов 196

Научная жизнь

- Колесников А. А., Корзун О. О.* Исследование современных проблем лингводидактики в рамках научных школ России (на материале защит диссертаций, МГПУ, 2019–2022).....208

Юбилей

- Гончарова В. А.* Ко всему нужно применять системный подход! 218
- Требования к оформлению статей.....222

CONTENTS

Literary Science

- Gromova A. V.* Creativity of I. A. Novikov in the Perception and Evaluation of A. M. Gorky 7
- Makarova A. S., Smirnova A. I.* The Category of Space and Time in O. Mandelstam's and K. Vaginov's Non-classical Prose of 1920–1930s..... 16
- Lushnikova G. I., Osadchaia T. Yu.* Literary Mask as a Means of Creating a Psychological Portrait in the Novel «Billy Summers» by S. King 27
- Zhu Zijing, Koltsova N. Z. M.* Bulgakov's «A Young Doctor's Notebook» and V. Veresaev's «Notes of a Doctor» as Two Variants of «Doctoral Notes» in Russian Literature of the First Third of the 20th Century 40

Russian Studies. Germanic Studies. Romance Studies

- Alekseeva T. E.* Comparison in English Proverbs as a Grammatical Category and a Stylistic Device: Structural-semantic Analysis 50
- Shtukareva E. B.* Linguistic Features and Stylistic Devices in Sergey Lukyanenko's Fantastic Dilogy «Z: Kvazi. Cenozoic» 64
- Ji Xiaojun.* Semantic Field of Locatives as Represented in Russian Question-answer Unities..... 79
- Povarnitsyna E. D.* Proper Nouns and Ethnonyms of «The Tale of Igor's Campaign» in the Mirror of the French Language 89

Linguistic Theory. Cross-Cultural Communication Theory

- Guseynova I. A., Kosichenko E. F.* Linguodidactic Potential of Jokes as Speech Genres of Various Semiotic Modes 103
- Guruleva T. L.* Specific Features of Word in Chinese..... 118
- Gornostaeva Yu. A.* Linguistic Markers of Cultural Trauma in Social Suffering Narratives (Based on Mexican Narratives About the Spanish Conquest) 130

Language Teaching. Methodology of Teaching Philological Disciplines

- Galskova N. D.* Cultural Subjectivity of Methodological Science as the Basis of Professional and Methodological Training of Foreign Language Would-be Teachers 147
- Koryakovtseva N. F.* Topical Issues of Foreign Language Teachers Professional Training in the Context of Reforming Home System of Higher Education 155
- Nikitenko Z. N.* Professional Teacher Personality as a Value: Returning to the Methodological Tradition Laid Down by Professor Natalya V. Yazykova..... 162

Young Scientists' Platform

- Nuridzhanyan R. G.* Structural and Metalinguistic Features of Bilingual Media (Based on the Material of the Paraguayan Newspaper Cabichuí)..... 168
- Kuteko D. A.* Function of Auxiliary Parts of Speech in Comedies by 16th Century Italian Authors in Comparison with the *Italiano neostandard* Phenomena 179
- Yu Wenxin.* Bird Images as One of the Means of Denoting High Self-esteem in the Russian and Chinese Languages 189
- Hou Linxue.* Error Analysis Based on the Academic Corpus of Russian Texts..... 196

Scholarly Events

- Kolesnikov A. A., Korzun O. O.* Modern Linguistic Didactics Studies Through the Lenses of Russian Scientific Schools (on the Material of Theses Defenses, MCU, 2019–2022) 208

Jubilee

- Goncharova V. A.* You Need to Apply a Systematic Approach to Everything! 218
- Requirements for the Style of Articles..... 222

Научная статья

УДК 821.161.1.09"19"

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.51.3.01

ТВОРЧЕСТВО И. А. НОВИКОВА В ВОСПРИЯТИИ И ОЦЕНКЕ А. М. ГОРЬКОГО

Громова Алла Витальевна

Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия,

gromovaav@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8420-7567>

Аннотация. В статье впервые системно рассмотрены оценки, данные А. М. Горьким писателю И. А. Новикову с 1903 по 1934 год. Актуальность исследования данной проблемы обусловлена недостаточной изученностью творческого наследия Новикова и его места в русском литературном процессе первой трети XX века. В связи с этим статья направлена на выявление рецепции его творчества одним из ведущих современников — Горьким, который выступал в качестве писателя, издателя, литературного критика и организатора литературного процесса. Материалом анализа являются письма, критические статьи и мемуары. Привлекается историко-литературный контекст: переписка Бунина, а также новые архивные документы: письма Вересаева к Новикову. В статье прослежена динамика оценок, данных Горьким Новикову на протяжении нескольких десятилетий. Показано, что Горький недооценивал Новикова, отказывая ему в самобытности и творческой эволюции, хотя современная критика ставила писателя в один ряд с Бунинным, Зайцевым и Шмелевым. При этом Горький следил за публикациями Новикова и привлекал его к своим литературным проектам. Представленные в статье материалы позволяют уяснить литературную репутацию Новикова до и после революции, а также особенности литературного процесса начала XX века, включая развитие художественной литературы, критики и издательского дела.

Ключевые слова: И. А. Новиков, А. М. Горький, русская литература, Серебряный век, эпистолярный, рецепция, литературная критика, литературная репутация.

Для цитирования: Громова, А. В. (2023). Творчество И. А. Новикова в восприятии и оценке А. М. Горького. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 3(51), 7–15. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.51.3.01>

Original article

UDC 821.161.1.09"19"

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.51.3.01

**CREATIVITY OF I. A. NOVIKOV
IN THE PERCEPTION AND EVALUATION OF A. M. GORKY****Alla V. Gromova**Moscow City University,
Moscow, Russia,gromovaav@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8420-7567>

Abstract. The article is a pioneer attempt to consider the estimates given by A. M. Gorky to the writer I. A. Novikov from 1903 to 1934. The relevance of the study is due to the insufficient study of Novikov's creative heritage and its place in the Russian literary process of the first third of the twentieth century. In this regard, this article aims at identifying the reception of his work by one of his leading contemporaries — Gorky, who acted as a writer, publisher, literary critic and of literary process organizer. The material of the analysis is letters, critical articles and memoirs. The author introduces historical and literary context: Bunin's correspondence, as well as new archival documents — V. Veresaev's letters to Novikov. The article traces the dynamics of estimates given by Gorky to Novikov over several decades. It is shown that Gorky underestimated Novikov, denying him identity and creative evolution, although modern criticism put the writer on a par with Bunin, Zaitsev and Shmelev. At the same time, Gorky followed Novikov's publications and attracted him to his literary projects. The findings make it possible to understand Novikov's literary reputation before and after the revolution, as well as the features of the literary process of the early twentieth century, including the development of fiction, criticism and publishing.

Keywords: I. A. Novikov, A. M. Gorky, Russian Literature, Silver Age, epistolary, reception, literary criticism, literary reputation.

For citation: Gromova, A. V. (2023). Creativity of I. A. Novikov in the perception and evaluation of A. M. Gorky. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3(51), 7–15. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.51.3.01>

В настоящей статье на материале писем и критических выступлений А. М. Горького впервые системно рассмотрены оценки, данные им творчеству И. А. Новикова. Актуальность исследования обусловлена прежде всего недостаточной изученностью наследия Новикова, которое привлекло внимание литературоведов лишь в XXI веке. С 2003 года в Мценске и Орле проходили посвященные ему юбилейные конференции (последняя — в 2022 году, см.: Грачева, 2022). В 2007 году была издана первая монография о писателе (Михайлова, 2007), затем подготовлена его библиография (Приймак, 2018), защищена первая диссертация (Калинина, 2020). Однако дело глубокого освоения творчества Новикова остается далеко не завершенным. Одновременно не угасает интерес к Горькому: его личности (Спиридонова, 2022), биографии, творчеству. Отзывы Горького о Новикове упоминались в научной литературе (Михайлова, 2003), но системно не изучались.

Творческий путь Новикова начался в 1899 году и проходил вдали от столиц, хотя уже к середине 1900-х годов писатель активно контактировал с представителями московских и петербургских литературных кругов. Позиция Новикова отражала типичное явление того времени — сочетание реалистических традиций с символистскими умонастроениями.

Писатель вошел в литературу как продолжатель демократических традиций. Его первая большая повесть «Искания» (1903), главный герой которой находит смысл жизни в работе на благо народа, привлекла внимание цензуры и была вырезана из журнала «Русская мысль» (Новиков, 1966, с. 32). При этом близкая по проблематике драма «Около жизни» была высоко оценена, автор был удостоен за нее Суворинской премии (Горький, 1997, с. 414).

В 1903 году Новиков обратился в издательство «Знание» с предложением издать свои произведения отдельной книгой, но Горький отклонил его. В письме к К. П. Пятницкому от 20 августа 1903 года он написал, что Новикова «не успел прочитать всего, а то, что прочитал, — неважно» (Горький, 1997, с. 189); 22 августа он дал еще более категоричную оценку: «писатель не без таланта и не без ума, но — совершенно неопределившаяся фигура. От его пьес веет Чеховым, от рассказов — Буниным» (Горький, 1997, с. 190–191). Из присланных в издательство 17 произведений Новикова Горький оценил только пьесу «Около жизни» и повесть «Искания» (Горький, 2003, с. 415).

В итоге сборник Новикова «Искания» (в который вошла и изъятая из «Русской мысли» одноименная повесть) вышел в свет в 1904 году в Киеве, в издательстве Б. К. Фукса, а две последующие книги: роман «Из жизни духа» (1906) и сборник рассказов «К возрождению» (1907) — в издательстве С. Скирмунта. Вторая книга (во многом отразившая события Первой русской революции) была изъята из продажи как политически вредная, а о самом авторе судебное дело было прекращено — «за неразысканием» (Новиков, 1966, с. 32).

Следующий сборник Новикова «Рассказы (1905–1912)», включивший произведения, ранее публиковавшиеся в журналах «Перевал», «Золотое руно», «Заветы» и газете «Утро России», вышел в конце 1912 года во вновь образованном «Книгоиздательстве писателей в Москве». В анонсе нового издательства, опубликованном в журнале «Рампа и жизнь» в сентябре 1912 года, сообщалось, что оно организовано «на товарищеских началах», с участием в числе пайщиков М. Горького, И. Бунина, В. Вересаева, Н. Телешова, Б. Зайцева, И. Шмелева и др. Редактором стал В. В. Вересаев, распорядителями — Д. Я. Голубев и С. Д. Разумовский (Летопись жизни и творчества Бунина, 2017, с. 259). Здесь рядом с новыми рассказами И. Бунина, «Человеком из ресторана» Шмелева, «Сказками» Горького были опубликованы и рассказы Новикова.

Стоявший во главе издательства Вересаев поддержал молодого автора. В письме к нему от 17 июля 1912 года он писал: «Рассказы Ваши, особенно позднейшие, так ярки, талантливы и художественно-благородны, что мне казалось невозможным отказаться от их издания» (Вересаев, 1912, л. 1). Письмо Вересаева отразило конфликтную ситуацию, сложившуюся «по вине» Новикова. Дело в том, что его рассказы, наряду со статьями В. Л. Львова-Рогачевского, были выпущены издательством раньше, чем «Сказки» Горького и сборники, за которые ратовал Бунин. Это возмутило обоих писателей. Бунин со свойственной ему резкостью писал брату Ю. А. Бунину 4 декабря (21 ноября) 1912 года: «Вересаев ставит в идиотское положение все книгоиздательство. Я самым серьезным образом думаю о своем выходе из книгоиздательства» (Бунин, 2007, с. 248).

Так же непримиримо отозвался о политике издательства и Горький. Он писал Вересаеву о Новикове: «...плохой писатель, его “вдохновения” чисто литературные, неонародничество — вообще штука плохо выдуманная и ненужная» (Горький, 2003,

с. 218). Эта тема продолжена в письме к одному из учредителей и распорядителей издательства С. Д. Махалову (Разумовскому): «Новикова не следовало издавать, — это тоже неинтересно и тоже не талантливо, хотя и пестро. Отсюда, я думаю, Вам понятно, почему именно я прошу исключить меня из числа пайщиков: оставаясь таковым, я как бы принимаю участие в издании книг плохих и ненужных» (Горький, 2003, с. 220).

Свое отрицательное отношение к сборнику Новикова Горький сформулировал в рецензии, опубликованной в журнале «Современник» (1912, № 12), где писал: «Автор принадлежит к тому художочному течению в современной русской литературе, которое однажды назвало само себя “неонародничеством” и источником которого была не жизнь, а книга <...> бытовая сторона в “литературе” Новикова отсутствует» (Горький, 1934, с. 95). Вызвала отторжение и специфическая звукопись Новикова, которой Горький противопоставил авторитеты классиков: «Иногда автор пытается говорить своими словами: “Капают капли с крыш в опрозраченном воздухе; как капли, упадают один за другим удары великопостного колокола”. Этих “как ка” можно найти сотнями на страницах скучной книги Новикова» (Горький, 1934, с. 95). Горький делает неутешительный вывод об излишней увлеченности молодого писателя модернизмом и об отсутствии собственного лица: «...нет человека, входящего в храм <...> со своею выстраданной молитвой на устах» (Горький, 1934, с. 95).

Вересаев не согласился с этим отзывом, отметив эволюцию Новикова, постепенный отказ от «декадентства и жизнелюбия», о чем известил Горького, призвав «поддержать явно колеблющегося художника, приветствовать то несомненно хорошее и талантливое, что в нем есть» и перестать «осаживать его и хаять» (Горький, 2003, с. 586).

По мнению О. Д. Голубевой, деятельность «Книгоиздательства писателей в Москве» определялась в том числе столкновением двух группировок — вересаевской и бунинской (с которой на начальном этапе солидаризировался и Горький). И если Вересаев приветствовал социальное начало в произведениях, то «Бунин предъявлял большие требования к их художественной отделке» (цит. по: Фролов, 2020, с. 215). Однако письма Вересаева к Новикову свидетельствуют о том, что главный редактор был внимателен и к художественной стороне произведений. Так, он указал автору на отдельные недочеты рассказов, посоветовав переработать их. Например, рассказ «Петух», по мнению редактора, переполнен «манерностью и вычурностями декадентского пошиба», не нравилось ему (как и Горькому) новиковское стремление к ритмизации прозы, которое он назвал «большой безвкусицей» (Вересаев, 1912, л. 3, об.). Новиков прислушался к советам Вересаева, подвергнув некоторые произведения переделке (хотя не отказался от прозаического ритма, составлявшего одну из особенностей его индивидуальной творческой манеры). Таким образом, Вересаев поддержал Новикова вопреки Бунину и Горькому, при этом Бунин продолжил сотрудничество с книгоиздательством (и даже впоследствии встал во главе его), а Горький отказался от участия в деле.

С этого времени Новиков начал неуклонно набирать популярность. Его книги пользовались спросом у читателей, а имя регулярно появлялось в одном ряду с именами Бунина, Шмелева, Зайцева. Например, в газете «Кубанский край» (1912, № 286) была опубликована статья Н. Е. Пояркова «О трех Иванах. Иван Бунин “Суходол”. Иван Новиков “Рассказы”. Иван Шмелев “Рассказы”». В 1916 году в московской газете

«Утро России» (№ 267, с. 5) размещена статья Н. Я. Абрамовича (под псевдонимом Н. Кадмин) «Чувство жизни. (Бунин и молодые)», в которой критик противопоставил «подернутому туманом чувству жизни Бунина» «аппетитное, радостно поглощающее чувство жизни» Новикова (Летопись жизни и творчества И. А. Бунина, 2017, с. 793). На заседании литературного кружка «Среда» (новой «Среды») 18 января 1917 года выступил Ю. В. Соболев с докладом «О творчестве И. А. Бунина, Б. К. Зайцева и И. А. Новикова» (Летопись жизни и творчества И. А. Бунина, 2017, с. 822), сопоставив имена признанных мастеров с именем Новикова. В ростовской газете «Приазовский край» 2 марта 1918 года была опубликована статья Л. Волоха «Слово», в которой мастерство Новикова уже не подвергается сомнению: «Очередной седьмой сборник книгоиздательства писателей в Москве — интересен. Бунин, Зайцев, Ал. Толстой, Ив. Новиков — писатели, почти завершившие цикл своих творческих брожений, настолько осевшие в круге своих мирозерцательных переживаний, что каждое их новое произведение нас только больше приближает к ним и осваивает с характерными и доминирующими мотивами их творчества» (Летопись жизни и творчества И. А. Бунина, 2017, с. 838).

На этом фоне позиция Горького выглядит последовательной: изначально не принимавший идейную направленность и модернистские эксперименты Новикова, он почти не изменил своего отношения к писателю, считая его «несамостоятельной» фигурой в литературе.

Личное знакомство писателей произошло лишь в 1917–1918 годах, о чем Новиков написал спустя десять лет в статье «О Горьком» (Новиков, 1928, с. 201–207). В первые годы советской власти он принимал участие в ряде горьковских проектов по созданию новой культуры, но отношение к нему Горького оставалось сдержанным.

Так, в 1924 году в ответ на просьбу филолога-эмигранта Ф. А. Брауна назвать русских новеллистов, достойных перевода на немецкий язык, Горький перечислил многих писателей, классиков и современников, но Новикова в этот перечень не включил. В число рекомендованных им авторов рассказов и повестей вошли не только Ф. М. Достоевский, Л. Толстой и его брат Н. Толстой, И. С. Тургенев, М. Гаршин, Д. Мамин-Сибиряк, Н. Лесков, Н. Короленко, А. П. Чехов, но и С. Сергеев-Ценский, Л. Андреев, И. Бунин («крупнейший художник наш»), А. Куприн, М. Арцыбашев, Ал. Толстой, М. Пришвин, Ф. Сологуб, Вс. Иванов и А. Чапыгин. Завершает этот список следующее заключение: «Не упоминаю о И. Новикове, Лидине и еще многих из молодежи, так же, как не упомянул и некоторых “стариков”, едва ли интересных» (Горький, 2009, с. 306). Заметим, что 47-летний Новиков, к этому времени автор трех романов, выдержавших не одно переиздание, двух сборников стихов (не считая детских), полутора десятка сборников малой прозы, был старше и Арцыбашева, и Ал. Толстого, не говоря о Вс. Иванове и В. Лидине, принадлежавших к другому литературному поколению. Тем не менее для Горького он продолжал оставаться «молодым писателем».

Отношение Горького к Новикову постепенно улучшалось, не меняясь принципиально. В 1925 году он рекомендовал его издателю А. Э. Когану как одного из возможных авторов. Коган — создатель издательского концерна «Копейка» (1908–1918), в чьей типографии печаталась горьковская «Всемирная литература», — в 1921 году в эмиграции основал издательство «Русское искусство» и журнал «Жар-птица». Коган задумал новое издание, которое объединило бы культурный процесс зарубежья и метрополии,

и Горький охотно его поддержал, поскольку видел цели, близкие его журналу «Беседа». В письме Когану от 19 мая 1925 года Горький называет потенциальных корреспондентов из России и эмигрантских культурных центров, которые могли бы писать для будущего журнала о литературе, искусстве и науке. Завершается письмо словами: «Следует — изредка — давать переводы рассказов Бабеля, Вс. Иванова, Зощенко, Лавренева, Ольги Форш, Ив. Новикова и т. д. Сергеева-Ценского и М. Пришвина, конечно» (Горький, 2012, с. 187). Задумка Когана, однако, не была осуществлена.

В 1928 году в письме Р. Роллану Горький уже назвал Новикова в числе талантливых современных российских литераторов. Письмо Роллана было вызвано анонимно опубликованной в эмигрантских газетах «Последние новости» и «Возрождение» жалобы на притеснения писателей в России. Воззвание появилось под заглавием «Писателям мира», было подписано «Группа русских писателей» и датировано маем 1927 года. В нем говорилось о жесткой советской цензуре, о трудностях с открытием издательств и изъятии неудобных книг из библиотек; утверждалось, что «идеализм, огромное течение русской художественной литературы, считается государственным преступлением» (Писателям мира, 1927).

Роллан в письме Горькому от 25 января 1928 года, отмечая, что «в России появилась после Революции плеяда высокоодаренных писателей», просил ответить на вопрос, как в стране развивается русская литература и кого из писателей он считает «наиболее значительными» (Архив А. М. Горького, 1995, с. 411–412).

В ответном письме Горький опроверг факт притеснений, утверждая, что в России много талантливых литераторов, как молодых, так и принадлежащих к старшему поколению. Приводя обширный перечень имен, Горький замечает: «Из писателей дореволюционного времени много и отлично работают Сергеев-Ценский, Михаил Пришвин, Константин Тренев, Никандров, Вересаев, Иван Вольнов, Ольга Форш. Алексей Чапыгин напечатал прекрасный роман “Степан Разин”. Поэт Сергей Клычков написал два интереснейших романа, немало пишет Алексей Толстой, <...> выпустил книгу рассказов Иван Новиков» (Горький, 2014, с. 179) (речь идет о сборнике Новикова «В гостях у себя» (М., 1928). Однако Новиков здесь упомянут не как выдающийся писатель, а как автор «идеалистического» направления.

Еще ранее похожий вопрос был направлен Горькому публицистом С. В. Познером. В своем ответе 10 августа 1927 года Горький стремился опровергнуть утверждение о притеснениях конкретными фактами изданий не только классиков, но и современников, включая авторов-идеалистов, к которым отнес и Новикова: «...есть молодые писатели явно “идеалистического” умонстроения: Леонов, Клычков, Козырев, Платонов, Заяицкий, И. Новиков и т. д.» (Горький, 2014, с. 16). В этих беглых очерках Горький, по сути, формулирует свою — весьма оригинальную — концепцию современного литературного процесса, которая нуждается в дальнейшем вдумчивом изучении.

В 1930 году партийный деятель и издательский работник Я. Я. Страуян обратился к Горькому с предложением январскую литературную страницу «Известий» посвятить событиям 9 января 1905 года и В. И. Ленину. Помимо воспоминаний старых большевиков, предполагалось разместить рассказы Новикова и Л. Гроссмана, но в редакции возникло опасение, что оба писателя вызовут возражение Горького, поэтому ему был послан запрос. В итоге рассказы этих авторов не были опубликованы (Горький, 2017, с. 621).

Можно предположить, что Горький более снисходительно относился к стихам Новикова. В письме Л. Б. Каменеву от 22 января 1934 года он поддержал идею издать новиковский перевод Овидия, отметив, что «старые переводы <...> неудобочитаемы, а Новиков стихом владеет как будто бы не хуже сегодняшних знаменитых поэтов» (Горький, 2022, с. 227). Однако обоснование этого выбора несколько снижает следующее замечание: «Мне кажется также, что “Академия” должна дать “Энеиду” Котляревского. Ибо — если из “Энеиды” можно и допустимо сделать комическую поэму, то тем более допустимо дать стихи Новикова» (Горький, 2022, с. 227). В итоге Овидий был издан в переводе С. В. Шервинского, а «овидиевские» опыты Новикова косвенно отразились в его романе «Страна Лекхорн» (1933), в который было включено оригинальное стихотворение «Рассказ нимф» по мотивам мифа об Орфее и Эвридике.

В личной библиотеке Горького были книги Новикова с его пометами: сборник детских стихов «Полный ковш» (1924), сборник прозы «В гостях у себя» (1928), стихотворный перевод бурятского эпоса «Аламжи-Мерген» (Academia, 1936) (Личная библиотека М. Горького в Москве, 1981, с. 88, 156, 284).

В целом можно утверждать, что Горький следил за творческим развитием Новикова, но не преодолел изначального предубеждения против него как писателя, не определившегося в сфере убеждений и эстетических предпочтений. Внутренняя напряженность взаимоотношений обусловила и невнятность очерка «О Горьком» (1928), где Новиков пишет главным образом о своих читательских впечатлениях, не касаясь личных взаимоотношений.

Представленные в статье материалы позволяют уяснить литературную репутацию Новикова до и после революции, а также особенности литературного процесса начала XX века, включая развитие художественной литературы, критики и издательского дела. При этом вопрос о степени творческого влияния Горького на Новикова остается открытым и требует изучения.

Список источников

1. *Творческое наследие И. А. Новикова в XXI веке.* (2022). А. М. Грачева (Ред.). Центральная городская библиотека им. И. А. Новикова.
2. Михайлова, М. В. (2007). *И. А. Новиков: грани творчества.* Орлик.
3. И. А. Новиков. *Библиографический указатель.* (2018). О. А. Приймак (Сост.). Центральная городская библиотека им. И. А. Новикова.
4. Калинина, К. С. (2020). *Жанр романа в творчестве И. А. Новикова начала XX века: проблематика и поэтика.* МГПУ.
5. Спиридонова, Л. А. (2022). *М. Горький — мыслитель, художник, человек.* ИМЛИ РАН.
6. Михайлова, М. В. (2003). Творчество И. А. Новикова в дореволюционной критике. В Л. В. Дмитриухина (Сост. и ред.). *И. А. Новиков в кругу писателей-современников* (с. 29–50). Орловская областная типография «Труд».
7. Новиков, И. А. (1966). *Сочинения:* в 4 т. Т. 1. Пушкин в изгнании. Роман. Ч. 1. (Авт. вступ. ст. Я. Волков; сост. М. Новикова). Художественная литература.
8. Горький, М. (1997). *Полное собрание сочинений. Письма:* в 24 т. Т. 3. Письма. 1902 – ноябрь 1903. Наука.
9. Горький, М. (2003). *Полное собрание сочинений. Письма:* в 24 т. Т. 10. Письма, апрель 1912 – май 1913. Наука.
10. *Летопись жизни и творчества И. А. Бунина.* (2017). С. Н. Морозов (Сост.). Т. 2. ИМЛИ РАН.

11. Вересаев, В. В. (1912). *Письма Новикову И. А.* РГАЛИ. Ф. 343. Оп. 2. Ед. х. 34.
12. Бунин, И. А. (2007). *Письма 1905–1919 годов.* (Под ред. О. Н. Михайлова). ИМЛИ РАН.
13. Горький, М. (1934). И. Новиков. Рассказы. В М. Горький. *Материалы и исследования* (с. 95). (Под ред. В. А. Десницкого). Т. 1. АН СССР.
14. Фролов, М. А. (2020). И. А. Бунин и «Книгоиздательство писателей в Москве». Материалы к теме и комментарии. *Литературный факт*, 4(18), 198–234.
15. Новиков, И. А. (1928). О Горьком. *Сборник статей и воспоминаний о Горьком* (с. 201–207). (Под ред. И. Груздева). Государственное издательство.
16. Горький, М. (2012). *Полное собрание сочинений. Письма*: в 24 т. Т. 15. Письма 1924 – февраль 1926. Наука.
17. Писателям мира. (1927). *Последние новости*, № 2300. 10 янв.
18. *Архив А. М. Горького.* (1995). Т. 15. М. Горький и Р. Роллан. Переписка (1916–1936). Наследие.
19. *Литературное наследство.* (1963). Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. И. И. Анисимов (Гл. ред.). АН СССР.
20. Горький, М. (2009). *Полное собрание сочинений. Письма*: в 24 т. Т. 14. Письма. 1922 – май 1924. Наука.
21. Горький, М. (2014). *Полное собрание сочинений. Письма*: в 24 т. Т. 17. Письма. Август 1927 – май 1928. Наука.
22. Горький, М. (2017). *Полное собрание сочинений. Письма*: в 24 т. Т. 19. Письма, апрель 1929 – июль 1930. Наука.
23. Горький, М. (2022). *Полное собрание сочинений. Письма*: в 24 т. Т. 22. Кн. 1. Письма, март 1933 – июнь 1934. Наука.
24. *Личная библиотека А. М. Горького в Москве: описание*: в 2 кн. (1981). А. Д. Смирнова, М. М. Пешкова, Р. Г. Бейслехем (Сост.). Кн. 1. Наука.

References

1. *I. A. Novikov's creative heritage in the XXI century.* (2022). A. M. Gracheva (Ed.). Central'naya gorodskaya biblioteka im. I. A. Novikova. (In Russ.).
2. Mikhailova, M. V. (2007). *I. A. Novikov: facets of creativity.* Orlik. (In Russ.).
3. I. A. Novikov. *Bibliographic index.* (2018). O. A. Priymak (Comp.). Central'naya gorodskaya biblioteka im. I. A. Novikova. (In Russ.).
4. Kalinina, K. S. (2020). *The genre of the novel in I. A. Novikov's works of the early twentieth century: problematics and poetics.* MCU. (In Russ.).
5. Spiridonova, L. A. (2022). *M. Gorky — thinker, artist, man.* IWL RAS. (In Russ.).
6. Mikhailova, M. V. (2003). Creativity of I. A. Novikov in pre-revolutionary criticism. In L. V. Dmitryukhin (Comp. and ed.). *I. A. Novikov in the circle of contemporary writers* (p. 29–50). Orlovskaya oblastnaya tipografiya «Trud». (In Russ.).
7. Novikov, I. A. (1966). *Opus.*: in 4 vols. Vol. 1. Pushkin is in exile. Novel. Part 1. (Author's introduction. Ya. Volkov; comp. M. Novikova). *Hudozhestvennaya literature.* (In Russ.).
8. Gorky, M. (1997). *Complete collection of Opus. Letters*: in 24 vols. Vol. 3. Letters. 1902 – November 1903. Nauka. (In Russ.).
9. Gorky, M. (2003). *Complete collection of Opus. Letters*: in 24 vols. Vol. 10. Letters, April 1912 – May 1913. Nauka. (In Russ.).
10. *Chronicle of I. A. Bunin's life and work.* (2017). S. N. Morozov (Comp.). Vol. 2. IWL RAS. (In Russ.).
11. Veresaev, V. V. (1912). *Letters to Novikov I. A.* RGALI. F. 343. Op. 2. Storage unit 34. (In Russ.).
12. Bunin, I. A. (2007). *Letters of 1905–1919.* (Edited by O. N. Mikhailov). IWL RAS. (In Russ.).

13. Gorky, M. (1934). I. Novikov. Stories. In M. Gorky. *Materials and research* (p. 95). (Edited by V. A. Desnitsky). Vol. 1. USSR Academy of Sciences. (In Russ.).
14. Frolov, M. A. (2020). I. A. Bunin and «Book publishing of writers in Moscow». Materials for the topic and comments. *Literary Fact*, 4(18), 198–234. (In Russ.).
15. Novikov, I. A. (1928). About Gorky. *A collection of articles and memoirs about Gorky* (pp. 201–207). (Edited by I. Gruzdev). Gosudarstvennoe izdatel'stvo. (In Russ.).
16. Gorky, M. (2012). *Complete collection of Opus. Letters: in 24 vols.* Nauka. T. 15. Letters 1924 – February 1926. (In Russ.).
17. Writers of the world. (1927). *Poslednie novosti*, No. 2300. January 10th. (In Russ.).
18. *Archive of A. M. Gorky*. (1995). Vol. 15. M. Gorky and R. Rolland. Correspondence (1916–1936). Nasledie. (In Russ.).
19. *Literary heritage*. (1963). Vol. 70. Gorky and Soviet writers. Unreleased correspondence. I. I. Anisimov (Editor-in-chief). USSR Academy of Sciences. (In Russ.).
20. Gorky, M. (2009). *Complete collection of works. Letters: in 24 vols.* Vol. 14. Letters. 1922 – May 1924. Nauka. (In Russ.).
21. Gorky, M. (2014). *Complete collection of Opus. Letters: in 24 vols.* Vol. 17. Letters. August 1927 – May 1928. Nauka. (In Russ.).
22. Gorky, M. (2017). *Complete collection of Opus. Letters: in 24 vols.* Vol. 19. Letters, April 1929 – July 1930. Nauka. (In Russ.).
23. Gorky, M. (2022). *Complete collection of Opus. Letters: in 24 vols.* Vol. 22. Book 1. Letters, March 1933 – June 1934. Nauka. (In Russ.).
24. *Gorky's personal Library in Moscow: description: in 2 books.* (1981). A. D. Smirnova, M. M. Peshkova, R. G. Beislehem (Comp.). Book 1. Nauka. (In Russ.).

Информация об авторе

Алла Витальевна Громова — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской литературы Института гуманитарных наук МГПУ.

Information about the author

Alla V. Gromova — Doctor of Philology, Full Professor, Professor of Russian Literature Department, Institute of Humanities, MCU.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК 821.161.1.09"19"

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.51.3.02

**КАТЕГОРИЯ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ
В НЕКЛАССИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ О. МАНДЕЛЬШТАМА
И К. ВАГИНОВА 1920–1930-Х ГОДОВ****Макарова Анастасия Сергеевна¹,
Смирнова Альфия Исламовна²**^{1,2} Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия,¹ makarova11.03@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1970-0707>² alfia-smirnova@yandex.ru, <https://orsid.org/0000-0001-9198-548X>

Аннотация. В статье анализируется русская неклассическая проза 1920–1930-х годов на материале прозаических текстов О. Мандельштама и К. Вагинова. Цель статьи: выявить особенности формирования поэтики неклассической прозы как единого текста на основе анализа пространственно-временной структуры произведений Мандельштама и Вагинова. В ходе исследования применяются герменевтический, структурно-описательный и сравнительный методы. Пространственно-временной континуум осмысливается писателями с точки зрения субъективно переживаемой действительности, поэтому топонимические реалии и приметы времени предстают в их текстах в художественно-преображенном виде, пропущенными через сознание авторов. Исследование и сопоставление реализации пространственно-временной категории в текстах Мандельштама и Вагинова позволяют проследить динамику формирования хронотопа как структурообразующего целого неклассической прозы: приметы времени, помещенные в специфическое пространство неклассической прозы, выступают в качестве ключа, алгоритма сохранения и реализации прошлого и настоящего в неразрывной связи с вечностью.

Ключевые слова: неклассическая проза, город, пространство, время, хронотоп.

Для цитирования: Макарова, А. С., Смирнова, А. И. (2023). Категория пространства и времени в неклассической прозе О. Мандельштама и К. Вагинова 1920–1930-х годов. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 3(51), 16–26. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.51.3.02>

Original article

UDC 821.161.1.09"19"

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.51.3.02

**THE CATEGORY OF SPACE AND TIME
IN O. MANDELSTAM'S AND K. VAGINOV'S
NON-CLASSICAL PROSE OF 1920–1930S****Anastasia S. Makarova¹,****Alfia I. Smirnova²**^{1,2} Moscow City University,
Moscow, Russia,¹ makarova11.03@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1970-0707>² alfia-smirnova@yandex.ru, <https://orsid.org/0000-0001-9198-548>

Abstract. The article analyses Russian non-classical prose of the 1920s–1930s on the material of prose texts by O. Mandelstam and K. Vaginov. The article attempts to trace the features of non-classical prose poetics the latter being a single text based on the analysis and comparison of the spatio-temporal category of non-classical prose by Mandelstam and Vaginov. The course of the study called for hermeneutic, structural-semiotic (motivational analysis), comparative methods, and the method of intertextual research. The category of chronotope is revealed by Mandelstam and Vaginov from the point of view of subjectively experienced reality, therefore, the space and time signs reflected in the texts are artistically rethought, reviewed through the authors' perspectives. The way the space-time category revealed in the prose of Mandelstam's and Vaginov's in concordance allows us to trace the dynamics of the chronotope in the non-classical prose: the time signs emerging in a specific space of non-classical prose act as a key, an algorithm for preserving and implementing the past and present in an inseparable connection with the eternity.

Keywords: non-classical prose, city, space, time, chronotope.

For citation: Makarova, A. S., Smirnova, A. I. (2023). The category of space and time in O. Mandelstam's and K. Vaginov's non-classical prose of 1920–1930s. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3(51), 16–26. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.51.3.02>

Введение

Литературные произведения отражают многообразие пространственных («свое» и «чужое» пространство, замкнутое и открытое, земное и космическое пространство, пространство города и деревни, и т. д.) и временных (биографическое, календарное, историческое, космическое, точное время, подвижное и неподвижное; прошлое – настоящее – будущее) представлений. Время и пространство в литературе М. М. Бахтин, утверждая их единство, обозначил термином «хронотоп». «Хронотоп определяет художественное единство литературного произведения в его отношении к реальной действительности» (Бахтин, 1975, с. 224). Ученый обращает внимание на сюжетобразующую функцию хронотопа и относит его к формально-содержательной категории. В. Е. Хализев также справедливо отмечает, что «хронотопическое начало литературных произведений способно придавать им философический характер, “выводить” словесную ткань на образ бытия как целого, на картину мира» (Хализев, 2004, с. 233).

На рубеже XIX–XX веков в России произошла смена культурной парадигмы. В. А. Келдыш отметил характерные для рубежа веков глубокую трансформацию образного мышления, сомнение в устойчивости миропорядка, чувство великого переворота и начало новых путей человечества. Эстетической проекцией нового мировоззрения для исследователя стал Серебряный век. По отношению к явлениям литературы начала XX века В. А. Келдыш употребил понятие «неклассический» (Келдыш, 2001, с. 13). В. Страда определил этот период как начало нового этапа развития литературы «после “классического” периода ее расцвета и до того, как она превратилась в “советскую”...» (Страда, 1995, с. 13).

В. Д. Левин обозначил два типа повествования в прозе начала XX века: «классический» и «неклассический» (Левин, 1995, с. 291).

Неклассическая литература рубежа XIX–XX веков отражает всю нестабильность, изменчивость и хаотичность происходящих событий: понимание изменчивости мира диктует иное восприятие времени и пространства, отражающее многообразие форм движения. Так, Н. Д. Тамарченко обратил внимание на то, что в произведении хронотоп определяется с помощью называния физических объектов и их состояний и промежутков-интервалов между упоминаемыми объектами и состояниями (Тамарченко, 2004, с. 180).

Современное литературоведение осмысливает специфику неклассического типа культуры, основываясь на оппозиции Хаос/Космос и концепции персональной мифологии автора. Новый тип культуры был рожден сомнением в том, что гармония или Космос достижимы. Литературные произведения неклассического типа направлены на поэтизацию Хаоса (Лейдерман, Липовецкий, 2003; Липовецкий, 2008), на придание нового — диалогического — звучания сатире (Матвеева, 2020, с. 36) и т. д. В силу особенностей картины мира, автономии и открытости текстов неклассическая проза нуждается в новых принципах интерпретации (Черненко, 2020; Гарипова, 2023). В настоящее время феномен словесного творчества закономерно рассматривается как «единый гипертекст» (Калашников, 2020, с. 15).

Сегодня термин «неклассическая проза» вошел в литературоведческий оборот, однако неклассические формы художественности стали предметом специального изучения русской прозы сравнительно недавно. Так, Т. А. Федяева в своей монографии исследует проблемы поэтики сатиры неклассического типа (Федяева, 2013), что позволяет ей по-новому взглянуть на структурные особенности анализируемых текстов.

К неклассической прозе исследователи относят произведения О. Мандельштама и К. Вагинова, «предвосхитившие и подготовившие постмодернистскую философию культуры» (Лейдерман, Липовецкий, 2003, с. 24), которая заключается в замещении ориентиров реальной действительности на ее культурные знаки, так называемые симулякры. Анализ пространственно-временной структуры произведений О. Мандельштама и К. Вагинова будет способствовать выявлению особенностей миромоделирования в их текстах и пониманию формирования поэтики неклассической прозы. Цель статьи состоит в выявлении особенностей формирования поэтики неклассической прозы как единого текста на основе анализа пространственно-временной структуры произведений О. Мандельштама: «Холодное лето» (1923), «Сухаревка» (1923), «Армия поэтов» (1923), «Шум времени» (1925), «Египетская марка» (1928), «Поэт о себе» (1928), «Четвертая проза» (1930); и К. Вагинова: («Козлиная песнь» (1929), «Труды и дни Свистонова» (1929), «Бамбочада» (1930), «Гарпагопиана» (1933).

Для достижения поставленной цели в ходе анализа текстов применяются герменевтический, структурно-описательный и сравнительный методы исследования.

Результаты исследования

О. Мандельштам запечатлевает в прозаических произведениях пространство в мельчайших подробностях: так, очерки «Холодное лето» (1923) и «Сухаревка» (1923) посвящены картинам московской жизни. Писатель использует прямые указания на объекты, благодаря которым воссоздается городское пространство московских улиц: «четверка коней Большого театра <...> Толстые дорические колонны...», «площадь Большой Оперы» (Мандельштам, 1991, с. 129), гостиница «Метрополь», здание Мюр-Мерилиза на улице Петровка, район легендарной Сухаревки: площадь и башня-барыня, башня-индюшка (Мандельштам, 1991, с. 133). Автор помещает повествователя в конкретное, топологически точно обозначенное пространство, воспринимаемое и оцениваемое им с лирической точки зрения. Так, площадь оперы наполняется цоканьем копыт лошадей; «Метрополь» превращается в стеклянные шатры; Петровка кишит стайкой продавщиц, торгующих духами, которая перетекает в курносую армию московских девушек (машинисток, цветочниц), бегущих в ливень босиком по размытым бульварам, прижимающих туфельки к груди.

Далее, начиная со слов «А я люблю...», автор текстуально рисует уже иное, преображенное пространство. По словам повествователя, любовь к городу проявляется в лирическом восприятии обыденных мелочей: киоск, «горб Камергерского» (Мандельштам, 1991, с. 130), Тверской бульвар, тимиразевский пустырь, Кремль, здание Воспитательного дома — все это оживает и дышит, «сердце города раздувает мехи» (Мандельштам, 1991, с. 131). Неслучайно меняется оптика восприятия масштабных объектов и локусов, внимание повествователя концентрируется на деталях и подробностях: нищие и продавцы цветов запоминаются в Камергерском переулке; подворотня, куда повествователь ходит за керосином, оказывается достойной подробнейшего описания («грубая, почти монастырская лестница; две открытых каменных террасы; гулкие шаги, потолок давит, плиты разворочены; двери забиты войлоком» (Мандельштам, 1991, с. 130)). Город наполнен всевозможными звуками: ревом мотора пролетающего мимо аэроплана; мяуканьем кошек; жужжанием пчел на Тверском бульваре, кружащих над головой человека, сидящего на дереве.

Пространство Большой Сухаревской площади, на котором развернулся базар — «дикое зрелище в середине города» (Мандельштам, 1991, с. 133), описывается исключительно через детали: огородная земля, почва без внешнего покрытия, которая, по мнению повествователя, детерминирует пространство торговли (книжки, веера, ложки, драки за украденный пирог) — и в финале очерка мифологизируется: становится материком, сухой срединной землей (Москвой или Пекином). Повествователь подчеркивает обусловленность топтания земли, ненормативной лексики, «расплывающегося торга» (Мандельштам, 1991, с. 136) некой ритуализированной формой существования.

Мандельштам расширяет географические границы, происходит перекодировка пространственных знаков в культурные. Так, в очерке «Армия поэтов» противопоставляются две поэтические школы — русская и западная, гимназии-лицей Франции

и школы России. Отшлифованные «академические» стихи французских гимназистов отличаются от юношеских стихотворений в России, где они приобретают характер «общественного явления» (Мандельштам, 1991, с. 208). Русские стихотворцы — чудаки с обнаженным нервом, для которых поэзия становится параллельным миром существования в новой эпохе. Автор очерка обращается к проблеме творчества, поэта и поэзии, как и в тексте «Поэт о себе» — отрывке из ответов на анкету «Читателя и Писателя»: «Советский писатель и Октябрь», — он отмечает обусловленность этой проблемы хронологическим фактором, тем, что Октябрьская революция отняла у него ощущение личной значимости, лишила биографии. Ощущение растерянности, невозможности определить предназначение писателя и назначение творчества вообще обусловлено у Мандельштама «точкой невозврата», «чистым листом», преподнесенными революцией. Для Мандельштама крайне важно вдохнуть жизнь в изображаемое им географическое пространство: традиционно Москва и Петербург осмысливаются им как точки концентрации творческой силы. Именно в Москву и Петербург стремится его армия поэтов из Сибири, Ташкента, Бухары и Хорезма. Всех этих людей, по замечанию повествователя, «разоружила» эпоха, поэтому единственное оружие, с которым они едут покорять пространство, — это стихи. Проблема предназначения писателя и содержания его труда находит отражение в позднем произведении Мандельштама «Четвертая проза» (1930). В стихийном, обвинительном послании советским писателям повествователь заявляет о том, что ему с ними не по пути, из-за чего пространство текста мифологизируется: Москва и Петербург по-прежнему выступают городами концентрации творчества.

Особенно показательна с точки зрения хронологической неклассической картины мира книга Мандельштама «Шум времени» (1925) — короткие эссе, в которых сосредоточены воспоминания о детстве и юности автора. В центре повествования — мир, сформировавший личность творца; мир, который раскрывается через поэтическое восприятие повествователя, предстающий в преображенном виде.

Эта проза Мандельштама характеризуется описательностью, за что его упрекала М. Цветаева, однако артефактно зафиксированная действительность, по справедливому замечанию В. И. Шубинского, «даёт физическое ощущение движения и “прорастания” исторического времени — как глобального, так и на уровне мелких бытовых деталей» (Шубинский, 2023). Так, эссе «Музыка в Павловске» включает в себя пространство Павловского вокзала, Павловска и Петербурга, неотделимое от исторических реалий и примет времени — дело Дрейфуса, французские военные деятели Эстергази и Пикар. Интересно, что бытовые детали, преображенные в сознании автора, приобретают статус художественного факта и становятся у Мандельштама приметами времени: буфы дамских рукавов, осиные талии, усы, гниющие парники и оранжерейные розы под стеклянным шаром Павловского вокзала.

Рубеж веков действительно шумит, перетекая из впечатлений и воспоминаний частной личности в общий контекст эпохи. Так, в эссе «Ребяческий империализм», «Бунты и француженки», «Семья Синани» представлено пространство Петербурга, меняющееся в соответствии с эволюцией самосознания повествователя. В детстве гранитные кварталы, памятники, кариатиды Эрмитажа, Сенатская площадь города, студенческие бунты около Казанского собора олицетворяли для повествователя священное и праздничное пространство идеального «военного парада». Ребяческое восхищение имперским Петербургом проявляется в ожидании чего-то «пышного

и торжественного» (Мандельштам, 1991, с. 51), объясняет жажду зрелищ и восторг от проездов царской семьи по петербургским улицам. Однако по мере взросления на смелую восхищению имперской эмблематикой Петербурга приходит осознание оборотной стороны парадного облика этого города: политическое противостояние идеологии эсеров и марксистов, о чем говорится в эссе «Сергей Иванович», «Семья Синани».

В книге «Шум времени» пространство и время словно перетекают друг в друга, видоизменяясь и расширяясь. Динамика хронотопа, представленная в книге как едином тексте, показательна для развития неклассической прозы этого времени. Сама позиция повествователя в эссе «Комиссаржевская» выражает сформированную в начале века тенденцию неклассической прозы: «говорить не о себе, а следить за веком, за шумом и прорастанием времени» (Мандельштам, 1991, с. 99). Память, враждебная всему личному, работает над отстранением от прошлого.

Следующий показательный момент для обнажения приема создания «неклассического» текста — эссе «В не по чину барственной шубе», где Мандельштам активно обнажает хронотопический элемент русской литературы. Мандельштам видит пространство литературы основным содержанием итога XIX века: символические попытки выявить отвлеченное понятие бытия противны и бессмысленны — предпочтительным становится злое шипение русских стихов. Повествователь, преодолев ребяческое увлечение империализмом и революционной борьбой, именно через пространство литературы и литературную злость обретает место писателя в исторической эпохе.

Обратимся к образу Петербурга и его воплощению в неклассической прозе. Анализ пространства города позволяет выявить тенденции обнажения приема в создании текста. Петербург предстает как реальность, которая не исчерпывается исключительно вещно-объектным изображением. В «Египетской марке» Мандельштама и в романной тетралогии Вагинова пространство Петербурга предстает как квазиреальность.

Парнока — героя «Египетской марки», «маленького человечка» — окружают эпохи, династии и столетия, которые совмещает в себе пространство Петербурга. Кокоревские товарные склады, где хранилась мебель многих петербуржцев во время жизни на даче, оказываются Валгаллой — раем для павших в бою скандинавских воинов — так пространство с громоздкой мебелью насыщается мифологическим временем. Петербург, по определению В. Н. Топорова, является «сверхнасыщенной реальностью», неотделимой от мифа и символической реальности (Топоров, 2013, с. 7). Повествователь неслучайно отмечает почти вещественную принадлежность Парнока Каменноостровскому проспекту: проспект наделяется антропоморфными чертами («легкомысленный красавец», «молодой и беззаботный хлыщ», «как бедный щеголь») и поработает Парнока. Петербургский текст живет своей связью с внетекстовыми элементами и, разворачиваясь в повествовании, несет в себе правило выхода за «свои собственные пределы» (Топоров, 2013, с. 7). Для Парнока выходом за пределы реальности города оказывается карта полушарий Ильина, на которой он строит маршруты путешествий через «арийскую Европу», «невывразительную Австралию», Южную Африку (Мандельштам, 1991, с. 7). Вселенная героя также расширяется до Египта: прозвище героя («Египетская марка»), которое, согласно комментариям к повести, подчеркивает черты нелепости и исчезания (Мандельштам, 1991, с. 46); «милый Египет вещей», подчеркивающий эллинизм неклассического творчества; «Египетский мост», построенный на смену рухнувшему в 1905 году мосту, — имитация, симулякр, который поэтому «и не нюхал Египта» (Мандельштам, 1991, с. 20).

В финале повести Парнок не возвращается домой, однако он и не совсем исчезает: герой оказывается непосредственно в культурном пространстве «петербургского текста русской литературы»: все улицы, площади, сады и проспекты города возвращаются к нему в виде корректурных гранок, верстки и брошюровки (Мандельштам, 1991, с. 36). Петербург воспринимается Парноком не в качестве топоса, а как *состояние* детской болезни, наваждения. Бред завладевает сознанием героя, обнажая перед ним пустоты, зияющие провалы истории — разведенные мосты. Парнок откровенно демонстрируется читателю не как герой, а как художественный факт и оказывается в одном ряду с петербургской «родней» — капитаном Голядкиным, коллежскими ассессорами — «бормотунами и обормотами» (Мандельштам, 1991, с. 37).

По утверждению В. Н. Топорова, глубина Петербурга заключается в невозможности решить вопрос о двойственности города: Петербург совмещает в себе пространство наивысшего «национального самосознания и самопознания» (Топоров, 2013, с. 8) и одновременно выступает в качестве центра зла, преступления, страдания, «иной реальности».

В романной тетралогии К. Вагинова описывается пространство Петербурга — Ленинграда начала XX века. Так, в финале «Козлиной песни» повествователь дает определение сложившемуся в романе хронотопу — это «петербургская сказка» (Вагинов, 2015, с. 188). Действительно, пространство произведения мифологично: появившийся на «пороге», а далее «посредине книги» автор отмечает, что Петербурга больше нет, есть только Ленинград, но «Ленинград нас не касается» (Вагинов, 2015, с. 56). Так выстраивается неклассическое двоимирие: современный город и город вечный — Петербург, который сквозит и просвечивает в каждой колонне, улице и переулке вагиновского Ленинграда. Но этот просвечивающий город вовсе не прекрасный имперский Петербург — это фосфорический город неприятного зеленого цвета, населенный мертвецами и мифологическими гадами: жабами, змеями. Вагинов подчеркивает хтонический характер происходящего: город-мираж с измененными названиями улиц, проспектов, площадей с людьми-мертвецами, которым нет места в новом мире.

Вагинов планомерно насыщает пространство объектами, указывающими на конкретное историческое время: например, 2-я улица Деревенской Бедноты (переименованная в 1918 году Мичуринская улица), проспект 25 Октября (переименованный Невский проспект). Однако его герои словно не замечают новых элементов действительности, они продолжают свое существование в городе-мираже, поэтому повествователь и персонажи продолжают говорить о Петербурге: «С некоторых пор, с опозданием на два года, в городе — я говорю о Петербурге, а не о Ленинграде...» (Вагинов, 2015, с. 86); «Ты любишь и чувствуешь Петербург» (Вагинов, 2015, с. 87); «<Петербург — центр гуманизма...>, <Он центр эллинизма...>» (Вагинов, 2015, с. 124). Вагинов, как и Мандельштам в «Шуме времени», подчеркивает центральное положение города через расширение его пространства до Павловска и Петергофа — топосов, которые выражают традиции ушедшей эпохи. У Мандельштама Павловск — это музыка на вокзале, у Вагинова — детские балы, белые платья и косички; в Петергофе Тептелкин снимает дачу — необыкновенное здание, высокую башню, в которой он и его друзья ощущают себя «последним островом Ренессанса» (Вагинов, 2015, с. 94).

В романе «Труды и дни Свистонова» находим неклассическое воплощение фигуры писателя нового времени и его предназначения. Интересно, что пространство Ленинграда в романе предстает в четких топонимических контурах: это Академический театр; «Молокосоюз», учрежденный в 1920-е годы; река Пряжка, канал

Грибоедова, набережная Большой Невки, шпиль Адмиралтейства, здание Публичной библиотеки, проспект 25 Октября, включая и загородное Токсово. В противоположность фиксации различных городских локусов, стены заполняющих его домов и квартир во сне главного героя, писателя Свистонова, оказываются прозрачными, из-за чего снова возникает мотив города-призрака и населяющих его мертвецов. Подобный прием создания образа Петербурга — реальная топонимика городского ландшафта и ирреальная призрачность — способствует воплощению квазиреального пространства города и прослеживается также в «Египетской марке» Мандельштама, из-за чего литературное пространство оказывается единственно возможным для существования Парнока — в финале он переходит именно туда.

Роман «Бамбочада» в тетралогии Вагинова является, пожалуй, показательным с точки зрения приема разоблачения героев: Евгений Фелинфлеин, Ларенька, Василий Васильевич Ермилов, Торопуло и другие словно сами выстраивают повествование о себе, поэтому описания пространства этих персонажей в произведении лаконичны и сводятся к быту жильцов: квартиры, комнаты, чердаки. Образ Ленинграда 20-х годов прошлого века угадывается в городских названиях: Фонтанка, Петергоф, Нева, Эрмитаж, улица 3 Июля (переименованная Садовая улица).

В «Бамбочаде» вновь возникает неклассическое двоemiрие Петербург/Ленинград. Находясь в современном Ленинграде, персонажи романа будто не замечают его, поскольку живут Петербургом: все они одинаково любят как рассказывать истории о прошлом, так и становиться героями воспоминаний. Например, Пуншевич каждое повествование начинает с фразы: «Много-много лет тому назад в Петербурге...» (Вагинов, 2015, с. 334), — тем самым Вагинов развивает мотив петербургской сказки, заявленный в «Козлиной песни». Интересно, что мандельштамовское восприятие Москвы и Петербурга как центрального места для творчества, куда стремятся юноши из Сибири, Ташкента, Бухары и Хорезма, чтобы стать частью культуры, слиться с вечностью («Армия поэтов»), продолжает и Вагинов. Главный герой «Бамбочады», Евгений Фелинфлеин, постоянно меняет амплуа и локации: артист бухарского цирка, режиссер Халибуканского театра, аккомпаниатор нижегородской радиостанции, однако конечной точкой его «путешествия» оказывается Петербург. Его иллюзорность герой уже познал, и поэтому автор, подчеркивая дихотомию ушедшего в вечность Петербурга и современного Ленинграда, правомерно говорит о нем следующее: «Юноша всегда возвращался в Ленинград...» (Вагинов, 2015, с. 337).

Самое мрачное произведение Вагинова «Гарпагонияна» практически не содержит в себе конкретных указаний на время и место действия: его основное пространство составляют квартиры с длинными запутанными коридорами, дома зеленого цвета с облупившейся краской, с выступающими фигурами и нависающими балконами, подчеркивающие эсхатологичность города. Писатель ограничивается упоминанием Публичной библиотеки, гостиницы «Астория», Обводного канала, Нарвской заставы, Выборга и Николаевского вокзала, который назывался так до 1924 года.

Заключение

Анализ хромотопической структуры произведений Мандельштама и Вагинова важен с точки зрения создаваемой ими модели мира — индивидуальной и в то же

время сходной по творческим принципам модернистского мировосприятия. Проведенный анализ прозы писателей позволил определить инструментарий воплощения пространственно-временных координат, выявить особенности формирования поэтики неклассической прозы как единого текста.

Специфика хронотопа в прозе Манделъштама и Вагинова проявляется в том, что пространство текста насыщено приметами нестабильной эпохи начала XX века, оно мифологизируется и в единстве с хронологическими реалиями приобретает эсхатологический, хтонический характер. Пространственно-временная структура текстов писателей манифестирует субъективированное восприятие реальности в соответствии с авторской рефлексией и оценкой действительности, творческими установками.

Сопоставление процесса реализации пространственно-временного континуума в прозе Манделъштама и Вагинова позволяет выявить черты сходства и расхождений в создаваемой ими художественной реальности, определить структурные приемы формирования хронотопической модели мира как динамический процесс. Определенные знаки времени, помещенные в специфическое пространство неклассической прозы, выступают в качестве ключа, алгоритма сохранения и реализации прошлого и настоящего в неразрывной связи с вечностью.

Список источников

1. Бахгин, М. М. (1975). Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике. В М. М. Бахгин. *Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет* (с. 234–407). Художественная литература.
2. Вагинов, К. К. (2015). *Избранное: Поэзия*. Книжный Клуб Книговек.
3. Вагинов, К. К. (2019). *Труды и дни Свистонова*. Т8 RUGRAM.
4. Гарипова, Г. Т. (2023). Концептуальные стратегии интегрального литературоведения. В А. И. Смирнова, И. Н. Райкова (Ред.). *Литературоведческие стратегии и практики XXI века. Подготовка диссертационного исследования* (с. 31–48). Книгодел.
5. Калашников, С. Б. (2020). Метасюжет в литературе и виды его реконструкции: опыт построения структурной топикки. В И. Н. Райкова (Ред.). *Константы русской литературы* (с. 15–30). Книгодел.
6. Келдыш, В. А. (2001). Русская литература «серебряного века» как сложная целостность. В В. А. Келдыш. *Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов)* (с. 13–68). Кн. 1. Наследие.
7. Левин, В. Д. (1995). Проза начала века (1900–1920). В Ж. Нива, И. Серман, В. Страда, Е. Эткинд (Ред.). *История русской литературы: XX век: Серебряный век* (с. 272–294). Литера.
8. Лейдерман, Н. Л., & Липовецкий, М. Н. (2003). *Современная русская литература: 1950–1990-е годы*. Академия.
9. Липовецкий, М. Н. (2008). *Паралогии: Трансформации (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920–2000-х годов*. Новое литературное обозрение.
10. Манделъштам, О. Э. (1991). *Собрание сочинений*: в 4 т. Т. 2. ТЕРРА.
11. Матвеева, И. И. (2020). Неклассическая сатира А. П. Платонова: эстетические принципы, новые смыслы. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 3(39), 35–44.
12. Страда, В. (1995). Литература конца XX века (1890–1900). В Ж. Нива, И. Серман, В. Страда, Е. Эткинд (Ред.). *История русской литературы: XX век: Серебряный век* (с. 11–72). Литера.
13. Тмарченко, Н. Д. (2004). «Рассказанное» событие: мир героя и понятия «сюжетологии». В Н. Д. Тмарченко, В. И. Тюпа, С. Н. Бройтман (Ред.). *Теория литературы*: в 2 т. Т. 1 (с. 176–205). Академия.

14. Топоров, В. Н. (2013). *Петербургский текст русской литературы: Избранные труды*. Искусство—СПБ.
15. Федяева, Т. А. (2013). *Диалог и сатира. Проблемы поэтики сатиры неклассического типа*. Союз писателей России.
16. Хализев, В. Е. (2004). *Теория литературы*. Высшая школа.
17. Черненкокая, С. В. (2020). История и современность филологических наук. В И. Н. Райкова (Ред.). *О границах свободы интерпретации текста* (с. 185–190). Книгодел.
18. Шубинский, В. И. (2023). *Шум времени. Осип Манделъштам*. <https://polka.academy/articles/513>

References

1. Bakhtin, M. M. (1975). Forms of time and chronotope in the novel. Essays on historical poetics. In M. M. Bakhtin. *Questions of literature and aesthetics. Studies of different years* (pp. 234–407). Hudozhestvennaya literature. (In Russ.).
2. Vaginov, K. K. (2015). *Selected Works: Poetry*. Knizhnyj Klub Knigovek. (In Russ.).
3. Vaginov, K. K. (2019). *The labours and days of Svistonov*. T8 RUGRAM. (In Russ.).
4. Garipova, G. T. (2023). Conceptual strategies of integral literary studies. Literary strategies and practices of the 21st century. In A. I. Smirnov, I. N. Raikova (Ed.). *Preparation of dissertation research* (pp. 31–48). Knigodel. (In Russ.).
5. Kalashnikov, S. B. (2020). Metasyuhet in literature and types of its reconstruction: the experience of constructing structural topics. In I. N. Raikova (Ed.). *Constants of Russian literature* (pp. 15–30). Knigodel. (In Russ.).
6. Keldysh, V. A. (2001). Russian literature of the «Silver Age» as a complex integrity. In V. A. Keldysh. *Russian literature of the turn of the century (1890s – early 1920s)* (pp. 13–68). Book 1. Nasledie. (In Russ.).
7. Levin, V. D. (1995). Prose of the beginning of the century (1900–1920). In Zh. Niva, I. Serman, V. Strada, E. Etkind (Ed.). *History of Russian Literature: XX century: Silver Age*. (pp. 272–294). Litera. (In Russ.).
8. Leiderman, N. L., & Lipovetskii, M. N. (2003). *Modern Russian Literature: 1950s–1990s*. Akademiya. (In Russ.).
9. Lipovetskii, M. N. (2008). *Paralogies: Transformations of (post)modernist discourse in Russian culture of the 1920s–2000s*. Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.).
10. Mandel'shtam, O. E. (1991). *Collected works: in 4 vols. Vol. 2*. TERRA. (In Russ.).
11. Matveeva, I. I. (2020). Andrey Platonov's non-classical satire: aesthetic principles, new meanings. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3(39), 35–44. (In Russ.).
12. Strada, V. (1995). Literature of the end of the XX century (1890–1900). In Zh. Niva, I. Serman, V. Strada, E. Etkind (Ed.). *History of Russian literature: XX century: Silver Age* (pp. 11–72). Litera. (In Russ.).
13. Tamarchenko, N. D. (2004). «Narrated» event: the hero's world and concepts of «plotology». In N. D. Tamarchenko, V. I. Tyupa, S. N. Broitman (Ed.). *Theory of Literature: in 2 vols. Vol. 1* (pp. 176–205). Akademiya. (In Russ.).
14. Toporov, V. N. (2013). *Petersburg text of Russian literature: Selected works*. Iskusstvo—SPB. (In Russ.).
15. Fedyaeva, T. A. (2013). *Dialogue and satire. Problems of poetics of satire of non-classical type*. Soyuz pisatelei Rossii. (In Russ.).
16. Khalizev, V. E. (2004). *Theory of literature*. Vysshaya shkola. (In Russ.).
17. Chernen'kaya, S. V. (2020). History and modernity of philological sciences. In I. N. Raikova (Ed.). *On the limits of freedom of text interpretation* (pp. 185–190). Knigodel. (In Russ.).
18. Shubinskii, V. I. (2023). *The noise of time. Osip Mandel'shtam*. <https://polka.academy/articles/513> (In Russ.).

Информация об авторах

Анастасия Сергеевна Макарова — аспирант кафедры русской литературы Института гуманитарных наук МГПУ.

Альфия Исламовна Смирнова — доктор филологических наук, профессор, начальник департамента филологии Института гуманитарных наук МГПУ.

Information about the authors

Anastasia S. Makarova — Postgraduate Student of the Russian Literature Department, Institute of Humanities, MCU.

Alfia I. Smirnova — Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Philology, Institute of Humanities, MCU.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.

Научная статья

УДК 821.111-31(73).09

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.51.3.03

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ МАСКА КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА В РОМАНЕ С. КИНГА «БИЛЛИ САММЕРС»

Лушникова Галина Игоревна¹,
Осадчая Татьяна Юрьевна²

¹ Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
Симферополь, Россия,

² Севастопольский государственный университет,
Севастополь, Россия,

¹ lushgal@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1080-3184>

² osadchaya_ta@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8566-2529>

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению приема «художественная маска», который является одним из ведущих способов создания психологического портрета героя в романе С. Кинга «Билли Саммерс». Актуальность работы обусловлена важностью проблем идентификации и самоидентификации личности в социуме, которые служат предметом изображения в художественной литературе и находят в ней разнообразные формы воплощения. Статья направлена на раскрытие феномена маски как культурного кода эпохи и как формы художественной образности в рассматриваемом произведении. Ведущим методом выступил метод герменевтического анализа, позволяющий изучить разные типы масок: маску автора и маски персонажа, — выступающие в неразрывном единстве и служащие для раскрытия главных тем романа. Основными приемами создания художественной маски служат нарративные тактики, такие как перепорученное повествование и смена повествователя, внутренние монологи, литературные приемы и языковые средства. В результате проведенного анализа делается вывод о том, что С. Кинг в своем новом романе экспериментирует со способами реализации такой формы художественной образности, как литературная маска. Он создает психологически достоверный портрет неоднозначного героя, потерявшего себя в своих ролях, запутавшегося в своих масках; убедительно показывает причины, по которым это происходит; раскрывает негативное влияние масок на целостность личности человека. В статье также показано, что декодирование данного романа ставит перед читателем и исследователем дополнительные задачи выявления и характеристики типов художественных масок, а также их снятия с целью распознавания истинного лица персонажа.

Ключевые слова: идентичность, психологический портрет, художественная маска, «Билли Саммерс», С. Кинг.

Для цитирования: Лушникова, Г. И., Осадчая, Т. Ю. (2023). Художественная маска как средство создания психологического портрета в романе С. Кинга «Билли Саммерс». *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 3(51), 27–39. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.51.3.03>

Original article

UDC 821.111-31(73).09

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.51.3.03

**LITERARY MASK AS A MEANS OF CREATING
A PSYCHOLOGICAL PORTRAIT
IN THE NOVEL «BILLY SUMMERS» BY S. KING****Galina I. Lushnikova¹,
Tatiana Iu. Osadchaia²**¹ V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol, Russia,² Sevastopol State University,
Sevastopol, Russia,¹ lushgal@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1080-3184>² osadchaya_ta@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8566-2529>

Abstract. The article considers *literary mask* as the leading means of creating the hero's psychological portrait in the novel «Billy Summers» by S. King. The study's relevance is due to an important issue of personal identification and self-identification in the society, which has been and remains the subject in fiction and being represented in various forms. The article aims at identifying the phenomenon of mask as a cultural code of the era while studying the mask changing process as an artistic imagery form. The leading study method is hermeneutical analysis, which enables to explore different mask types: the author's and the hero's masks, which are inseparable and serve to reveal the core novel themes. The primary literary mask creating strategies are narrative techniques such as delegating the narration and switching the narrator, character's internal monologues, different literary devices and language means. The analysis claims that in his new novel S. King experiments with such form of imagery as a character mask. He creates a psychologically reliable portrait of his ambiguous hero lost in his roles and confused with his masks. The author convincingly presents the reasons why this happens and reveals the negative impact of masks on the protagonist's identity. The article also proves that decoding this and other novels containing masks can be challenging for the reader and researcher who are supposed to identify and describe literary mask types, as well as to unmask them and recognize the true hero's face.

Keywords: fictional character's image, identity, psychological portrait, literary mask, «Billy Summers», S. King.

For citation: Lushnikova, G. I., Osadchaia, T. Iu. (2023). Literary mask as a means of creating a psychological portrait in the novel «Billy Summers» by S. King. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3(51), 27–39. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.51.3.03>

Введение

Создание художественного образа является средством реализации авторского замысла, именно через образы автор может воссоздать собственное представление об окружающем мире. Неслучайно ряд исследователей рассматривает образ в рамках подобного подхода: «Для современных отечественных работ по литературоведению особенно характерен подход к образу как живому и целостному организму, в наибольшей степени способному к постижению полной истины бытия» (Борисова, 2009, с. 20). Важно отметить, что образу персонажа отводится

ключевая роль: «именно категория “персонажа” позволяет наиболее полно передать образ целостного существования человека в мире» (Малютина, Маронь, 2019, с. 20).

Художественный образ также апеллирует к воображению, ассоциациям и индивидуальному опыту читателя, создавая предпосылки для сотворчества и являясь одним из ключевых средств формирования целостности, завершенности и связности произведения: «развитие характера персонажа в литературно-художественном тексте также можно рассматривать как когезию образного плана» (Гальперин, 2007, с. 82). Подобная роль образа персонажа в художественном пространстве текста обуславливает важность глубокого и психологически достоверного изображения его внутреннего мира. Это замечание приобретает особую значимость, когда речь идет о книгах, где изображение личности главного героя является текстообразующим фактором.

В зарубежных теоретических работах отмечается, что в современной литературе, где на первый план выходит личность главного героя, поднимаются темы, так или иначе связанные с его самоидентификацией: «in literature, we can find all aspects and dimensions of identity»¹ (Coulmas, 2019, p. 115). Осознание человеком собственной идентичности и поиск своего места в обществе были и остаются предметом изображения в литературе.

В настоящее время идентичность часто изображается не как что-то статичное, а как постоянно изменяющаяся сущность, метафорой которой можно назвать лицо, имеющее несколько масок: «the modern age deals with the phenomenon of identity that is hidden, transformed, sometimes degraded or glorified; an identity that is a ‘face under a mask’»² (Stišović Milovanović, 2022, p. 277). При этом маска может использоваться как в прямом смысле — изменение облика, так и в переносном — сокрытие собственной личности и/или ее искажение. В обоих случаях маска выполняет функцию постановки проблемы (само)идентификации: «...by fulfilling the function of concealment, the mask poses the problem of doubt and uncertainty about identity»³ (Barroso, 2023, p. 109).

Маска как трансформация внешности, речи, манеры поведения позволяет ее владельцу переключаться между несколькими «лицами» его личности. Человеку приходится постоянно менять свое поведение в соответствии с ролями, которые он играет: «the mask functions as a displacement proxy that allows the wearer of masks to shift between identity and alterity, self and other»⁴ (Gramigna, 2022, p. 750). Данная цитата подтверждает наш тезис о том, что смена ролевых масок — это неотъемлемый атрибут поведения любого человека, однако в экстраординарных ситуациях маска может приобретать особый смысл.

Во многих современных произведениях персонаж оказывается в ситуации критически важного жизненного выбора, преодоления последствий трагедии, что часто

¹ в литературе можно обнаружить все аспекты и измерения идентичности (здесь и далее перевод наш. — Г. Л., Т. О.).

² современная эпоха имеет дело с феноменом идентичности, которая может быть скрыта, трансформирована, иногда принижается или прославляется; то есть идентичность представляет собой «лицо под маской».

³ выполняя функцию сокрытия, маска поднимает проблему сомнений и неуверенности человека по поводу собственной идентичности.

⁴ маска действует как посредник, который позволяет ее носителю переключаться между разными идентичностями, между разными «я».

ведет к личностному кризису и стремлению обрести новую идентичность. Возможными вариантами выхода из таких сложных обстоятельств является борьба с внешними силами и внутренними слабостями, а также побег от требований общества и попытка обрести собственное лицо. В последнем случае именно смена масок позволяет человеку сохранить свое «я»: «непрерывная смена масок делает субъекта неуловимым и неуязвимым, не позволяя социальному включить его в привычную ячейку классификации. Постоянно меняя маски, скрываясь и таясь за ними, оставаясь невидимым для других, субъект сохраняет свою единичность и автономность» (Костомаров, 2022, с. 113).

Исследователи единодушны во мнении, что социальные маски играют важную роль в жизни человека. По мнению Л. А. Софроновой, «маскирование при этом создает возможности для самоидентификации. Скрываясь под маской, человек охраняет свою идентичность, хотя, конечно, почти всегда маска его побеждает. Она скрывает человека как от других, так и от него самого. Не только окружению, но и самому человеку становится трудно определить, где его истинное лицо, а где маска» (Софронова, 2006, с. 347). Определение героем собственной идентичности и поиск места в общественной жизни выражаются в подборе и последующем отказе от тех или иных социальных ролей: «обращение дискурса литературы к маске стало формой выявления собственного — истинного — лица, необходимого для определения своего истинного места в (социокультурном) пространстве и (историческом) времени» (Гринштейн, 1999, с. 9). При этом изменение и сокрытие истинной идентичности парадоксальным образом позволяет человеку лучше узнать себя, найти ответы на многие экзистенциальные вопросы: «changing or hiding one's identity actually leads to a higher level of self-knowledge and a more persistent search for the true of 'Me'»⁵ (Stišović Milovanović, 2022, p. 277). Полагаем, что данный тезис достаточно обоснован и вполне применим к произведениям современных авторов, обращающихся к экзистенциальным проблемам, в частности к роману С. Кинга «Билли Саммерс», о чем подробнее будет сказано далее.

Именно поэтому создание психологического портрета литературного героя часто предусматривает изображение его социальных масок, которыми он пользуется в различных ситуациях: «“масочная” традиция становится универсальным способом раскрытия персонажа в его социально-психологической характеристике» (Бельский, 2020, с. 36). Роль читателя в данном случае заключается в постепенном снятии масок и распознавании истинного лица, истинного «я» персонажа: «when it comes to literary heroes, it is certain that the reception of a literary text is a process of 'undressing', gradual unmasking and traveling towards the true identity of the hero»⁶ (Stišović Milovanović, 2022, p. 277). Мы согласны с автором данного высказывания, так как, по нашему мнению, прием маски литературного персонажа является одним из наиболее эффективных способов создания его психологического портрета, при этом читателю отводится роль соавтора.

⁵ изменение или сокрытие своей идентичности на самом деле ведет к более высокому уровню самопознания и более настойчивому поиску истинного «я».

⁶ когда речь идет о литературных героях, не вызывает сомнения тот факт, что рецепция литературного текста — это процесс «раздевания», постепенного снятия всех масок и распознавания истинной личности героя.

Методология исследования

Маска как культурный код отражает особенности эпохи. Как известно, маска (*фр. masque* — личина, обличье; *средневеков. лат.* — *masca*) существует в культуре человека с древнейших времен, выполняя различные функции в зависимости от сферы бытования, целей использования, социально-политических условий, индивидуальных предпочтений.

Литературоведческий подход позволяет рассматривать феномен маски, во-первых, как «синтетический драматургический жанр»; во-вторых, «маска предстает одной из форм литературной образности, средством художественной условности, в связи с чем важнейшими аспектами *литературной маски* становятся *маска героя* (способ сокрытия реального “лика” персонажа с помощью переодевания, маскировки поведенческие, изменение мимики, жестов и т. д.) и *маска автора*» (курсив цитируемого автора. — Г. Л., Т. О.) (Осьмухина, 2007, с. 227). В данной статье мы рассматриваем феномен маски как одну из форм художественной образности. Ключевым методом исследования служит герменевтический анализ, который дает возможность изучить литературную маску как художественный прием. Предметом изыскания выступают способы создания художественных масок как важного аспекта формирования психологических портретов.

Проблема феномена маски в литературе является предметом многочисленных исследований, достаточно назвать работы О. М. Фрейденберг (1997), М. М. Бахтина (1990), Ю. М. Лотмана (2002), Ю. Н. Тынянова (1997), В. В. Иванова (2007), С. Г. Исаева (2012), О. Ю. Осьмухиной (2009) и др. Современные авторы активно экспериментируют со способами реализации такой формы художественной образности, как маска героя. Подобные эксперименты вызывают большой научный интерес и требуют изучения, что, наряду с вниманием исследователей к феномену маски в целом, а также отсутствием работ, посвященных новому роману С. Кинга, обуславливает актуальность настоящей работы и определяет ее цель — изучение способов реализации приема «маска героя» как ключевого элемента создания образа протагониста в романе С. Кинга «Билли Саммерс» / «Billy Summers» (King, 2022).

Результаты исследования

Одним из важных аспектов создания образа служит проработка автором его психологического портрета. По мнению исследователей, «психологический портрет связывает внешность героя с особенностями его внутреннего мира, указывает на состояние души героя, акцентирует внимание читателя на тех деталях внешнего облика человека, которые несут информацию о мыслях, чувствах, переживаниях и настроениях персонажа» (Рябинина, 2012, с. 302).

В романе «Билли Саммерс» Стивен Кинг создает развернутый психологический портрет главного героя, прибегая к такому художественному приему, как мотив маски, который реализуется через повествование от первого лица, презентацию диалогов и внутренних монологов, описание внешности и поведения действующих лиц.

По мнению Л. Я. Гинзбург, «психологический анализ пользуется разными средствами. Он осуществляется в форме прямых авторских размышлений, или в форме самоанализа героев, или косвенным образом — в изображении их жестов, поступков,

которые должен аналитически истолковать подготовленный автором читатель. Среди всех этих средств анализа особое место принадлежит внешней и внутренней речи персонажей» (Гинзбург, 2016, с. 346). С. Кинг использует все перечисленные средства реализации психологического анализа.

Особенность образа главного героя в исследуемом романе заключается в том, что он также является повествователем, в связи с чем возникает маска героя-повествователя, а также несколько масок самого персонажа. Каждая маска определяет психологический портрет в зависимости от своих характеристик: «сами же маски поочередно становятся своего рода доминантами, определяющими характер речи, действий и, наконец, сознание героев, их отношение к самим себе и к окружающим» (Ломакина, 2013, с. 144).

Рассмотрим подробнее каждую из масок главного персонажа романа «Билли Саммерс». Как известно, при чтении произведения литературы необходимо дифференцировать автора и нарратора, на что указывают многие исследователи. Даже в тех случаях, когда все события в тексте представлены от лица так называемого всеведущего автора, необходимо иметь в виду, что «повествователь — это особый художественный образ, точно также придуманный писателем, как и все остальные образы» (Есин, 2015, с. 120).

Когда рассказ ведется от лица одного из действующих лиц, «ненадежного рассказчика», данное разграничение прослеживается особенно явно: «авторская маска представляется нам одной из форм взаимоотношений автора и персонажа или одним из способов перевоплощения автора в героя в пределах художественного текста» (Осьмухина, 2009, с. 7). Автор, перепоручая повествование, как будто надевает на себя маску, вживается в образ и исполняет роль, выбранную им для описания событий, героев, трактовки тем, выражения идей. Писатель тем самым ставит перед собой дополнительную задачу: представить, как обо всем происходящем было бы рассказано человеком определенной профессии, социального статуса, уровня образования, возраста, пола, физического состояния, характера, темперамента и пр., что требует знаний психологии, иначе речь повествователя не будет убедительной.

В романе С. Кинга «Билли Саммерс» автор надевает на себя очень неожиданную маску — обо всех событиях рассказывает наемный убийца. Тип рассказчика, который является одним из действующих лиц произведения, именуется термином «персонифицированный повествователь». Данный прием достаточно распространен в литературе, причем не только в современной. Встречаются достаточно неожиданные авторы-рассказчики, их роли могут исполнять разные типы людей и, кроме того, животные, неодушевленные предметы, абстрактные образы. Но в романе С. Кинга довольно неожиданная маска не единственная, так как рассказчик надевает несколько разных масок, играет несколько разных ролей.

Первая роль Билли Саммерса, так сказать, его официальный статус, с которым читатели знакомятся в начале романа, — роль киллера. Но почти сразу же мы узнаем, что это ненастоящее его «я», а именно роль, которую он исполняет в соответствии со сложившимися стереотипами, представлениями, — умелый стрелок, досконально знающий свое дело, не проваливший ни одного заказа, физически подготовленный, бывший морской пехотинец, принимавший участие в военных действиях в Ираке (как известно из триллеров и боевиков, среди киллеров немало таких, которые побывали в пекле той или иной войны), при этом ограниченный, необразованный, неспособный понимать иронию или намеки. Для успешного представления

этой роли Билли, подобно профессиональным актерам, использует необходимые приемы, избирая свойственные данному типу особенности речи, характер поведения, хобби, которое сводится к чтению низкопробных комиксов и примитивным компьютерным играм. Речь *тупого Билли* (*dumb Billy*) состоит из кратких и односложных предложений, а иногда из одних междометий, изобилует языковыми ошибками и разговорными формулами, сниженной грубой лексикой, выражение его лица также отвечает образу *тупого я / dumb self*, как он себя называет. Но одновременно перед читателем открывается и другой Билли, его альтер эго, его «второе я»: «the Billy Summers who reads Zola and Hardy»⁷ (King, 2022, p. 27). Второй Билли наблюдателен, способен определить помыслы собеседника, степень его искренности, скрытые мотивы. Из его внутренних монологов следует, что он читает произведения серьезных писателей, причем круг его чтения очень широк и разнообразен. Он рассуждает о литературных направлениях и особенностях писательского мастерства, упоминает и цитирует таких авторов, как У. Шекспир, Э. Золя, О. Уайльд, Дж. Оруэлл, Т. Гарди, И. Макьюэн, У. Вордсворт, Э. Дикинсон и др. Сведущ он и в вопросах истории, культуры, политики, однако эти знания держит при себе, не раскрывая настоящего лица своим работодателям.

Вторая роль Билли Саммерса, которую он должен играть для подготовки и выполнения заказа на убийство, это роль в придуманной его заказчиками легенде не особо выдающегося писателя по имени Дэвид Локридж. Для исполнения этой роли для него арендуют дом и офис в служебном помещении, из которого планируется совершить убийство. В его задачи входило «слиться с окружающей средой», т. е. понравиться соседям по дому и сослуживцам, но ровно настолько, чтобы его перестали замечать, чтобы он не вызывал особого интереса, чтобы стал своим. Билли удается вжиться в этот образ, он успешно играет возложенную на него работодателями роль. Вместе с новым именем он приобретает новые манеры, стиль речи и поведения, ведет соответствующий образ жизни, вполне естественно изображает доброжелательного соседа, писателя, согласно легенде, не демонстрирующего свою исключительность, не раскрывающего излишние подробности жизни и свои творческие замыслы (по мнению заказчиков, это было бы не под силу «тупому Билли»). Он легко сумел установить приятельские отношения с теми, с кем ему приходится общаться, может быть, более близкие отношения, чем требовалось, чем он сам планировал, из-за чего ему позднее, после совершения убийства, было морально очень тяжело. Так автор показывает, что удачно сыгранные его персонажем роли вместо радости и удовлетворения приносят в его жизнь утраты совести, душевную боль и последующее раскаяние.

Третья роль Билли Саммерса — роль, которую он создает для себя сам для своей, как он задумал, последующей судьбы. По его замыслу, это заказное убийство должно было быть последним в его карьере наемного убийцы, после которого он решает сбегать, исчезнуть из города, страны, поля зрения тех людей, чьи заказы он выполнял, начать новую жизнь. С этой целью он придумывает человека по имени Далтон Смит, компьютерщика по профессии, сочиняет его биографию, приобретает документы, открывает счет в банке, покупает телефон и снимает квартиру в заброшенном, непрестижном районе города. Для этой роли требуется совершенно новая маска и, как следствие, кардинальное изменение внешности и фигуры, для чего ему понадобились

⁷ не тот Билли Саммерс, что читает Золя, Гарди (здесь и далее перевод Е. И. Романовой, А. Умнякова. — Г. Л., Т. О.).

очки, парик, усы, борода, накладной живот. Билли вживается в этот образ, меняя манеру поведения, привычки, распорядок жизни, речь, голос, походку, даже некоторые черты характера. Эту роль он играет перед риелтором и новыми соседями, с которыми у него также складываются хорошие отношения.

Настоящее «я» главного героя, каким он предстает перед читателем, когда не играет роли, неоднозначно: по сути, у настоящего, истинного Билли несколько ликов, которые тоже можно считать ролями. Так, он начинает писать книгу о своей жизни, мечта о создании которой давно зрела в его сознании. Толчком к началу этой деятельности послужила созданная его клиентами роль писателя Дэвида Локриджа. Сначала он, следуя легенде, изображает, играет писателя, а затем вживается в эту роль, увлекается творческим процессом. Представляют особый интерес рассуждения Билли о литературном творчестве, о писательстве. Например, он использует оригинальную метафору, в которой написание романа о себе уподобляется открытой двери и распахнутому окну в прошлое: «Even that short paragraph has unlocked a door and opened a window»⁸ (King, 2022, p. 56). Он признает, что писать о своем прошлом — это здорово, но и очень больно: «Writing is good <...> Only who knew it hurt so much?»⁹ (King, 2022, p. 61). Неожиданным является сопоставление труда писателя с войной, объявленной самому себе: «He thinks writing is also a kind of war, one you fight with yourself»¹⁰ (King, 2022, p. 211). И совсем парадоксально звучит сравнение поэта и убийцы, что, однако, соответствует двум ипостасям Билли: «this work (murder) always begins with the seeing. It's like poetry that way»¹¹ (King, 2022, p. 40).

С. Кинг повествует о жизни Билли и одновременно дает слово самому Билли, включая в свой роман книгу, которую он пишет о своей жизни: читатель как бы читает два текста одновременно — один, написанный автором романа, и второй, якобы созданный его персонажем, что представляет собой прием «книга в книге». Эта вторая книга выделена в тексте особым шрифтом. Билли, подобно реальному автору, использует перепорученный тип повествования, что продиктовано необходимостью соблюдения безопасности, поскольку он вполне обоснованно подозревает, что люди, которые его наняли, могут иметь доступ к его компьютеру и прочитать им написанное: «he will write down ... as Benjy Compson. Changing the names to protect the guilty»¹² (King, 2022, p. 58). Играя роль писателя, он снова вынужден притворяться тупым, но в этом случае это притворство выражается с помощью литературного приема. Избранный метод повествования совершенно оправдан, так как его книга начинается с описания событий, произошедших в детстве героя, которые он вкладывает в уста своего тогдашнего «я», одиннадцатилетнего Билли. Он снова придумывает себе, вернее своему рассказчику-повествователю, новое имя — Бенджи Компсон. На этот раз он вживается в образ подростка, на долю которого выпала страшная трагедия — на его глазах сожитель матери убивает сестру Билли, а он отчасти в целях самозащиты, отчасти из желания отомстить убивает этого сожителя.

⁸ Один единственный короткий абзац отомкнул дверь и распахнул окно в прошлое.

⁹ Как это, оказывается, здорово — писать ... Но кто мог знать, что это так больно?

¹⁰ Писательство тоже своего рода война, только автор ведет ее с самим собой.

¹¹ работа над заказом обязательно начинается с картинки, которую ты должен увидеть в своем воображении. Этим убийца похож на поэта.

¹² он запишет завтра от имени Бенджи Компсона. Только слегка изменит имена, чтобы защитить всех причастных.

Далее Билли-писатель повествует о следующем этапе своей жизни и, соответственно, о новой роли — морского пехотинца, участника войны в Ираке. По мере взросления героя-повествователя меняется и стиль его письма: речь становится грамотной, более того, отличается художественностью и суровой образностью, что характерно для военной прозы. На этом этапе написания своей книги Билли, по его словам, начинает разделять себя, Билли, и Бенджи, созданного им персонажа. Он радуется, что уже может писать от своего лица, может заменить имя Бенджи на свое настоящее имя и рассказывать историю своего истинного «я», Билли, а не Бенджи.

Страницы книги, написанные от лица Билли, если не оправдывают, то, по крайней мере, объясняют причины, по которым его герой становится на путь преступлений. И причины эти достаточно веские — пережитая в детстве психологическая травма и не менее тяжелое психологическое испытание ужасами войны. Еще одним штрихом, служащим в пользу его оправдания, является тот факт, что он неукоснительно следует своему принципу — убивать только *плохих парней* (*bad persons*), людей, которые сами совершают страшные преступления, а благодаря своей власти и деньгам недосягаемы для закона.

Еще одна роль, в которой выступает Билли Саммерс, — роль рыцаря-спасителя. Случайно став свидетелем того, как молодые люди бросают девушку в канаву буквально на верную гибель, он, не задумываясь, с риском для своей собственной безопасности, бросается к ней на помощь. В общении с этой девушкой по имени Элис писатель показывает совершенно другое лицо Билли — чуткого заботливого друга, благородного мужчины. Как известно, прием представления отрицательного персонажа в положительном свете носит название «героизация отрицательного героя». Однако у С. Кинга полной героизации не происходит, так как отрицательные и положительные качества его персонажа кажутся несовместимыми, его жестокость, которую он проявляет, наказывая (хотя и справедливо) обидчиков Элис, убивая (пусть и «плохих парней»), едва ли всегда оправданна, едва ли объяснима и может быть понята и принята читателем.

Идея воплощения героя-рассказчика в разных образах реализуется посредством описания происходящих событий и поступков героя, чему во многом способствует соответствующая лексика с общим значением *act, play* (*играть, изображать*), которые неоднократно встречаются на страницах романа. Приведем некоторые из них: *a fictitious person, part of the act, show, mask, fake, make-believe individual, to change, to pretend, to get into character, to mask, to live the part, to get used to a new role, to work at projecting (the dumb self)* и др. Кроме того, в повествовании много раз приводятся сравнения всевозможных персонажей с героями кинематографа, отдельные эпизоды произведения напоминают кадры из фильмов, что также позволяет провести параллель между игрой на сцене и игрой в жизни.

Автор показывает, что необходимость играть не одну роль, переключаться между разными жизнями, мучает героя. Ему приходится обитать в разных домах и квартирах, пользоваться несколькими телефонами, компьютерами, привыкать к выдуманным именам и характерам — все это раскалывает его личность, нарушает идентичность, приводит к деформации собственного «я». Он мечется между тремя или даже более жизнями, часто задавая себе самому вопрос, кто же он на самом деле: писатель, тупой Билли, кто-то еще? Ему хочется верить, что его истинное «я» — это писатель, именно такой ответ Билли произносит чаще всего.

Главный герой романа теряется в многочисленных ролях, запутывается в масках. Эта идея подтверждается всем повествованием и наиболее отчетливо эксплицируется

в строках эпитафия: «I once was lost, but now I am found. Amazing Grace»¹³ (King, 2022, p. 1), — и в конце романа, в названии книги Билли, которое дает Эллис, — «Billy Summers: The Story of a Lost Man»¹⁴ (King, 2022, p. 510). Повтор слова *lost* в этих фрагментах создает рамочную конструкцию, при помощи которой внимание читателей акцентируется на идее потери идентичности. Эпитафия к роману звучит более оптимистично, чем само повествование и его финал, потому что эпитафия оставляет надежду на возможность найти себя, тогда как в произведении потерянный, запутавшийся в своих ролях Билли, едва успев найти себя, погибает.

Заключение

Подводя итоги исследования, необходимо отметить, что роман С. Кинга «Билли Саммерс» можно отнести к произведениям, в которых изображение личности главного героя выступает текстообразующим и смыслообразующим фактором. Ведущей проблемой повествования является самоидентификация личности: она реализуется за счет создания глубокого психологического образа. Автором используется прямая форма психологизма, ее реализация осуществляется через внутренний монолог и поток сознания персонажа.

Проведенный анализ показывает, что в романе С. Кинга основным литературным приемом для создания психологического портрета служит прием художественной маски, который сопровождается вспомогательными приемами «книга в книге» и «героизация отрицательного героя».

Говоря о роли и функциях маски в создании психологического портрета главного героя, необходимо подчеркнуть следующее. Во-первых, Билли с помощью различных масок хочет избавиться от влияния других людей, отдалиться от криминальной среды; во-вторых, он стремится разобраться в собственной идентичности, понять, что важно в жизни именно для него, наконец, отбросить все маски и начать новую жизнь. На примере Билли читатель убеждается, что маски нередко затрудняют самоидентификацию. Это происходит потому, что, с одной стороны, общество часто вынуждает человека надевать разные маски в разных ситуациях, от этого невозможно полностью избавиться; с другой стороны, каждая из масок неизбежно оставляет определенный отпечаток во внутреннем мире личности. На эти две важные функции маски — предоставление возможности для самоидентификации и духовного роста и препятствие на пути к самоидентификации — также указывают исследователи: «маска способна предохранять человека от воздействия других, она дает ему возможность духовного развития, не омраченного вмешательством этих других. Она спасительным образом отделяет человека от толпы. Но тем не менее маска всегда затрудняет идентификацию и самоидентификацию. Познавая себя, человек не может не сравнивать себя с другими. Маскированный человек с трудом поддается идентификации» (Софронова, 2006, с. 357).

Несмотря на противоречивость, кажущуюся несовместимость масок протагониста — жестокий киллер, недалекий и ограниченный вояка, начитанный и образованный человек, талантливый писатель, доброжелательный сосед, мужчина, благородно

¹³ Был мертв и чудом стал живой. О, благодать.

¹⁴ Билли Саммерс: история неприкаянного человека.

относящийся к женщине, надежный друг — автор представляет психологически достоверный неоднозначный характер человека, потерявшего в своих ролях, показывает причины, по которым это происходит, и в конечном итоге заставляет читателя сопереживать и сочувствовать своему герою. Роль читателя заключается в постепенном снятии масок и распознавании истинного лица персонажа.

Список источников

1. Борисова, Е. Б. (2009). О содержании понятий 'художественный образ' и 'образность' в литературоведении и лингвистике. *Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки*, 35(172), 20–26.
2. Малютина, Н., & Маронь, А. (2019). *Проблема культурной (само)идентификации героя в новейшей постсоветской драме*. Collegium Columbinum.
3. Гальперин, И. Р. (2007). *Текст как объект лингвистического исследования*. КомКнига.
4. Coulmas, F. (2019). Who is behind the mask? Identity in literature. In *Identity: A Very Short Introduction* (pp. 113–126). Oxford University Press.
5. Stišović Milovanović, A. (2022). Face under a Mask (Identity Phenomenon in Literature). *Knowledge. International Journal*, 52(2), 277–281.
6. Barroso, P. M. (2023). The semiotics of the mask: to reveal by concealing and conceal by revealing. In *Masks and Human Connections Disruptive Meanings and Cultural Challenges* (pp. 101–112). Palgrave Macmillan.
7. Gramigna, R. (2022). Faces in disguise. Masks, concealment, and deceit. *Topoi*, 41, 741–753.
8. Костомаров, А. С. (2022). *Философия и антропология маски*. Издательство Самарского университета.
9. Софронова, Л. А. (2006). Маска как прием затрудненной идентификации. В Л. А. Софронова, Н. М. Филатова (Отв. ред.). *Культура сквозь призму идентичности* (с. 343–359). Индрик.
10. Гринштейн, А. Л. (1999). *Маскарадность и французская литература XX века* [Диссертация ... д-ра филол. наук: 10.01.05. Москва].
11. Бельский, И. О. (2020). Функция маски в детективных романах Пьера Буало и Тома Нарсежака «Волчицы» и «Любимец зрителей». *Ученые записки Орловского государственного университета*, 3(88), 35–40.
12. Осьмухина, О. Ю. (2007). Маска. *Знание. Понимание. Умение*, 2, 226–228.
13. Фрейденберг, О. М. (1997). *Поэтика сюжета и жанра*. Лабиринт.
14. Бахтин, М. М. (1990). *Творчество Ф. Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса*. Художественная литература.
15. Лотман, Ю. М. (2002). *Статьи по семиотике культуры и искусства*. Академический Проект.
16. Тынянов, Ю. Н. (1977). Достоевский и Гоголь (К теории пародии). В Ю. Н. Тынянов. *Поэтика. История литературы. Кино* (с. 198–226). Наука.
17. Иванов, В. В. (2007). Маска как элемент культуры. В В. В. Иванов. *Избранные труды по семиотике и истории культуры*. Т. 4. Семиотика культуры, искусства, науки (с. 333–344). Языки славянских культур.
18. Исаев, С. Г. (2012). *Литературно-художественные маски: Теория и поэтика*. Дмитрий Буланин.
19. Осьмухина, О. Ю. (2009). *Авторская маска в русской прозе 1760–1830-х гг.* [Диссертация ... д-ра филол. наук: 10.01.01. Саранск].
20. King, S. (2022). *Billy Summers*. Gallery Books.
21. Рябинина, М. В. (2012). Портрет как средство психологической характеристики персонажа в повестях Г. Алексеева. *Вестник Чувашского университета*, 4, 302–306.
22. Гинзбург, Л. Я. (2016). *О психологической прозе. О литературном герое*. Азбука.

23. Ломакина, Е. А. (2013). Особенности функционирования художественного приема маски на примере личины остроумца эпохи реставрации. *Проблемы истории, филологии, культуры*, 1(39), 143–150.

24. Есин, А. Б. (2015). *Принципы и приемы анализа литературного произведения*. Флинта: Наука.

References

1. Borisova, E. B. (2009). The concepts 'artistic image' and 'imagery' in literary criticism and linguistics. *Bulletin of Chelyabinsk State University, Philological Sciences*, 35(172), 20–26. (In Russ.).

2. Maljutina, N., & Maron', A. (2019). *The problem of cultural (self-)identification of the hero in the latest post-Soviet drama*. Collegium Columbinum. (In Russ.).

3. Gal'perin, I. R. (2007). *Text as an object of linguistic research*. Komkniga. (In Russ.).

4. Coulmas, F. (2019). Who is behind the mask? Identity in literature. In *Identity: A Very Short Introduction* (pp. 113–126). Oxford University Press. (In English).

5. Stišović Milovanović, A. (2022). Face under a Mask (Identity Phenomenon in Literature). *Knowledge. International Journal*, 52(2), 277–281. (In English).

6. Barroso, P. M. (2023). The semiotics of the mask: to reveal by concealing and conceal by revealing. In *Masks and Human Connections Disruptive Meanings and Cultural Challenges* (pp. 101–112). Palgrave Macmillan. (In English).

7. Gramigna, R. (2022). Faces in disguise. Masks, concealment, and deceit. *Topoi*, 41, 741–753. (In English).

8. Kostomarov, A. S. *Philosophy and anthropology of the mask*. Izdatel'stvo Samarskogo universiteta. (In Russ.).

9. Sofronova, L. A. (2006). The mask as a method of complicated identification. In L. A. Sofronova, N. M. Filatova (Ed.). *Culture through the prism of identity* (pp. 343–359). Indrik. (In Russ.).

10. Grinshtejn, A. L. (1999). *Masquerade and French Literature of the 20th Century* [Dissertation ... Doctor of Philological Sciences: 10.01.05. Moscow]. (In Russ.).

11. Belskiy, I. O. (2020). The function of the mask in the detective novels by Pierre Boileau and Toma Narsejac «The Wolves» and «The Favorite of the Spectators». *Scientific notes of Orel State University*, 3(88), 35–40. (In Russ.).

12. Os'muhina, O. Ju. (2007). The Mask. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2, 226–228. (In Russ.).

13. Frejdenberg, O. M. (1997). *Poetics of plot and genre*. Labirint. (In Russ.).

14. Bahtin, M. M. (1990). *The works by F. Rabelais and folk culture of the Middle Ages and Renaissance*. Hudozhestvennaja literatura. (In Russ.).

15. Lotman, Ju. M. (2002). *Articles on the semiotics of culture and art*. Akademicheskij Proekt. (In Russ.).

16. Tynjanov, Ju. N. (1977). Dostoevsky and Gogol (On the theory of parody). In Ju. N. Tynjanov. *Poetics. History of literature. Cinema* (pp. 198–226). Nauka. (In Russ.).

17. Ivanov, V. V. (2007). The mask as an element of culture. In V. V. Ivanov. *Selected works on semiotics and cultural history*. Vol. 4. Semiotik of culture, art, science (pp. 333–344). Jazyki slavjanskikh kul'tur. (In Russ.).

18. Isaev, S. G. (2012). *Literary and artistic masks: Theory and poetics*. Dmitrij Bulanin. (In Russ.).

19. Os'muhina, O. Ju. (2009). *The author's mask in Russian prose of the 1760s–1830s*. [Dissertation ... Doctor of Philological Sciences: 10.01.01. Saransk]. (In Russ.).

20. King, S. (2022). *Billy Summers*. Gallery Books. (In English).

21. Ryabinina, M. V. (2012). Image as a means of psychological characteristics of the character in the stories by G. Alexeyev. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 4, 302–306. (In Russ.).

22. Ginzburg, L. Ja. (2016). *On psychological prose. On a literary hero*. Azbuka. (In Russ.).

23. Lomakina, E. A. (2013). Functioning of the artistic mask on the example of the wit's mask in the restoration era. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, 1(39), 143–150. (In Russ.).

24. Esin, A. B. (2015). *Principles and methods of analysis of a literary work*. Flinta: Nauka. (In Russ.).

Информация об авторах

Галина Игоревна Лушникова — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры филологии и методики преподавания Гуманитарно-педагогической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.

Татьяна Юрьевна Осадчая — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры романо-германской филологии и европейских исследований Института общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета.

Information about the authors

Galina I. Lushnikova — Doctor of Philology, Professor, Full Professor of the Philology and Teaching Methods Department, Humanities and Education Science Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University.

Tatiana Yu. Osadchaia — PhD (Pedagogics), Docent, Associate Professor of the Department of Romance and Germanic Philology and European Studies, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.

Научная статья

УДК 821.161.1.09«19»

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.51.3.04

**К ВОПРОСУ
О ДИАЛОГЕ М. БУЛГАКОВА С В. ВЕРЕСАЕВЫМ:
«ЗАПИСКИ ЮНОГО ВРАЧА» И «ЗАПИСКИ ВРАЧА»
КАК ДВА ВАРИАНТА «ВРАЧЕБНЫХ ЗАПИСОК»
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА**

Чжу Цзыцзин¹,Кольцова Наталья Зиновьевна²

¹ Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне,
Шэньчжэнь, Китай,

^{1,2} Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Москва, Россия,

¹ zzy1996@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0003-1767-9216>

² koltsovaru@rambler.ru, <https://orcid.org/0009-0001-8571-4808>

Аннотация. Врачебная проза в силу своей специфичности и уникальности оказывается на перекрестке стилевых и жанровых исканий русской литературы. В первой трети XX века ее развитие тесно связано с именами писателей В. В. Вересаева и М. А. Булгакова, произведения которых при несомненном родстве обнаруживают радикальное несовпадение в сфере поэтики. Сопоставительный анализ «Записок» двух писателей важен с точки зрения постижения алгоритмов создания русской врачебной прозы. Различия (в том числе и в жанровой сфере) между произведениями Булгакова и Вересаева предопределены прежде всего ориентацией создателей на разные типы и стадии реализма в русской литературе. Вересаев — преемник реализма в его «первом изводе» — традиций натуральной школы, сохранявших актуальность и в конце XIX века. Булгаков — последователь неореализма 1910-х годов, наследующий модернизм в сфере мифопоэтики и нового подхода к проблемам психологического анализа. Вересаев, верный установкам «реального направления» в искусстве, раскрывается скорее как социолог, а не психолог: рефлексия вересаевского врача представляет собой метания мысли, а не подспудную работу подсознания. Булгаковский утонченный психологизм подготовлен русской психологической прозой XIX века и художественной революцией XX столетия. Художественное своеобразие текста обусловлено индивидуальными свойствами каждого автора: наличием (у Булгакова) или отсутствием (у Вересаева) смеховой интонации. В булгаковском цикле можно обнаружить различные проявления комического — от забавного на уровне ситуаций и характеров до речевого комизма.

Ключевые слова: врачебная проза, В. Вересаев, М. Булгаков, поэтика, реализм, неореализм, психологизм, комизм.

Для цитирования: Чжу, Цзыцзин, Кольцова, Н. З. (2023). К вопросу о диалоге М. Булгакова с В. Вересаевым: «Записки юного врача» и «Записки врача» как два варианта «врачебных записок» в русской литературе первой трети XX века. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 3(51), 40–49. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.51.3.04>

Original article

UDC 821.161.1.09«19»

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.51.3.04

**ON THE QUESTION
OF THE DIALOGUE BETWEEN M. BULGAKOV AND V. VERESAEV:
«NOTES OF A YOUNG DOCTOR» AND «NOTES OF A DOCTOR»
AS TWO VARIANTS OF «MEDICAL NOTES»
IN RUSSIAN LITERATURE OF THE FIRST THIRD
OF THE TWENTIETH CENTURY**

Zhu Zijing¹,Natalia Z. Koltsova²

¹ Shenzhen MSU-BIT University,
Shenzhen, China,

^{1,2} Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia,

¹ zzz1996@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0003-1767-9216>

² koltsovaru@rambler.ru, <https://orcid.org/0009-0001-8571-4808>

Abstract. The prose of doctors, by virtue of its specificity and uniqueness, finds itself at the crossroads of the stylistic and genre quests of Russian literature. In the first third of the XXth century, its development was closely connected to the names of such writers as V. V. Veresaev and M. A. Bulgakov, whose works, while undoubtedly related, reveal a radical divergence in the field of poetics. A comparative analysis of the two writers' Memoirs is important from the point of view of the algorithms of Russian medical prose creation. The differences between Bulgakov's and Veresaev's works (including differences in genre) are determined by their authors' vectors towards different types and stages of realism in the Russian literature. Veresaev is the successor to Realism of the «first generation» abiding by the tradition of the natural school, which still held sway in the late 19th century. Bulgakov is a follower of the neo-realism of the 1910s, which inherited the modernist approach to mythopoetics and the new approach to psychological analysis. Veresaev, who was faithful to the tenets of the «real movement» in art, is more of a sociologist than a psychologist: Veresaev's reflection is presented as a contemplation full of thought rather than the work of the subconscious. Bulgakov's exquisite psychologism was informed by the Russian psychological prose of the 19th century as well as by the artistic revolution of the 20th century. There is no doubt that the artistic uniqueness of the text is also conditioned by the individual properties of each author: one of the marked differences between the two works is the ever present (in Bulgakov's work) or absent (in Veresaev's) laugh tone. Bulgakov collection makes it possible to trace various comic signs, from the level of situations and characters to comic verbalism.

Keywords: medical prose, V. Veresaev, M. Bulgakov, poetics, realism, neorealism, psychologism, comicism.

For citation: Zhu, Zijing, Koltsova, N. Z. (2023). On the question of the dialogue between M. Bulgakov and V. Veresaev: «Notes of a young doctor» and «Notes of a doctor» as two variants of «medical notes» in Russian literature of the first third of the twentieth century. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3(51), 40–49. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.51.3.04>

Введение

Тесные творческие и человеческие отношения связывали В. В. Вересаева и М. А. Булгакова, их общение началось в 1923 году и продолжалось многие годы. Тема диалога двух писателей не раз становилась предметом внимания ученых: по словам М. Чудаковой, булгаковские «Записки» были начаты под влиянием успеха «Записок врача» В. В. Вересаева (Чудакова, 2007, с. 258); Л. Трубецкой полагает, что произведение Булгакова следует рассматривать как своего рода спор с вересаевскими «Записками» (Трубецкой, 1993, с. 254); Trautmüller обращает внимание на сходства и различия между образами врачей у двух авторов (Trautmüller, 2010, с. 251); М. С. Штейман посвящает свой труд проблеме традиции и новаторства в творчестве двух врачей-писателей (Штейман, 2005, с. 292); исследование А. В. Капина сосредоточено на контрасте между изображением земских врачей (Капин, 2015). Согласно мнению Л. М. Яновской, текст Булгакова полемичен по отношению к вересаевским запискам — между ними существует связь и противостояние (Яновская, 1983, с. 39). Л. В. Савушкина и И. В. Грузнова анализируют портрет врача в произведениях двух писателей в контексте нравственной проблематики (Савушкина, Грузнова, 2018). Проблемы диалога двух писателей-врачей и врачебной прозы в той или иной степени касались М. Я. Каган-Пономарев (Каган-Пономарев, 2007), Т. С. Бурыгина (Бурыгина, 2013), М. В. Игнатенко (Игнатенко, 2017) и др. Тема булгаковского вклада в развитие врачебной прозы, на наш взгляд, получила наиболее полное освещение в работах Е. А. Яблокова, изучившего мифопоэтическую природу «Записок юного врача» (Яблоков, 2002).

Л. Яновская в книге «Творческий путь Михаила Булгакова» обращает внимание на жизнеутверждающий тон булгаковской книги, контрастирующий с пессимистичной тональностью вересаевских «Записок». С ее точки зрения, нельзя говорить «о художественном противостоянии» двух писателей, поскольку «Записки врача» — публицистика, а «Записки юного врача» — «полнокровная и образная проза» (Яновская, 1983, с. 39). Цель настоящей работы: выявить различия между двумя произведениями именно в сфере поэтики — прежде всего потому, что и тот и другой текст относится к художественной литературе, но, безусловно, к литературе разного рода и разного стиля.

Методология исследования

При решении поставленной проблемы доминирующим методом изыскания стал сравнительно-сопоставительный анализ «Записок» двух писателей с точки зрения художественного своеобразия произведений; также задействованы биографический и культурно-исторический методы литературоведческого исследования. Материалом для научного поиска послужили «Записки врача» В. В. Вересаева и «Записки юного врача» М. А. Булгакова.

Ход исследования

«Записки» двух авторов принадлежат разным эпохам: вересаевский текст опубликован в 1901-м, булгаковский — в 1925 году; один сформирован эстетикой XIX,

другой — XX столетия, уже усвоившего уроки Серебряного века. И все же только временным водоразделом радикальные различия в мировоззрении двух авторов и поэтике их произведений объяснить вряд ли удастся. Например, Бунин был немногим младше Вересаева, но уже в ранней прозе проявил себя как художник нового времени, которого многие литературоведы относят к неореалистам. «Называть меня реалистом, значит... не знать меня как художника» (Ржевский, 1953, с. 3), — подчеркивал Бунин в письме Л. Ржевскому (23.08.1951), когда тот в одной из своих рецензий определил Бунина как реалиста. Свое мнение по этому вопросу Ржевский высказывает в статье «Памяти И. А. Бунина»: «Нет, конечно, Бунин никогда не был “продолжателем” русского классического реализма, — разве лишь его крестником. ... Бунин был новореалистом, в творчестве которого классические традиции подверглись значительным изменениям: он субъективизирует реалистический метод — творческий отбор и творческое выражение» (Ржевский, 1953, с. 4). Н. М. Солнцева, оппонировав Т. Т. Давыдовой, считающей, что неореализм как течение внутри модернизма сформировался в 10-е годы XX века, полагает, что в творчестве Бунина и Куприна «неореализм проявился чрезвычайно ярко» (Солнцева, 2011, с. 4).

По мнению авторов данной статьи (в вопросах хронологии неореализма разделяющих точку зрения Т. Т. Давыдовой), Бунин скорее предтеча, если не учитель тех, кто выдвинулся на литературную авансцену в 1910-е годы и сознательно выстраивал свою поэтику на путях синтеза реализма и модернизма, — писателей И. С. Шмелева, Б. К. Зайцева, А. М. Ремизова, А. Н. Толстого, Е. И. Замятина (первое поколение неореалистов, по мнению Т. Т. Давыдовой). Однако и для следующего поколения неореалистов, расцвет творчества которых приходится на 20-е годы XX века (в том числе и для Булгакова), бунинский опыт чрезвычайно важен. Так, В. Катаев удивился, узнав, что Булгаков, как и он, бунинец, т. е. приверженец бунинской поэтики и эстетики (Чудакова, 1988, с. 304). Удивление Катаева можно понять: если Бунин для него художник XX столетия, то Булгаков, пришедший в литературу позже, — традиционалист, наследник XIX века. Подобная оценка, очевидно, объясняется булгаковским неприятием авангарда (в 20-е годы XX века авангард — это идеологически заряженное, ангажированное искусство), но в целом она до определенной степени справедлива, более того, инициирована самим писателем (амплуа консерватора, классика Булгаков подчеркивал внешним обликом, неизменно делая пробор в волосах и надевая галстук-бабочку). Булгаков действительно пребывал в нескончаемом диалоге с А. С. Пушкиным, Н. В. Гоголем, Л. Н. Толстым. Для него был важен и опыт Ф. М. Достоевского. Однако видеть в Булгакове наследника исключительно XIX столетия, безусловно, нельзя: не принимая авангард, он являлся ярчайшим представителем модернизма, непопулярного и объявленного в 1920-е годы старомодным стилем (с точки зрения писателей советской России).

Традиционализм Булгакова совершенно иного рода, чем архаизм Вересаева. Несмотря на то что в тексте Вересаева упоминаются и Л. Н. Толстой, и И. С. Тургенев, отнюдь не они — мастера русской психологической прозы второй половины XX века — оказали решающее воздействие на мировоззрение и стиль создателя «Записок врача». Очевидно, ему было близко отношение к искусству основателей и продолжателей традиции натуральной школы с ее программой изображения социальных типов, фактов жизни и пр., что и дает основание Л. Яновской проводить его текст по разряду публицистики. Думается, именно «архаичная» манера Вересаева, верного традициям натуральной школы, заслоняет в его текстах проявления художественности (но не отменяет их).

Интересно, однако, что Н. М. Солнцева видит в Вересаеве неореалиста, развивающего традиции Л. Н. Толстого (Солнцева, 2014, с. 1–16). На наш взгляд, восприятие толстовского «тона бесконечности» и концепция «живой жизни» еще не дают оснований относить Вересаева, преданного традициям XIX века, к неореалистам (как верно заметила сама Солнцева, умение показывать бытие через быт отличает и Л. Н. Толстого). Думается, если что-то и роднит писателя с поэтикой нового столетия, то это все та же отверженность натурализму, — но уже в ином, первичном, значении этого слова: на смену физиологии города, данного в его социальном измерении (что и есть основа самого репрезентативного жанра натуральной школы — физиологического очерка), приходит собственно физиология — натуралистические подробности и детали, воссоздающие жизнь тела. И в этом аспекте Вересаев, пожалуй, гораздо более откровенен и беспощаден, чем Булгаков: последний бережет чувства читателя и даже при воссоздании самых шокирующих сцен (ампутации ноги и пр.) в последний момент дает возможность «отвести взгляд», подобно опытному оператору, отводящему камеру.

Кроме того, Булгаков широко использует метафору и отстранение, с одной стороны, укрупняющих масштаб трагедии, с другой — создающих эстетическую дистанцию между тем, с чем практикующий врач сталкивается ежедневно и что в итоге для него становится обыденным и привычным, и тем, к чему рядовой читатель чаще всего не готов (к созерцанию язв, увечий и пр.). Наиболее показательный пример — рассказ «Звездная сыпь», в котором позорная болезнь подается сквозь призму взгляда не только врача, но и художника. К совмещению высокого и низкого читатель XX века был уже приучен эстетикой авангарда (в целом, повторимся, глубоко чуждого Булгакову), однако писатель использует прием по-своему: травестия (вспомним Маяковского: звезды одновременно плевочки и жемчужины) в «Записках юного врача» оборачивается бурлеском (язвы — звезды). В мире Булгакова, как и в сказке, есть место жуткому, первобытно-страшному, но недопустимо приятие зла, привыкание к уродству, болезни — отсюда экстатическая интонация врача-воина, врача-рыцаря, бесстрашно сражающегося со смертью.

Юный врач Булгакова отличается от начинающего и тоже молодого врача Вересаева. Последний понимает, что черствость опытного доктора — необходимое условие профессионализма: «Нужно быть глухим к воплям оперируемого...» (Вересаев, 1961, с. 167).

Герои Булгакова (не только юный врач, но и его «воинство»: немолодые сторож Егорыч, фельдшер Демьян Лукич, акушерка Пелагея Ивановна) не привыкают к боли, не пытаются уберечь себя от душевных ран и мук, но защищают других, поскольку их долг — спасение мира. «Не отстояли?» (Булгаков, 2011, с. 124) — этим вопросом пожилая помощница встречает юного врача, вернувшегося от пациентки, умершей до его прихода. И высокая патетика здесь более чем понятна и оправдана: ведется нескончаемая битва, бой со злом. Параллели между домом-больницей и дворцом («Куда красивее дворца» [Булгаков, 2011, с. 123]) дополняются еще одной характеристикой: дом-крепость, форпост. Мир зла, болезни и смерти у Булгакова действительно спасается красотой — не случайно едва ли не в каждом рассказе тема красоты выходит на передний план и часто подается в фольклорной, простодушно-лубочной огласовке: «Только на конфетных коробках рисуют таких детей <...> Ангелов так рисовали» (Булгаков, 2011, с. 71). Защищая красоту, герой-рассказчик спасает мир, хотя есть рассказы, в которых побеждает смерть — вечная стужа, зима (образ мертвой невесты лежит в основе мифопоэтики «Вьюги»). Е. Яблоков подчеркивает, что сюжет записок может быть считан как погружение героя в «темный», или «нижний», мир (Яблоков, 2002, с. 23).

Беспощадному натурализму Вересаева-врача Булгаков-художник противопоставляет мир красоты, раскрывая таким образом основной конфликт всего своего творчества — схватку света и тьмы. И в булгаковских «Записках» свет — это не только красота, но и культура, знание, просвещение, поэтому в них педалируются мотивы лампы, огня, освещенного окна. Ранее уже подчеркивалось, что мифопоэтическая основа текста, выводящая ситуации из конкретных исторически-бытовых координат, придавая им вневременной характер, основательно изучена: например, в работах Яблокова особое внимание уделяется подтекстным мифологическим сюжетам (Яблоков, 2016). Очевидно, что мифопоэтическая природа булгаковских записок контрастирует с голым натурализмом Вересаева.

Вересаев раскрывается в качестве традиционалиста и в отношении к натурализму: неонатурализм с его обостренным восприятием эротики ему чужд (в отличие, скажем, от Замятина, своими повестями «Уездное», «На куличках», рассказом «Чрево» откликающегося на тему «зоологического» человека, живущего инстинктами, в том числе инстинктом продолжения рода). Вересаев отзывается на актуальную для рубежа веков тему пола не с позиции художника, а с позиции врача, мыслителя и гражданина. Например, рассказывая историю девушки, пришедшей на врачебный осмотр и вынужденной раздеваться перед молодыми мужчинами, он сосредоточен не столько на ее переживаниях, сколько на самой этической проблеме.

Будучи настоящим профессионалом, автобиографический герой Вересаева чутко реагирует на эмоциональное состояние пациента. Тема сочувствия, сопереживания человеку выходит на поверхность в «Записках». Но автор — художник Вересаев — в тексте не раскрывается как психолог: он не прибегает ни к толстовской диалектике души, поскольку констатирует готовое, уже определившееся состояние врача и пациента; ни к художественным приемам Достоевского, непревзойденного мастера в изображении сдвинутого, смещенного сознания. При том что юный доктор Вересаева постоянно колеблется между утверждением и отрицанием, сомневаясь не только в себе, но и в науке, в медицине, в возможности помочь человеку, его рефлексия напоминает метания мысли, а не подспудную работу подсознания. Иррациональным движениям души нет места в художественном пространстве «Записок» — и в этом сказывается мощнейшая прививка позитивизма. Булгаковский утонченный психологизм, подготовленный русской психологической прозой XIX века и художественной революцией XX столетия, включает в себя богатый арсенал всех видов анализа личности. Например, использование онейротехники обогащается и усиливается музыкальными средствами: уже здесь можно обнаружить универсальный булгаковский прием оформления диалога или полилога (и даже внутреннего спора героя с собою) как оркестровой и оперной партитуры, предполагающей распределение голосов-партий: «...усталость напевала: “Ложись ты спать...”» (Булгаков, 2011, с. 21).

«Вторичный язык» (З. Г. Минц), или язык культуры, выводит булгаковский текст за пределы жанра записок, заданного названием. Интертекстуальный план булгаковского текста существенным образом отличается от вересаевского: аллюзии на произведения А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского наряду с оперными и театральными реминисценциями (каватина Фауста из оперы Ш. Гуно звучит уже в первом рассказе цикла), а также евангельские мотивы и фольклорные образы и сюжеты работают на подтекст. Если герой Вересаева — типичный разночинец, получивший прививку шестидесятничества, то булгаковский автобиографический герой — человек

светский. В анамнезе юного доктора, очевидно, домашнее воспитание, книги (не только научная и профессиональная литература, но прежде всего художественные произведения классиков), драматический и оперный театр. Вкусы начинающего врача Вересаева вполне сопоставимы с базаровскими; при том что в тексте упоминаются классики русской литературы (Тургенев и Толстой), реминисцентный фон произведения все же формируют отсылки к работам медиков, ученых: «Частной хирургии» Тильманса, «Гинекологии» Шредера, «Диагностике и терапии при угрожающих опасностью болезненных симптомах» Луи Блау и т. д.

И все же едва ли не первое отличие, бросающееся в глаза при сопоставлении двух произведений, — наличие (у Булгакова) или отсутствие (у Вересаева) смеховой интонации. Безусловно, сам жизненный материал, положенный в основу «медицинских» текстов двух авторов, не располагает к веселью. Беззаботному смеху, казалось бы, нет места в мире боли и беспросветного отчаяния, и текст «Записок врача» подтверждает это. Вересаев верен традициям шестидесятничества XIX столетия, традициям, закрепленным Некрасовскими строчками «Еще стыдней в годину горя // Красу долин, небес и моря // И ласку милой воспевать...». Трагическому и серьезному на протяжении всего текста сопутствует соответствующая тональность — от высокого пафоса гражданственности, готовности к подвигу и служению до гневной, обличительной интонации. Вересаевское слово, слово гражданина и оратора прежде всего прямое высказывание, публицистически заостренное и не допускающее мерцания смыслов.

В булгаковском цикле можно обнаружить различные проявления смеха — от забавного на уровне ситуаций и характеров до речевого комизма. Один из рассказов, «Тьма египетская», полностью построен на использовании различных видов комического. Сюжет переводит трагическую тему невежества, дикости в комедийный план: добродушный и, на первый взгляд, все понимающий пациент оказывается на пороге смерти по причине собственной «сообразительности», подсказавшей ему ускоренный метод лечения (курс прописанных ему лекарств он решил сократить до одного приема).

Писатель не злоупотребляет средством, которое, казалось бы, легко мог использовать, — не пересказывает анекдотические ситуации, коих, безусловно, немало в памяти каждого (и даже юного) врача, и причиной отказа от выигрышного алгоритма является не только природный такт, но и профессиональная этика, верность врачебной клятве.

Разумеется, комическое неотделимо от героического: не шадя себя, не боясь показаться смешными, герои пытаются рассеять мрак, одолеть смерть: «Потянулась пеленою тьма египетская... А идет моя рать...» (Булгаков, 2011, с. 152). В высоком регистре звучат и строки воззвания к юному коллеге-читателю: «Привет, мой товарищ!» (Булгаков, 2011, с. 228).

Заключение

Сопоставительный анализ произведений двух писателей дает представление о разных модификациях русской врачебной прозы: с одной стороны, выдержанной в сугубо реалистических традициях натуральной школы, а с другой — написанной в стилистике неореализма, предполагающей ориентацию на синтез реализма и модернизма.

Радикальные различия между двумя «врачебными» текстами отчетливо проступают на уровне жанровой доминанты. Даже по объему текста (у Вересаева — единое довольно крупное полотно, у Булгакова — короткие рассказы, объединенные в цикл) видно, насколько серьезно подходит к решению проблем Вересаев, приученный литературой

XIX века соотносить глобальные вопросы с формой романа, и прежде всего романа социально-психологического. Безусловно, и булгаковский цикл по форме тяготеет к этой наиболее авторитетной для русского читателя жанровой модели. Более того, «Записки» и в том и в другом случае обнаруживают родство с романом воспитания: посвящение в профессию не может не считываться как своего рода обряд инициации. Однако для Булгакова важна традиция короткого рассказа — динамичного, занимательного, совершенного в своей завершенности, и в этом проявляется опыт не только Пушкина, мастера короткой новеллы, но и — прежде всего — Чехова. Ориентация на чеховский опыт в булгаковском цикле сказывается и в тональности, которую во многом определяет мягкая ирония, неотделимая от самоиронии, и в способах создания образа врача, и в организации хронотопа (исполненный надежд юный врач не может не ассоциироваться с молодым земским доктором Старцевым, еще не увязшим в пошлости провинциального быта, еще не превратившимся в Ионьча).

И все же при всех различиях на уровне установок, писательских задач, категорий художественности Вересаева и Булгакова объединяет главное — верность идеалам русской интеллигенции, неприятие невежества, дикости и мракобесия. Честность и искренность, вера в свет разума, готовность к самопожертвованию, взыскательность и требовательность к себе и деликатность по отношению к другим — все это ставит двух очень разных по природе и силе дарования авторов в один ряд с А. П. Чеховым — писателем и врачом, имя которого является прецедентным не только в связи с реабилитацией малых жанров в русской прозе, но и в связи с феноменом врачебной прозы.

Список источников

1. Булгаков, М. А. (2011). *Записки юного врача*. Фолио.
2. Бурыгина, Т. С. (2013). О роли медицинской профессии в жизни и творчестве врачей-писателей. *Вестник науки Сибири. Серия: Филология. Педагогика*, 4(10), 200–203.
3. Вересаев, В. В. (1961). *Собрание сочинений*: в 5 т. Т. 1. Повести и рассказы. Записки врача. Правда.
4. Игнатенко, М. В. (2017). Жанр «врачебной прозы»: феномен профессионального письма. В Г. Ю. Гуляев (Ред.). *Научные достижения и открытия современной молодежи* (с. 756–760). Сборник статей II Международной научно-практической конференции, Пенза, 12 ноября 2017 года: в 2 ч. Ч. 2. Наука и Просвещение.
5. Каган-Пономарев, М. Я. (2007). *Литераторы-врачи: Очерки и подходы с приложением библиографического словаря*. Дашков и К.
6. Капин, А. В. (2015). Доктор Булгаков в цикле рассказов «Записки юного врача». (2023, 17 июля). *PRODLENKA*. <https://www.prodlenka.org/metodicheskie-razrabotki/136489-doktor-bulgakov-v-cikle-rasskazov-zapiski-jun>
7. Савушкина, Л. В., & Грузнова, И. В. (2018). Этический портрет врача в произведениях В. Вересаева и М. Булгакова. В П. В. Сенин (Отв. за вып.). *XLVI Огаревские чтения* (с. 630–634). Материалы научной конференции: в 3 ч. Ч. 3. Гуманитарные науки. Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева.
8. Ржевский, Л. (1953). Памяти И. А. Бунина. *Грани*, № 20, 3–8.
9. Солнцева, Н. М. (2011). Предисловие. В Т. Т. Давыдова. *Русский неореализм. Идеология, поэтика, творческая эволюция* (с. 2–9). Флинта.
10. Солнцева, Н. М. (2014). Философский контекст неореализма. В Е. А. Певак (Ред.). *Стефанос: Русская литература и культурная жизнь. XX век* (с. 1–16). Интернет-энциклопедия.
11. Чудакова, М. О. (1988). *Жизнеописание Михаила Булгакова*. 2-е изд. Книга.
12. Чудакова, М. О. (2007). *Новые работы: 2003–2006*. Время.

13. Штейман, М. С. (2005). В. Вересаев и М. Булгаков (Проблема традиции и новаторства). *Вестник Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина. Вып. 9. Филологическая серия*, 287–294.
14. Яблоков, Е. А. (2016). «Воет в трубе, истинный Бог, как дитя...» (Мифопоэтика рассказа М. А. Булгакова «Стальное горло»). *Славянский альманах, (1-2)*, 237–253.
15. Яблоков, Е. А. (2002). *Текст и подтекст в рассказах М. Булгакова («Записки юного врача»)*. Тверской государственный университет.
16. Яновская, Л. (1983). *Творческий путь Михаила Булгакова*. Советский писатель.
17. Traumnüller, K. H. M. (2010). *По следам Гиппократа — образ героя-врача в произведениях А. П. Чехова и В. В. Вересаева*. Wien.

Библиографический список

1. Белозерская-Булгакова, Л. Е. (1990). *Воспоминания*. (Сост. и послесл. И. Белозерского). Художественная литература.
2. Бабореко, А. (2009). *Бунин: жизнеописание*. 2-е изд. Молодая гвардия.
3. Лихтенштейн, И. Е. (2012). Михаил Афанасьевич Булгаков: врач и писатель (15.05.1891–10.02.1940). *Новини медицини та фармації*. (2023, 17 июля). <http://www.mif-ua.com/archive/article/34278>
4. Пономарева, Е. В. (1999). *Новеллистика М. А. Булгакова 20-х годов* [Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Екатеринбург].
5. Тан, Мэньвэй. (2016). *Образ героя-интеллекта в русской литературе 1920–1930-х гг.: литературная метрополия и диаспора: диалог с опытом китайской литературы 1950–1960-х гг.* [Диссертация ... канд. филол. наук: 10.01.01. Москва].
6. Troubetzkoy, L. (1993). Récits de deux médecins: Veresaev et Bulgakov. *Revue des Études Slaves*, 65, 253–262.

References

1. Bulgakov, M. A. (2011). *Notes of a young doctor: Folio*. (In Russ.).
2. Burygina, T. S. (2013). On the role of the medical profession in the life and work of doctor-writers. *Vestnik nauki Sibiri. Seriya: Filologiya. Pedagogika*, 4(10), 200–203. (In Russ.).
3. Veresaev, V. V. (1961). *Collected Works: in 5 vols. Vol. 1. Novels and Stories. The memoirs of a physician*. Pravda. (In Russ.).
4. Ignatenko, M. V. (2017). The genre of «medical prose»: the phenomenon of professional writing. In G. Y. Gulyaev (Ed.). *Scientific achievements and discoveries of modern youth* (pp. 756–760). Collection of articles of the II International Scientific and Practical Conference, Penza, November 12, 2017: in 2 parts. Part 2. Nauka i Prosveshchenie. (In Russ.).
5. Kagan-Ponomarev, M. Ya. (2007). *Medical writers: Essays and approaches with the application of a bibliographic dictionary*. Dashkov i K.
6. Kapin, A. B. (2015). Doctor Bulgakov in the cycle of short stories «Notes of a Young Doctor». (2023, July 17). *PRODLENKA*. <https://www.prodlenka.org/metodicheskie-razrabotki/136489-doktor-bulgakov-v-cikle-rasskazov-zapiski-jun> (In Russ.).
7. Savushkina, L. V., & Gruznova, I. V. (2018). Ethical portrait of a doctor in the works of V. Veresaev and M. Bulgakov. In P. V. Senin (Rev. for issue). *XLVI Ogarev readings* (pp. 630–634). Materials of the scientific conference: in 3 parts. Part 3. Humanities. National Research Ogarev Mordovia State University. (In Russ.).
8. Rzhovsky, L. (1953). In Memory of I. A. Bunin. *Grani, No. 20*, 3–8. (In Russ.).
9. Solntseva, N. M. (2011). Preface. In T. T. Davydova. *Russian neorealism. Ideology, poetics, and creative evolution* (pp. 2–9). Flinta. (In Russ.).
10. Solntseva, N. M. (2014). The Philosophical Context of Neorealism. In E. A. Pevak (Ed.). *Στεφανος: Russian Literature and Cultural Life. XX century* (pp. 1–16). Internet Encyclopedia. (In Russ.).

11. Chudakova, M. O. (1988). *A Biography of Mikhail Bulgakov*. 2nd ed. Kniga. (In Russ.).
12. Chudakova, M. O. (2007). *New works: 2003–2006*. (In Russ.).
13. Steiman, M. S. (2005). B. Veresaev and M. Bulgakov (The Problem of Tradition and Innovation). *Vestnik Yelets State University named after I. A. Bunin. Vol. 9. Philological Series*, 287–294. (In Russ.).
14. Yablokov, E. A. (2016). «Howling in the trumpet, the true God, like a child...» (Mythopoetics of M. A. Bulgakov's story «The Steel Throat»). *Slavic Almanac, (1–2)*, 237–253. (In Russ.).
15. Yablokov, E. A. (2002). *Text and subtext in M. Bulgakov's stories («A Young Doctor's Notebook»)*. Tverskoj gosudarstvennyj universitet. (In Russ.).
16. Yanovskaya, L. (1983). *The creative path of Mikhail Bulgakov*. Sovetskij pisatel'. (In Russ.).
17. Traummüller, K. H. M. (2010). *In the footsteps of Hippocrates — the image of the hero-doctor in the works of A. P. Chekhov and V. V. Veresaev*. Wien. (In Russ.).

Bibliography

1. Belozerskaya-Bulgakova, L. E. (1983). *Memories*. (Comp. and afterword. I. Belozersky). Hudozhestvennaya literatura. (In Russ.).
2. Baboreko, A. (2009). *Bunin: biography*. 2nd ed. Molodaya Gvardiya. (In Russ.).
3. Lichtenstein, I. E. (2012). Mikhail Afanasyevich Bulgakov: doctor and writer (15.05.1891–10.02.1940). *News of medicine and pharmacy*. (2023, July 17). <http://www.mif-ua.com/archive/article/34278> (In Russ.).
4. Ponomareva, E. V. (1999). *M. A. Bulgakov's novellistics of the twenties* [Abstract of the dissertation for the PhD (Philology): 10.01.01. Ekaterinburg]. (In Russ.).
5. Tan, Manwei. (2016). *The Image of the Hero-Intelligent in Russian Literature of the 1920s–1930s: Literary Metropolis and Diaspora: a dialog with the experience of Chinese literature of the 1950s–1960s*. [Dissertation for the PhD (Philology): 10.01.01. Moscow]. (In Russ.).
6. Troubetzkoy, L. (1993). Récits de deux médecins: Veresaev et Bulgakov. *Revue des Études Slaves*, 65, 253–262.

Информация об авторах

Чжу Цзыцзин — аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне, Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Наталья Зиновьевна Кольцова — кандидат филологических наук, доцент кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Information about the authors

Zhu Zijing — PhD Student at the Department of Modern Russian Literature and Contemporary Literary Process of the Faculty of Philology, Shenzhen MSU-BIT University; Lomonosov Moscow State University.

Natalia Z. Koltsova — PhD (Philology), Associate Professor at the Department of Modern Russian Literature and Contemporary Literary Process of the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.

Научная статья

УДК 811.111'38

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.51.3.05

СРАВНЕНИЕ В АНГЛИЙСКИХ ПОСЛОВИЦАХ КАК ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ И СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПРИЕМ: СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Алексеева Татьяна Евгеньевна

Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний,
Москва, Россия,

tat-alexeeva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9143-2380>

Аннотация. В статье рассматриваются английские пословицы, содержащие сравнение как грамматическую категорию и как стилистический прием. В паремиологическом фонде английского языка пословицы с компаративными конструкциями представлены довольно широко, так как мыслительная операция сравнения лежит в основе многих других интеллектуальных действий. При использовании методов сплошной выборки, структурно-семантического и количественного анализа было выявлено, что в анализируемых пословицах наиболее частотные прилагательные в сравнительной и превосходной степени — это оценочные прилагательные *good* и *bad*. Сравнительная степень слова *good* встречается чаще, чем превосходная, а типичные структуры, содержащие компаратив, — это безличные предложения (*It is*) *better* и сравнительная конструкция *better than*. В основе многих паремий лежит антитеза, которая может достигаться с помощью антонимических пар, строиться на противопоставлении наличия качества и его отсутствия, а также на сопоставлении количества одного и того же предмета. Сравнительные обороты с положительной коннотацией превалируют над негативными оценками. В количественном отношении синтетические и супплетивные формы степеней сравнения преобладают над аналитическими, что объясняется как происхождением пословиц, так и их особенностями: лаконичностью и ритмичностью. Стилистический прием сравнения нередко лежит в основе английских пословиц, поскольку помогает достаточно простым способом ярко, образно и выразительно описать предмет, явление или человека. Материалы исследования могут быть использованы для обучения английскому языку различных категорий обучающихся.

Ключевые слова: английские пословицы, степени сравнения, компаративная конструкция, стилистический прием, антитеза.

Для цитирования: Алексеева, Т. Е. (2023). Сравнение в английских пословицах как грамматическая категория и стилистический прием: структурно-семантический анализ. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 3(51), 50–63. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.51.3.05>

Original article

UDC 811.111'38

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.51.3.05

COMPARISON IN ENGLISH PROVERBS AS A GRAMMATICAL CATEGORY AND A STYLISTIC DEVICE: STRUCTURAL-SEMANTIC ANALYSIS

Tatyana E. Alexeeva

Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service,
Moscow, Russia,

tat-alexeeva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9143-2380>

Abstract. The article considers the English proverbs containing comparison as a grammatical category and a stylistic device (simile). The paremiological fund of the English language holds a great number of proverbs with comparative structures as the mental operation of comparison forms the basis of many other intellectual activities. Using the methods of continuous sampling, structural-semantic and quantitative analysis the author has found that the evaluative adjectives *good* and *bad* in their comparative and superlative degrees are by far the most frequent words in the proverbs with comparison. The comparative degree of the word *good* is used more often than its superlative degree. The typical structures of the English sayings with comparison are the impersonal sentences beginning with *(It is) better* as well as the comparative structure *better than*. Many proverbs are based on the stylistic device of antithesis that involves opposition of words and ideas achieved mostly through antonyms. Comparative structures with positive connotation prevail over the negative attitudes. In terms of quantity, the synthetic and suppletive forms of comparison prevail over the analytical ones, which can be explained by the proverbs' origin and such features as brevity and rhythmicity. The stylistic device of simile is often used in English proverbs as a means of describing a person or an object in a most simple, concise and effective way. The research materials may be used for teaching English at various levels of studies.

Keywords: English proverbs, degrees of comparison, comparative structure, stylistic device, simile, antithesis.

For citation: Alexeeva, T. E. (2023). Comparison in English proverbs as a grammatical category and a stylistic device: structural-semantic analysis. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3(51), 50–63. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.51.3.05>

Введение

Сравнение — это один из основных видов умственных действий наряду с анализом, синтезом, абстракцией, конкретизацией и т. д. (Краева, 2017). Сравнение в ряде социальных наук и в философии — это познавательная операция, лежащая в основе суждений о сходстве или различии объектов (Философская энциклопедия, 2001).

Сравнение в лингвистике — это синтаксическая конструкция, используемая для выражения сравнения, а в стилистике — фигура речи, в которой происходит уподобление одного предмета или явления другому по какому-либо общему для них признаку (Ахманова, 2007). В английском языке существуют два термина для обозначения этих понятий: *comparison* — для грамматической категории степеней сравнения и *simile* — для соответствующего стилистического приема.

В языкознании также используется термин «компаративность» (*лат.* *comparativus* — сравнительный) — функционально-семантическая языковая категория, отражающая процесс мыслительной деятельности, основанный на сравнении (Ефремова, 2005). Процесс сравнения представляет собой уподобление, установление тождества, сопоставление сходных или различных качественных или количественных признаков либо действий. Соответственно, компаративные конструкции выражают отношения уподобления или подобия, оценки и степени качества, сопоставления, тождества или аналогии (Замай, 2008).

Изучая различные аспекты английских пословиц, а именно их тематику, структурные особенности, средства выразительности, семантику и прагматику (Алексеева, Федосеева, 2019; Алексеева, Федосеева, 2020; Алексеева, 2022), мы заметили, что в основе многих пословичных изречений лежит сравнение либо как количественное или качественное сопоставление разных свойств объектов, либо как стилистический прием. Обилие пословиц, содержащих компаративные конструкции, вполне объяснимо, учитывая, что умственная операция сравнения является базовой для многих других мыслительных операций, а стилистический прием сравнения — одним из наиболее простых и эффективных способов усилить образность высказывания.

Методология исследования

В ходе исследования методом сплошной выборки из словарей английских пословиц было отобрано 580 паремий, содержащих сравнительные конструкции (Fergusson, 1983; Kerschen, 1998; Simpson, 2003; Oxford Dictionary..., 2015; Manser, 2002). Они были разделены на две большие группы на основании наличия или отсутствия в них образной составляющей. Структурно-семантический анализ пословиц, которые представляют собой грамматически и логически законченные изречения (Шишова, 2009), позволил сгруппировать их на основании используемых синтаксических моделей, а количественный анализ дал возможность выявить типичность тех или иных конструкций для выражения компаративности в английских пословицах. Стилистический анализ показал, что, наряду со стилистическим приемом сравнения, в анализируемых пословицах присутствуют и другие средства выразительности: антитеза, повторы, параллельные конструкции и др.

Результаты исследования

В традиционной грамматике прилагательные делятся на относительные и качественные (Качалова, Израилевич, 2018). Для целей нашего исследования актуальна также следующая классификация качественных прилагательных, которая иллюстрирует

соотнесение выражаемого ими содержания с нормой (Жерновая, 2006): параметрические прилагательные, образующие антонимические пары, например *strong – weak* (сильный – слабый), *old – young* (старый – молодой), *cold – hot* (холодный – горячий); оценочные прилагательные — прежде всего *good* и *bad* (хороший – плохой); прилагательные, обозначающие абсолютные качества, например *deaf* (глухой), *blind* (слепой), *empty* (пустой).

Сравнение как грамматическая категория (Comparison)

В английском языке имеется три степени сравнения прилагательных и наречий: положительная, сравнительная и превосходная, которые образуются тремя способами: синтетически — при помощи окончаний *-er*, *-est* у односложных и двусложных слов *great – greater – the greatest* (большой – больший – наибольший); *easy – easier – the easiest* (легкий – более легкий – самый легкий); аналитически — с помощью слов *more* (более), *the most* (наиболее), *less* (менее), *the least* (наименее) у многосложных слов *popular – more popular – the most popular* (популярный – более популярный – самый популярный); *important – less important – the least important* (важный – менее важный – наименее важный); супплетивно — грамматические формы слова образуются от другого корня *good – better – the best* (хороший – лучший – наилучший); *bad – worst – the worst* (плохой – худший – наихудший). Кроме того, для выражения сходства предметов или их различий используются сравнительные конструкции *as ... as* и *not so ... as*.

Поскольку по определению в пословицах зафиксирован практический опыт народа и его оценка определенных жизненных явлений (Ладыженская, Михальская, 1998), самую большую группу изречений составляют паремии с оценочными прилагательными, а именно со сравнительной и превосходной степенями слов *good* и *bad* (хороший и плохой). Так, мы насчитали 162 пословицы со сравнительной степенью *better* (лучше), что составляет 28 % от общего числа пословиц с компаративными конструкциям, и 46 изречений (9 %) с превосходной степенью *best* (наилучший). Гораздо меньше паремий содержат сравнительные конструкции со словами *worse* (худший) (26–5 %) и *worst* (наихудший) (9–2 %).

Анализ пословиц со словом *better* выявил следующие модели построения предложений, перечисляемые далее с указанием их количества в анализируемой группе паремий:

– эллиптические безличные предложения с компаративной конструкцией *better ... than ...*: **Better late than never** ‘Лучше поздно, чем никогда’ (здесь и далее перевод наш. — Т. А.); **Better a glorious death than a shameful life** ‘Лучше смерть славная, чем жизнь позорная’; **Better buy than borrow** ‘Лучше купить, чем брать займы’; **Better to do well than to say well** ‘Лучше хорошо поступать, чем хорошо говорить’ (76 пословиц). Как видно из пословиц этой структуры, в сравнение могут вступать изолированные существительные, существительные с определением, инфинитивы с частицей и без частицы *to*;

– безличные предложения без эллипсиса *It is better ... than ...*: **It is better to give than to receive** ‘Лучше отдавать, чем брать’ **It is better to be born lucky than rich** ‘Лучше родиться удачливым, чем богатым’ (15 пословиц). В пословицах данной структуры используются только инфинитивы с частицей *to*.

Столь значительные расхождения в количестве этих однотипных моделей (76 против 15) можно объяснить стремлением пословичных изречений к максимальной лаконичности и выразительности, которые достигаются за счет опущения легко восстанавливаемых элементов предложения, в данном случае это формальное подлежащее *it* и сказуемое *is*;

– сравнительная конструкция *better than* в функции предикатива: *Prevention is better than cure* ‘Легче предупредить, чем вылечить’; *A feather in hand is better than a bird in the air* ‘Перо в руке лучше, чем птица в небе, ср.: Лучше синица в руке, чем журавль в небе’ (36 пословиц);

– слово *better* в функции определения: *Creditors have better memories than debtors* ‘У кредиторов память лучше, чем у должников’; *He that serves God for money, will serve the devil for better wages* ‘Кто служит Богу за деньги, будет служить и дьяволу, если дьявол заплатит больше’ (6 пословиц).

Преобладание сравнительной степени *better* в предикативной функции объясняется тем, что в такой модели присутствует элемент, с которым происходит сравнение (профилактика болезни сравнивается с ее лечением; перо — с птицей), что делает пословицу более выразительной, тогда как в случае атрибутивного использования слово *better* означает большую степень качества или количества одного и того же объекта (лучшая память; больше денег).

Сравнительная степень от слова *bad* (*worse*) встречается в функциях предикатива и определения:

– *The remedy may be worse than the disease* ‘Лекарство может быть хуже болезни’; *Shame is worse than death* ‘Позор хуже смерти’; *False friends are worse than open enemies* ‘Фальшивые друзья хуже явных врагов’.

– *Worse things happen at sea* ‘В море случаются вещи и похуже’, ср.: ‘Нет худа без добра’; *No man has a worse friend than he brings from home* ‘Нет у человека худшего друга, чем кто-нибудь из домашних’.

Столь явное преобладание пословиц, где в сравнительной конструкции употребляется слово *better*, а не *worse* (162 против 26), возможно, объясняется тем, что человеку психологически проще высказывать положительное, а не негативное суждение о людях, предметах или явлениях.

Из трех степеней сравнения прилагательных самой четкой по содержанию является сравнительная степень (Жерновая, 2006), поэтому в пословицах, которые отличаются меткостью, афористичностью и особой выразительностью, а также обобщают и типизируют различные явления жизни (Ефремова, 2005), превалируют сравнительные конструкции. Тем не менее превосходная степень, которая показывает наибольшую или наименьшую степень признака определенного предмета (человека), также содержится в ряде пословичных изречений, причем в количественном отношении *best* чаще встречается в атрибутивной функции (33 пословицы): *Attack is the best form of defence* ‘Наступление — лучший вид обороны’; *The best things in life are free* ‘Лучшее, что есть в жизни, дается бесплатно’, чем как предикатив (16 пословиц): *Old friends and old wine are best* ‘Старые друзья и старое вино самые лучшие’, ср.: ‘Старый друг лучше новых двух’; *Second thoughts are best* букв. ‘Вторые мысли лучшие’, ср.: ‘Семь раз отмерь, один раз отрежь’.

Паремии с превосходной степенью *worst* весьма малочисленны и употребляются только в функции определения: *Debt is the worst poverty* ‘Долг худший вид бедности’; *Every man is his own worst enemy* ‘Человек свой злейший враг’.

Рассмотрим семантические особенности пословиц с самой частотной сравнительной конструкцией *better than*. Ряд пословиц строится на сопоставлении антонимов. В роли антонимов могут выступать существительные *The truth is better than a lie* 'Правда лучше лжи', ср.: 'Лучше горькая правда, чем сладкая ложь'; прилагательные *Better be happy than wise* 'Лучше быть счастливым, чем мудрым'; глаголы *Better go to bed supperless than rise in debt* 'Лучше лечь спать голодным, чем встать должником'; наречия *Better early than late* 'Лучше рано, чем поздно' и даже предлог *Better a thousand enemies outside the house than one inside* 'Лучше тысяча врагов вне дома, чем один внутри'.

Во многих паремиях присутствуют две пары антонимов: *Lean liberty is better than fat slavery* 'Голодная свобода предпочтительнее сытого рабства' *lean – fat; liberty – slavery*; *A just war is better than an unjust peace* 'Справедливая война лучше несправедливого мира' *just – unjust; war – peace*; *Better a lie that heals than a truth that wounds* 'Лучше ложь, которая лечит, чем правда, которая ранит' *lie – truth; heals – wounds*; *Better a new friend than an old foe* 'Лучше новый друг, чем старый враг' *new – old; friend – foe*.

Многие пословицы с компаративными конструкциями строятся на противопоставлении понятий, действий, образов, состояний, предметов, т. е. на стилистическом приеме антитезы. Так, здоровье противопоставляется богатству *Health is better than wealth* 'Здоровье лучше, чем богатство', мудрость сопоставляется с силой *Wisdom is better than strength* 'Мудрость лучше, чем сила', а доброта — с красотой *Goodness is better than beauty* 'Доброта лучше, чем красота'. Существуют и более сложные построения, когда в оппозицию вступают не отдельные слова, а словосочетания и даже придаточные предложения: *Better deny at once than promise long* 'Лучше сразу отказать, чем долго обещать'; *A friend in court is better than a penny in purse* 'Друг при дворе лучше, чем пенни в кошельке', ср.: 'Не имей сто рублей, а имей сто друзей'; *Dry bread at home is better than roast meat abroad* 'Сухарь дома, лучше жареного мяса на чужбине', ср.: 'Дома и солома съедобна'; *Better ride on an ass that carries me than on a horse that throws me* 'Лучше ехать на осле, который везет, чем на лошади, которая может сбросить'.

В некоторых пословицах наличие качества противопоставляется его отсутствию: *Better a bare foot than none* 'Лучше босой, чем без ноги'; *Better eye sore than all blind* 'Лучше глаз больной, чем совсем слепой'; *Better one-eyed than stone-blind* 'Лучше быть одноглазым, чем совсем слепым'; *Half a loaf is better than no bread* 'Полбуханки лучше, чем совсем без хлеба'; *Better some of the pudding than none of the pie* 'Лучше немного пудинга, чем вообще без пирога'; *A bad excuse is better than none at all* 'Плохое оправдание лучше, чем никакого'.

В ряде пословиц оппозиция строится на количественном сопоставлении одного и того же предмета: *Two heads are better than one* 'Одна голова хорошо, а две лучше'; *Better give a shilling than lend a half-crown* 'Лучше подарить шиллинг, чем дать займы полкроны'.

Любое сравнение подразумевает некоторую оценку человека или явления, при этом положительная коннотация содержит одобрение и вызывает позитивные эмоции, тогда как негативная коннотация предполагает осуждение и пробуждает отрицательное отношение к описываемому объекту. Отмеченное ранее существенное преобладание пословиц с позитивной коннотацией, которую обеспечивает наличие

сравнительных конструкций со словами *better* и *best*, отчасти характеризует народ, создавший эти пословицы, как оптимистов, более склонных видеть положительные стороны жизни.

Как уже было сказано, пословицы со сравнительными степенями оценочных прилагательных *good* и *bad* составили более 40 % от общего количества паремий с компаративными конструкциями, однако не менее интересными с точки зрения употребления, частотности и семантики являются сравнения с участием параметрических прилагательных. Подчеркнем, что синтетические и супплетивные формы степеней сравнения встречаются гораздо чаще (81 пословица: 33 — со сравнительной степенью и 48 — с превосходной степенью), чем аналитические (10 паремий).

С точки зрения синтаксической структуры сравнительная степень таких прилагательных в пословицах употребляется в тех же функциях, что *better* и *worse*:

– в атрибутивной функции: *An empty vessel gives a greater sound than a full barrel* ‘Пустая бочка громче гремит’; *Men are but children of a larger growth* ‘Мужчины — это лишь дети более высокого роста’; *One enemy can do more hurt than ten friends can do good* ‘Один враг может причинить больше вреда, чем десять друзей могут сделать добра’;

– в компаративной конструкции *-er...than...*: *Women in mischief are wiser than men* ‘Женщины в беде мудрее мужчин’; *Truth is mightier than the sword* ‘Истина сильнее меча’; *Truth is stranger than fiction* ‘Иногда правда диковиннее вымысла’;

– в безличных предложениях: *It is easier to pull down than to build* ‘Легче снести, чем построить’; *It is harder to change human nature than to change rivers and mountains* ‘Изменить природу человека труднее, чем изменить реки и горы’;

– в эллиптических безличных предложениях: *Easier said than done* ‘Легче сказать, чем сделать’; *Nothing freer than a gift* ‘Нет ничего более бесплатного, чем подарок’.

Превосходная степень параметрических прилагательных встречается в основном в функции определения: *The darkest place is under the candlestick* ‘Самое темное место — под свечкой’; *The longest day has an end* ‘И самый длинный день когда-то заканчивается’; *Repentance is the loveliest of the virtues* ‘Раскаяние — это прекраснейшая из добродетелей’; *Imitation is the sincerest form of flattery* ‘Подражание — это самая искренняя форма лести’.

Немало пословиц содержит два прилагательных в превосходной степени, при этом прилагательные могут быть антонимами: *The longest way round is the shortest way home*, вариант *The farthest way about is the nearest way home* ‘Самая длинная окольная дорога — это ближайший путь к дому’; *Buy in the cheapest market and sell in the dearest* ‘Покупай на самом дешевом рынке, а продавай на самом дорогом’, либо относиться к разным тематическим группам и сопоставляться в целях создания образности: *The truest jests sound worst in guilty ears* ‘Самые правдивые шутки звучат хуже всего в виноватых ушах’; *He is the best general who makes the fewest mistakes* ‘Тот лучший генерал, кто меньше всего ошибается’; *The greatest truths are the simplest, and so are the greatest men* ‘Величайшие истины — самые простые, как и величайшие люди’.

В особую группу мы выделили пословицы, в которых встретились прилагательные, образующие превосходную степень с помощью окончания *-est*, хотя по правилам английского языка должны образовывать аналитические формы: *The wholesomest meat is at another man's cost* ‘Самое полезное мясо то, что за счет другого’; *The skilfullest wanting money is scorned* ‘Самого искусного охотника за деньгами презирают’.

Подобное некорректное образование превосходной степени акцентирует внимание на самом качестве, делая поговорку более выразительной.

Аналитические формы сравнения, как уже говорили, весьма немногочисленны и употребляются в функции предикатива (компаратив) и определения (суперлатив):

– сравнительная степень: *Diseases of the soul are more dangerous than those of the body* ‘Болезни души более опасны, чем телесные недуги’; *Virtue is more important than blood* ‘Добродетель важнее кровных уз’; *An army of stags led by a lion would be more formidable than one of lions led by a stag* ‘Армия баранов под предводительством льва будет более грозной, чем армия львов под предводительством барана’;

– превосходная степень: *Plain words make the most ornamental speeches* ‘Из простых слов получаются самые яркие речи’; *Wisdom is the least burdensome travelling pack* ‘Мудрость — это наименее обременительный багаж’; *The most useful truths are the plainest* ‘Самые полезные истины — самые простые’.

Малочисленность аналитических форм сравнения в пословичных изречениях объясняется тем, что многосложные слова отличаются более поздним происхождением и относятся к книжно-письменному стилю речи, тогда как поговорка — это общеупотребительное изречение, сочиненное народом и живущее в народной речи (Энциклопедический словарь..., 1890–1907). Кроме того, поговоркам свойственны лаконичность и ритмичность, что труднодостижимо при употреблении длинных слов.

Сравнительная конструкция типа *the more ... the better* довольно широко представлена в поговорках (35 паремий). Среди них есть очень короткие, которые состоят только из прилагательных в сравнительной степени: *The older, the wiser* ‘Чем старше, тем мудрее’; *The more, the merrier* ‘Чем больше, тем лучше’; ср.: ‘В тесноте, да не в обиде’, *The more noble, the more humble* ‘Чем благороднее, тем скромнее’.

В следующей группе паремий, наряду с прилагательным в компаративной конструкции, присутствуют сравниваемые объекты: *More haste, less speed* ‘Чем больше спешка, тем меньше скорость’; ср.: ‘Тише едешь — дальше будешь’; *The more laws, the more offenders* ‘Чем больше законов, тем больше правонарушителей’; *The more knave, the better luck* ‘Чем круче мошенник, тем больше удача’.

В сравнение вступают не только отдельные слова и словосочетания, но и предложения: *The more women look in their glass, the less they look to their house* ‘Чем больше женщины смотрятся в зеркало, тем меньше занимаются домашним хозяйством’; *The older the bird, the more unwillingly it parts with its feathers* ‘Чем старше птица, тем труднее ее ощипать’.

Иногда с целью акцентировать внимание на описываемом объекте, его помещают в начало предложения, а затем заменяют на местоимение: *Friendship, the older it grows the stronger it is* ‘Дружба, чем старше она становится, тем крепче’; *Revenge, the longer it is delayed, the crueller it grows* ‘Месть, чем дольше она откладывается, тем более жестокой становится’; *A woman, the more curious she is about her face, the more careless about her house* ‘Женщина, чем больше она интересуется своей внешностью, тем меньше заботится о доме’. В препозиции может оказаться даже предложение: *He that falls into the dirt, the longer he stays there the fouler he is* ‘Тот, кто упал в грязь: чем дольше он там остается, тем грязнее становится’.

С семантической точки зрения в поговорках этого типа прилагательные в сравнительной форме могут повторяться: *(The) sooner begun, (the) sooner done* ‘Чем раньше начато, тем скорее закончено’; *The greater the man, the greater the crime* ‘Чем более

велик человек, тем более велико его преступление»; *The more you have, the more you want* 'Чем больше имеешь, тем больше хочешь'. Другие строятся на противопоставлении антонимов: *The more said, the less done* 'Чем больше говорится, тем меньше делается'; *The nearer the church, the farther from God* 'Чем ближе к церкви, тем дальше от Бога'; *The worse the husband, the better the soldier* 'Чем хуже муж, тем лучше солдат'.

В ряде пословиц подобной структуры наблюдается причинно-следственная связь между сравниваемыми объектами, например *The greater the crime, the higher the gallows* 'Чем серьезнее преступление, тем выше виселица'; *The uglier the woman, the better the house-wife* 'Чем более некрасива женщина, тем лучше из нее домашняя хозяйка'; *The higher the mountain, the greater descent* 'Чем выше гора, тем длиннее спуск'; *The higher the ape goes, the more he shows his tail* 'Чем выше поднимется обезьяна, тем больше виден ее хвост'.

Анализ паремий с компаративными конструкциями подтверждает основные характеристики пословиц:

– краткость, достигаемая с помощью эллиптических предложений, использования синтетических и супплетивных форм степеней сравнения;

– назидательность: сравнение может восприниматься как одобрение *The more, the merrier* 'Чем больше, тем веселей' и неодобрение *Empty vessels make the most sound* 'Пустой сосуд гремит громче всего', как совет *Example is better than precept* 'Пример лучше, чем наставление', поучение *Of two evils choose the less* 'Из двух зол выбирай меньшее' и предостережение *Better the devil you know than the one you don't know* 'Лучше известное зло, чем неизвестное', успокаивание *The worse luck now, the better another time* 'Не повезло сейчас, повезет в следующий раз' и упрек *The more said, the less done* 'Чем больше сказано, тем меньше сделано';

– отражение истины: сравнения проистекают из опыта и житейских наблюдений людей на протяжении многих лет, и поэтому им свойственны мудрость и правдивость. Так, мы знаем из собственного опыта, что лучше промолчать, чем говорить невпопад *Better say nothing, than not to the purpose*, что не стоит покупать дешевые вещи, это обойдется тебе дороже *Cheapest is the dearest*, что хороший друг может быть ближе родственника *A good friend is my nearest relation*;

– меткость и афористичность, которые выражаются в лаконичности, емкости, широком уровне обобщения. Так, пословица *Near is my shirt, but nearer is my skin* 'Своя рубашка ближе к телу', смысл которой заключается в том, что люди всегда ставят собственное благополучие и проблемы своих близких выше интересов других людей, отражает реальное и вполне естественное положение дел и может быть применима в разных жизненных ситуациях;

– образность и выразительность, которые достигаются за счет использования антонимии, антитезы, метафоры и других стилистических приемов, к которым относится в том числе сравнение (simile).

Сравнение как стилистический прием (Simile)

Сравнение как стилистический прием является универсальным способом описать предмет через сопоставление его с другими предметами в целях достижения

образности и выразительности. Обратимся к пословицам, содержащим данный прием, который обычно реализуется с помощью предлогов *like* (как) или *as ... as* (такой, как). Предлог *like* присутствует в 43 пословичных изречениях, тогда как *as ... as* — только в четырех.

Мы обнаружили девять паремий, которые строятся по одной модели: человек/мужчина (*man*), лишенный какого-то значимого качества/предмета, сравнивается с другим объектом, одушевленным или неодушевленным, которому также не хватает чего-то важного: *A man without a country is like a man without a soul* ‘Человек без родины подобен человеку без души’; *A man without aim is like a clock without hands* ‘Человек без цели подобен часам без стрелок’; *A man without purpose is like a ship without a rudder* ‘Человек без цели подобен кораблю без руля’; *A man without religion is like a horse without a bridle* ‘Человек без веры подобен лошади без узды’; *A man without a woman is like a ship without a sail* ‘Мужчина без женщины все равно, что корабль без паруса’; *A man without ambition is like a woman without beauty* ‘Мужчина без амбиций подобен женщине, лишенной привлекательности’; *A gentleman without an estate is like a pudding without suet* ‘Джентльмен без поместья подобен пудингу без нутряного сала’; *Nobility without ability is like a pudding wanting suet* ‘Человек с аристократическими замашками, но без денег, подобен пудингу без сала’. Повторы слова *without* и однотипность синтаксических конструкций в вышеприведенных пословицах служат для усиления эмоционального воздействия сравнения.

В пословичном фонде английского языка есть еще одна довольно часто встречающаяся модель с параллельными конструкциями и повторами, которые служат для усиления выразительности высказывания: *Like mother, like daughter* ‘Какова мать, такова и дочь’; *Like father, like son* ‘Каков отец, таков и сын’; *Like parents, like children* ‘Каковы родители, таковы и дети’; *Like master, like man* ‘Каков хозяин, таков и работник’; *Like priest, like people* ‘Каков поп, таков и приход’; *Like teacher, like pupil* ‘Каков учитель, таков и ученик’. Краткость и ритмичность пословиц этой структуры способствуют их запоминаемости и широкой употребительности в речи.

Нередко люди, чаще всего женщины, сравниваются с животными, причем такие уподобления носят негативный характер, например *Women are like wasps in their anger* ‘Женщины в гневе подобны осам’; *A woman's tongue wags like a lamb's tail* ‘Язык женщины болтается как хвост ягненка’; *Women in state affairs are like monkeys in glass-houses* ‘Женщины в государственных делах что обезьяны в стеклянных магазинах’; *A skinny woman's like a racehorse: fast and fun but no good for work* ‘Худая женщина подобна скаковой лошади: быстрая и веселая, но для работы не годится’. Подобное уничижительное описание женщины свидетельствует об отношении к ней в обществе, где доминируют мужчины.

Если в пословице есть две компаративные конструкции, то она обычно строится как антитеза: *Lending is like throwing away, being paid is like finding something* ‘Дать в долг, все равно что выбросить, а получить деньги обратно, все равно что найти’; *A man enlightened is like heaven; a mind in darkness is like hell* ‘Просвещенный человек подобен раю, ум во тьме подобен аду’; *Spenders work like horses and spend like asses* ‘Транжиры работают как вола, а тратят деньги как ослы’.

Неслучайно стилистический прием *simile* называют красочным сравнением. Пословицы, в основе которых лежит этот стилистический прием, отличаются образностью и особой выразительностью: *A man of words and not of deeds is like a garden*

full of weeds ‘Человек слова, а не дела подобен саду, заросшему сорняками’; *A young maid married to an old man is like a new house thatched with old straw* ‘Молодая девушка, выходящая замуж за старика, подобна новому дому, крытому старой соломой’; *To marry a woman for her beauty is like buying a house for its coat of paint* ‘Жениться на женщине из-за ее красоты, все равно что покупать дом из-за того, что он хорошо покрашен’.

Ранее упоминалось, что существует еще одна сравнительная конструкция, выражающая уподобление, — *as ... as*, которая используется довольно редко: *Plain women are as safe as churches* ‘Некрасивая женщина надежна, как церковь’; *Women are as fickle as April weather* ‘Женщины непостоянны, как апрельская погода’; *The receiver is as bad as the thief* ‘Скупщик краденого все равно что вор’; *Hatred is as blind as love* ‘Ненависть так же слепа, как любовь’.

Стилистической троп сравнения не является единственным средством выразительности, который был выявлен нами в анализируемой группе пословиц. Так, паремии с компаративными конструкциями содержат:

– эпитеты: *Better a lean peace than a fat victory* ‘Худой мир лучше доброй ссоры’; *There is nothing worse than a shameful life* ‘Нет ничего хуже, чем жизнь в позоре’, ср.: ‘Бесчестье хуже смерти’;

– метафоры: *Better be the head of a dog than the tail of a lion* ‘Лучше быть головой собаки, чем хвостом льва’; *It is better to be the hammer than the anvil* ‘Лучше быть молотом, чем наковальней’;

– рифму: *Honesty is the best policy* ‘Честность — лучшая политика’; *East or west — home is best* ‘Восток ли, запад ли, а дома лучше’, ср.: ‘В гостях хорошо, а дома лучше’;

– повторы: *Like author, like book* ‘Какой автор, такая и книга’; *No longer pipe, no longer dance* ‘Не будет дудки — не будет и танцев’;

– параллельные конструкции: *Old wood is best to burn, old horse to ride, old books to read, and old wine to drink* ‘Сухие дрова хороши для огня, старая лошадь — для езды, старые книги — для чтения, а старое вино — для выпивки’; *It is better to be hated for what you are than to be loved for something you are not* ‘Лучше быть ненавидимым за то, какой ты, чем быть любимым за то, кем ты не являешься’.

Соединение стилистического приема сравнения с другими средствами выразительности — лексическими (эпитеты, метафоры) и синтаксическими (повторы, параллельные конструкции) — усиливает эмоциональное воздействие пословицы, делает ее более образной и запоминающейся.

Заключение

Подводя итог нашему исследованию, можно отметить следующее:

– в паремиологическом фонде английского языка пословицы с компаративными конструкциями встречаются в большом количестве, поскольку интеллектуальная операция сравнения одного объекта с другим лежит в основе многих мыслительных действий;

– среди проанализированных пословичных изречений превалируют паремии со степенями сравнения оценочных прилагательных *good* и *bad*, что вполне логично,

так как пословицы нередко содержат оценку того или иного человека, явления или жизненной ситуации;

– количество пословиц с положительной коннотацией значительно превосходит число паремий с негативной оценкой, что, на наш взгляд, демонстрирует желание людей видеть в окружающей действительности хорошую сторону и, возможно, свидетельствует об особенностях английского менталитета;

– сравнительная конструкция *better than* является самой частотной в анализируемой группе паремий, а типичные синтаксические структуры — это эллиптические безличные предложения и предикативное употребление компаратива;

– установление отличий, преимуществ и недостатков, которое достигается за счет употребления компаратива, встречается чаще, чем превосходная степень, что объясняется тем, что сравнительная степень позволяет достичь большей образности и выразительности высказывания;

– синтетические и супплетивные формы сравнения используются гораздо чаще, чем аналитические, что объясняется, с одной стороны, давним происхождением многих пословиц, а с другой — их стремлением к лаконичности и ритмичности;

– многие пословицы, содержащие компаративные конструкции, строятся на стилистическом приеме антитезы, т. е. противопоставлении образов, понятий, предметов, причем достигается подобное противопоставление нередко за счет антонимии;

– сравнение (*simile*) является одним из наиболее частотных стилистических приемов в английском пословичном фонде, поскольку благодаря богатым выразительным возможностям помогает сделать пословицу меткой, образной и афористичной.

Материалы данного исследования будут полезны при обучении английскому языку разных категорий обучающихся, в частности школьников при изучении грамматической темы «Степени сравнения прилагательных». Так, пословицы могут быть использованы в качестве материала для фонетической зарядки или лучшего запоминания супплетивных и синтетических форм сравнения прилагательных. В старших классах паремии с компаративными конструкциями послужат стимулом для развития навыков устной речи. Например, пословица *False friends are worse than open enemies* ‘Фальшивые друзья хуже явных врагов’ можно предложить для ее толкования, обсуждения или написания эссе на эту тему. В языковом вузе пословицы с компаративными конструкциями используют в качестве примеров фразеологизмов в курсе изучения лексикологии, а также иллюстрации средств выразительности (*simile*) в курсе дисциплины «Стилистика английского языка».

Список источников

1. Краева, И. А. (2017). Некоторые языковые средства выражения сравнения и градации качества в английском языке. *Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки*, 6(777), 13–20.
2. *Философская энциклопедия*. (2023, 10 июля). <https://rus-philosophical-enc.slovaronline.com>
3. Ахманова, О. С. (2007). *Словарь лингвистических терминов*. 4-е изд., стер. КомКнига.
4. Ефремова, Т. Ф. (2005). *Современный толковый словарь русского языка*: в 3 т. АСТ.
5. Замай, С. Ю. (2008). Функционально-семантическая категория компаративности и средства ее репрезентации в русском и английском языках. *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение*, 6, 90–93.
6. Алексева, Т. Е., & Федосеева, Л. Н. (2019). Английские паремии о богатстве и деньгах: семантический и прагматический аспекты. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*, 6(139), 168–172.

7. Алексеева, Т. Е., & Федосеева, Л. Н. (2020). Стилистические приемы и средства выразительности в английских пословицах. *Известия Воронежского государственного педагогического университета*, 2(287), 159–163.
8. Алексеева, Т. Е. (2022). Английские пословицы как отражение социальных стереотипов. *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология*, т. 28, 3, 127–135.
9. Fergusson, R. (1983). *The Penguin dictionary of proverbs*. Market House Books Ltd.
10. Kerschen, L. (1998). *American Proverbs About Women: A Reference Guide*.
11. Simpson, J. A. (2003). *The Concise Oxford Dictionary of Proverbs*. Oxford University Press.
12. *Oxford Dictionary of Proverbs*. (2008). Oxford University press.
13. Manser, M. H. (2002). *The Facts on File Dictionary of Proverbs*. (2023, July 10). https://archive.org/details/DictionaryOfProverbs_201303/mode/2up
14. Шишова, Н. В. (2009). *Культурология*. Словарь-справочник. Феникс. Книга.
15. Качалова, К. Н., & Израилевич, Е. Е. (2018). *Практическая грамматика английского языка с упражнениями и ключами*. КАРО.
16. Жерновая, О. Р. (2006). Статус позитива в грамматической категории степеней сравнения имен прилагательных (на материале английского языка). *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Филология*, 1, 66–70.
17. Ладыженская, Т. А., & Михальская, А. К. (1998). *Педагогическое речеведение*. Словарь-справочник. Флинта, Наука.
18. *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона* (1890–1907). <https://gufo.me/dict/brockhaus>

References

1. Kraeva, I. A. (2017). Linguistic means of expressing comparison and gradation of quality in English. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 6(777), 13–20. (In Russ.).
2. *Philosophical Encyclopedia*. (2023, July 10). <https://rus-philosophical-enc.slovaronline.com> (In Russ.).
3. Akhmanova, O. S. (2007). *Dictionary of linguistic terms*. 4th ed., ster. Komkniga. (In Russ.).
4. Efremova, T. F. (2005). *Modern explanatory dictionary of the Russian language: in 3 vols*. AST. (In Russ.).
5. Zamai, S. Yu. (2008). Functional-semantic category of comparativeness and means of its representation in Russian and English. *The Bulletin of the Adyghe State University. Series 2: Philology and the Arts*, 6, 90–93. (In Russ.).
6. Alekseeva, T. E., & Fedoseeva, L. N. (2019). English paremias of wealth and money: Semantic and pragmatic aspects. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 6(139), 168–172. (In Russ.).
7. Alekseeva, T. E., & Fedoseeva, L. N. (2020). Stylistic devices and expressive means in English proverbs. *Izvestia Voronezh State Pedagogical University*, 2(287), 159–163. (In Russ.).
8. Alekseeva, T. E. (2022). English proverbs as a reflection of social stereotypes. *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, vol. 28, 3, 127–135. (In Russ.).
9. Fergusson, R. (1983). *The Penguin Dictionary of Proverbs*. Market House Books Ltd. (In English).
10. Kerschen, L. (1998). *American Proverbs About Women: A Reference Guide*. Greenwood Press. (In English).
11. Simpson, J. A. (2003). *The Concise Oxford Dictionary of Proverbs*. Oxford University Press. (In English).
12. *Oxford Dictionary of Proverbs*. (2008). Oxford University press. (In English).
13. Manser, M. H. (2002). *The Facts on File Dictionary of Proverbs*. (2023, July 10). https://archive.org/details/DictionaryOfProverbs_201303/mode/2up (In English).
14. Shishova, N. V. (2009). *Culturology*. Reference book. Feniks. Kniga. (In Russ.).

15. Kachalova, K. N., & Izrailevich, E. E. (2018). *Practical English grammar with exercises and keys*. KARO. (In Russ.).
16. Zhernovaya, O. R. (2006). The status of a positive in the grammatical category of degrees of comparison of adjectives (based on the material of the English language). *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. Series: Philology, 1*, 66–70. (In Russ.).
17. Ladyzhenskaya, T. A., & Mikhalskaya, A. K. (1998). *Pedagogical speech science*. Dictionary. Flinta, Nauka. (In Russ.).
18. *Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron* (1890–1907). <https://gufo.me/dict/brockhaus> (In Russ.).

Информация об авторе

Татьяна Евгеньевна Алексеева — кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний.

Information about the author

Tatyana E. Alexeeva — PhD (Philology), Associate Professor of Foreign Languages Department, Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК 821.161.1–312.9.09"19/20"

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.51.3.06

**ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ
В ФАНТАСТИЧЕСКОЙ ДИЛОГИИ СЕРГЕЯ ЛУКЪЯНЕНКО
«Z: КВАЗИ. КАЙНОЗОЙ»****Штукарева Елена Борисовна**Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС»,
Москва, Россия,shtukareva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3082-9755>

Аннотация. В статье проанализированы лексические и грамматические особенности, стилистические приемы, используемые Сергеем Лукьяненко в его фантастической дилогии «Z: Квази. Кайнозой», что позволяет увидеть отличительные черты идиостиля популярного писателя. Данное произведение ранее не становилось предметом специального исследования, чем обусловлены актуальность и новизна настоящей работы. Современное отечественное фантаствоведение, являясь относительно молодой отраслью гуманитарного знания, нуждается в лингвистических данных о том, как реализуются в фантастическом дискурсе языковые средства, какие из них наиболее частотны, какие функции они выполняют, как позволяют автору правдоподобно изобразить нереальное. Исследование строится на основе методов лингвостилистического анализа текста, лингвистического описания и сплошной выборки. Автор приходит к выводу о том, что спецификой творческого почерка писателя и одним из ключей к его успеху является сочетание разговорного стиля изложения и различных приемов создания комического, доминирующую роль в которых играют трансформированные фразеологизмы, аллюзии и каламбуры, интуитивно понятные широкому кругу читателей.

Ключевые слова: жанр апокалипсиса, фантаствоведение, стилистические приемы, трансформация фразеологизмов, окказионализмы, псевдотермины, латиница, литера z, аллюзия, каламбур, идиостиль, языковые особенности.

Для цитирования: Штукарева, Е. Б. (2023). Языковые особенности и стилистические приемы в фантастической дилогии Сергея Лукьяненко «Z: Квази. Кайнозой». *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 3(51), 64–78. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.51.3.06>

Original article

UDC 821.161.1–312.9.09"19/20"

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.51.3.06

**LINGUISTIC FEATURES AND STYLISTIC DEVICES
IN SERGEY LUKYANENKO'S FANTASTIC DILOGY
«Z: KVAZI. CENOZOIC»****Elena B. Shtukareva**National University of Science and Technology «MISIS»,
Moscow, Russia,shtukareva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3082-9755>

Abstract. The article analyzes the lexical and grammatical features as well as stylistic devices used by S. Lukyanenko in his fantastic diology «Z: Quazi. Cenozoic», which allows to see the distinctive features of the popular writer's literary style. Previously, this work has not become the subject of a special study, which determines the relevance and novelty of this research. Modern science fiction science in Russia, as a relatively young branch of humanitarian knowledge, needs linguistic data on how linguistic means are implemented in fantastic discourse, which of them are the most frequent, what functions they implement, and how they allow the author to plausibly depict the unreal. The study relies on the methods of linguo-stylistic text analysis, linguistic description and continuous sampling. The author comes to the conclusion that the key to the writer's success is a combination of a simple conversational style of presentation and various techniques for creating a comic effect, in which the transformed phraseological units, allusions and puns understandable to a wide range of readers, play a dominant role.

Keywords: genre of apocalypse, science fiction, stylistic devices, transformation of phraseological units, occasionalisms, pseudo-terms, Latin, letter «z», allusion, pun, ideostyle, linguistic features.

For citation: Shtukareva, E. B. (2023). Linguistic features and stylistic devices in Sergey Lukyanenko's fantastic diology «Z: Kvazi. Cenozoic». *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3(51), 64–78. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.51.3.06>

Введение

Творчество Сергея Лукьяненко, яркого представителя современной отечественной фантастики, обладателя многочисленных литературных наград, не только привлекает внимание читателей, критиков и кинорежиссеров, но и становится предметом исследования литературоведов, лингвистов, философов, политологов, культурологов. Причину такого разнопланового интереса к творчеству писателя Л. М. Рыльщикова видит в том, что, несмотря на развлекательный характер его произведений, в них поднимаются серьезные философские и этические темы (Рыльщикова, 2010). Подтверждение такой точки зрения находим и в работах многих других исследователей. В. М. Соловьев пишет о воспитательном потенциале современной российской массовой литературы, в том числе и произведений С. Лукьяненко, которые отражают идеи гуманизма и актуальные для России духовные ценности (Соловьев, 2018). По мнению Б. О. Майера, произведения фантаста важны для понимания изменения архетипов общественного сознания в России начала XXI века (Майер, 2010, с. 105). В. А. Ковалев отмечает, что относительно свободные фантастические жанры представляют социально-политический интерес, поскольку здесь отражается культурная и политическая действительность, а «прогнозируемые сценарии будущего так или иначе заставляют считаться с собой уже в настоящем» (Ковалев, с. 74).

Мистические темы С. Лукьяненко использует в качестве повода для обсуждения философских «раскольничьих вопросов» разделения общества на обычных и необычных личностей (Савкина, 2013).

Рассматривая в диахронии содержание философских категорий жизни, смерти и бессмертия, трактуемые разными науками и философскими учениями, Ю. С. Гуров приводит в качестве литературных иллюстраций развития идей бессмертия в современном обществе художественные образы, созданные Лукьяненко (Гуров, с. 176).

Интерпретацию мифологем, фольклорных и философских деталей русской классики в творчестве С. Лукьяненко наблюдает Т. С. Злотникова (Злотникова, 2008). Проявлению элементов поэтики волшебной сказки и мифологических мотивов посвящены исследования Е. В. Шилиной и В. С. Малых (Шилина, 2007; Малых, 2020).

Число лингвистических исследований текстов Сергея Лукьяненко относительно мало, в них рассматриваются определенные языковые средства и стилистические приемы на материале избранных произведений: окказионализмы, историзмы и архаизмы в качестве средства создания вымышленной действительности в научно-фантастическом дискурсе (Рыльщикова, 2010); типы, функции и семантические особенности метафоры при создании художественного образа как составляющие типологической характеристики современных фантастических жанров (Луговая, 2015); текстообразующие свойства фразеологических единиц (Яблонская, 2020); переключки с текстами других авторов (Иоффе, 2012); намеренное нарушение орфографических и пунктуационных норм (Литневская, 2010); особенности перевода отдельных произведений на иностранные языки (Сурова, 2015; Абаева, 2014).

Целью настоящей работы является анализ языковых особенностей и стилистических приемов дилогии С. Лукьяненко «Z: Квази. Кайнозой» (2016–2018) (Лукьяненко, 2016–2018), которая еще не становилась предметом научного исследования, как не рассматривались ранее в комплексе лингвистические и стилистические ресурсы какого-либо произведения автора. Актуальность исследования подтверждается также и читательским интересом к творчеству писателя, герои произведений которого — наши современники или жители недалекого будущего, поэтому в его сочинениях мы можем увидеть отражение культурных пластов, идей, настроений нашего времени. Выявление доминирующих языково-стилистических черт отдельных произведений вносит свой вклад в изучение идиостиля писателя и стилеобразующих характеристик современного фантастического жанра апокалипсиса.

Стимулом, пробудившим наш исследовательский интерес именно к данному произведению, стало использование в его названии латинской буквы Z. Обращение к латинице в составе заголовков и маркетинговых наименований¹ — достаточно распространенный прием языковой игры, который можно наблюдать как в маркетинговых текстах (детский лагерь «KANНИКУЛЫ»), телевизионная передача «БЕСОГОНТВ», новостное сообщение в СМИ «Инспекция 2.0 в Михайлове», повести С. Минаева «Dухless» и «The телки»; романы «Про любовь/он» О. Робски, «Ампир “V”» В. Пелевина; спектакль «Девичник» реж. Е. Смышляевой; комедия «Lё Тартюф» реж. Р. Гиги-неишвили; мультипликационный сериал «Турбозавры» реж. А. Котеночкина).

В 2022 году частотность употребления буквы Z в текстах медийного характера заметно возрастает. С началом специальной военной операции России литера наполняется

¹ Подробнее о понятии «маркетинговый текст, маркетинговое наименование» в работе «Языковые особенности маркетингового текста в социальных сетях» (Штукарева, 2020).

новым идеологическим, лозунговым содержанием: она свидетельствует о выражении поддержки российских вооруженных сил. Произведения, ставшие предметом нашего исследования, были написаны немногим ранее этих политических событий — в 2016 и 2018 годах, однако уже здесь данная буква наполняется смыслом идеологическим: она используется как символ новой вымышленной религии — квазианства, ее мы видим и в названии обеих частей диалогии. Справедливо сказать, что вкрапление литеры Z в русское слово является популярным приемом на протяжении последних лет во многих маркетинговых наименованиях (исполнительниц A(Z)IZA, Глюкоза, Земфира, псевдоним писателя-фантаста Zотов, научно-исследовательский центр «АУРА-Z», сеть развлекательных центров для детей Замания), ее лидерство по сравнению с другими латинскими буквами в графическом иноязычии русских текстов замечает Т. М. Григорьева (Григорьева, 2009). Скорее всего, автор романов прибегает к графической игре именно со знаком Z, поскольку он не лишен романтического ореола и не раз использовался создателями других произведений (вспомним символ героя «Зорро», к/ф «Война миров Z», реж. М. Форстер, 2013; к/ф «Затерянный город Z», реж. Дж. Грей, 2016).

Ход исследования

Жанровая характеристика и основная тема диалогии

Главная тема, объединяющая произведения диалогии, — угроза глобального военного противостояния постапокалиптического мира, идеологическим базисом которого является концепция исключительности избранной расы (ею становятся неживые и мертвые существа под именем *quazi*), а в качестве оружия используется трансформированный вирус ветряной оспы, поражающий лишь взрослое население.

Жанровые особенности романов «Квази» и «Кайнозой» отражают свободный и гибкий характер фантастической литературы в целом. Обе части диалогии представляют собой сплетение двух популярных в современной массовой литературе жанровых форм: детектива, главный герой которого, Денис Симонов, полицейский, а позже сотрудник госбезопасности, ведет расследование убийства и постепенно раскрывает интригующую цепочку преступлений, подозреваемых, участников и свидетелей, и особого жанра научной фантастики — постапокалипсиса, фантастического повествования о событиях, случившихся после глобального катаклизма (Исковских, 2018, с. 1579). Используя в качестве основы сюжета неновую идею противостояния мертвых и живых, Сергей Лукьяненко по-своему трансформирует ее: восстание мертвецов привело к расколу общества на три типа существ: живых людей, «восставших» (оживших мертвецов, людоедов) и «возвысившихся» квази (человекоподобных особей, наделенных способностью регенерировать пораженные части тела, а потому существовать бесконечно долго, почти полным отсутствием эмоций, преобладанием логики над чувствами, неспособностью лгать, развиваться, менять род своих занятий, и при этом они не могут иметь потомства). Интрига создается автором за счет того, что противостоящими сторонами на протяжении всего действия представляются люди и мертвецы, квази выполняют роль союзников, однако, только приближаясь к развязке, читатель осознает, что более серьезную опасность для человечества представляют именно эти существа, наделенные необычайными способностями.

Сквозь призму детективных и фантастических событий автор обращается к таким серьезным философским темам, как право на избранность, идея сверхчеловека как спасителя цивилизации, война как механизм управления обществом, бремя и преимущество бессмертия, нравственный выбор личности, рациональность и чувства в жизни человека.

Языковые особенности диалогии

Повествование в диалогии ведется от лица главного героя и отражает характер рассказчика: его вульгарность, цинизм, за которыми прячутся чувствительность и пережитая личная трагедия, склонность к сарказму и иронии, начитанность и нестандартное интуитивное мышление.

Лексические особенности языка писателя в диалогии проявляются в преобладании разговорной, а часто и более сниженной, просторечной, иногда грубой, фамильярной, с отрицательной коннотацией лексикой: *зануда, дурик, папаша, парнишка, алкаш, мертвяк, задохлик, старлей, сопляк, фотки, вояка, бабулька, старикан, старичье, мужики, едоки, зеваки, бомжи, хакеры, рожки, безопасники, гэбэшники, менты, мобильники, матюки, крышка 'гибель, конец', трубка 'мобильный телефон', мобильник, ветрила 'сильный ветер', поганый, офигительный специалист, ернический тон, страхолудные рожки, дура дохлая, толстый тюфяк* (в характеризующе-оценочном значении); *прикончить, урыть, ерничать, врать, жрать, дуй 'отправляйся', темнит 'скрывает', буркнул, отпёр дверь, глянуть, свыкнуться, смылся 'быстро ушел, убежал', забухтел, изгваздал, селфиться, торчать 'находиться', грузить 'делиться проблемами, побуждая собеседника к сопереживанию', колись 'признавайся', захихикал, скалился, забить в трубку 'включить в список контактов мобильного телефона', таскать, тусовались, хмыкнул, загулял 'нашел себе любовницу', отвязался 'отстал', приспичило, угораздило, чатиться, юркнул, прикинь 'представь', нарывался, угораздило, лопают 'ест', вырубить 'лишить сознания'; нынче, до ужаса 'очень', потихоньку; Питер, питерский* и др.

Книжная лексика употребляется в единичных предложениях, и при этом в ироническом переосмыслении. Главный герой часто подтрунивает над правильной, выверенной, стройной речью своего коллеги, отражающей особенности характера квази: преобладание логики над эмоциями, — поэтому именно в уста квази-героя автор вкладывает выражение *потерпеть фиаско*. Критическая оценка недостаточно откровенной Марии Белинской содержится в слове *тифия* 'древнегреческая жрица-прорицательница в храме Аполлона в Дельфах', употребленного в речи Дениса в характеризующем противоположном словарному значении: «Тоже мне, *тифия*, туманные пророчества и страдания мирового масштаба, ни одного слова прямо!»² (здесь и далее курсив наш. — Е. Ш.) Убийство, совершенное восставшим из мертвых, Денис описывает книжным глаголом: «Но грабитель просчитался, профессор восстал очень быстро и *покарал* своего убийцу».

Высока частотность употребления разговорных и жаргонных фразеологических единиц. Значительная их часть употребляется в узуальном, словарном, значении и составе:

² Здесь и далее источник цитат: Лукьяненко С. Квази. Кайнозой // Литрес. Серия «Квази». 2016–2018. <https://www.litres.ru/serii-knig/kvazi/elektronnie-knigi/> (дата обращения: 10.06.2023).

по фене не ботаю, тайна за семью печатями, мир сошел с ума, на побегушках, выбить почву из-под ног, валять дурака, поставить на уши, залечь на дно, сорвать джекпот, игра в поддавки, в холодильнике мышшь повесилась, раскатать губу, каждой твари по паре, компостировать мозги, тришкин кафтан, птица высокого полета, дал деру, хрен редьки не слаще, шила в мешке не утаить, век живи — век учись, с бору по сосёнке; за что купил, за то продал и многие другие. Наблюдаем употребление фразеологизма высокого стиля *дамоклов меч* как характеристики опасности, нависшей над всем человечеством.

В диалогии присутствует ряд псевдотерминов, или квазислов, имитирующих научную терминологию и образованных по известным словообразовательным моделям сложения слов и их основ: *некронейроны* ‘клетки нервной системы квази’, *Z-вирус* ‘вирус, превращающий мертвых людей в квази’. Результат языковой игры вследствие графической трансформации и переосмысления прототипов представляют собой неологизмы *квази* ‘подобный человеку, производный от человека, переродившийся мертвец’ и *кайнозой* ‘прогнозируемая эра, в которой квази становятся лидирующей расой, управляющей людьми и использующей их лишь как биологический материал’ (ср.: *квази* — первая часть сложных слов со значением ‘мнимый’ и *кайнозой* — название одной из геологических эр развития Земли). Почему в качестве наименования грядущей эры автор использует наименование эры прошлого? Предполагаем, что ответ содержится в созвучии квазитермина с именем Каин, которое также упоминается в тексте произведения, в романе звучит идея о том, что квази существуют тысячелетия и первый из них был библейским героем: «Может быть, вы ходите по Земле столетия? Тысячелетия? Может быть, вас называли Каином?»

Слово *квази*, в свою очередь, становится ядром целого словообразовательного гнезда новообразований: *квазиюк* ‘грубое, насмешливое обращение к квази’, *квази-бургер* ‘вегетарианский бургер для квази’, *квазианство* ‘религия, исповедуемая квази’, *квазианский* ‘имеющий отношение к квази’, *супер-квази*, *мужчина-квази*, *женщина-квази*, *квази-супруга*, *девочка-квази*, *ребенок-квази*, *квази-человек*, *приятель-квази*, *астроном-квази*, *артист-квази*, *полицейский-квази*, *квази-академик*, *квази-власти*, *квази-спецслужбы*, *квази-экстремисты*, *квази-геи*, *живописцы-квази*, *ученые-квази*, *квази-радикалы*, *квази-рай*, *квази-жизнь* и др.

Реальная специальная медицинская, биологическая, техническая, военная лексика встречается на страницах диалогии как в речи персонажей-ученых, так и в речи главного героя: *магнетроны*, *странгуляционные полосы*, *инфернальный*, *перистальтически-импеллерный насос*, *аутоимунные болезни*, *контагиозные дети*, *кевларовый бронезилет*, *плейстоценовая фауна*, *муфельная печь*, *локус*, *органеллы*, *репаративные процессы*, «*Игла*» (название переносного зенитного комплекса), *этаназия*.

Большое количество междометий (*Ну, Ага, Ах, Угу, Ого, Увы, Вот как! Черт! Стоп-стоп-стоп!, Эх, Да уж, Хо-хо-хо, Ну да!, О!, О да!, Блин! Ух ты!*), звукоподражаний (*бум, пух, уээ, ха-ха, кхе-кхе*), вопросительных частиц (*Ну?, Неужто?, А именно?*) также акцентируют разговорный стиль изложения.

Разговорными являются и суффиксальные дериваты *тяжеленный*, *здоровенный*, *плохонький*, *простенько*, *махаящий*, *грудастая*, *дядька*, *тетка*, *дурехи*, *девочка*, *мальчишка*, *парнишка*, *магазинчик*, *дедок*, *кафешка*, *минералка*, *ружьешко*, *горючка* и многие другие.

Автор использует преимущественно простые распространенные предложения: «Да уж. Пробки, бич больших городов. Пробки убивают. После катастрофы число машин в личном пользовании упало раз в пять. И всё равно пробки остались! Как мы вообще

куда-то ехали и доезжали раньше?»; осложненные однородными членами, обособленными определениями и обстоятельствами, вставными конструкциями: «Там стояли несколько патрульных машин, пожарная машина, “скорая”»; «Я рухнул, больно стукнувшись пятками и едва не прикусив язык»; «Рука Михаила была крепкой (неудивительно) и горячей (само собой)».

Среди сложных предложений встречаются как сложносочиненные, так и сложноподчиненные, бессоюзные, при этом чаще всего в них не более двух грамматических основ: «На стене висела огромная доска объявлений — со старой стенгазетой (такие сохранились почему-то только в научных заведениях), где поздравляли женщин с 8 Марта, с объявлениями от профсоюзного комитета, с предложениями летнего отдыха для семейных сотрудников в Евпатории, с графиком работы секции “Юный биохимик” и прочей ненужной информацией»; «Я мельком глянул на текст, испытывая некоторую неловкость — покойный профессор действительно любил свою квази-супругу, заказавшую его смерть»; «Я спрятал пистолет и снова взял рацию — она уже вторую минуту вибрировала на поясе».

Порядок слов часто обратный, характерный для разговорной речи: *В июне месяце в Москву всегда приходит буря; Хотя уборку в кабинете придется делать капитальную.* Экспрессия, эмоции и оценка выражаются короткими восклицательными предложениями: *Но работать в паре с квази!; Проклятье!; Да если она его даже и полюбила!; Ничего не сходилось!; Но картина была еще та!; Чушь собачья!; Вот же мстительная девушка!; Какой слог! Питерские застенки!*

Обращает на себя внимание весьма большое количество присоединительных конструкций, прямых повторов и особый характер абзацного членения, отражающие поступательный ход рассуждений героя-повествователя, его несобственно прямую речь, характеристику его состояния:

Дверь кабинета открылась, и внутрь вошёл, очевидно, Михаил Иванович.
Немолодой, грузный, в старом пиджаке с широкими лацканами.
С кожей серо-голубого оттенка.
Квази.
Тот самый, в которого я стрелял сегодня утром.
У меня внутри всё похолодело.

В романах особым образом задействованы графические ресурсы. Это популярное сегодня в интернет-коммуникации совмещение кириллицы и латиницы в целях создания языковой игры (упомянутые выше *квази*, *кайнозой* и многочисленные производные от них). Над модой на латиницу в современной интернет-коммуникации автор иронизирует, придумав лозунг обитателей дома престарелых: #free_quazi³. Прописные буквы используются для передачи особой интонации, с которой следует читать текст: «...Я только что услышал главную тайну. Нет, не так. **ГЛАВНУЮ ТАЙНУ**». Чтобы разделить разные хронологические пласты повествования, Лукьяненко также обращается к возможностям графики: события, предшествующие глобальной катастрофе, маркированы курсивом.

³ См. подробнее о совмещении латиницы и кириллицы как одном из популярных приемов в интернет-общении в работах «Языковые особенности интернет-коммуникации» (Штукарева, 2016) и «Интернет-коммуникация как новая речевая формация» (Интернет-коммуникация..., 2018).

Стилистические приемы

Наиболее продуктивным стилистическим приемом в обеих частях диалогии является трансформация фразеологизмов в семантическом или структурно-семантическом плане⁴.

Заменяв в составе исходного фразеологизма *осенить себя крестом* наименование религиозного символа, в целом не меняя значения и образности, автор получает новую единицу *осенить себя буквой Z*: *Но Михаил ... осенил себя буквой Z, сверху вниз наискосок* (герой совершает ритуальное действие при входе «в квазианскую церковь»). Аналогичный прием замены компонента во фразе *Какого квази она здесь делает?* вместо широко известного *Какого черта...?*

Фрагмент следующего диалога строится на контекстной связи структурно трансформированных фразеологизмов *сорока на хвосте принесла* ‘уклончивый ответ на вопрос «Откуда знаешь?»’ и *начистить клюв* ‘избить, наказать’:

- Откуда вы знаете?...
- Птичка на хвосте принесла.
- Я этой птичке клюв начищу...

Возможность в таком объединении двух фразеологических единиц автор увидел благодаря наличию в составе исходных фразеологизмов слов, принадлежащих к одной лексико-семантической группе: *сорока* и *клюв*⁵.

Фонетический ресурс (созвучие) становится основой для изменения состава фразеологизмов *как грязь* и *из грязи в князи* с сохранением базовой семантики и отрицательной коннотации: «Москва, конечно, не Питер. И не толерантный Париж или Лондон, где квази — как грязи»; «Что дуришь, парень?... Из грязи да в квази... А ты знаешь, дурачок, какова цена?»

Контаминация языковых прототипов *Где родишься, там и пригодишься* и *С кем поведешься, от того и наберешься* и расширение их лексического состава лежат в основе создания авторского фразеологизма *Беда не в том, где родишься, а с кем поведешься*.

В следующем контексте фразеологизм *пускать слюни* сохранил и форму, и переносную семантику ‘мечтать о каком-либо объекте, обычно недоступном или труднодостижимом’, однако лишился при этом связи с исходным прямым значением прототипа, над чем и подшучивает автор: «Мы вышли из комнаты, оставив восставших *пускать слюни* у решетки. Ну, в фигуральном смысле, конечно. Слюнные железы у восставших практически не функционируют».

Схожий прием иронии, возникающей на месте разрыва между переносным значением фразеологизма и его внутренней формой наблюдаем и по отношению к выражению *кровь с молоком* ‘характеристика здорового, цветущего, с хорошим цветом лица человека’: «Свеженький. Молодой парень лет двадцати. Наверное, совсем недавно я бы про него сказал “*кровь с молоком*” — был он крепким, с пухлыми,

⁴ Частотность этого приема в других произведениях С. Лукьяненко наблюдает также О. Г. Яблонская [Яблонская, 2020].

⁵ Понимание термина *лексико-семантическая группа* изложено в работе «О соотношении терминов *лексико-семантическое поле* – *лексико-семантическая группа* – *тематическая группа* в лингвистической литературе» (Штукарева, 2004).

не знающими толком бритвы щеками, робкими усиками над губой». Здесь речь идет не о человеке, а об умершем и недавно восставшем существе, у которого уже нет ни крови, ни румянца.

Характеризуют стиль автора и такие выражения, которые похожи по своей синтаксической модели и семантике на фразеологическую единицу, но являются собственно авторскими высказываниями. Так, оттолкнувшись от выражения *попасть на крючок* ‘оказаться во власти, в ловушке, в безвыходном положении’, автор развивает далее эту метафору и создает собственное умозаключение: «Тут важно, как рыбе, — не попасть на крючок. *А если уж попадешь, то рано или поздно тебя выудят*».

В диалогии присутствуют, но не являются частотными иронические метафоры, в основе которых приземленные, овеществленные сопоставления. Например, недолгий и незначительный характер любовных отношений ассоциируется с алкоголем: «Но вечером я налил Карине сам, и следующие три месяца мы были очень близки — *пока наш короткий роман не выдохся сам собой, тихо и мирно*». Умение быть сдержанным при большом эмоциональном волнении подчеркивается следующей метафорой: «Мшанин пожевал губами, будто грызя какую-то рвущуюся из души и от сердца фразу. ... Но у Мшанина, очевидно, были крепкие зубы, и *свой крик души он загрыз и проглотил*».

Нечасто встречаются антитезы: [сердце у квази] *не стучит, а дергает; Ты зря ищешь свет на той стороне. Там такая же тьма; Я сидел на диванчике, размышляя о вероятности и невероятности совпадений; На наш взгляд, смерть человека это не трагедия, а всего лишь беда...; и нагонял тоску и радовал в детстве*.

Сравнения используются в виде самых простых союзных конструкций: *Я сидел, как провинившийся школьник...; Лицо у неё стало глупое, как у обычной живой женщины; Дождаться, пока наш поезд снова сцепят, удалив из него мертвый вагон, будто ампутировав погибший орган, я не стал*.

Иногда появляются редкие интересные эпитеты: *робкие усики, царянувшая сознание фраза, жидкое забвение, хрустящий белый комбинезон, чахлый скверик*.

Интересны примеры остроумной каламбурной зевгмы: *Благослови, Господи, низкую застройку в центре и вколоченные в подкорку рефлексy; Следом вбежали ещё двое — без оружия, зато с азартом на лицах; Защищать людей. Не брать взятки. Руки с мылом мыть перед едой* (о принципах хорошего полицейского); оксюморона: — *В метро они погибли!* — *с жадным восторгом воскликнула соседка; молодые люди совершают торжественное самоубийство*.

Не богат текст языковыми и авторскими перифразами: *город на Неве, кусок тухлого мяса* ‘восставший мертвец’, *играть в зеленых леопардов* ‘болеть ветрянкой’, *мутанты с голубой кожей* ‘квази’, *плоды неурочной работы* ‘обнаруженные нелегально улики’.

В числе окказионализмов, используемых автором в качестве средства создания языковой игры, ряд примеров, основой для которых становится наличие семы ‘жизнь’: *Я вас ненавижу. Что восставших, что возвысившихся. Все вы одна порода — нежить; некро-демократическая и морто-республиканская партии в США*; или графическо-звуковые соответствия: *зюкаться* ‘осенять себя буквой Z’ («Я решил, что *зюкаться* не стану ни в коем случае. Перекреститься, входя в человеческую церковь, я бы мог, из вежливости»).

Романы содержат как прямое цитирование с указанием авторов, так и аллюзии, интертекстуальные переключки с другими текстами разных жанров, которые могут быть

явными, раскрываемыми последующим контекстом, или скрытыми, предполагающими внетекстовую информацию и определенные знания читателя. Так, в текст произведений включены строки из стихотворений В. Маяковского «С. Есенину», К. Симонова «Сын артиллериста», А. Барто «Зайка» (с указанием авторства в затекстовых комментариях), О. Уальда (авторство указано контекстом).

В романах упоминаются названия целого ряда музыкальных произведений или цитируются строчки из них: «Наша служба и опасна и трудна», «Пусть бегут неуклюже»; «Что тебе снится, крейсер “Аврора”?»; «Но от тайги до Британских морей»; «На недельку до второго»; «Мохнатый шмель на душистый хмель»; «Нам разум дал стальные руки-крылья»; «Прощание славянки»; «Виват рок-н-ролл» Чака Бери; «Единственный шанс» Эрика Клэптона и многие другие.

Основой для создания аллюзии становятся также литературные и фольклорные тексты, кинофильмы, известные читателям и зрителям разных поколений. Так, аллюзии отсылают читателя к русской народной сказке о Бабе-яге, стихотворению С. Михалкова «Почта», повести-сказке А. Н. Толстого «Золотой ключик, или Приключения Буратино», роману М. Булгакова «Мастер и Маргарита», серии романов Дж. К. Роулинг о Гарри Поттере, кинофильму «Неуловимые мстители» (1967), телесериалам «Следствие ведут знатоки» (1970–80-е) и «Место встречи изменить нельзя» (1979), творчеству А. и Б. Стругацких⁶.

Намек на произведение «Пикник на обочине» проявляется в деонимизации имени собственного Шухарт. «Место там трудное. Восставшие ходят толпами, грызут честных *шухартов*», — сообщает персонаж, промыслом которого является поиск в зонах, оккупированных мертвецами, ставших редкостью печатных книг. Наименование мародеров связано с именем главного героя романа Стругацких Рэдрика Шухарта, профессионального сталкера, зарабатывающего на жизнь продажей артефактов из Зоны забытого эксперимента. Сталкеры упоминаются и у Лукьяненко, но уже с другим значением: ‘пользующиеся услугами шухартов’: «*Сталкеры* — это клиенты есть такие, собирают книжки из серии про аномальную зону».

Авторское фонетическое трансформированное *фермионы*, созвучное имени *Гермиона*, девочки из романов о Гарри Поттере, намекает о предполагаемом влиянии женщин на способность квази управлять восставшими: «Мы можем управлять восставшими, но все — в разной мере. И мы не знаем, как это работает. Может быть, *феромоны* ... — А может быть, *фермионы*...».

В первой части диалогии используется прием переплетения аллюзий и каламбуров. Увидев свет в окнах заброшенной больницы, Денис и его напарник квази Михаил шутят, предполагая, что это «ролевики играют в “Тайный город”». В этих словах содержится прямое упоминание цикла романов В. Панова (без указания его авторства), рассказывающих о параллельном мире современной Москвы. Дальнейшие реплики диалога также содержат аллюзии, но их денотатами становятся уже философские понятия: *Не будем множить сущности. Достанем наши бритвы Оккама... — И залезем в окна Овертона...* Бритвой Оккама принято называть методологический принцип, сформулированный У. Оккамом («Сущности не следует умножать без необходимости»), иными словами, этот метод называют принципом экономии и простоты (Федотова, 2012). Окно Овертона — наименование политической концепции Дж. Овертона,

⁶ Наличие интертекстуальных переключений с творчеством братьев Стругацких в других произведениях С. Лукьяненко отмечает также Е. Ю. Иоффе (Иоффе, 2012).

«которая описывает методы манипулятивного воздействия на ценностные установки людей» (Григорян, 2017, с. 85). С. Лукьяненко использует выражения *бритва Оккама* и *окна Овертона*, обыгрывая прямое и переносное значение слов *бритва* и *открыть окно*: единственным способом уничтожения восставших является отсечение у них голов остро наточенным оружием, а проникновение в здание сквозь окно сулит героям возможность раскрыть действия преступника, манипулирующего сознанием подростка.

Незатейливые аллюзии за счет перестановки слов и изменения словоформ в названиях произведений, известных каждому русскому человеку, освоившему школьную программу, представляют собою названия глав: «Дознание и наказание», «Путешествие из Москвы в Петербург», «Мертвые и живые», «Думы о былом», «Наш временный герой», «Гвардия молодых», «Охотничьи записки», «Наказание и преступление», «Дочь капитана», «Мир и война», «Помни и живи». Они настраивают на погружение в ироническое повествование.

Отметим намеки на исторический факт: о восстании декабристов напоминает фраза «В Питере с восставшими всегда обращались хорошо, уже два века как»; или на нашу-мевшую историю наших дней: о событиях в московской школе № 57, попавших на страницы газет в 2016 году: «Завучем в школе 57 был мужчина, что вообще-то редкость в нашем эмансипированном образовании»⁷.

Для создания каламбуров автор использует не только фразеологизмы и аллюзии, но и другие языковые явления: нарушение лексической сочетаемости слова *укоротить* ‘уменьшить длину’, в контексте буквально ‘отрубить голову’ («Там на месте никого не было, когда ты восставших *укоротил?*»); многозначность слова *дохлый* ‘слабый, хилый’ и ‘мертвый’ для характеристики женщины-квази («*Дура дохлая*, — сказал я. — И дело не в том, что дохлая, а в том, что дура»); паронимы («Не хватало мне повторить такое падение... я после него не *встану*, я после него *восстану*»); омонимы («Я подумал, что форма ей все-таки не идет, *гражданки* должны носить “*гражданку*”»); графику — отсутствие точек над буквой ё («Меня спозаранку вытаскивают из кровати, везут в аэропорт, сажают в самолет и говорят, что я лечу в Питер на встречу возле *мумии Березовского*. — *Берёзовского мамонта*, — поправил я»); словообразовательные модели *наквазюкался* (сравните *нахрюкался*, *назюзюкался*). Словообразовательный и лексический ресурс задействован в выражении *мимшинный парень*, производное от выдуманной аббревиатуры *МИМИ* (Московский институт молекулярных исследований) и переосмысленное популярное в интернет-общении *мимшинный/мимимишный* ‘вызывающий высшую степень умиления’ (Кронгауз, 2013).

Намеренное нарушение литературной нормы как прием создания комического эффекта С. Лукьяненко использует не единожды: «Восставшие на дороге. Торопятся, бегут, *кушать* хотят. Накормим их, ребята»; «Лицо костлявое, лоб низко скошен, глаза чуть ассиметричные, курносый, при этом *ухи* какие-то не по размеру мелкие и оттопыренные»; «Он так нелепо умер, это просто уму непостижимо, его убило *сосулей*...»

Среди стилистических фигур особенно выделяется своей частотностью парцелляция: «Теперь и Аня посмотрела на меня. С искренним возмущением»; «Версия у меня уже *вырисовывалась*. Очень неприятная версия».

⁷ См., например, статью «Храбрые девочки из 57 школы» (Московский комсомолец, 05.09.2016).

Анафоры передают экспрессию и иронию:

Вот это ветрила!

Будь у меня шляпа — она бы улетела.

Будь у меня крылья — я бы сам улетел.

А будь у меня мозги — рванул бы обратно.

Автор позволяет себе и орфографические вольности: «...я видел по телевизору сюжеты из столицы *не-живых*» (дефисное написание передает особое значение слова); «Не знал, что ты с нашего *раёна*» (возможно, таким образом нарочито подчеркивается московское аканье в произношении этого жаргонного выражения); «У мужчины на груди висела нарочито неграмотная табличка «Потирял ногу в *апакалипсисе*, работать ни магу, намагите кто может квази ради», агитационный плакат с надписью «Эфтаназию!» (намеренные ошибки в тексте профессионального нищего и призыва от имени взбунтовавшихся престарелых также создают комический эффект).

Заключение

Лингвистическая характеристика диалогии Сергея Лукьяненко «Z: Квази. Кайнозой» проявляется в разнообразии используемых изобразительно-выразительных средств. В числе доминирующих языковых и стилистических черт наблюдаются: разговорные лексические и грамматические единицы; присоединительные конструкции; малые по своему объему абзацы, часто равные одному предложению; окказиональные новообразования с прозрачными мотивировочными признаками; вкрапления реальной научной и технической терминологии и псевдотерминов; структурная или смысловая трансформация фразеологизмов на основе фонетического сходства или семантической близости исходных компонентов; многочисленные и достаточно прозрачные аллюзии, отсылающие к широко известным произведениям и реалиям сегодняшнего дня и требующие усилий для разгадывания намеков (как в случае с упоминанием философских понятий *бритва Оккама* и *окна Овертона*).

Фантастический жанр предоставляет автору свободу в обращении к другим художественным тропам и фигурам: метафоре, антитезе, сравнению, оксюмору, зевгме, повторам, намеренному нарушению орфографических и лексических норм. Используя приемы языковой игры с прямым и переносным значением слова, его звучанием, стилистической окраской и написанием, автор создает ироничное повествование, понятное широкому кругу читателей.

Оригинальность языка произведений проявляется и в том, что языковые ресурсы становятся инструментом создания интриги: многочисленные трансформации слов, фразеологизмов и аллюзии заставляют читателя постоянно разгадывать лингвистические ребусы.

Результаты исследования позволяют утверждать, что секрет успеха прозы Лукьяненко связан не только с модной тематикой и напряженным сюжетом его произведений, но и с тем, что они могут удовлетворить эстетический вкус любителя развлекательной литературы, готового вслед за разгадыванием вербальных ловушек автора осмыслить серьезные проблемы человечества.

Список источников

1. Лукьяненко, С. (2016–2018). Квази. Кайнозой. *Литрес. Серия «Квази»*. <https://www.litres.ru/serii-knig/kvazi/elektronnie-knigi/>
2. Рыльщикова, Л. М. (2010). Художественные средства выражения научно-фантастического дискурса в творчестве С. В. Лукьяненко. В А. С. Овчинников (Гл. ред.). *Новые направления в решении проблем АПК на основе современных ресурсосберегающих, инновационных технологий* (с. 97–100). Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 65-летию Победы в Великой Отечественной войне, г. Волгоград, 26–28 января 2010 г. ИПК «Нива» ВГСХА.
3. Соловьев, В. М. (2018). Курс русской культуры: гуманистический потенциал и воспитательный ресурс. *Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки*, 16(811), 273–279.
4. Майер, Б. О. (2010). «Иные» в литературе и в жизни. *Идеи и идеалы*, 4(6), т. 1, 104–109.
5. Ковалев, В. А. (2008). Наше фантастическое будущее. Политические дискурсы и политические прогнозы. *Полития. Анализ. Хроника. Прогноз*, 2(49), 58–73.
6. Савкина, И. Л. (2013). «Укушенные», или Почему «вампириады» стали популярной жанровой формулой современной массовой культуры. *Детские чтения*, 2(4), 112–123.
7. Гуров, Ю. С. (2009). Проблемы жизни, смерти и бессмертия (социально-философский анализ). *Вестник Чебоксарского кооперативного института*, 1(3), 168–179.
8. Злотникова, Т. С. (2008). Примирение с жизнью: «следы» классики в массовой культуре. *Ярославский педагогический вестник*, 1(54), 86–91.
9. Шилина, Е. В. (2007). *Сказочное и мифологическое в творчестве С. Лукьяненко*. Крот.
10. Малых, В. С. (2020). Трансформации волшебной сказки в «гибридной» научной фантастике (на материале американской и русской прозы XX века). *Многоязычие в образовательном пространстве*, 12, 99–109.
11. Луговая, Е. А. (2015). Метафоризация как типологическая характеристика произведений жанра «fantasy». *Гуманитарные и юридические исследования*, 4, 168–171.
12. Яблонская, О. Г. (2020). К проблеме выявления механизмов текстообразования на базе фразеологических единиц. *Вестник Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна*, 1(55), 163–167.
13. Иоффе, Е. Ю. (2012). Интертекст А. и Б. Стругацкие – С. Лукьяненко в романе «Звезды — холодные игрушки» (С. Лукьяненко). *Наука и современность*, 192, 109–113.
14. Литневская, Е. И. (2010). О «вольностях» употребления норм письменной речи в текстах современной художественной литературы. *Вестник Московского университета. Серия 9. Филология*, 3, 9–24.
15. Сурова, Н. А. (2015). Особенности перевода компьютерного сленга (на материале перевода романа Сергея Лукьяненко «Лабиринт отражений» на английский язык). В Е. А. Бармина, О. А. Москаленко (Ред.). *Гуманитарные чтения «Свободная стихия»* (с. 44–46). Тезисы докладов научно-практической конференции, Севастополь, 2–4 октября 2015 г.
16. Абаева, Е. С. (2014). Функциональные потери при переводе юмора (на примере произведения С. Лукьяненко «Ночной дозор» и его перевода на английский язык Э. Бромфилдом). *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика*, 6, 78–84.
17. Штукарева, Е. Б. (2020). Языковые особенности маркетингового текста в социальных сетях. *Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки*, 2(831), 184–194.
18. Григорьева, Т. М. (2009). Латиница против кириллицы и vice versa. В Т. В. Шмелева (Отв. ред.). *Кириллица – латиница – гражданица* (с. 136–151). Коллективная монография. Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого.
19. Исковских, Я. В. (2018). Постапокалипсис как жанр массовой культуры. *Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры* (с. 1579–1582). Материалы Всероссийской научно-методической конференции, Оренбург, 26–27 января 2022 г.

20. Штукарева, Е. Б. (2016). Языковая специфика интернет-коммуникации. В Т. Н. Колокольцева, О. В. Лутовинова (Науч. ред.). *Интернет-коммуникация как новая речевая формация* (с. 291–302). Коллективная монография. Флинта.
21. *Интернет-коммуникация как новая речевая формация*. (2018). Коллективная монография. Т. Н. Колокольцева, О. В. Лутовинова (Науч. ред.). Флинта.
22. Штукарева, Е. Б. (2009). О соотношении терминов *лексико-семантическое поле – лексико-семантическая группа – тематическая группа* в лингвистической литературе. *Вопросы филологических наук*, 4, 90–93.
23. Федотова, С. В. (2012). Литературоведение под «бритвой Оккама», или оправданность приумножения терминов (поэтика – метапоэтика – поэтология). *Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки»*, 4(48), 238–244.
24. Григорян, А. А. (2017). Окно Овертона. Политическая концепция Джозефа Овертона. В С. С. Чернов (Ред.). *Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований* (с. 85–90). Сборник материалов XXIX Международной научно-практической конференции, Новосибирск, 15–22 февраля 2017 г. Центр развития научного сотрудничества.
25. Кронгауз, М. (2013). *Самоучитель Олбанского*. АСТ: CORPUS.

References

1. Lukyanenko, S. (2016–2018). Kvazi. Kajnozoj. *Litres. Series «Kvazi»*. <https://www.litres.ru/serii-knig/kvazi/elektronnie-knigi/> (In Russ.).
2. Rylshchikova, L. M. (2010). Artistic means of expressing science fiction discourse in the work of S. V. Lukyanenko. In A. S. Ovchinnikov (Gl. ed.). *New directions in solving agricultural problems based on modern resource-saving, innovative technologies*, (pp. 97–100). Materials of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 65th anniversary of Victory in the Great Patriotic War, Volgograd, January 26–28, 2010. IPK «Niva» VGSKHA. (In Russ.).
3. Solovyev, V. M. (2018). The course of Russian culture: humanistic potential and educational resource. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 16(811), 273–279. (In Russ.).
4. Mayer, B. O. (2010). «Others» in literature and in life. *Ideas & Ideals*, 4(6), vol. 1, 104–109. (In Russ.).
5. Kovalev, V. A. (2008). Our fantastic future. Political discourses and political forecasts. *Zhurnal politicheskoy filosofii i sotsiologii politiki «Politiya. Analiz. Khronika. Prognoz»*, 2(49), 58–73. (In Russ.).
6. Savkina, I. L. (2013). «Bitten», or why «vampyriad» have become a popular genre formula of modern mass culture. *Detskiye chteniya*, 112–123. (In Russ.).
7. Gurov, Yu. S. (2009). Problems of life, death and immortality (social-philosophical analysis). *Vestnik Cheboksarskogo kooperativnogo instituta*, 1(3), 168–179. (In Russ.).
8. Zlotnikova, T. S. (2008). Reconciliation with life: «traces» of the classics in popular culture. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 1(54), 86–91. (In Russ.).
9. Shilina, Ye. B. (2007). *Fabulous and mythological in the work of S. Lukyanenko*. Krot. (In Russ.).
10. Malyh, V. S. (2020). Transformations of a Fairy Tale in «Hybrid» Science Fiction (on the Material of American and Russian Prose of the 20th Century). *Russian Journal of Multilingualism and Education*, 12, 99–109. (In Russ.).
11. Lugovaya, E. A. (2015). Metaphorization as a typological characteristic of works of the «fantasy» genre. *Gumanitarnye i ūrindiĉskie issledovaniâ*, 4, 168–171. (In Russ.).
12. Yablonskaya, O. G. (2020). On the problem of identifying the mechanisms of text formation based on phraseological units. *Vesnik Mazyrskaga dzyarzhaynaga pedagogichnaga universiteta imya I. P. Shamyakina*, 1(55), 163–167. (In Russ.).
13. Ioffe, E. Yu. (2012). Intertext A. and B. Strugatsky – S. Lukyanenko in the novel «Stars – Cold Toys» (S. Lukyanenko). *Science and Modernity*, 19–2, 109–113. (In Russ.).

14. Litnevskaya, Ye. I. (2010). On the «liberties» of using the norms of written speech in the texts of modern fiction. *Moscow State University Journal. Series 9. Philology*, 3, 9–24. (In Russ.).
15. Surova, N. A. (2015). Features of the translation of computer slang (based on the translation of Sergey Lukyanenko's novel «Labyrinth of Reflections» into English). In E. A. Barmina, O. A. Moskalenko (Ed.). *Humanitarian readings «Free Element»* (pp. 44–46). Abstracts of the scientific and practical conference, Sevastopol, October 2–4, 2015. (In Russ.).
16. Abayeva, Ye. S. (2014). Functional losses in the translation of humor (on the example of the work of S. Lukyanenko «Night Watch» and its translation into English by E. Bromfield). *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 6, 78–84. (In Russ.).
17. Shtukareva, E. B. Linguistic features of the marketing text in social networks. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2(831), 184–194. (In Russ.).
18. Grigoryeva, T. M. (2009). Latin versus Cyrillic and vice versa. In T. V. Shmeleva (Ed.). *Cyrillic – Latin – Matrix* (pp. 136–151). Collective monograph. Yaroslav-the-Wise Novgorod State University. (In Russ.).
19. Iskovskih, Ya. V. (2018). Post-apocalypse as a genre of popular culture. *The University complex as a regional center of education, science and culture* (pp. 1579–1582). Materials of the All-Russian Scientific and Methodological Conference, Orenburg, January 26–27, 2022. (In Russ.).
20. Shtukareva, E. B. (2016). Language Specifics of Internet Communication. In T. N. Kolokol'tseva, O. V. Lutovinova (Scientific ed.). *Internet communication as a new speech formation* (pp. 291–302). Collective monograph. Flinta. (In Russ.).
21. *Internet communication as a new speech formation*. (2018). Collective monograph. T. N. Kolokol'tsev, O. V. Lutovinov (Scientific ed.). Flinta. (In Russ.).
22. Shtukareva, E. B. (2009). About the relationship of terms *lexical-semantic field – lexical-semantic group – thematic group* in linguistic literature. *Voprosy filologicheskikh nauk*, 4, 9093. (In Russ.).
23. Fedotova, S. V. (2012). Literary criticism under the «Occam's razor», or the justification for the multiplication of terms (poetics – metapoetics – poetology). *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Series: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 4(48), 238–244. (In Russ.).
24. Grigoryan, A. A. (2017). Overton window. The political concept of Joseph Overton. In S. S. Chernov (Ed.). *A new word in science and practice: hypotheses and approbation of research results* (pp. 85–90). Collection of materials of the XXIX International Scientific and Practical Conference, Novosibirsk, February 15–22, 2017. Center for the Development of Scientific Cooperation. (In Russ.).
25. Krongauz, M. (2013). *Tutorial of Olbanskiy*. ACT: CORPUS. (In Russ.).

Информация об авторе

Елена Борисовна Штукарева — кандидат филологических наук, доцент, доцент Центра русского языка Национального исследовательского технологического университета «МИСИС».

Information about the author

Elena B. Shtukareva — PhD (Philology), Associate Professor, Russian Language Center, National Research Technological University «MISIS».

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК 811.161.1'37

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.51.3.07

О РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ ЛОКАТИВОВ В РУССКИХ ВОПРОСНО-ОТВЕТНЫХ ЕДИНСТВАХ^{1,2}

Цзи Сяоцзюнь

Сучжоуский университет,

Сучжоу, Китай,

borisji@163.com, <https://orcid.org/my-orcid?orcid=0000-0001-5761-0924>

Аннотация. Понятие функционально-семантического поля — один из основных элементов теории функциональной грамматики А. В. Бондарко. Семантическое поле локативов в русском языке относится к классу вариантных форм моноцентрического функционально-семантического поля, которое характеризуется неоднородностью своего ядра. Важность изучения данного вопроса заключается в выяснении их представленности в вопросно-ответных единствах. Соответственно, цель данной работы — описание стержневого выражения и его вариантных форм. Его представление в единствах Q-A будет включать в себя как вопросы, так и ответы. В вопросах полная форма его основного выражения — Откуда/Куда/Где+А+В. При этом структура подвержена вариантам, на которые влияют контекстуальные факторы. В процессе ответа первичными проявлениями данного семантического поля выступают различные конкретные воплощения в адвербиальной позиции локативов, а то, что находится в маргинальной части данного семантического поля, — это когда локативная семантика выражается через другие синтаксические позиции, кроме адвербиальной. Основным методом исследования в данной работе служит корпусный анализ, что сделает выводы более убедительными.

Ключевые слова: функциональная грамматика, семантические поля, локативы, вопросно-ответные единства.

Для цитирования: Цзи, Сяоцзюнь. (2023). О репрезентации семантического поля локативов в русских вопросно-ответных единствах. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 3(51), 79–88. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.51.3.07>

¹ Данная статья является частичным результатом исследования «О взаимодействии вопросов и ответов в русском языке с вопросительными местоимениями» (№ 2020SJA1361), которое спонсируется проектом исследований философии и социальных наук в колледжах и университетах провинции Цзянсу.

² Статья публикуется в авторской редакции.

Original article

UDC 811.161.1'37

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.51.3.07

SEMANTIC FIELD OF LOCATIVES AS REPRESENTED IN RUSSIAN QUESTION-ANSWER UNITIES³

Ji Xiaojun Soochow University,
Suzhou, China,borisji@163.com, <https://orcid.org/my-orcid?orcid=0000-0001-5761-0924>

Abstract. The concept of the functional-semantic field is one of the principal elements of A. V. Bondarko's theory of functional grammar. The semantic field of the locatives in Russian belongs to a class of variant forms of the monocentric functional-semantic field, which is characterized by its core heterogeneity. The relevance of studying this issue lies in figuring out their representation in the Question-Answer unities. Correspondingly, this paper aims at describing the core expression and the variant forms. Its representation in the Q-A unities would involve both the questions and the answers. The questions reveal the full form of its core expression as *Откуда/Куда/Где+А+V*. At the same time, the structure is subject to variants influenced by contextual factors. The process of answering reveals that the primary expressions of this semantic field are the various embodiments in the adverbial position of the locatives, and what lies in the marginal part of this semantic field is when the locative semantics is expressed through other syntactic positions other than the adverbial position. The main research method is corpus analysis, which will make the conclusions more convincing.

Keywords: functional grammar, the semantic fields, the locatives, the Question-Answer unities.

For citation: Ji, Xiaojun. (2023). Semantic field of locatives as represented in Russian question-answer unities. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3(51), 79–88. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.51.3.07>

Introduction

The concept of the functional-semantic field (функционально-семантическое поле) is one of the main elements of A. V. Bondarko's (А. В. Бондарко, 1930–2016) theory of functional grammar. It is characterized by the concept of a «functional-semantic field», in which means belonging to different linguistic levels (morphological, syntactic, constructional, lexical, etc.) but having the same semantic function are considered as a whole (Jiang, 2020, 4–5). There are two basic types of structures for the functional-semantic fields: the monocentric fields and the polycentric fields. There are also two types of variant forms of the monocentric fields: the monocentric fields with a fully grammatical core and the monocentric fields with an integrated (heterogeneous) core. The polycentric fields are characterized by the fact that they can be divided into several

³ This paper is a partial result of the research «On the interaction between Q&A in Russian *wh*-questions with interrogative pronouns» (№ 2020SJA1361), which is sponsored by the Major Project of Philosophy and Social Science Research in Colleges and Universities of Jiangsu Province.

sections, each has its own central and marginal peripheral components (TFG, 1987, 34–35). With regard specifically to the semantic field of the locatives in Russian, on the one hand, there is no opposition of several centers in this semantic field and therefore it cannot be classified as a polycentric field. On the other hand, when it comes to achieving the function of the locatives, the different levels of the linguistic means of expression do not constitute a complete, homogeneous system. Thus, the semantic field of the locatives belongs to a class of variant forms of the monocentric functional-semantic fields, which is characterized by the heterogeneity of the core (TFG, 1996, 5).

The representation of the semantic field of the locatives in a Question-Answer unity (further as Q-A unity) would involve both the question and the answer. Due to limited space, this paper will focus mainly on the various means of expressing this semantic field during the answering process. While in the questioning part, we focus only on the primary expression of this semantic field, i. e. the questioning structure using the questioning adverbs as *откуда*, *куда*, *где*. The Q-A unity referred to in this paper is close to E. V. Rakhilina's understanding of the «closed question-a swer pair» (замкнутая вопросно-ответная пара)¹. The question discussed in the unities refers to its original interrogative function, contains a question word, and is semantically normal. The information is sufficient for the question and does not require a follow-up question to confirm what is asked, i. e. the answer is successful, complete and direct (Rakhilina, 1990, 9–10). All the examples cited are taken from the Russian National Corpus (Национальный корпус русского языка).

Methodology

The primary expression of the semantic field of the locatives

The semantic field of the locatives can be divided into two main categories in terms of content — the general spatial relationship (общие пространственные отношения) and the partial spatial relationship (частные пространственные отношения). According to V. G. Gak's (В. Г. Гак, 1924–2004) point of view, in the general spatial relationship, any process contains three stages: the beginning, the continuation and the end of the process. The main opposition in this relationship is therefore 'translocation — position'. While the partial spatial relationship refers to the specific geometric position of an object reflected in the language form, based on the main concepts of points, lines, or circles (arcs, spheres) to determine the positional relationship between one entity and another. The core expressions corresponding to both types of spatial relationships are of the form $A+V+r+L$, where A stands for the positioned object and is expressed by nouns or pronouns. If the active process is indicated, then it acts as the subject in the sentence. In the imperative case, A takes the syntactic form of a complement (usually a direct complement). V stands for verbs, which is a non-essential component and can sometimes be omitted. In its turn, r represents a spatial relationship between two objects, which is reflected in Russian as prepositions, word endings, verbs, and verb prefixes. L refers to the locative marker, which is expressed in Russian mainly through the noun forms with the prepositions (TFG, 1996, 8–11).

According to Gak's interpretation of the core expression, we consider it necessary to make certain amendments to it. The reason for this is that r in the expression represents

a semantic relationship rather than an independent syntactic means of expression. The expression of this semantic relationship is either reflected in *V* (verbs, verbal prefixes), or in *L* (prepositions and prepositional phrases, word endings). Therefore, we believe that it is not appropriate to single out *r* as a structural component. Combining Gak's findings and the features of the semantic field of the locatives, we intend to reduce its core expression form to *A(+V)+adv.(L)*. The verb in the construction is not an obligatory constituent, especially when the verb expressing the translocation or positional relationship is a typical state or conventional attribute of *A*. If there is a semantically consistent relationship between *A* and the verb (i. e. an exclusive correspondence), then the verb is semantically redundant, it does not have an informative potential, but is merely a grammatical means of expressing the predicate category (tense and mood), therefore it can be omitted, especially in the present tense, e. g. *Рядом с домом (стоит) гараж*. The *adv. (L)* in the construction indicates the locative case, which in Russian can be either the noun form with a preposition or, in some cases, the noun form without a preposition (i. e. the word endings as mentioned above, e. g. the creative case of a noun).

Correspondingly, as far as the Russian Q-A unity is concerned, the complete core expression for questioning the semantic field of the locatives should be *Откуда/Куда/Где+A+V*, e. g.

- (1) — *А откуда вы их взяли?*
— *В воде нашел.* [И. Грекова. На испытаниях (1967)].
- (2) — *Куда это они все едут?* — *спросила Лида, размазывая грязь по потному лицу.*
— *А на стройку.* [И. Грекова. На испытаниях (1967)].
- (3) «*Где вы их хранили?*» — *поинтересовались они.* «*В коробке из-под томатного сока*», — *последовал ответ.* [Елена Камзолкина. Храните деньги, не выходя из кассы (2002) // *Вечерняя Москва*, 2002.01.10].

Nevertheless, in conversations, this expression often appears in variant forms. In some contexts, since *A* has been mentioned in the preceding context, or it is clearly known to both parties in the conversation, then *A* can be omitted, and the expression is syntactically expressed as an incomplete clause, such as:

- (4) — *Возьми деньги, — велел директор.*
— *Откуда приехали-то?*
— *С Алтая.* [Василий Шукшин. Печки-лавочки (1970–1972)].
- (5) — *Куда ехать, мсьё?* — *спросил шофер.*
— *В Париж, — ответил Дебоширин.* [С. Довлатов. Иная жизнь (1984)].
- (6) — *А где Вика? Вика уж который день у нее, у Ларисы.*
— *А раньше где была?* — *спросил я.* [А. Волос. Недвижимость (2000) // *Новый мир*, 2001].

In other cases, the expression also frequently appears as an ellipsis, e.g.

- (7) — *Откуда дровишки?* — *спрашивала мама.*
— *Из лесу, вестимо, — отвечал он.* [И. Грекова. Фазан (1984)].
- (8) — *Куда это они?*
— *Да в Обнинск.* [Л. Улицкая. Казус Кукоцкого. Путешествие в седьмую сторону света // *Новый мир*, 2000].
- (9) — *Могу сходить посмотреть, — предложил Саша. — Где у вас Гёте?*
— *Не надо ничего смотреть! — рывкнул отец, вновь приходя в раздражение.* [В. Белоусова. Второй выстрел (2000)].

Even cases where only question words occur, e.g.

(10) *Навстречу мне шел Лёва Игнатов. — Откуда, куда? — спросил он.* [Д. А. Гранин. Месяц вверх ногами (1966)].

(11) — *А вот и наша Лихаревка! — закричал Скворцов.*
— *Где, где?* [И. Грекова. На испытаниях (1967)].

In the Q-A unity, it can be seen from the above examples that when *A* has the same referential status, the core expression of the direct answer about the semantic field of the locatives can be summarized as $(A+V)+adv.(L)$, which is a subtle difference from the primary expression of the semantic field of the locatives itself. When further clarification of *A* is required, then *A* needs to appear in the answer, e.g.

(12) — *Где же вы все разместились?*
— *Молодые — в твоей комнате, я — в угловой, с балконом.* [И. Грекова. Перелом (1987)].

Whether it is a general spatial relationship or a partial spatial relationship, there is a «translocation – position» opposition within them. Therefore, we propose to study the primary expression of the semantic field of the locatives in the Russian Q-A unity from this opposition.

Translocation corresponds to the beginning and the end of a movement process, and the corresponding question words in Russian are *откуда* and *куда* respectively. At this point, if the positioned object *A* is consistent with the subject of the expression, then this is an active and independent movement, as in (13) and (14).

(13) — *Откуда же вы шли? — спросил Курцер и вынул зажигалку.*
— *Я была у своей тетки, за пять верст отсюда...* [Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом. Ч. 2 (1943–1958)].

(14) — *Но куда же вы шли? К машине или... куда вас проводить?*
— *К Потапову, — сказала Софа.*
— *Я хотела достать у него яблоч для посылки.* [Ю. О. Домбровский. Хранитель древностей. Ч. 2 (1964)].

If the positioned object *A* does not coincide with the subject of the expression, then the relationship is subordinate in nature, and its translocation is caused by the action of other objects. In this case, *A* appears in the form of a direct complement, and transitive verbs are usually used in the answer, as in (15) and (16).

(15) — *Откуда достал-то его, лебедя?*
— *А бог послал, да!* [Д. Н. Мамин-Сибиряк. Приемьш (1893)].

(16) — *Куда его выгнать? — сказала Фокина. — На улицу, что ли?*
— *Почему на улицу? — ответила Кузякина. — Перевести в триста пятнадцатую школу ...* [В. Медведев. Баранкин, будь человеком! (1957)].

Opposite to translocation is the positional relationship, which primarily indicates the stationary state of the object. Similarly, this can be either active, such as (17), or passive, such as (18):

(17) — *А где школа была, ты помнишь? — спросил Корытин.*
— *Возле клуба, — ответила Катерина.* [Б. Екимов. Пиночет (1999)].

(18) — *Где вы его держите?*
— *На одном закрытом пляже, в районе Вест Палм Бич.* [А. Ростовский. Русский синдикат (2000)].

Positional relationships can also include the movement of the objects within a certain spatial boundary, such as (19):

- (19) *И, чтобы выручить ее, я спрашиваю: — Где вы с ней гуляете?
— Тут, — показывает на окно, — в скверике.* [А. Рыбаков. Тяжелый песок (1975–1977)].

However, there is a remarkable difference between the movement of an object in the positional relationship and the movement in the translocation relationship. Translocation is a kind of boundary-breaking movement, corresponding to the directional verbs (лативные глаголы). In contrast, the movement in the positional relationship is the movement within the spatial boundaries, and the corresponding verb is a static verb (эссивные глаголы). Of course, there is not a clear-cut distinction between these two types of predicates. The difference in their meanings will be neutralized in a range of cases, such as (20) and (21).

- (20) — *Куда... посадили бы? — осторожно спросил обстоятельный Аве.
— На свое место!* [А. Аверченко. Слепцы (1912–1914)].
(21) — *Куда ж ты его приняла, где посадила? — спросила она, вставая и начиная одеваться.
— Они в гостиной-с теперь, — объяснила горничная.* [А. Ф. Писемский. Мещане (1877)].

In the representations of the semantic field of the locatives, one case in particular needs to be noted, that is, the adverbs and the locative clauses are used to express this kind of relationship. Whether this means of expression belongs to the primary or the secondary expression, the Russian linguists have different perceptions of this. A. V. Bondarko, M. V. Vsevolodova (М. В. Всеволодова, 1928–2020) and other linguists believe that the locatives as a functional-semantic field possess linguistic means of expression of different types. The most typical in Russian are: 1. the combinations of predicates with prepositions and case forms of nouns or pronouns, or the combinations of predicates with adverbs-indicators; 2. the complex clauses with locative subordinations (TFG, 1996, 5; Vsevolodova et al., 1982). Whereas Gak believes that if the adverbs are used to represent spatial relationships, then *L* is not specifically expressed, it is provided by the contexts and the situations. Therefore, the adverbs are a secondary means of expressing spatial relationships. The locative clauses are also a variant used to express *L* (TFG, 1996, 19).

However, there is a self-contradiction in Gak's exposition. On the one hand, he clearly pointed out that the adverbs and adverb clauses belong to a secondary means of expressing *L*. At the same time, however, he also believes that structures similar to *Он шел позади* belong to the primary form of expression of spatial relationships, because *L* in them takes the syntactic form of the locatives (TFG, 1996, 21). Moreover, Gak studied the secondary expression forms of this kind of semantic relationships based on the situation where *L* occupies other syntactic (non-adverbial) positions (TFG, 1996, 21–24).

We tend to the first view, which classifies the adverbial and the locative clauses as the primary means of expressing the locative semantic field, since they occupy the syntactic position of the adverbs and are consistent in syntactic properties, as do the grammatical forms of nouns with prepositions, and the special endings of nouns, as in (22).

- (22) — *Где ж я тебе возьму метр семьдесят? — спросил Петр Максимыч.
— Где хочешь, там и бери.* [Ю. Коваль. Клеенка (1970)].

The secondary expression of the semantic field of the locatives

According to the concept of the asymmetric dualism of linguistic signs, there is an incomplete symmetrical relationship between the signifier and the signified. Specifically, the primary forms in the spatial model that express primary functions (the locatives) constitute the core of the field, and the secondary forms that express these meanings constitute the marginal part of the field. The marginal part of the locative semantic field reflects the heterogeneity of this semantic field. The heterogeneity refers to the linguistic means of expressing this semantic field, which belong to different levels of the language system, such as the morphological, the syntactic and the lexical-grammatical. In the secondary expressions, *L* appears in its non-inherent syntactic position, which means that *L* is no longer a locative adverb, but occupies the syntactic positions of the complement, the subject, the predicate, etc.²

L occupies the syntactic position of complement. In this case, the locative relationship in the answer is expressed by the verbal-nominal construction, such as:

(23) — *Откуда она берёт таблетки?*

— *Соседям родные приносят. По ее просьбе. Мои тоже раза два принесли.* [И. Грекова. Перелом (1987)].

(24) — *А где Абрахам? — спросил Яков, когда все, подавляя рыдания и вздохи, собрались возле него. — Куда подевался этот скряга?*

— *Он решил охранять свое жилище, — раздалось сдавленные голоса.* [Илья Бояшов. Путь Мури (2007)].

The meaning of the answer in (23) is actually equivalent to *она берет таблетки от соседей*; while in (24), corresponding to the position and the translocation, the answer can be understood as similar to *он сейчас в своем жилище* and *он пошел к своему жилищу*. The case where *L* occupies the complement position is also ample evidence of the need for a correction to the core expression $A+V+r+L$ of this semantic field. Otherwise, when the spatial relationship represented by *r* is expressed through the verb *V*, the situation of *L* as a complement is also consistent with the core expression, but this case is obviously not the primary means of expressing the semantic field.

L occupies the syntactic position of the subject. According to Gak, this structure is often used as a conversion of the adverbial structure or the object structure (TFG, 1996, 22). The answer in the Russian Q-A unity, when *L* occupies the subject position, is almost always a non-animal noun, and it also has the characteristics of a locative marker. As it is shown in the following examples:

(25) *Горбачев спросил: — Откуда металл будете брать?*

— *У нас будет металлургия.* [Жамбын Батмунх: *насилие не применять* (2002) // Проблемы Дальнего Востока, 2002.12.30].

(26) — *Куда же вы? — крикнул им вслед Коновязов.*

— *Нам предстоит сейчас общий обед.* [Леонид Зорин. *Глас народа* (2007–2008) // Знамя, 2008].

(27) — *Где производится нелегальный спирт?*

— *Регионы риск — это Кабардино-Балкария, Северная Осетия, Московская область.* [Екатерина Выхухолева. Валерий Губанов: «Непонятно, кто будет бороться с алкоголизмом» (2002) // Известия, 2002.12.30].

The answer in (25) expresses the equivalent of the meaning of *мы будем брать металл из будущей металлургии*, the answer in (26) actually expresses the meaning of *мы сейчас*

идём на общий обед, and the answer in (27) is also a conversion of the adverbial structure в регионах риска.

L occupies the syntactic position of predicate. The answer specifies the locative relationship through the predicate, which is implied by means of the verb's semantic pattern. Since the semantic roles contained in the verb point to the subject or the object, sometimes to the locative maker, the locative semantics will be of lesser significance, such as:

(28) *Кто-то спрашивал: — Откуда она столько колосьев набрала?*

— С лета запасла, — отвечали ему, — каждый день в поле воровать ходила.

[Ф. К. Сологуб. Мелкий бес (1902)].

(29) *— Куда они его? — спросила Ирина.*

— Работать, — хмуро ответила Снежана. [В. Токарева. Своя правда // Новый Мир, 2002].

(30) *— А где ты был?*

— Где был, где был? Рыбалил. [В. Астафьев. Затеси (1999) // Новый мир, 2000].

The examples show that when other syntactic positions than the adverbial position are filled to express the locative semantics, the meaning of the locatives will be weakened by the influence of the semantic factors of these positions themselves, and at the same time it will have other meanings such as the subject, the object, the purpose, etc. However, the deep structure of all these means of expressions is similar in that they all reflect certain spatial relationships. The secondary forms are characterized by their metaphorical and metonymical aspects. The initial and primary meanings of the secondary structures will penetrate into the locative meaning, thus constituting a combination of multiple meanings, such as the meaning of object-locative, subject-locative, and behavior-locative. Therefore, in terms of the semantic relationships, these structures will lose their locative meaning to varying degrees, resulting in a continuum of the locative meaning associated with other meanings.

Conclusion

This paper analyzes the primary and secondary expressions of the locative semantic field in the Russian Q-A unity. By incorporating the locative semantic field into the special context of the Q-A unity, we have found some new features. In the question, the complete form of the core expression is *Откуда/Куда/Где + A + V*. At the same time, the structure is subject to variants depending on contextual and situational factors. While answering, the primary expression of this semantic field is the concrete manifestations in the adverbial positions. In this case, all the components of the locative situations are expressed through independent elements and therefore can represent the maximum variety of the locative relationship. What is located in the marginal part of this semantic field is when the locative semantics is expressed through syntactic positions other than the adverbial position.

Based on the theories of functional grammar and the analysis of the examples, this paper combines purely theoretical research with specific contexts, and can provide a certain reference for subsequent quantitative research. For example, in terms of a particular corpus, the proportion of the primary and the secondary means of expression of the semantic field, which methods are used more frequently in the secondary means, and which are only theoretically feasible, but rarely used in discourses, thereby establishing a distribution model of the means of expression of the semantic field.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Jiang, H. (2020). *Constructive Study of Russian Functional Grammar Theory and Western Systematic Functional Linguistics*. Peking University Press.
2. Paducheva, E. V. (2004). *Utterance and its correlation with reality*. Nauka.
3. Rakhilina, E. V. (1990). *Semantics or syntax? (Answering WH-Questions in Russian)*. Sagner.
4. TFG. (1987). *Theory of functional grammar: Introduction. Aspectuality. Temporal localization. Taxis*. Nauka.
5. TFG. (1996). *Theory of functional grammar: Locativity. Being. Possessivity. Causality*. Nauka.
6. Vsevolodova, M. V., & Vladimirskiy, E. Y. (1982). *The ways of expressing spatial relations in the Modern Russian language*. Russkiy yazyk.
7. *Russian National Corpus*. (2023, July 17). <https://ruscorpora.ru/>

References

1. Jiang, H. (2020). *Constructive Study of Russian Functional Grammar Theory and Western Systematic Functional Linguistics*. Peking University Press. (In Chinese).
2. Paducheva, E. V. (2004). *Utterance and its correlation with reality*. Nauka. (In Russ.).
3. Rakhilina, E. V. (1990). *Semantics or syntax? (Answering WH-Questions in Russian)*. Sagner. (In Russ.).
4. TFG. (1987). *Theory of functional grammar: Introduction. Aspectuality. Temporal localization. Taxis*. Nauka. (In Russ.).
5. TFG. (1996). *Theory of functional grammar: Locativity. Being. Possessivity. Causality*. Nauka. (In Russ.).
6. Vsevolodova, M. V., & Vladimirskiy, E. Y. (1982). *The ways of expressing spatial relations in the Modern Russian language*. Russkiy yazyk. (In Russ.).
7. *Russian National Corpus*. (2023, July 17). <https://ruscorpora.ru/> (In Russ.).

Notes

1. E. V. Paducheva (1935–2019) also conducted in-depth research on the relationship between questions and answers in Russian.
2. Gak also mentioned the attributive positions when discussing the secondary means. However, this case cannot be included in the Q-A unity for study, because the structure appears mainly in the form of phrases, and it is most commonly used in the substitution of adjectives for finite clauses or prepositional phrases, consider the example given by Gak: *сражение, которое произошло под Бородином, — сражение под Бородином — Бородинское сражение*. (TFG, 1996, 23).

Примечания

1. Е. В. Падучева (1935–2019) также провела углубленное исследование взаимосвязи между вопросами и ответами на русском языке.
2. Гак также упомянул атрибутивные позиции при обсуждении вторичных средств. Однако этот падеж не может быть включен в единицу вопросов и ответов для изучения, поскольку структура проявляется в основном в виде фраз и чаще всего он используется при замене прилагательных конечными предложениями или предложно-конструкторскими словосочетаниями; рассмотрим пример, приведенный Гак: *сражение, которое произошло под Бородином, — сражение под Бородином — Бородинское сражение*. (ПФП 1996, 23).

Информация об авторе

Цзи Сяоцзюнь — доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка и литературы Сучжоуского университета.

Information about the author

Ji Xiaojun — Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Russian Language and Literature, Soochow University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК 821.161.1.03=133.1

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.51.3.08

**ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ И ЭТНОНИМЫ
«СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»
В ЗЕРКАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА****Поварницына Елена Дмитриевна**Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Москва, Россия,nazaryeva.elena@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4915-3425>

Аннотация. В статье рассматриваются способы передачи на французский язык древнерусских имен собственных и этнонимов, обнаруженных в тексте «Слова о полку Игореве». Анализ проводится на материале параллельного корпуса 13 текстов переводов, выполненных в период с 1823 по 2020 год, а также оригиналов русских текстов и реконструкций, к которым обращаются переводчики. Актуальность исследования обусловлена интересом современной отечественной и зарубежной традуктологии к изучению множественных переводов. Кроме того, данная статья включает в себя рассмотрение не только вопросов переводной множественности, но и множественности оригинальных текстов. В работе используются различные методы анализа параллельных текстов. Автор статьи оперирует терминологией, разработанной в трудах русскоязычных, франкоязычных и англоязычных традуктологов. Целью исследования является описание лексической вариативности при переводе имен собственных и этнонимов на французский язык в ситуации переводной множественности. Были установлены причины лексической вариативности при переводе заявленных классов лексики (различные оригинальные тексты, различная трактовка имен собственных, этнонимов и темных мест памятника, время создания перевода, использование различных переводческих приемов), классифицированы и описаны виды переводческих соответствий, выявлены некоторые особенности франкоязычного переводческого дискурса в диахронии. Представленные в статье результаты позволяют определить наиболее часто применяемые переводческие приемы для передачи на французский язык древнерусских имен собственных и этнонимов, употребленных в «Слове о полку Игореве», что может быть использовано в исследованиях многократных переводов других средневековых текстов или переводов «Слова о полку Игореве» на другие языки.

Ключевые слова: перевод имен собственных, перевод этнонимов, лексическая вариативность, переводная множественность, «Слово о полку Игореве», перевод средневековых текстов.

Для цитирования: Поварницына, Е. Д. (2023). Имена собственные и этнонимы «Слова о полку Игореве» в зеркале французского языка. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 3(51), 89–102. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.51.3.08>

Original article

UDC 821.161.1.03=133.1

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.51.3.08

**PROPER NOUNS AND ETHNONYMS
OF «THE TALE OF IGOR'S CAMPAIGN»
IN THE MIRROR OF THE FRENCH LANGUAGE**

Elena D. Povarnitsyna

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia,

nazaryeva.elena@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4915-3425>

Abstract. The article discusses the ways of Russian-to-French transferring of the Old Russian proper names and ethnonyms found in «The Tale of Igor's Campaign». The analysis is carried out on the material of a parallel corpus of 13 translation texts made in the period from 1823 to 2020, as well as used by translators as original Russian texts and reconstructions. The relevance of the study is due to the interest of modern domestic and foreign translation studies towards the study of translation multiplicity. In addition, this article not only considers the issues of translation plurality, but also regards the plurality of original texts. The work implies various methods of analyzing parallel texts; the author of the article operates with the terminology developed in the works of Russian-speaking, French-speaking and English-speaking researchers. The aim of the study is to describe the lexical variability while translating proper names and ethnonyms into French in the case of translation plurality. In the course of the work, the reasons for lexical variability in the translation of the declared classes of vocabulary were established (various original texts, different interpretations of proper names, ethnonyms and «dark places», the period of translation release, the use of various translation techniques), the types of translation correspondences were classified and described, as well as some features of French translation discourse were revealed in diachrony. The results presented in the article make it possible to determine the most commonly used translation techniques for translating the Old Russian proper names and ethnonyms used in «The Tale of Igor's Campaign» into French, which can be used in studies of multiple translations of other medieval texts or translations of «The Tale of Igor's Campaign» into other languages.

Keywords: translation of proper nouns, translation of ethnonyms, lexical variability, retranslation, «The Tale of Igor's Campaign», translation of medieval texts.

For citation: Povarnitsyna, E. D. (2023). Proper nouns and ethnonyms of «The Tale of Igor's Campaign» in the mirror of the French language. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3(51), 89–102. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.51.3.08>

Введение

В настоящей статье рассматриваются типы соответствий между древнерусскими именами собственными и этнонимами из текста «Слова о полку Игореве» (далее — «Слово») и вариантами их передачи во франкоязычных переводах памятника. Цель данной работы заключается в описании лексической вариативности, возникающей при передаче имен собственных и этнонимов в условиях переводной множественности¹. Для этого были сформированы классы лексики,

¹ Термин «переводная множественность» определяется как «факт реального сосуществования в переводной литературе двух или более переводов одного и того же оригинала»

рассмотрены и классифицированы различные виды переводческих соответствий и определены причины переводческой вариативности. Данное исследование выполнено в рамках дескриптивного подхода в теории перевода (*théories descriptives* (Oséki-Dépré, 1999)).

Актуальность данной работы заключается в том, что, во-первых, она вписывается в проблематику исследований множественных переводов; во-вторых, изучение лексической вариативности в переводе является актуальной областью современной традуктологии, что подтверждает растущее количество научных статей по данной тематике.

Более того, проблема перевода имен собственных и этнонимов является актуальной областью изучения в переводоведении. В основном исследователями рассматриваются приемы, которые употребляются переводчиками при передаче этих классов лексики в прессе, художественной литературе, аудиовизуальном искусстве (Ильина, 2022; Демьянова, 2019; Цебровская, 2013; Kulykova, 2021). Однако в меньшей степени эта проблема анализируется при передаче имен собственных и этнонимов в ситуации перевода текстов с мертвого языка². В таком случае переводчики сталкиваются с рядом специфических имен и названий народностей, поэтому им приходится не только применять известные переводческие стратегии (такие как транскрипция, транслитерация, традиционный эквивалент), но и исследовать некоторые морфологические и грамматические особенности мертвого языка для более точного определения семантики неясных слов.

Материалом исследования послужило 13 франкоязычных переводов «Слова», изданных в период с 1823 по 2020 год: Н. Бланшар, 1823; Ф. Эйкхофф, 1839; Ф. Баргон Фор-Рион, 1878; Н. Кульманн, 1937; А. Грегуар, 1948; Ф. Супо, 1950; Е. Коновалов, 1954; Е. В. Эмерик де Ботзарис, 1973 (опубликован в 2019 году); Ж. И. Гийу, 1977; Ж. Бланкофф, 1998; Е. Вольский, 2002; К. Пигетти, 2005; А. Маркович, 2020. Кроме того, в ситуации отсутствия единого оригинального текста, в корпус включаются реконструкции и переложения «Слова», которые указаны переводчиками в качестве оригиналов. Для выборки древнерусских лексем и их толкования использована реконструкция «Слова» из «Лингвистического словаря-справочника “Слова о полку Игореве”» и словарные статьи издания (далее — (Словарь-справочник, дата обращения: 25.08.2022)). Анализ многократных переводов проводится на основе авторского, составленного вручную (с использованием редких бумажных изданий и электронных ресурсов) корпуса параллельных текстов.

Множественные переводы принято рассматривать как в лингвистическом, так и в культурно-историческом аспекте (Богинская, 2021; Chen, 2022): далее мы попытаемся показать эволюцию некоторых особенностей франкоязычного переводческого дискурса.

На сегодняшний день существует ряд исследователей, рассматривающих в различных аспектах переводы «Слова» на различные языки. В «Энциклопедии “Слова о полку Игореве”» (Энциклопедия, дата обращения: 25.08.2022) представлен список

(Чайковский, 2008, с. 140) и фактически совпадает с терминами «множественные переводы», «многократные переводы» (во французской терминологии — *re-traduction* (Berman, 1999) или *retraduction* (Oséki-Dépré, 1999)).

² В некоторых работах (см.: Харитонов, 2018) рассматриваются проблемы перевода этнонимов и топонимов в античных и средневековых исторических источниках.

переводов «Слова» и литературы о нем на языках мира (в статье упомянуты десять переводов памятника на французский язык). Значительную работу по сбору и объединению переводов проводит Б. В. Орехов, создатель сайта корпуса параллельных переводов «Слова о полку Игореве» (интернет-ресурс предоставляет доступ к девяти франкоязычным переводам). Кроме того, Б. В. Орехов совместно с М. С. Рыбиной анализирует в своих работах как характеристики отдельных переводов «Слова» (предложен комментированный перевод «Слова», выполненный Ф. Супо (Орехов, Рыбина, 2011), и изучен животный мир памятника в этом переводе (Orakhov, Rybina 2017)), так и трансформации при передаче стихий в семи французских переводах памятника (Орехов, Рыбина, 2013). В последние годы отмечается интерес исследователей к переводам «Слова» на китайский язык. Так, на материале двух китайских переводов изучаются способы передачи древнерусских гапаксов (Баева, 2021) и названий водных объектов (Wang, Shelemova, 2019).

Новизна данной работы заключается в том, что впервые франкоязычные переводы «Слова» рассмотрены в таком объеме (тринадцать текстов) с точки зрения переводческой вариативности при передаче на французский язык древнерусских имен собственных и этнонимов.

Анализ вариантов переводов имен собственных и этнонимов основывается на терминологии, разработанной в трудах А. Бермана (Berman, 1999), Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне (Vinau, Darbelnet, 1958), У. Эко (Eco, 2006), В. Н. Комиссарова (Комиссаров, 2000), Е. Э. Разлоговой (Разлогова, 2017), Д. И. Ермоловича (Ермолович, 2001). Обобщая результаты этих работ, мы выделяем ряд способов и приемов передачи на другой язык заявленных лексических классов. Прежде всего, переводчики могут использовать заимствование или прямой перенос. В этом случае имена собственные не меняются при переходе из одного языка в другой. Далее исследователи отмечают кальку, которая представляет собой полный или частичный буквальный перевод. Для передачи имени собственного или этнонима также может употребляться прием *транспозиции*, когда переводчик использует имя, различающееся по форме, но имеющее общее лингвистическое происхождение с именем из оригинального языка. Перевод имен собственных и этнонимов также может быть свободным и адаптивным, когда используется прием *адаптации*. Такой тип перевода наиболее часто применяется при переводе названий произведений. Одними из главных приемов передачи имен собственных и этнонимов исследователи выделяют транслитерацию (воспроизведение побуквенного состава слова, этот прием позволяет перейти от системы кириллического алфавита к системе латинского алфавита или наоборот) и *транскрипцию* (звуки языка источника передаются через призму фонетики языка перевода). Д. И. Ермолович уточняет, что переводчики применяют скорее «практическую транскрипцию» (Ермолович, 2001, с. 20), т. е. передается звучание слова, но в то же время задействуются некоторые элементы транслитерации. Далее мы будем под одним пунктом транскрипция/транслитерация рассматривать обе переводческие стратегии. В качестве перевода имени собственного или этнонима может также использоваться *традиционный эквивалент* (перевод в соответствии с исторической традицией написания имени). В случае, когда имя собственное или этноним производно от нарицательных слов, переводчики могут прибегнуть к *преобразующему переводу*, при котором учитываются значения составляющих его компонентов.

В раздел имен собственных мы включаем: антропонимы (имена людей): *Игорь*, *Ярославна*, *Олег* и т. д.; теонимы (имена богов и мифологических существ): *Боянь*,

Див, Жля, Карна и т. д.; топонимы (географические названия) *Каяла, Сула, Киев, Дунай* и т. д. В качестве этнонимов рассматриваются наименования народностей (*немцы, половцы* и т. д.) и жителей городов (*куряне, полочанин*).

Списки имен собственных и этнонимов в работах разных исследователей «Слова» могут отличаться в зависимости от реконструкции текста и толкования лексемы³. Например, в реконструкциях встречается разное деление сочетания букв «ходына». В одних случаях пишется *Ходына* (кто именно называется этим именем собственным, точно неизвестно; так, по мнению А. Чернова, *Ходына* является автором памятника (Markowicz, 2020, p. 117)); в Словаре-справочнике упоминается версия И. Забелина, который утверждает, что речь идет об имени некоего песнетворца. В других случаях — *ходы на* (не имеет точного толкования и остается темным местом⁴ памятника). Вследствие этого во французских текстах фиксируется либо передача компонента именем собственным — *Khodyna* (2), *Hodyna* (2), либо отсутствие перевода. Кроме того, в этом фрагменте только в переводе Эйкхоффа, по-видимому, для передачи «ходы на» используется *les exploits*. Таким образом, перевод фрагмента «Рекъ Боянь и *ходы на* Святъславля пѣснотворца стараго времени Ярославля» (здесь и далее курсив наш. — Е. П.) (Словарь-справочник, дата обращения: 25.08.2022) у Эйкхоффа имеет следующий вид: «Voïan, qui chanta les exploits de Sviatoslav dans l'ancien temps de Iaroslav» (Eichhoff, 1839). В итоге в «Слове» приблизительно насчитывается около 55 имен.

Если говорить об этнонимах в «Слове», то в «Энциклопедии “Слова о полку Игореве”» в статье «Этнонимия “Слова”» приводится примерное их количество — около 20 этнонимов (Шапошников, 1995). Согласно же толкованиям Словаря-справочника, в тексте «Слова» будет насчитываться 23⁵ этнонима: *авары; венецианцы; готы; греки; дремела; касоги; латиняне; литовцы; ляхи; моравы; немцы; половцы; русичи; угры; хинова; ятвяги; толковины, могуты; татраны; шельбиры; топчаки; ревуги; альберы*. Кроме того, в «Слове» употреблено два названия жителей городов (*курянин, полочанин*), и в статье мы также остановимся на описании некоторых особенностей перевода этого класса лексики.

Передача имен собственных

Варианты перевода большинства имен собственных являются привычными для передачи русскоязычных имен. Переводчики используют прием транслитерации или транскрипции, тем самым прослеживается стандартная графическая вариативность⁶.

³ О лексической вариативности, связанной с реконструкциями текста и наличием темных мест в тексте «Слова о полку Игореве» см.: (Поварницына, 2020, с. 16–17).

⁴ Согласно «Энциклопедии “Слова о полку Игореве”» (дата обращения: 25.08.2022) под темными местами текста произведения исследователи понимают неясные по смыслу и содержанию фрагменты памятника, которые могли возникнуть из-за ошибок древнерусского писца или дальнейших опечаток при переписывании «Слова».

⁵ Некоторые исследователи включают в список лексему *былями* и получают общее число этнонимов — 24 (Кубышина, 2015, с. 36).

⁶ В случае множественных переводов «Бориса Годунова» наблюдается аналогичная ситуация, см.: (Разлогова, 2017). Стандартной переводческой вариативностью и стандартным вариантом перевода мы называем случаи, когда, во-первых, вариант перевода получен путем использования базовых и традиционных переводческих приемов, зафиксированных

Например, антропоним Игорь получает такие варианты, как *Igor* (в одиннадцати переводах) и *Igor'* (в двух переводах), причем второй вариант встречается в переводах Грегуара и Гийу, которые опирались на серьезные реконструкции древнерусского текста. Ярославна в шести переводах передается как *Iaroslavna*, в четырех переводах — *Yaroslavna*, и в одном переводе — *Jaroslavna*. Город Путивль имеет эквиваленты *Putivl* (2), *Putivel* (1), *Poutivl* (4), *Putivl'* (2), *Poutivle* (2); река Каяла — *Kayale* (1), *Kaiala* (6), *Kajala* (1), *Kaialy* (1), *Kayala* (2). Песнетворец Боянь в большинстве случаев становится *Boïan* (8), но встречаются также такие варианты, как *Boïane* (2), *Boyan* (2), *Bojan* (1). Варианты транслитерации и транскрипции имен собственных могут зависеть от разработанных самими переводчиками правил передачи букв и звуков древнерусского языка (например, в паратекстах к переводам Гийу, Вольского, Эйкхоффа приведены таблицы соответствий древнерусских и французских букв и звуков).

В «Слове» много имен князей с отчествами. Для перевода отчеств имеется несколько стратегий: 1) конструкция «*fil*s + *de* + имя собственное». Так, Борис Вячеславич становится во многих французских переводах *Boris, fils de Viatcheslav*; 2) транскрипция/транслитерация, например *Boris Viatcheslavitch*.

Однако при появлении расхождений семантического порядка появляются более разнообразные варианты передачи древнерусских отчеств. Например, франкоязычные переводчики при работе со «Словом» сталкиваются с сочетанием *Олег Гориславличь*, где *Гориславличь* употреблено как прозвище Олега Святославича (Словарь-справочник, дата обращения: 25.08.2022), тем не менее форма слова (суффикс *-ич-*) указывает на отчество от имени Горислав. В итоге появляется ряд различных эквивалентов, одни из которых являются примерами транскрипции/транслитерации — *Oleg Gorislavitch* (без транслитерации буквы «л» оригинального имени), другие демонстрируют перевод по формуле «термин родства + *de* + имя собственное» — *Oleg, rejeton de Gorislava*; *Oleg, fils de Gorislav*. В этих двух случаях переводчики воспринимают лексему как отчество. Некоторые же авторы переводов относят имя к классу прозвищ и, используя схему «термин родства + *de* + имя собственное», отдают предпочтение буквальному эквиваленту имени, т. е. передают семантический компонент «горе», например *Oleg, fils de Malheur*. В то же время в нескольких переводах обнаружены примеры перемещения слова из класса имен собственных в класс имен нарицательных с сохранением необходимого семантического компонента, например *Oleg, enfant du malheur* или *Oleg, fils du malheur*.

Семантические разночтения обнаруживаются и в переводах названия реки *Дунай*. Встречаются варианты *Don* и *Danube*. С одной стороны, расхождения в переводе названия реки возникают по причине того, что точно не установлена подразумеваемая автором памятника река. Грегуар в комментариях к своему переводу пишет, что «un scribe russe a pu facilement confondre les deux noms fluviaux de la même racine»⁷ (Grégoire, 1948, p. 94). С другой стороны, вариативность является следствием вольной переводческой интерпретации: Бланкофф в соседних фрагментах употребляет два разных эквивалента (и *Don*, и *Danube*) для обозначения одного наименования

в авторитетных трудах по переводоведению, а во-вторых, когда определенный вариант перевода не является уникальным и встречается в нескольких параллельных текстах (Разлогова, 2017).

⁷ «русский писец легко мог спутать однокоренные наименования двух рек» (перевод с французского наш. — Е. П.).

реки (*Дунай*), что демонстрирует появление лексической вариативности внутри одного перевода.

Остановимся также на различиях в переводе словосочетания *Днепръ Словутич* во фрагменте «О Днепре Словутицю! Ты пробилъ еси каменные горы сквозь землю Половецкую», которое состоит из наименования реки и его устойчивого эпитета. В связи с этим мы считаем правомерным рассматривать эти лексемы в одном контексте.

Днепре получает следующие варианты написания в переводах: *Dnieper* (3, данный вариант с эпентезой гласного «е» встречается исключительно в самых ранних переводах памятника), *Dniepr* (8), *Dnepr* (2). Энциклопедический словарь Larousse предлагает в качестве вариантов транслитерации названия реки Днепр *le Dniepr* и *le Dnipro* (Larousse, дата обращения: 25.08.2022). Второй вариант не использован ни в одном из анализируемых переводов.

Словутицю употреблено в древнерусском тексте с заглавной буквы как имя собственное, в Словаре-справочнике уточняется также, что это устоявшийся эпитет к названию реки Днепр, который может иметь значение «славный, знаменитый». Об этом в комментариях к переводам пишут Грегуар, Гийу и Вольский, упоминая об употреблении данного слова в украинском фольклоре.

В трех переводах эпитет передается конструкцией «*fil*s de + имя собственное», при том, что написание имени собственного различно: *Slavuta*, *Slavouta*, *Slovuta*. Вероятно, переводчики трактуют определение как отчество, опираясь на значение суффикса «-ич-». Гийу в комментариях к переводу упоминает о родстве данного слова с такими, как «*slovui*, *slovyi* – *fameux*, *illustre*», но в его переводе (*fil*s de *Slovuta*) это значение не отражено. По всей видимости, переводчики, использовавшие имя собственное, старались быть ближе к оригинальному тексту, что является примером стремления к ксенофилизации⁸ перевода. Маркович предлагает вариант *fil*s de *gloire*. Другие переводческие решения основаны на поиске французского эпитета, в котором были бы учтены компоненты значения рассматриваемого имени собственного (Ермолович, 2001, с. 30). В некоторых случаях прилагательное написано с заглавной буквы, чтобы сохранить типографический облик реконструкции древнерусского текста и значимость прилагательного. Встречаются такие варианты: *célèbre* (1), *glorieux* (5), *le Glorieux* (1), *Illustrissime* (1), *Superbe* (1).

Следует отметить также, что некоторые нарицательные существительные становятся именами собственными во французских переводах памятника. Это, например, слова «господине», «ветер» и «слънце», встречающиеся в контекстах «О вѣтрѣ, вѣтрило! Чему, господине, насильно вѣши?» и «Свѣтлое и тресвѣтлое слънце! Всѣмъ тепло и красно еси». Самым частотным переводом для лексемы *господине* оказывается слово *seigneur*, написанное с прописной (в четырех переводах) или строчной (в одном переводе) буквы; также оно употреблено в составе словосочетания *Seigneur Vent* (1). Лексема *вѣтрѣ* переводится с заглавной буквы в двух переводах (Коновалова и Грегуара), а *слънце* — в трех переводах (Баргон Фор-Риона, Коновалова и Грегуара).

Другим примером перехода имени нарицательного в разряд имен собственных является слово «чага» (девушка-пленница по (Словарь-справочник, дата обращения:

⁸ Термин У. Эко. При ксенофилизации переводчик видит своей задачей максимальное соответствие исходному языку и оригинальному тексту. Для того чтобы этого добиться, переводчик сохраняет национальные особенности, фиксируемые в источнике, однако смысл переводимого может оказаться непонятным читателю.

25.08.2022)), употребленное в контексте «была бы чага по ногатъ», где «ногатъ» — денежная единица Древней Руси. Эта лексема в переводах XIX века пишется с заглавной буквы — *Caga, Tchag*, а в более поздних переводах остается именем нарицательным — *une captive*. Перевод Коновалова выделяется тем, что автор использует слово *moissonneuse*, что связано с тем, что в его оригинальном тексте вместо слова *чага* присутствует слово *жнища*: таким образом, семантический компонент древнерусского текста утерян. В целом в рассматриваемом случае создатели ранних переводов сталкиваются с проблемой передачи темных мест и решают транслитерировать непонятную лексему, переводя слово из класса имен нарицательных в класс имен собственных, а авторы более поздних переводов ищут для древнерусской исторической реалии (Влахов, Флорин, 1985, с. 65) французский эквивалент, что является примером национализации⁹ перевода.

Ситуация перехода имени нарицательного в собственное фиксируется и при передаче более известной реалии — *бояре*, в качестве перевода которой также выступают эквиваленты, написанные с заглавной буквы: *les Boyars* (1) и *les Boïars* (2). Однако эти употребления характерны не только для переводов XIX века, но и для переводов Грегуара и Бланкоффа. Причем решение Грегуара не совпадает с решением Якобсона, который в своей реконструкции (оригинальном для Грегуара тексте) оставляет слово именем нарицательным. В остальных переводах фиксируем *boyars* (2), *boyards* (5), *boïars* (3). Словарь *Trésor de la langue française* (далее — TLF) (TLF, дата обращения: 25.08.2022) включает в себя статью с толкованием данной лексемы, обозначая ее варианты написания на французском языке — *boyard* и *boïars*.

Таким образом, в случае со словами «чага» и «бояре» на стратегию перевода влияет как известность во франкоязычном дискурсе той или иной древнерусской реалии, так и время создания перевода.

При анализе переводов имен собственных стоит рассмотреть подробнее отличительные черты переводов «Слова», выполненных в XIX и XX–XXI веках. В более ранних переводах некоторые фрагменты текста, которые часто, но не всегда являются для современных исследователей темными местами, в XIX веке воспринимаются как имена собственные, отсюда в переводах появляются транслитерированные слова, написанные с заглавной буквы. Например, *шеломя* (холм, гора; цепь холмов) в контексте «О Руская земле! Уже за *шеломянемъ* еси!» переводится как имя собственное: *O Russes! loin de vous est déjà Chéломène* (Бланшар); *Russes, vous êtes déjà derrière Selomian* (Баргон Фор-Рион); *Russes, déjà vous êtes derrière Selomian* (Эйкхофф). Современными вариантами перевода лексемы *шеломя* являются французские нарицательные существительные *colline*, *coteau*, *frontière*.

В то же время современные переводы отличаются тем, что в них встречается употребление развернутого имени собственного вместо простого, использованного в древнерусском тексте: например, Владимиръ (в контексте *Владимиръ по вся утра уши закладаше въ Черниговъ*) становится — *Vladimir Monetaque* (Пигетти). Такой прием может использоваться для более четкого понимания французским читателем, о каком именно Владимире идет речь в определенном фрагменте.

⁹ Согласно У. Эко, используя прием национализации, переводчик ориентируется на язык перевода и на читателя его переводного текста. В этом случае он старается подобрать соответствующий эквивалент лексемы, который был бы приближен к культуре языка перевода и более понятен читателю. При этом не исключена потеря национального колорита произведения.

Перевод этнонимов

При передаче древнерусских этнонимов могут использоваться традиционные эквиваленты, если этноним не является темным местом, имеет единственную трактовку и относится к широко известным словам. Например, этноним *Греци* (греки) во всех тринадцати переводах — *Grecs*, а *Венецици* (венецианцы) в большинстве переводов — *Vénitiens*. Также многие древнерусские этнонимы во французских переводах «Слова» переводятся с помощью транслитерации или транскрипции (Ревугы — *Revuges*, *Revougs*, *Révougues*, *Revugs*).

В то же время даже известные и однозначно трактуемые этнонимы могут иметь различные эквиваленты. Например, *Русици* (*Русичи*) передается на французский язык не только как *Russes* (8), но и, в более поздних переводах, как *Russien* (1) (синоним слова *russe*, отмеченный в словаре пометой *vieilli* (TLF, дата обращения: 25.08.2022)), *filс de la Russie* (3) (перевод по конструкции «сын + топоним») и *filс de Rus* (1) (перевод по конструкции «сын + антропоним»). Учитывая, что *Русици* как наименование русских встречается исключительно в «Слове» (четыре раза), некоторые переводчики зеркально передают эту особенность древнерусского текста. Отметим, что нестандартные, т. е. употребляемые только в одном переводе, эквиваленты для этнонима *Русици* принадлежат авторам наиболее поздних переводов «Слова».

Перевод наименований жителей по модели «существительное + топоним» является не единичным случаем в нашем корпусе, однако в этом контексте следует остановиться на эквивалентах названий жителей определенного города, а не наименований народностей. Например, *Куряне* (жители Курска) не является широкоупотребительным названием жителей во французском языке, но его смысл понятен. Восемь переводчиков при его передаче на французский язык используют частичную транслитерацию или транскрипцию, употребляя в качестве показателя принадлежности лексемы к классу наименований жителей какой-либо местности суффиксы *-iens/-anes* (*Kuriens* (2); *Kouriens* (4); *Kourianes* (2)). Однако четыре переводчика используют конструкцию «люди/мужчины/воины + топоним (наименование города)», *hommes de Koursk* (2), *hommes de Kursk* (1), *guerriers de Koursk* (1). Такого рода эквиваленты имеют в переводе статус разъяснения для французского читателя.

Аналогичную ситуацию фиксируем и при выборе переводчиками эквивалента для наименования *Полочанин* (житель Полоцка). В семи переводах используется конструкция, включающая в себя существительное *habitants/gens* и топоним *Polotsk/Polotzk/Polock*, в других переводах используется частичная транскрипция или транслитерация (*Polocans*, *Polocans*), а в первом переводе «Слова» 1823 года употребляется этноним, обозначающий не жителей Полоцка, а половцев, — *Polovtsis*. Это говорит нам о том, что дальнейшие лингвистические исследования текста памятника влияют на переводы древнерусских наименований жителей на французский язык.

Помимо устаревшей лексики (см. *Russiens*), при переводе этнонимов фиксируется и употребление историзмов. В этом ряду отметим перевод этнонима *Немцы*, который получает два с одинаковой частотностью употребительных эквивалента *Allemands* (традиционный эквивалент) и *Germainс* (слово с пометой *hist.* (*historique*)) в (TLF, дата обращения 25.08.2022). Причиной появления варианта *Germainс* является то, что немцами в средневековой Руси назывался народ, «населяющий немецкую землю; германцы» (Словарь-справочник, дата обращения: 25.08.2022), а во французском языке это историзм, который означает: «(Celui, celle) qui appartient à des peuplades

originaires des environs de la presqu'île du Jylland et venues s'installer dans le centre et l'est de l'Europe, dans ce qu'on a appelé la Germanie, à l'époque de l'Empire romain et du Haut Moyen Âge»¹⁰ (TLF, дата обращения: 25.08.2022). Отмечен также один нестандартный вариант перевода этнонима *Немцы*, предложенный К. Пигетти, а именно — *non Slaves*. Свой выбор переводчица объясняет в комментариях к изданию. Согласно исследованиям, на которые опиралась Пигетти, *Венедици*, употребленное в древнерусском тексте в одном ряду с *Немцы*, это византийцы-славяне (*slaves*), противопоставленные немцам, т. е. «немым», не славянам (*non-Slaves*) (Pighetti, 2005, p. 79). В случае Пигетти на вариант перевода повлияла определенная трактовка древнерусских лексем, разработанная в некоторых теоретических и исторических исследованиях.

Многие наименования народностей в «Слове» являются более специфическими, чем рассмотренные ранее, и, как следствие, менее употребительными. В результате на французский язык они могут быть переданы разными способами. Так, этноним *Половци* только в одном переводе имеет свой традиционный французский эквивалент *Koumans*, в других переводах лексема передается с помощью транслитерации или транскрипции (*Polovtsi, Polovtsiens, Polovetz* и др.). Таким образом, при переводе данной лексики переводчики больше тяготеют к ксенофилизации.

Более того, в тексте «Слова» мы неоднократно сталкиваемся со спорными этнонимами, или этнонимами с неясной этимологией, которые и сегодня выступают предметом дискуссии лингвистов. В этом контексте стоит рассмотреть способы передачи прилагательного *Хиновьскыя*, образованного от лексики-этнонима *Хинова*, которое в эталонном тексте написано с заглавной буквы: «Чему мычещи Хиновьскыя стрѣлки...» (Словарь-справочник, дата обращения: 25.08.2022). В связи с тем что этноним не имеет единой трактовки (некоторые исследователи считают, что речь идет о китайцах, другие предполагают, что о половцах, третьи настаивают на варианте «гунны»), прилагательное получает разные переводы на французский язык. Во-первых, оно может передаваться словом с более общим значением — *païens* (у Кульманна, Коновалова, Ботзарис, Маркович). Во-вторых, в переводах Эйкхоффа, Баргон фор Риона и Супо появляется имя собственное, антропоним *Khan* (например, *les flèches du Khan*). В-третьих, в переводах Грегуара, Гийу, Бланкоффа и Пигетти этноним трактуется через *les Huns*. Вольский использует авторское прилагательное-эквивалент — *khinoves*, а Бланшар лексему опускает. Таким образом, одни переводчики употребляют слово, которое в данном контексте можно отнести к гиперонимам (*païens*), другие используют прием транспозиции (изменение части речи) и вводят существительное — имя собственное (*Khan*) или существительное-этноним (*les Huns*). Решение же Е. Вольского (*khinoves*) выделяется тем, что он использует частичную транслитерацию (транслитерация основы + замена русской аффиксации на французскую). Такой эквивалент является оригинальным и нестандартным для анализируемого корпуса.

Еще более серьезные разногласия связаны с передачей лексики *Могуты* — темное место памятника, которое не всеми трактуется как племенное название. Некоторые исследователи видят в этом слове значение «те, которые многое могут»;

¹⁰ «(Тот, та), кто принадлежит к народам, происходящим из окрестностей полуострова Ютландия и пришедшим поселиться в центре и на востоке Европы, в так называемом историческом регионе Германия, в период Римской империи и раннего Средневековья» (перевод с французского наш. — Е. П.).

а именно “начальники, властители”» (Словарь-справочник, дата обращения: 25.08.2022). Отсюда во французских переводах появляются разные способы передачи лексемы. Семь переводчиков понимают *Могуты* как этноним и переводят лексему транслитерацией и транскрипцией *Mogoutes* (4), *Mogouth* (1), *Mogutes* (2). В остальных переводах в качестве эквивалентов употреблены историзмы *voïvodes* (5), *magnats* (1): здесь переводчики рассматривают лексему *Могуты* не как этническое название, но как наименование, так скажем, титула или звания и используют в своих французских текстах слова-историзмы (согласно (TLF, дата обращения дата обращения: 25.08.2022)).

Заключение

Проведенный анализ показывает, что в отношении имен собственных (в частности, их орфографии) вариативность является привычной при передаче русскоязычных имен: чаще всего выбираются различные варианты транскрипции или транслитерации. Однако отмечаются некоторые расхождения смыслового порядка, связанные с темными местами памятника, а также со временем создания перевода. Кроме того, в некоторых переводах зафиксирован переход нарицательного имени в имя собственное.

При передаче этнонимов, в случае ясной трактовки наименования народности и ее широкой известности, в большинстве переводов используется традиционный эквивалент. Вместе с тем в ситуации, когда этнонимы являются специфическими и малоизвестными, применяются иные переводческие приемы, такие как транскрипция, транслитерация, использование альтернативного наименования, нарицательных гиперонимов либо эквивалентов, выбранных на основе одной из возможных интерпретаций единицы оригинала.

Кроме того, было показано, что с течением времени тенденции в выборе французского эквивалента в переводе претерпевали изменения как смыслового, так и стилистического характера.

Список источников

1. Oseki-Dépré, I. (1999). *Théories et pratiques de la traduction littéraire*. Librairie Armand Colin.
2. Ильина, Л. Е. (2022). Особенности перевода имен собственных в книге Милен Фармер «Лиза-Лу и сказочник». *Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева, т. 1, 1(37)*, 12–19.
3. Демьянова, А. Ю. (2019). Способы перевода английских и русских этнонимов (на материале художественной прозы). *Державинский форум, 3(11)*, 95–101.
4. Цебровская, Т. А. (2013). Особенности перевода этнонимов. *Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций, 7(2)*, 315–320.
5. Kulykova, V. (2021). Traduction des noms des films français: aspect linguoculturel. *Scientific Journal of Polonia University, 46(3)*, 51–58.
6. Чайковский, Р. Р. (2008). *Основы художественного перевода* (вводная часть). Учебное пособие. СВГУ.
7. Харитонов, А. М. (2018). Проблемы перевода географической терминологии в некоторых античных и средневековых исторических источниках. В Л. А. Нефедова (Отв. ред.). *Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах* (с. 143–146). Материалы IX Международной научной конференции, Челябинск, 18–20 апреля 2018 г.: в 2 т. Т. 2. Издательство Челябинского государственного университета.

8. Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». *Русская литература и фольклор*. Фундаментальная электронная библиотека. (2023, 10 июля). <http://feb-web.ru/feb/slovoss/ss-abc/>
9. Богинская, А. П. (2021). Французские переводы «Евгения Онегина»: к вопросу о перелаче стилистических фигур. *Litera*, 11, 227–241.
10. Chen, X. (2022). Retranslation as an intertextual space: textual and paratextual analysis of two Chinese translations of EB White's *The Trumpet of the Swan*. *Translation Studies*, 1–15.
11. Энциклопедия «Слова о полку Игореве». *Русская литература и фольклор*. Фундаментальная электронная библиотека. (2023, 10 июля). <http://feb-web.ru/feb/slovinc/es/>
12. Орехов, Б. В., & Рыбина, М. С. (2011). Филипп Супо о «Слове о полку Игореве»: комментированный перевод. *Филология и человек*, 3, 78–84.
13. Orekhov, B., & Rybina, M. (2017). Le bestiaire médiéval dans un contexte surréaliste: à propos d'une traduction de *Slovo o polku Igoreve* par Philippe Soupault. *Verba sonandi*, 321–331.
14. Орехов, Б. В., & Рыбина, М. С. (2013). Стихии во французских переводах «Слова о полку Игореве». *Бестиарий и стихи*, 109–117.
15. Баева, М. П. (2021). Перевод гапаксов «Слова о полку Игореве» на китайский язык. В Е. Ю. Харитоновой (Отв. ред.). *Большое евразийское партнерство: лингвистические, политические и педагогические аспекты*, (с. 209–215). Материалы II Международной научно-практической онлайн-конференции, Москва, 10 декабря 2020 г. Издательство Московского государственного областного университета.
16. Wang, Y., & Shelemova, A. (2019). Hydronyms in The Song of Igor's Campaign and the Chinese Translations. *International Conference on Pedagogy, Communication and Sociology*, 259–262.
17. Berman, A. (1999). *La traduction et la lettre ou l'auberge du lointain*. Seuil.
18. Vinay, J. P., & Darbelnet, J. (1958). *Stylistique comparée de l'anglais et du français*. Didier/Beauchemin.
19. Eco, U. (2006). *Dire presque la même chose. Expériences de traduction*. Grasset et Fasquelle.
20. Комиссаров, В. Н. (2002). *Современное переводоведение*. ЭТС.
21. Разлогова, Е. Э. (2017). Стандартные и нестандартные варианты перевода. *Вопросы языкознания*, 4, 52–73.
22. Ермолович, Д. И. (2001). *Имена собственные на стыке языков и культур*. Р. Валент.
23. Markowicz, A. (2020). Khodyna (Vladimir de Tchernigov). *Le Dit de l'ost d'Igor*. Inculte.
24. Поварницына, Е. Д. (2020). О лексической вариативности в переводах с мёртвого языка (флора и фауна в «Слове о полку Игореве» и его переводах на французский язык). *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика*, 20(1), 15–20.
25. Eichhoff, F. G. (1839). *Histoire de la langue et de la littérature des Slaves, Russes, Serbes, Bohêmes, Polonais et Lettons, considérées dans leur origine indienne, leurs anciens monuments, et leur état present*. АВ. Cherbuliez et C., Libraires.
26. Шапошников, В. Н. Этнонимия «Слова». *Энциклопедия «Слова о полку Игореве»*. Русская литература и фольклор. Фундаментальная электронная библиотека. (2023, 10 июля). <http://feb-web.ru/feb/slovinc/es/es5/es5-2652.htm>
27. Кубышина, Н. (2015). Роль этнонимов в выражении этнического сознания автора в «Слове о полку Игореве». *Cuadernos de Rusística Española*, 11, 33–46.
28. Gregoire, H., Jakobson, R., & Szeftel, M. (1948). La geste du Prince Igor'. *Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves, Université libre de Bruxelles*.
29. Larousse. *Dictionnaire informatisé*. (2023, 10 июля). <https://www.larousse.fr/>
30. Влахов, С., & Флорин, С. (1980). *Непереводимое в переводе*. Международные отношения.
31. *Trésor de la Langue Française informatisé*. (2023, 10 июля). <http://atilf.atilf.fr/>
32. Pighetti, C. (2005). *La Geste du Prince Igor*. Minos.

References

1. Oseki-Dépré, I. (1999). *Théories et pratiques de la traduction littéraire*. Librairie Armand Colin. (In French).
2. Ilyina, L. E. (2022). Features of translation of proper names in the book by Milen Farmer «Liza-Lou and the storyteller». *Vestnik of Volzhsky University named after V. N. Tatishchev*, vol. 1, 1(37), 12–19. (In Russ.).
3. Demyanova, A. Y. (2019). Translation methods of English and Russian ethnonyms (based on fictional prose). *Derzhavinskii forum*, 3(1), 95–101. (In Russ.).
4. Tsebrovskaya, T. A. (2013). Features of the translation of ethnonyms. *Mirovaia literatura na perekrest'e kul'tur i tsivilizatsii*, 7(2), 315–320. (In Russ.).
5. Kulykova, V. (2021). Traduction des noms des films français: aspect linguoculturel. *Scientific Journal of Polonia University*, 46(3), 51–58. (In French).
6. Tchaikovsky, R. R. (2008). *Fundamentals of literary translation* (introductory part). Study guide. SVGU. (In Russ.).
7. Haritonov, A. M. (2018). The problem of translation of geographical terminology in some ancient and medieval historical sources. In L. A. Nefedov (Ed.). *Word, statement, text in cognitive, pragmatic and cultural aspects* (pp. 143–146). Materials of the IX International Scientific Conference, Chelyabinsk, April 18–20, 2018: in 2 vols. Vol. 2. Publishing House of Chelyabinsk State University. (In Russ.).
8. Dictionary-reference of «The Tale of Igor's Campaign». *Russian literature and folklore*. Fundamental electronic library. (2023, July 10). <http://feb-web.ru/feb/slovoss/ss-abc/> (In Russ.).
9. Boginskaya, A. P. (2021). French translations of «Eugene Onegin»: on the issue of the transfer of stylistic figures. *Litera*, 11, 227–241. (In Russ.).
10. Chen, X. (2022). Retranslation as an intertextual space: textual and paratextual analysis of two Chinese translations of EB White's *The Trumpet of the Swan*. *Translation Studies*, 1–15. (In English).
11. Encyclopedia of «The Tale of Igor's Campaign». *Russian literature and folklore*. Fundamental electronic library. (2023, July 10). <http://feb-web.ru/feb/slovinc/es/> (In Russ.).
12. Orekhov, B. V., & Rybina, M. S. (2011). Philippe Soupault on «The Tale of Igor's Campaign»: a commentary translation. *Philology and Human*, 3, 78–84. (In Russ.).
13. Orekhov, B., & Rybina, M. (2017). Le bestiaire médiéval dans un contexte surréaliste: à propos d'une traduction de *Slovo o polku Igoreve* par Philippe Soupault. *Verba sonandi*, 321–331. (In French).
14. Orekhov, B. V., & Rybina, M. S. (2013). Elements in French translations of «The Tale of Igor's Campaign». *Bestiary and the Elements*, 109–117. (In Russ.).
15. Baeva, M. P. (2021). Translation of hapaxes «Words about Igor's Campaign» into Chinese. In E. Y. Kharitonova (Ed.). *The Greater Eurasian Partnership: Linguistic, Political and Pedagogical Aspects*, (pp. 209–215). Materials of the II International Scientific and Practical Online Conference, Moscow, December 10, 2020. Publishing House of the Moscow State Regional University. (In Russ.).
16. Wang, Y., & Shelemova, A. (2019). Hydronyms in *The Song of Igor's Campaign* and the Chinese Translations. *International Conference on Pedagogy, Communication and Sociology*, 259–262. (In English).
17. Berman, A. (1999). *La traduction et la lettre ou l'auberge du lointain*. Seuil. (In Fr.).
18. Vinay, J. P., & Darbelnet, J. (1958). *Stylistique comparée de l'anglais et du français*. Didier/Beauchemin. (In French).
19. Eco, U. (2006). *Dire presque la même chose. Expériences de traduction*. Grasset et Fasquelle. (In French).
20. Komissarov, V. N. (2002). *Modern translation studies*. ETS. (In Russ.).
21. Razlogova, E. E. (2017). Standard and non-standard versions of translation. *Voprosy Yazykoznaniiya*, 4, 52–73. (In Russ.).

22. Ermolovich, D. I. (2001). *Proper names at the junction of languages and cultures*. R. Valent. (In Russ.).
23. Markowicz, A. (2020). Khodyna (Vladimir de Tchernigov). *Le Dit de l'ost d'Igor*. Inculte. (In French).
24. Povarnitsyna, E. D. (2020). About lexical variability in translations from the dead language (flora and fauna in «The Tale of Igor's campaign» and its French translations. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism*, 20(1), 15–20. (In Russ.).
25. Eichhoff, F. G. (1839). *Histoire de la langue et de la littérature des Slaves, Russes, Serbes, Bohêmes, Polonais et Lettons, considérées dans leur origine indienne, leurs anciens monuments, et leur état present*. AB. Cherbuliez et C., Libraires. (In French).
26. Shapochikov, V. N. Ethnonyms of «The Tale of Igor's Campaign». *Encyclopedia of «The Tale of Igor's Campaign». Russian literature and folklore*. Fundamental electronic library. (2023, July 10). <http://feb-web.ru/feb/slovinc/es/es5/es5-2652.htm> (In Russ.).
27. Kubyshina, N. (2015). The role of ethnonyms in the ethnic consciousness of the author of «The Song of Igor's Campaign». *Cuadernos de Rusística Española*, 11, 33–46. (In Russ.).
28. Gregoire, H., Jakobson, R., Szeftel, M. (1948). La geste du Prince Igor'. *Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves, Université libre de Bruxelles*. (In French).
29. Larousse. *Dictionnaire informatisé*. (2023, July 10) <https://www.larousse.fr/> (In French).
30. Vlakhov, S., & Florin, S. (1980). *Untranslatable in translation*. Mezhdunarodnye otnoseniya. (In Russ.).
31. *Trésor de la Langue Française informatisé*. (2023, July 10). <http://atilf.atilf.fr/> (In French).
32. Pighetti, C. (2005). *La Geste du Prince Igor*. Minos. (In French).

Информация об авторе

Елена Дмитриевна Поварницына — преподаватель кафедры французского языка филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Information about the author

Elena D. Povarnitsyna — Lecturer at the Faculty of Philology of the Lomonosov Moscow State University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК 37.016:[811.111+811.112.2]

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.51.3.09

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СЕМИОТИЧЕСКИ ОСЛОЖНЕННЫХ ТЕКСТОВ РЕЧЕВОГО ЖАНРА ШУТКИ

Гусейнова Иннара Алиевна¹ ✉,

Косиченко Елена Федоровна²

¹ Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия,

² Национальный исследовательский университет «МЭИ»,
Москва, Россия,

¹ ginnap@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6544-699X>

² ekosichenko@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7613-9744>

Аннотация. При освоении иностранного языка важная роль принадлежит формированию умения его корректного использования в различных коммуникативных ситуациях. Исследования речевых жанров, проводимые отечественными и зарубежными лингвистами, доказывают эффективность их изучения в междисциплинарном ключе, когда на первый план выводится связь определенного жанра, в том числе семиотически осложненного, с конкретными социокультурными установками, моделями восприятия, оценивания и поведения. Актуальность предлагаемой статьи определяется необходимостью поиска новых методов и приемов развития у обучающихся умений адекватно использовать иностранный язык в разнообразных ситуациях общения, развития умений работать с семиотически осложненным текстом, содержащим, помимо многослойного вербального компонента, также и невербальный компонент.

Материалом исследования служит жанр шутки на профессиональные и бытовые темы на английском и немецком языках. Выбор материала обусловлен прежде всего тем, что шутка представляет языковые трудности при изучении иностранного языка, поскольку механизмом юморизации в текстах этого типа часто выступает игра слов. При взаимодействии с шутками на профессиональные и бытовые темы возникает и другая трудность, связанная с тем, что в них кодируется большой объем социокультурной информации, распознавание

которой требует от обучающегося высокой степени сформированности соответствующей компетенции.

Основными методами проводимого исследования выступают жанроведческий и дискурсивный анализ, которые позволяют выявить характерные для тематических шуток типологические признаки и продемонстрировать роль текстов данного жанра в познании языка и культуры. Авторы делают вывод о том, что использование тематических шуток на занятиях по иностранному языку способствует поддержанию мотивации обучающихся, знакомит их с особенностями функционирования различных социальных институтов, а также с наиболее острыми проблемами, характерными для англо- и немецкоязычного социума.

Ключевые слова: речевой жанр, шутки на профессиональные и бытовые темы, социокультурная компетенция, коммуникативная компетенция, средства юморизации, институциональный дискурс, социальные институты.

Для цитирования: Гусейнова, И. А., Косиченко, Е. Ф. (2023). Лингводидактический потенциал семиотически осложненных текстов речевого жанра шутки. Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование», 3(51), 103–117. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.51.3.09>

Original article

UDC 37.016:[811.111+811.112.2]

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.51.3.09

LINGUODIDACTIC POTENTIAL OF SEMIOTICALLY COMPLICATED TEXTS OF THE SPEECH GENRE JOKES

Innara A. Guseynova¹ ✉,

Elena F. Kosichenko²

¹ Moscow State Linguistic University,
Moscow, Russia,

² National Research University «Moscow Power Engineering Institute»,
Moscow, Russia,

¹ ginnap@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6544-699X>

² ekosichenko@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7613-9744>

Abstract. The level of foreign language proficiency largely depends on speakers' ability to use language adequately in different communicative situations. Scientific research into speech genres held by Russian and foreign linguists has proved the importance of the functional approach to their studying with a special emphasis on the interconnection between a certain speech pattern and the related social environment that sets the interpretative framework. With this in view, it seems relevant to look for the new teaching methods aimed at developing foreign language learners' ability to perceive, interpret and evaluate texts of different semiotic modes.

The current research relies on English and German thematic (professional) and everyday jokes. The important point is that jokes of this kind are most difficult for learners to comprehend due to the fact that the main means of humour generation in this case is play on words (puns). However, encoding a large amount of cultural information jokes of this type is an important element of competence formation.

The main methods of text analysis are genre and discourse analysis that bring to the surface the most distinctive features of thematic jokes, define them as a specific type of text and reveal

their role in language acquisition. As a result, the authors come to the conclusion that using thematic jokes as teaching materials in a foreign language classroom boosts learners' motivation and introduces them to cultural aspects of different social institutions and their most vulnerable sides.

Keywords: speech genre, thematic and everyday jokes, sociocultural competence, communicative competence, means of achieving humorous effect, institutional discourse, social institutions.

For citation: Guseynova, I. A., Kosichenko, E. F. (2023). Linguodidactic potential of semiotically complicated texts of the speech genre jokes. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3(51), 103–117. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.51.3.09>

Введение / Introduction

Рассмотрение многих научных вопросов из области жанроведения нередко начинается с обращения к теории речевых жанров русского филолога и философа XX века М. М. Бахтина, научные взгляды которого активно развиваются российскими лингвистами и зарубежными коллегами на протяжении многих десятилетий. Трактую речевой жанр как совокупность высказываний на некоторую тему с использованием определенных лексико-грамматических средств, характеризующихся аналогичным композиционным построением и относящихся к единой сфере общения, М. М. Бахтин особо подчеркивал, что речевые жанры — это относительно устойчивые типы высказываний, и предлагал считать жанром как отдельную реплику, так и целый роман. Более того, М. М. Бахтин отмечал, что, совмещая в себе лексико-грамматические и стилистические признаки, жанры формируются и существуют одновременно в системе языка и за ее пределами, в связи с чем представляют собой методологически сложную проблему (Бахтин, 1996). Данные наблюдения М. М. Бахтина чрезвычайно важны для настоящего исследования, поскольку выводят на первый план способность жанров одновременно задавать рамки коммуникации и оставлять человеку достаточно возможностей для языкового творчества. Особую актуальность данный вопрос приобретает при взаимодействии человека с семиотически осложненными текстами, задействующими вербальный и визуальный каналы передачи информации.

Тот факт, что как объект исследования жанр до сих пор представляет собой сложную теоретико-методологическую проблему, становится очевидным также при обращении к работам по генристике зарубежных лингвистов XX века, которые развивали социокогнитивный подход к исследованию языка, при этом по-разному рассматривая то, как в языке соотносятся между собой социальное и познавательное (Chandler, 1997). Действительно, с одной стороны, существенную роль в понимании того, какие языковые средства наилучшим образом соответствуют конкретной ситуации, играет усвоенное в процессе социализации знание; с другой стороны, сталкиваясь с конкретной ситуацией, человек редко прибегает к некоей готовой модели и, как правило, конструирует свою речь заново, с опорой на имеющийся у него социальный опыт. При этом в качестве опоры нередко выступает изображение, визуализирующее вербальное содержание.

В настоящей статье жанр понимается как важное средство категоризации действительности, как структура, выступающая, наряду с концептами, фреймами, схемами и т. д., способом сохранения и передачи социокультурного знания. Передача знаниевого компонента может осуществляться как при помощи текста, так и при помощи

изображения. С точки зрения преподавания иностранных языков и культур жанр представляет собой инструмент развития у обучающихся навыков адекватного коммуникативного поведения в иноязычной среде и способности к языковому творчеству. В качестве мотивационного стимула к овладению знаниевым компонентом выступают семиотически осложненные тексты, т. е. тексты, имеющие многослойное содержание, часто сопровождаемые изображением, например рисунком.

Цель статьи / The purpose of the article

Цель статьи — обоснование необходимости теоретических исследований в области когнитивного и функционального жанроведения с учетом лингводидактического потенциала речевых жанров и возможности привлечения тематических жанров как инструмента обучения иностранному языку.

Результаты и дискуссия / Results and discussion

Системно-функциональный подход в жанроведении к семиотически осложненным текстам

Значительный вклад в развитие теории речевых жанров как области междисциплинарных исследований был сделан в рамках системно-функционального подхода, основы которого были заложены в трудах австралийского лингвиста М. А. К. Халлидея, высказавшего идею о том, что, несмотря на свое бесконечное разнообразие, все коммуникативные ситуации подпадают под весьма ограниченное число типов, при этом каждый тип ситуаций предполагает применение неких речевых моделей (паттернов) и служит источником для образования новых значений. Идея о существовании в каждом языке общепринятых моделей речевого поведения, соотносимых с конкретными ситуациями и актуализируемых характерным набором лексико-грамматических средств и изображений, позволила М. А. К. Халлидею высказать предположение о том, что данные модели (паттерны) усваиваются человеком по мере освоения родного языка (Halliday, 1978). Практическое применение теории М. А. К. Халлидея нашла прежде всего в работах Дж. Р. Мартина, который провел ряд экспериментов по внедрению жанроориентированного обучения в школе, доказав, что лингвистическая организация текстов и социокультурный контекст имеют первостепенное значение для приобретения знаний (Martin, 1997). Так, для того чтобы корректно извиниться, поздравить кого-то, произнести ритуальную речь или тост, необходимо научиться соотносить конкретную ситуацию с некоторой усвоенной речевой моделью (паттерном) и уметь актуализировать данную модель посредством определенного набора языковых средств, соотнося ее с социокультурными условиями взаимодействия всех участников речевого общения, усвоенными — увиденными и услышанными — в игровых или изобразительных ситуациях ранее. Отметим, что в данной статье речевой моделью (паттерном) мы называем совокупность *композиционно-структурных*, включая изображение и средства визуализации, и *лингвостилистических средств*, позволяющих относить тексты к одному типу (жанру).

Свое дальнейшее развитие идеи М. А. К. Халлидея и Дж. Р. Мартина получили в целом ряде теорий и концепций. Их авторы рассматривают жанры как социальные или социокоммуникативные практики, которые складываются в ответ на запрос общества, являются культурно обусловленными, ценностно ориентированными динамическими системами, наполняемыми различными смыслами, и играют немаловажную роль в освоении языка и осуществлении образовательной деятельности (Miller, 1984; Bawarshi, Reiff, 2010; Campbell, Jamieson, 1978).

Применительно к преподаванию иностранных языков обучение через семиотически осложненные тексты определенного жанра в обобщенном схематическом виде сводится: а) к необходимости усвоения обучающимися речевых моделей, определяющих коммуникативное поведение носителей языка; б) к умению черпать информацию из различных семиотических кодов: в нашем случае — из текста и изображения. В известном смысле речь здесь идет о так называемом активном обучении (Active learning), предусматривающем вовлечение студента в некие смоделированные события (Сулейманова, Водяницкая, 2020). Способность обучающихся воспринимать эти события, не допуская при этом коммуникативных сбоев, а также создавать оригинальные в смысловом отношении тексты на основе усвоенных речевых паттернов, напрямую зависит от уровня владения ими иностранным языком и от имеющегося у них запаса социокультурных знаний, полученных через различные коммуникационные каналы. Практика преподавания иностранных языков показывает, что наиболее быстрообучающимися усваиваются речевые жанры, представляющие собой корпус вербальных и семиотически осложненных текстов, обращение к которым сопряжено с повседневным общением.

Вместе с тем в каждом языке существуют жанры, представляющие трудности не только для людей, начинающих или продолжающих изучение иностранного языка, но и для тех, кто уже обладает высоким уровнем сформированности языковой компетенции. В данном случае речь идет о юмористических текстах, содержащих шутки на профессиональные и бытовые темы. Имея непростую лингвистическую организацию и кодируя значительный объем социокультурной информации, подобные тексты сложны не только для порождения собственного текста с опорой на заданное и визуализированное содержание, но и для понимания. Обратимся далее к шуткам на профессиональные и бытовые темы, сделав особый упор на значимость их привлечения в качестве лингводидактических материалов в целях развития у обучающихся языковой, коммуникативной и социокультурной компетенций, а также формирования умения декодировать вербальную и визуальную части иноязычных текстов.

Тематическая шутка: к определению понятия

Первые попытки системного описания жанров, а также установления роли смешного в жизни социума и отдельных индивидов были сделаны древнегреческими и древнеримскими философами и риториками. Так, Аристотель, Плутарх, Цицерон усматривали в юморе значительный поэтический и риторический потенциал, полагая, что умение тонко шутить свидетельствует о наличии острого ума, хорошего образования и благородного воспитания (Аристотель, 2017; Цицерон, 1972; Плутарх, 1990). В последующие эпохи юмору уделялось то больше, то меньше внимания со стороны

философов, однако, благодаря внимательному отношению к нему целого ряда выдающихся ученых в области философских наук и гуманитарного знания, на сегодняшний день стало очевидным, что: 1) ключевыми функциями юмора, помимо развлекательной, служат функции психологической защиты и социализации; 2) в основе смешного всегда лежит механизм несоответствия; 3) в вербальных жанрах, в которых представлена категория смешного (шутки, анекдоты, остроты), средствами юморизации, приводящими в действие механизм несоответствия, нередко выступают алогизмы, основанные на полисемии или омонимии (Freud, 1905). Кроме того, благодаря большому числу современных исследований на материале разных языков установлено, что, несмотря на наличие в них шуток на такие универсальные темы, как, секс, политическая сатира, человеческая глупость, межличностные отношения и т. д. (Davis, 2013), существенной характеристикой юмора была и остается его культурная обусловленность.

Проведенные нами исследования по данной теме свидетельствуют о том, что важной функцией юмора на профессиональные и бытовые темы является *регулятивная функция*, способствующая сохранению лояльного отношения представителей определенной культуры к некоторым нежелательным социальным проявлениям, связанным с работой различных институций. В шутках и анекдотах на всевозможные — прежде всего профессиональные и бытовые — темы юморизации подлежат наиболее уязвимые аспекты соответствующих социальных институтов, хорошо известные носителям культуры, представляющие, однако, трудности понимания для людей, изучающих иностранные языки. Шутки на тему семьи, образования, медицины, военной службы, политики всегда культурно маркированы. По этой причине именно в лингводидактическом отношении они сложнее других культурных текстов, поскольку требуют: а) распознавания заложенной в них социокультурной информации; б) знания языковых и неязыковых средств, а также средств визуализации, позволяющих создать смешное в текстах разной жанровой направленности; в) понимания юмора и сатирических смыслов, выраженных при помощи различных семиотических средств.

Остановимся далее на жанровых особенностях тематической шутки, немало важных для анализа эмпирического материала на английском и немецком языках.

Тематической шуткой мы называем текст малого ситуативного жанра, в котором особую роль играет форма представления тематического содержания, предполагающая употребление многозначных и однокоренных слов, создающих эффект двусмысленности и таким образом генерирующих юмор. Будучи средством, приводящим в действие главный механизм юморизации — логическое несоответствие (абсурд), двусмысленность часто вызывает наибольшие трудности понимания и поэтому требует особого внимания со стороны преподавателя, заинтересованного в формировании лингвистической компетенции обучающегося. В тематических шутках юмористический эффект нередко возникает через абсурдность описываемых ситуаций из конкретной социальной или профессиональной/бытовой сфер, при этом описание сопровождается изображением, что в большой степени упрощает понимание смешного. Однако мы отмечаем случаи, когда абсурдность строится на культурных реалиях, незнакомых обучающимся в связи с отсутствием у них необходимого социокультурного опыта. Вышесказанное, на наш взгляд, позволяет определить основополагающие **методы работы** с семиотически осложненными текстами жанра шутки на занятиях по иностранному языку: а) лингвостилистический анализ, выявляющий языковые средства юморизации; б) дискурсивный анализ, позволяющий на основе языка делать выводы

о специфике функционирования определенных социальных институтов и социально значимых проблемах, требующих привлечения внимания массового реципиента к ним и формирования собственного мнения об описываемом негативном факте.

Тематическая шутка как средство обучения иностранным языкам

В данном разделе осуществляется лингвостилистический и дискурсивный анализ английских и немецких тематических шуток, нередко сопровождаемых изображением и средствами визуализации, направленный на выявление содержащихся в них потенциальных трудностей лингвистического характера и трудностей, сопряженных с распознаванием социокультурной информации, и в целом позволяющий обосновать важность привлечения семиотически осложненных текстов на занятиях по иностранному языку в целях развития у обучающихся разных уровней языковой подготовки, в первую очередь социокультурной и коммуникативной компетенций.

Приводимые в качестве иллюстративного материала шутки на темы взаимоотношения полов, образования, медицины, военной службы, закона и порядка заимствованы нами с сайтов FUNNP¹, UNIJOKES², а также из немецкоязычных изданий, в которых опубликованы шутки известного немецкого юмориста Лорио (Loriot, 1986).

Прежде чем обратиться к анализу языкового материала, подчеркнем два принципиальных, на наш взгляд, момента, обусловленных его спецификой. Во-первых, шутки по выбранным тематикам обладают в русско-, английско- и немецкоязычной культурах высокой степенью популярности, что объясняется особой значимостью соответствующих социальных институтов, в деятельность которых так или иначе вовлечен каждый человек. Во-вторых, юмор «служит не только сферой актуализации прецедентных феноменов, транслирующих культурные ценности, но и мощным генератором новых прецедентных единиц» (Моисеенко, Хервилья, 2021, с. 460). В-третьих, «выступая порождением культурной модели, юмор неизменно национально и культурно маркирован, юмор и особенности его отражения находятся в состоянии постоянных трансформаций» (Тёмкина, Рудакова, 2021), при этом отдельные проблемы, вызванные функционированием данных социальных институтов, являются общими для трех культур, что облегчает понимание культурного аспекта юмора и требует главным образом высокой степени сформированности лингвистической компетенции, позволяющей распознавать приемы языковой игры (двусмысленности). Например, шутки на бытовую тему, затрагивающие отношения между представителями разных полов, безусловно, релевантны для различных этносоциумов; большинство шуток на медицинскую тему касаются таких общечеловеческих проблем, как взаимоотношения между врачами и пациентами, дороговизна платной медицины, врачебные ошибки, трудности диагностирования заболевания, однако в них содержится социокультурная информация, и на нее необходимо обращать особое внимание обучающихся. И, наконец, каждая тематическая категория представлена примерами, где юморизации подлежат различные культурные особенности, и знакомство с ними может значительно пополнить запас фоновых знаний обучающихся. В этой связи

¹ FUNNP. Available at: https://www.funnp.com/jokes/10_funny_jokes_about_doctors.html (accessed: December 28, 2022).

² UNIJOKES. Available at: <https://unijokes.com/student-jokes/> (accessed: December 28, 2022).

проводимый анализ языкового материала направлен также на выявление социальной области, в которой заложены условия для генерирования наиболее культуроспецифичных юмористических текстов: работа с ними на занятиях по иностранному языку максимально сложна, однако в наивысшей степени способствует развитию социокультурной компетенции обучающихся.

Юмор на тему бытовых ситуаций

Шутки, акцентирующие внимание на различиях между мужчинами и женщинами, носят общечеловеческий характер и не теряют своей актуальности в контексте современных социальных тенденций. Тот факт, что в своем большинстве представители двух биологических полов мыслят по-разному: рациональное мышление мужчин и эмоциональная логика (Амелёнков, Амелькин, 2022) женщин — и имеют характерные привычки, часто служит предметом высмеивания в разных культурах. В первом из приводимых примеров в фокусе внимания находится мужская практичность и женское неумение обращаться с деньгами, а именно готовность мужчины переплатить за то, что ему действительно необходимо, и готовность женщины отдать двойную цену за то, что ей совершенно не нужно, если товар предлагается со скидкой. Другой пример содержит перечисление ограниченного числа предметов в ванной комнате мужчины и значительно большего числа предметов в ванной комнате женщины, многие из которых мужчина не смог бы даже распознать.

A man will pay \$10 for a \$5 item he needs. A woman will pay \$5 for a \$10 item that she doesn't need, because it's on sale³.

A man has five items in his bathroom: a toothbrush, razor, shaving cream, a bar of soap, and a towel from the Motel. The average number of items in a woman's bathroom is 328. The average man would not be able to identify most of them⁴.

Приведем примеры из немецкоязычного юмора на тему гендерных особенностей мужского и женского речевого поведения. В качестве иллюстративного материала мы выбираем юмористические произведения известного немецкого юмориста Лорио (Loriot, 1986). В немецкоязычном социуме чрезвычайно популярна его так называемая домашняя библиотечка (Loriot's Kleine Hausbibliothek), в которую входят юмористические сценки и зарисовки из разных сфер жизни людей. Лорио размышляет о пути к успеху, рассказывает выдуманные истории и небылицы, дает разнообразные советы, описывает уход за животными, делится идеями о хорошем вкусе, придумывает пожелания по разным поводам жизни и т. п. Его талантливые шутки пользуются особой популярностью в жанре кабаре, типичном для немецкоязычного развлекательного зрелищного дискурса.

Например, в шутке «Покупка кровати» (нем. «Bettenkauf») обыгрывается такая ситуация: супружеская пара с многолетним опытом жизни в браке приходит в салон,

³ Мужчина заплатит 10 долларов за 5 вещей, которые ему необходимы. Женщина заплатит 5 долларов за товар, который ей не нужен, если на него пятидесятипроцентная скидка.

⁴ Мужчина держит в ванной пять предметов: зубную щетку, бритву, пену для бритья, кусок мыла и полотенце из мотеля. Женщина держит в ванной в среднем 328 предметов. Нормальный мужчина не знает даже названий половины этих предметов.

где выставлены в один ряд три вида двухспальных кроватей (*нем.* «Ein älteres Ehepaar betritt ein Bettengeschäft, in dem drei Doppelbetten nebeneinander ausgestellt sind») (Loriot, 1986, S. 53). Продавец, заинтересованный в продаже выставленного товара, всячески пытается угодить пожилой паре и старается представить товар в наиболее выгодном свете, доводя своими вопросами обыденную бытовую ситуацию для абсурда. Так, рекламируя кровать, продавец употребляет специальную лексику из области мебельного производства и рекламных проспектов: *Schlaf-Sitz-Garnitur, Couch-Dreh-Kombination, Horizontal-Ensemble* (Loriot, 1986, S. 53), вводя тем самым покупателей в заблуждение, о чем свидетельствует их простодушный ответ: «*Wir schlafen im Liegen...*» («Мы спим лежа...») (Loriot, 1986, S. 53). До абсурда ситуация доводится посредством уточняющих вопросов продавца: «*Sie ruhen nebeneinander... oder rechtwinkelig? // Rechtwinkelig? // Neinnein... ganz normal... im Bett*» («Вы спите рядом друг с другом или под прямым углом? // Под прямым углом? // Нет-нет... обычно... в кровати») (Loriot, 1986, S. 53). Автор шутки высмеивает несколько тем и одновременно — социальных институтов: рекламную индустрию, неумение вести коммуникацию с представителями старшего поколения, неуместность вопросов, задаваемых покупателям, и т. п. В результате недопонимания покупка находится под угрозой. Для усиления юмористического эффекта приводится также рисунок, на котором изображена супружеская пара, которая спит в кровати стоя, прикрепленная ремнями безопасности. Для обучающихся важен компонент визуализации, в данном случае изображение помогает понять смысл шутки. Для усиления юмористического эффекта приводится надпись о том, что подобная конструкция кровати помогает экономить пространство в комнате (*нем.* Raumspar-Bett).

Школьный и студенческий юмор

В отличие от немецкоязычного корпуса текстов, в англоязычных семиотически осложненных текстах образовательная тематика преимущественно выражена шутками на универсальные темы, поскольку юморизации в них, как правило, подлежат наиболее общие и узнаваемые аспекты школьной или студенческой жизни. Так, в первом из приводимых далее примеров содержится рекомендация профессора экзаменуемым студентам, согласно которой в случае возникновения у них вопросов на экзамене им необходимо поднять руку, чтобы вызвать приток крови в головной мозг и пробудить способность самостоятельно ответить на вопрос:

Before starting the final exam in college, an instructor told his class. Should you have any questions during the exam, just raise your hand. This should cause enough blood to flow to your brain to answer it yourself.⁵

В данной шутке в комическом свете представлена распространенная в разных культурах ситуация, возникающая на экзаменах, узнаваем также снисходительно-насмешливый тон экзаменатора. Поскольку в шутке не содержится приема игры слов, она может быть использована в качестве дидактического материала без дополнительных комментариев со стороны преподавателя.

⁵ Перед экзаменом в колледже наставник дал учащимся совет. Если вдруг у вас возникнут вопросы во время экзамена, просто поднимите руку. Это обеспечит достаточный прилив крови к головному мозгу, чтобы вы сами смогли ответить.

В следующей шутке даны реакции школьников разных возрастов на угрозу учителя вызвать родителей в школу: ученик младших классов обещает исправиться; учащийся средней школы выражает полное равнодушие, старшеклассник просит передать привет матери:

Teacher: 'I will call your parents!' Elementary student: 'No! I'll be a good boy!' Junior High School Student: 'Pffff... Anyway...' high School Student: 'Send my mother my greetings!'⁶

Вместе с тем среди шуток на данную тему нам встретилось несколько примеров, интересных с языковой точки зрения. Так, приводимая ниже короткая шутовская фраза содержит три идиоматических выражения: *ace an exam* (успешно сдать экзамен), *capture butterflies* (от *англ.* have butterflies in one's stomach, *рус.* «сильно волноваться»), *get a bee* (от *англ.* have a bee in one's bonnet, *рус.* «иметь навязчивую идею»).

Следует отметить, что студенческая и школьная проблематика представлена в аспекте юморизации преимущественно при помощи средств визуализации — через изображение и карикатуру.

Медицинский юмор

Как и шутки на тему образования, медицинский юмор в значительной степени универсален, однако культурная специфика проявляется в шутках о врачах и пациентах в большей степени, чем в шутках на тему образования. В приведенном далее тексте на английском языке речь идет о пациенте, который, не почувствовав себя лучше спустя месяц после визита к врачу, вновь обратился за советом. На вопрос доктора о том, принимал ли больной прописанное ему лекарство согласно инструкции, последний ответил положительно, уточнив при этом, что инструкция предписывает держать флакон закрытым.

Patient: It's been one month since my last visit and I still feel miserable.

Doctor: Did you follow the instructions on the medicine I gave you?

Patient: I sure did — the bottle said 'keep tightly closed.'⁷

Несмотря на то что данная шутка не вызывает особых трудностей при распознавании юмора, значительным в плане развития у обучающихся социокультурной компетенции может стать комментарий преподавателя, направленный на формирование у них более полного представления о поведении англичан в ситуациях запрета. В отличие от носителей русской культуры, которые имеют привычку переспрашивать и уточнять полученную информацию, англичане более послушно выполняют полученные предписания.

В следующей шутке на медицинскую тему юмористический эффект базируется на употреблении английского слова *draw*, которому присуще значение «рисовать», а также целый ряд значений, связанных с движением. В приведенном примере этот глагол

⁶ Учитель: «Я вызову твоих родителей!» Учащийся начальной школы: «Нет! Я буду хорошо себя вести!» Учащийся средней школы: «Тьфу! Как хотите!» Старшеклассник: «Передайте мамушке привет!»

⁷ *Больной:* Целый месяц прошел, а я все еще чувствую себя несчастным.
Врач: Вы четко следовали инструкции к препарату, который я прописал?
Больной: Конечно: там написано держать пузырек плотно закрытым.

входит в состав идиоматического выражения *draw blood* (рус. «брать кровь», переносное значение — «высасывать кровь»):

Why did the doctor learn art? — In order to know how to draw blood.⁸

В связи с тем, что юмористический эффект здесь достигается за счет игры слов, шутка вызывает определенные трудности и требует особого внимания со стороны преподавателя и визуального сопровождения.

Медицинский юмор широко представлен в немецкоязычных семиотически осложненных текстах. Приведем в качестве примера отрывок текста «Eheberatung» (рус. «Психологическая помощь супружеским парам»): «Mein Institut ist bemüht, den Ehegatten bei der Überwindung einer kritischen Phase auf psychologischem wege behilflich zu sein und körperliche oder geistige Kontaktschwächen auszugleichen. Wunder vollbringen wir nicht! // Ach... // Wo liegen Ihre Schwierigkeiten, schwerpunktmäßig? // Na, wenn Sie das nicht wissen...»⁹ (здесь и далее выделено полужирным нами. — И. Г., Е. К.) (Loriot, 1986, S. 71). Научный стиль и статус социального института, обслуживающего сферу медицины (нем. kritische Phase, körperliche oder geistige Kontaktschwächen), элиминируется одной-единственной фразой пациентки: «Na, wenn Sie das nicht wissen...» (рус. «Ну, если Вы этого не знаете...») (Loriot, 1986, S. 71). Данный прием применяется многократно в цитируемом тексте, что содействует юморизации всей сценки и одновременно служит осмеянию коммерческих служб психологической поддержки, неспособных оказать действенной помощи людям, нуждающимся в квалифицированных рекомендациях опытных специалистов.

Армейский юмор

Несмотря на то что особенности армейской жизни являются общими для людей разных культур, шутки на военную тематику достаточно сложны для понимания, прежде всего потому, что в большинстве своем они построены на применении омонимов и полисемантических слов, для которых свойственно наличие, помимо прочих, профессионального значения. Механизмом юморизации в шутках данного типа служит несоответствие, вызванное неумением одного из участников ситуации распознать игру слов.

В следующем тексте один солдат просит другого передать ему пудинг, на что получает отказ и объяснение, что способствовать дезертирству противозаконно. Средством создания комического эффекта в данном случае выступает: 1) фонетическая омонимия, основанная на использовании английского существительного *dessert* (рус. «десерт») и глагола *desert* (рус. «покидать»), которые звучат одинаково; 2) употребление в одном контексте двух значений английского глагола *help*: основного значения «помогать» и фразеологизма со значением «угощать»:

First soldier: Pass me the chocolate pudding, would you?

Second soldier: No way, Jose!

⁸ Шутка основана на многозначности слова *draw* — «рисовать», «забирать», переносное значение: «высасывать». *Зачем врачу было изучать живопись? — Чтобы научиться рисовать кровь // Чтобы знать, как брать кровь // Чтобы знать, как высасывать кровь.*

⁹ *Чудес мы не совершаем // Ах... // В чем же заключаются Ваши трудности в целом? // Ну, если Вы этого не знаете...*

First soldier: Why not?

*Second soldier: It's against regulations to help another soldier to dessert!*¹⁰

Отметим, что применительно к немецкоязычному социуму армейский юмор представлен при помощи карикатур или серии юмористических картинок.

Юридический юмор

Юридический юмор наиболее культурно маркирован, на что есть целый ряд причин, связанных с географическими, историческими, религиозными условиями развития самой культуры и, как следствие, многочисленными культурными факторами, определившими формирование и функционирование правовой системы. Оригинальна с точки зрения законов американская культура, где каждый штат имеет право на собственные законы, содержание которых, однако, не должно противоречить федеральному законодательству. Поскольку законодательство США опирается на прецедентное право, некоторые законы штатов достаточно курьезны и запрещают совершать отдельные нестандартные действия, однажды приведшие к трагическим последствиям. Будучи уникальными, данные законы весьма многочисленны и часто противоречат здравому смыслу, в связи с чем вызывают юмористический эффект.

Так, законы разных штатов запрещают: прогуливать слонов по торговым улицам без поводка; переодеваться в автомобиле с задернутыми шторами, кроме как при пожаре; если два поезда встречаются на пересечении путей, каждый должен остановиться и не трогаться, пока второй не ушел. Закон штата Алабама разрешает автомобилям двигаться в обратном направлении по улице с односторонним движением, если передняя часть автомобиля оснащена фонариком.

It is unlawful to change clothes in an automobile with the curtains drawn, except in case of fire (in Evanston, Illinois)¹¹.

When two trains approach each other at a crossing, both shall come to a full stop, and neither shall start up again until the other has gone (in Texas)¹².

It is legal to drive the wrong way down a one-way street if you have a lantern attached to the front of your automobile (in Alabama)¹³.

Применительно к немецкоязычному корпусу стоит сказать, что юридический юмор тяготеет к иному жанру — жанру фельетона, переживающему в немецком публицистическом дискурсе своего рода эпоху возрождения. При этом фельетон относится также к семиотически осложненному типу текста, но использует речевой жанр шутки только в качестве вспомогательного средства.

¹⁰ *Первый рядовой:* Передай мне шоколадный десерт, пожалуйста.

Второй рядовой: Ни за что, Джоуз!

Первый рядовой: Ну, почему?

Второй рядовой: (досл.) Запрещено способствовать дезертирству!

¹¹ Законом запрещено переодеваться в автомобиле с задернутыми шторками, кроме случаев возгорания (Иллинойс).

¹² Когда два поезда приближаются друг к другу на переезде, оба обязаны остановиться и не двигаться до тех пор, пока один из них не уедет (Техас).

¹³ Законом разрешено двигаться в обратном направлении по улице с односторонним движением, если передняя часть автомобиля оснащена фонариком (Алабама).

Иноязычные тексты, репрезентирующие жанр шутки, весьма разнообразны, что дает возможность преподавателю обращаться к ним как к дидактическому материалу, прежде всего в целях пополнения имеющегося у обучающихся запаса страноведческих знаний и формирования социокультурной компетенции.

Заключение / Conclusion

В результате проведенного анализа речевого жанра шутки на английском и немецком языках, представленного на электронных ресурсах и печатных носителях, необходимо отметить следующее:

- речевой жанр шутки обладает лингводидактическим потенциалом, мотивирующим обучающихся к изучению инокультурных текстов;
- жанр шутки реализуется преимущественно в корпусе семиотически осложненных текстов — текстов, содержащих вербальный и невербальный компоненты, что облегчает восприятие сложного содержания;
- тематические шутки позволяют раскрыть языковую, лингвокультурную и социальную специфику деятельности отдельных институтов, регулирующих взаимоотношения между организациями, учреждениями и физическими лицами;
- наиболее распространены в англо- и немецкоязычном социумах шутки на профессиональные и бытовые темы;
- тематические шутки на английском и немецком языках строятся преимущественно на игре слов, стилистических повторах, способствующих возникновению абсурдных ситуаций.

Список источников

1. Бахтин, М. М. (1996). Проблема речевых жанров. В М. М. Бахтин. *Собрание сочинений. Т. 5. Работы 1940–1960 гг.* (с. 159–206). Русские словари.
2. Chandler, D. (1997). *An Introduction to Genre Theory*. (2023, July 10). https://www.researchgate.net/publication/242253420_An_Introduction_to_Genre_Theory
3. Halliday, M. A. K. (1978). *Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning*. Edward Arnold.
4. Martin, J. R. (1997). *Analyzing genre: functional parameters*. (2023, July 10). <http://www.isfla.org/Systemics/Print/MartinPapers/BC-1997-Analysing%20Genre%20Function%20Parameters.PDF>
5. Miller, C. R. (1984). *Genre as Social Action*. (2023, July 10). https://www.researchgate.net/profile/Carolyn-Miller-15/publication/238749675_Genre_as_Social_Action/links/56bc9c9c08ae6c-c737c5c405/Genre-as-Social-Action.pdf
6. Bawarshi, A. S., & Reiff, M. J. (2010). *Genre: An Introduction to History, Theory, Research, and Pedagogy*. (2023, July 10). <https://wac.colostate.edu/books/referenceguides/bawarshi-reiff/>
7. Campbell, K. K., & Jamieson, K. H. (1978). Form and genre in rhetorical criticism. Form and genre: shaping rhetoricsl action. *The Speech communication association*, 9–32.
8. Сулейманова, О. А., & Водяницкая, А. А. (2020). Сетевые технологии в системе обучения learning by doing. *Общество. Коммуникация. Образование*, 11(1), 90–99.
9. Аристотель. (2017). *Риторика*. (2023, Июль 10). <https://bookscloud.ru/books/165196>
10. Цицерон, М. Т. (1972). Об ораторе. *Трактаты об ораторском искусстве*. Под ред. М. Л. Гаспарова. Наука.
11. Плутарх. (1990). *Застольные беседы*. Наука.
12. Freud, S. (1905). *Jokes and their relation to the unconscious (Der Witz und seine Beziehung zum Unbewußten)*. Penguin.

13. Davis, J. M. (2013). Humour and its cultural context: introduction and overview. *Humour in Chinese life and culture: Resistance and Control in Modern Times* (pp. 1–22). Hong Kong University Press.

14. Lorient. (1986). *Szenen einer Ehe in Wort und Bild*. (2023, July 10) <https://www.diogenes.ch/leser/titel/loriot/szenen-einer-ehe-9783257217643.html>

15. Моисеенко, Л. В., & Хервилья, Э. К. (2021). Прецедентное пространство русского массмедийного дискурса. *Русистика*, 19(4), 453–465. (In Russ.).

16. Тёмкина, В. Л., & Рудакова, Е. А. (2021). Репрезентация юмора в англоязычных художественных произведениях XIX–XX вв. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 11, 3364–3371.

17. Амеленков, А. А., & Амелькин, С. А. (2022). Моделирование процессов принятия решений, основанных на эмоциональной субъективной логике. *Информационная безопасность и межкультурная коммуникация в контексте цифровой трансформации*. П. Г. Былевский, 45–50.

References

1. Bakhtin, M. M. (1996). The problem of speech genres. In M. M. Bakhtin. *Collected works. Volume 5: Works 1940–1960* (pp. 159–206). (In Russ.).

2. Chandler, D. (1997). *An Introduction to Genre Theory*. (2023, July 10). https://www.researchgate.net/publication/242253420_An_Introduction_to_Genre_Theory (In English).

3. Halliday, M. A. K. (1978). *Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning*. Edward Arnold. (In English).

4. Martin, J. R. (1997). *Analyzing genre: functional parameters*. (2023, July 10). <http://www.isfla.org/Systemics/Print/MartinPapers/BC-1997-Analysing%20Genre%20Function%20Parameters.PDF> (In English).

5. Miller, C. R. (1984). *Genre as Social Action*. (2023, July 10). https://www.researchgate.net/profile/Carolyn-Miller-15/publication/238749675_Genre_as_Social_Action/links/56bc9c9c08ae6cc737c5c405/Genre-as-Social-Action.pdf (In English).

6. Bawarshi, A. S., Reiff, M. J. (2010). *Genre: An Introduction to History, Theory, Research, and Pedagogy*. Parlor Press. (2023, July 10). <https://wac.colostate.edu/books/referenceguides/bawarshi-reiff/> (In English).

7. Campbell, K. K., & Jamieson, K. H. (1978). Form and genre in rhetorical criticism. Form and genre: shaping rhetoricsl action. *The Speech communication association*, 9–32. (In English).

8. Suleimanova, O. A., & Vodyanitskaya, A. A. (2020). Network technologies in the system of learning learning by doing. *Society. Communication. Education*, 11(1), 90–99. (In Russ.).

9. Aristotle. (2017). *Rhetoric*. (2023, July 10). <https://bookscloud.ru/books/165196> (In Russ.).

10. Cicero. (1972). About the speaker. *Treatises on oratory*. Eds. of Gasparov. Nauka. (In Russ.).

11. Plutarch. (1990). *Table Talk*. Nauka. (In Russ.).

12. Freud, S. (1905) *Jokes and their relation to the unconscious (Der Witz und seine Beziehung zum Unbewußten)*. Penguin. (In English).

13. Davis, J. M. (2013). Humour and its cultural context: introduction and overview. *Humour in Chinese life and culture: Resistance and Control in Modern Times* (pp. 1–22). Hong Kong University Press. 1–22. (In English).

14. Lorient. (1986). *Szenen einer Ehe in Wort und Bild*. (2023, July 10). <https://www.diogenes.ch/leser/titel/loriot/szenen-einer-ehe-9783257217643.html>

15. Moiseenko, L. V., & Hervilya, E. K. (2021). Precedent space of Russian mass media discourse. *Rusistika*, 19(4), 453–465. (In Russ.).

16. Tyomkina, V. L., & Rudakova, E. A. (2021). Representation of humor in English literary works of the 19th–20th centuries. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 11, 3364–3371. (In Russ.).

17. Amelioncov, A. A., & Amelkin, S. A. (2022). Modeling decision-making processes based on emotional subjective logic. In the collection: *Information security and intercultural communication in the context of digital transformation. Collection of scientific papers* (pp. 45–50). Ed. of Bylevsky, P. G. (In Russ.).

Информация об авторах

Иннара Алиевна Гусейнова — доктор филологических наук, доцент, проректор по молодежной политике и воспитательной работе Московского государственного лингвистического университета.

Елена Федоровна Косиченко — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры рекламы, связей с общественностью и лингвистики Института гуманитарно-прикладных наук Национального исследовательского университета «МЭИ».

Information about the authors

Innara A. Guseynova — Doctor of Linguistics (Dr. habil.), Associate Professor, Vice-Rector for Project Work and Youth Policy, Moscow State Linguistic University.

Elena F. Kosichenko — Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor, Professor at the Department of Advertising, Public Relations and Linguistics of National Research University «Moscow Power Engineering Institute».

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.

Научная статья

УДК 811.581

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.51.3.10

**СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СЛОВА
В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ****Гурулева Татьяна Леонидовна**

Московский городской педагогический университет,

Всероссийская академия внешней торговли,

Москва, Россия,

gurulevatatiana@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0253-0075>

Аннотация. Актуальность проблемы исследования заключается в необходимости выявления специфических характеристик китайского слова, отличающих его от слов в неслоговых, неизолирующих языках, но позволяющих судить о наличии самой категории слова в китайском языке. В связи с этим данная статья направлена на выявление специфичности таких универсальных базовых характеристик слова, как цельность, выделимость и свободная воспроизводимость в речи у слов в китайском языке. В исследовании были использованы методы: направленного отбора слов из контента китайского сегмента сети Интернет в поисковой системе «Байду» (百度); составления конкордансов слов в корпусах текстов китайского языка; автоматизированного извлечения информации из корпусов китайского языка и электронных словарей; систематизации и классификации; сопоставительного анализа; лингвистического наблюдения и описания; синтеза, абстрагирования и обобщения. Источниковой базой исследования явился контент китайского сегмента сети Интернет в поисковой системе «Байду» (百度), электронные онлайн-словари: БКРС («Большой китайско-русский словарь») и «Словарь современного китайского языка» (现代汉语词典), а также корпуса текстов: ВСС (北京语言大学语料库), Корпус Пекинского университета языка и культуры) и ССЛ (北京大学中国语言学研究中心语料库), Корпус Центра китайской лингвистики Пекинского университета). В результате были выявлены специфические характеристики слова в китайском языке. Полученные результаты опровергают точку зрения о том, что использование понятия «слово» неприменимо к китайскому языку, показывают специфичность универсальных базовых характеристик, свойственных китайскому слову.

Ключевые слова: китайский язык, слоговые языки, изолирующие языки, слово как единица языка.

Для цитирования: Гурулева, Т. Л. (2023). Специфические характеристики слова в китайском языке. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 3(51), 118–129. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.51.3.10>

Original article

UDC 811.581

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.51.3.10

SPECIFIC FEATURES OF WORD IN CHINESE

Tatiana L. Guruleva

Moscow City University,

Russian Foreign Trade Academy,

Moscow, Russia,

gurulevatatiana@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0253-0075>

Abstract. The relevance of the research problem lies in the need to identify the specific features of the Chinese word, which distinguish it from words in non-syllabic, non-isolating languages, but allow to identify the very category of the word in Chinese. In this regard, this article aims at identifying the specificity of such universal basic characteristics of a word in Chinese as integrity, separability and free reproducibility. The study turned to the method of directed selection of words from the content of the Chinese segment of the Internet in the search engine Baidu, the method of compiling word concordances in Chinese text corpora, the method of information automated extraction from Chinese language corpora and electronic dictionaries, systematization and classification methods, the comparative analysis, methods of linguistic observation and description, methods of synthesis, abstraction and generalization. The source base for the study was the content of the Chinese segment of the Internet in the search engine Baidu, electronic online dictionaries: Big Chinese-Russian Dictionary and Dictionary of Modern Chinese, as well as text corpora: BCC Corpus (Beijing Language and Culture University (BLCU) Chinese Corpus,) and CCL PKU Corpus (Center for Chinese Linguistics of Peking University Corpus). As a result, the special features of the word in the Chinese language were revealed. The obtained results refute the view of the words being absent from the Chinese language, show the specificity of the universal basic characteristics inherent in the Chinese word.

Keywords: Chinese language, syllabic languages, isolating languages, word as a language unit.

For citation: Guruleva, T. L. (2023). Specific features of word in Chinese. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3(51), 118–129. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.51.3.10>

Проблема слова в китайском языке остается предметом научного внимания ученых и практиков на протяжении всего периода исследований китайского языка в России, начиная с XVIII века. Уже первые российские исследователи отмечали двусложность китайского слова в устной речи; указывали, что установление отношений между словами происходит путем использования знаменательных слов в качестве предлогов и за счет самого смысла речи (И. Бичурин); создавали систему практической транскрипции, записывающей на русском языке звучание китайских слогов, и первые китайско-русские словари (П. Кафаров, В. П. Васильев, И. С. Попов); изучали систему иероглифической записи китайских морфем и односложных простых слов (В. П. Васильев, А. С. Георгиевский) и др.

В советском китаеведении проблема слова получила новое развитие в трудах Е. Д. Поливанова (Иванов, Поливанов, 2001), предложившего называть двусложные китайские слова инкорпорациями и разработавшего их структурные типы; И. М. Ошанина (Ошанин, 1946), который ввел для обозначения двусложного китайского слова понятие «бином» и предложил свою классификацию его структурных типов; Ю. В. Рождественского (Рождественский, 1969), посвятившего докторскую

диссертацию типологии слова; В. М. Солнцева (Солнцев, 1995), описавшего базовые характеристики слова в формоизолирующих языках; Н. М. Солнцевой, исследовавшей структуру китайского слова и др. Советский период также ознаменовался блестящими лексикографическими исследованиями и созданием уникальных двуязычных словарей (В. М. Алексеев, И. М. Ошанин, Б. Г. Мудров, З. И. Баранова, В. Е. Гладсков, В. А. Жаворонков, А. В. Котов, В. Сенин, Е. Оксюкевич, И. Д. Кленин), изучением проблемы соотношения морфемы, слова и словосочетания в китайском языке (И. А. Иванов, Е. Д. Поливанов, Н. Н. Коротков, В. И. Горелов, В. М. Солнцев), исследованием проблемы латинизации иероглифической записи морфемы и слова (В. М. Алексеев), изучением частеречной принадлежности китайских слов, их грамматических категорий и грамматической природы (И. М. Ошанин, Н. И. Конрад, А. А. Драгунов, Н. Н. Коротков, В. И. Горелов, С. Е. Яхонтов, В. М. Солнцев, Н. М. Солнцева, О. М. Готлиб и др.), исследованиями в области лексикологии китайского языка (В. В. Иванов, А. Л. Семенов, О. П. Фролова, А. А. Хаматова, В. Ф. Щичко).

Окончание советского периода и переход к новой российской государственности ознаменовались сокращением воспроизводства научных кадров, вследствие чего в отечественное Китаеведение не пришло два поколения исследователей. Это привело к тому, что многие результаты исследований китайского языка советского периода оказались невостребованными и не были в достаточной степени отражены в научных работах, написанных в новом тысячелетии. В постсоветский период практически не было исследований, касающихся природы китайского слова, появилась точка зрения о том, что оперирование понятием «слово» «неприменимо к китайскому» языку (Курдюмов, с. 90). В свете изложенного актуальна проблема выявления специфических характеристик китайского слова, позволяющих говорить о его наличии в китайском языке. Актуальность проблемы дает возможность сформулировать цель исследования как выявление специфических характеристик слова в китайском языке.

В процессе исследования мы пользовались методами: направленного отбора слов из контента китайского сегмента сети Интернет в поисковой системе «Байду» (百度); составления конкордансов слов в корпусах текстов китайского языка; автоматизированного извлечения информации из корпусов китайского языка и электронных словарей; систематизации и классификации; сопоставительного анализа; лингвистического наблюдения и описания; синтеза, абстрагирования и обобщения.

Источниковой базой исследования явился контент китайского сегмента сети Интернет в поисковой системе 百度 (Байду), электронные онлайн-словари: БКРС («Большой китайско-русский словарь») и «Словарь современного китайского языка» (现代汉语词典) (*Сяньдай ханьюй цыдянь*), а также корпуса текстов: BCC (北京语言大学语料库), Beijing Language and Culture University (BLCU) Chinese Corpus, BCC Corpus, Корпус Пекинского университета языка и культуры (*Бэйцзин юйянь дасюэ юйляоку*) и CCL (北京大学中国语言学研究中心语料库), Center for Chinese Linguistics of Peking University Corpus, CCL PKU Corpus, Корпус Центра китайской лингвистики Пекинского университета (*Бэйцзин дасюэ чжунго*). Единицей анализа выступало китайское слово.

Согласно мнению исследователей (Е. Д. Поливанов, И. М. Ошанин, В. И. Горелов, В. М. Солнцев, Н. В. Солнцева и др.) в китайском языке существуют следующие типы слов: *простое* (как правило, односложное), под которым понимается слово, состоящее из одного корня и не имеющее словообразовательного аффикса; *производное*, состоящее

из корня и аффикса или корня и полуаффикса; *сложное*, включающее в свой состав два и более корней; *сложнопроизводное*, состоящее из двух и более корней и аффикса (полуаффикса), *слова-повторы*, состоящие из двух одинаковых корней; *слова с асемантическими компонентами*. Все типы слов, за исключением простого слова, в китайском языке являются многосложными. Согласно подсчетам исследователей, односложные и многосложные слова в китайском языке составляют 24,6 и 75,4 % соответственно (Семенас, с. 84). Количественной нормой китайского языка служит двусложное слово, оно составляет 85 % всех многосложных слов (Горелов, с. 19). Китайские исследователи, проанализировавшие Корпус общеупотребительных текстов китайского языка (现代汉语通用语料库), корпус текстов газеты «Женьминь жибао» и корпус современных художественных произведений Сямыньского университета, общим объемом 250 млн иероглифов, выделили 56 008 самых частотных слов и несвободных словосочетаний (词语). Из них односложным оказалось 3181 слово, двусложными — 40 351 лексическая единица, трехсложными — 6459, четырехсложными — 5855, пятисложными и имеющими большее количество слогов — 162 лексические единицы («Сяньдай ханьюй чанюнцы бя»). Таким образом, хотя односложные слова и составляют почти 25 % лексического фонда, но они менее употребительны, чем двусложные лексические единицы (слова и несвободные словосочетания): среди общеупотребительных слов доля односложных составляет всего 5,7 %, а двусложных единиц — 72 %, далее идут трехсложные (11,5 %), четырехсложные (10,5 %) и пятисложные и более единицы (0,33 %). А из всей совокупности общеупотребительных многосложных лексических единиц двусложные единицы составляют 76,3 %. Из двусложных слов самыми частотными являются сложные слова, состоящие из двух корней, а производные и сложнопроизводные слова малочисленны в силу ограниченного количества словообразовательных морфем в китайском языке. Далее по уменьшению количественной представленности идут слова-повторы и слова с асемантическими компонентами (которые практически отсутствуют в китайском языке, но имеются в других изолирующих слоговых языках).

В современной лингвистической науке слово определяется как «основная структурно-семантическая единица языка, служащая для именованя предметов и их свойств и явлений, отношений действительности, обладающая совокупностью семантических, фонетических и грамматических признаков, специфичных для каждого языка» (ЛЭС, 1990, с. 464). Отличительными характеристиками слова исследователи называют его цельность, выделимость и свободную воспроизводимость в речи (ЛЭС, 1990). Охарактеризуем слово в китайском языке с точки зрения указанных характеристик.

Говоря о цельности слова, необходимо уточнить, о какой именно цельности идет речь. В. М. Солнцев определяет слово как «двустороннюю (т. е. имеющую значение и звучание) синтаксически самостоятельную единицу» (Солнцев, 1995, с. 129). Очевидно, что, говоря о цельности слова, мы не можем проигнорировать ни одну из указанных сущностей.

Фонетическая цельность (цельность звучания) китайского слова обусловлена принадлежностью языка к слоговому типу (Гурулева, Абдрахманова, 2022). В неслоговых (фонемных) языках фонетический образ слова очень четок. Это обусловлено большими различиями фонетических оболочек слов, поскольку количество и порядок сочетания фонем в слове ничем не регламентированы и теоретически вариантов

сочетания фонем в слове может быть бесконечно много. В слоговых языках комбинаторные возможности сочетания фонем в слоги сильно ограничены, что уменьшает и количество возможных фонетических образов слогов и слов. Такая комбинаторная и количественная ограниченность делает фонетические оболочки слогов и образуемых из них сложных слов похожими между собой. Ситуацию осложняет и наличие в сложных словах морфемных швов, возникающих на месте соединения морфем, совпадающих в слоговых языках с границами слогов. Такое совпадение морфем и слогов позволяет трактовать морфемный шов не только как морфологическое, но и как фонетическое явление, возникающее на стыке слогов за счет сочетания согласной инициали последующего слога с гласным либо импловивным согласным (полугласным) звуком финали предыдущего слога. Таким образом, фонетический шов многосложного слова размывает цельность его звучания, а наряду с ограниченным количеством фонетических образов слогов и образуемых из них слов делает фонетическую цельность китайского слова весьма специфической.

Что касается цельности значения сложного и сложнопроизводного китайского слова, то она также обусловлена принадлежностью языка к слоговому типу. Вследствие действия закона морфологической значимости слогоделения цельность значения слова размывается значениями входящих в него корневых морфем, совпадающих в границах со слогами. В таких условиях цельность значения слова формируется за счет механизма метафорического переноса значений составляющих его корневых морфем, основанного на осмыслении одного понятия или явления через другие. Например, сложное слово 电脑 образовано сочетанием двух корневых морфем 电 «электричество; электрический» и 脑 «головной мозг». Простая сумма этих морфем даст нам значение «электрический мозг», и только механизм метафорического переноса позволит образовать в коллективном сознании носителей языка значение «компьютер». Таким образом, при формировании значений сложных и сложнопроизводных слов происходит «перенос из одной концептуальной области в другую с формированием у этого слова нового значения, неравного простой сумме составляющих его компонентов» (Гурулева, Калинин, 2021, с. 34). Такой метафорический перенос свойственен в основном образованию сложных и сложнопроизводных слов, имеющих две и более корневые морфемы, и происходит также в менее экзотических случаях: например, слово 动员 состоит из двух корневых морфем 动 «двигать, перемещать» и 员 «член (организации, общества)», что в простой сумме дало бы нам значение «двигать членов общества», а посредством механизма метафорического переноса образует значение «мобилизовать; мобилизация». Таким образом, цельность значения сложного слова (как и слов-повторов) и сложнопроизводного слова размывается морфологической значимостью слогоделения, но поддерживается за счет его идиоматичности. Что касается не столь многочисленной группы производных слов, то цельность их значения асимметрична, ее центр тяжести находится в корневой морфеме, словообразовательный аффикс (полуаффикс) лишен (почти лишен) вещественного значения и выполняет структурную функцию создания двусложной нормы китайского слова. Аффиксы и полуаффиксы в разной степени десемантизированы, немногочисленны, но довольно частотны (образуют большие ряды слов с одним и тем же аффиксом/полуаффиксом), за счет чего легко узнаваемы. Это делает цельность значения производного слова весьма устойчивой и легко определяемой.

Говоря о цельности значения сложного слова, необходимо также упомянуть и лексические единицы, занимающие промежуточное положение между словом и словосочетанием.

К ним относятся многосложные (как правило, двусложные) лексические комплексы, еще не обладающие идиоматическим значением, но уже являющиеся несвободными. Это так называемые несвободные словосочетания, не обладающие идиоматичностью значения: *鹿肉* «оленина», *鸡肉* «курятина», *羊肉* «баранина» и др. В. М. Солнцев называет такие единицы «пограничной областью между царством слов и царством словосочетаний». Он отмечает, что «именно в силу того, что несвободные словосочетания являются эквивалентами слов... на практике их можно считать сложными словами» (Солнцев, 1995, с. 158). Процесс превращения словосочетания в сложное слово идет по пути все большей морфологизации его компонентов (превращения простых односложных слов в морфемы) и их десемантизации, в результате чего и возникает обычное сложное слово. Указанные переходные единицы не обладают идиоматичностью значения, а значит, лишены цельности значения, присущей обычному слову.

Вторая характеристика слова — это его выделимость в потоке речи. В китайском языке, считающемся морфологически бедным, количество словообразовательных аффиксов ограничено. Следствием этого, как мы отмечали ранее, служит ограниченное количество производных слов. Формообразовательные аффиксы по своей природе отличаются от таковых в неизолирующих языках; поскольку механизм изоляции не использует формообразовательные аффиксы для связи слов в предложении, именно поэтому такие аффиксы в изолирующих языках относительно факультативны. Следствием невысокой морфологизированности китайского языка является то, что частеречная принадлежность слова морфологически выражена очень слабо и довольно редко определяется за счет морфологических показателей.

В этой связи рассмотрим четверостишие из стихотворения Льюиса Кэрролла «Jabberwoocky» в повести-сказке «Алиса в Зазеркалье»:

Twas brillig, and the slithy toves
Did gyre and gimble in the wabe;
All mimsy were the borogoves,
And the mome raths outgrabe.

В переводе Д. Орловской оно звучит так:

Варкалось. Хливкие шорьки
Пырлялись по наве.
И хрюкотали зелюки,
Как мюмзики в мове.

Состоящее из несуществующих слов четверостишие тем не менее обладает всеми реальными морфологическими показателями, позволяющими определить общекатегориальное значение несуществующих слов и их частеречную принадлежность. По сути, несуществующими в этом стихотворении выступают только корни слов, а словообразовательные аффиксы и формы слов вполне конвенциональны и даже могут быть преобразованы в начальные: *варкаться*, *хливкий*, *шорек*, *хрюкотать* и т. д.

Совсем иное дело обстоит с языком, почти лишенным морфологических показателей. Рассмотрим несколько слов: 沫蝉 «пенница (насекомое)», 蟋蟀 «сверчок», 跳跃 «прыгать», 林粮 «лесная чаща», 鸣叫 «стрекотать», 草地 «луг». В приведенных примерах нет никаких морфологических показателей, следовательно, не зная значения этих слов, определить их общекатегориальное значение и частеречную

принадлежность невозможно. Но если посмотреть на них не по отдельности, а в структуре предложения, то их частеречная принадлежность и обобщенно-категориальное значение будут определяться и без знания их лексического значения: 沫蝉在草地上跳跃, 蟋蟀在林粮里鸣叫. «Кто-то где-то чем-то занимается, кто-то в чем-то что-то делает» («Пенница скачет на лугу, сверчок стрекочет в чаще леса»). Определить общекатегориальное значение и частеречную принадлежность слов в предложении, не зная их значения, нам помогает порядок слов и служебные слова, использованные для выражения синтаксических отношений между словами в предложении, в чем и заключается суть механизма изоляции. Таким образом, говоря о выделительности слова в потоке речи, мы можем сделать вывод о том, что китайское слово обладает выделительностью, однако она носит не привычный для нас морфологический, а синтаксический характер.

В отношении третьей характеристики слова — свободной воспроизводимости в речи — можно сказать, что слово в китайском языке, и простое, и многосложное, обладает свободной воспроизводимостью в речи. Это свойство китайского слова позволяет создавать словари, в которых фиксируются значения слов, а также осуществлять их поиск в корпусах текстов. Согласно исследованию («Сяньдай ханьюй чанюнцы бяо») первыми девятнадцатью самыми частотными китайскими словами являются односложные слова. Первые десять из них включают в себя: 的 «частица, выполняющая разные грамматические функции», 是 «глагол-связка со значением *быть, являться*; частица», 在 «предлог; глагол со значением *находиться*», — «числительное *один*», 不 «отрицательная частица», 有 «глагол со значением *иметь*», 这 «указательное местоимение со значением *это, этот*», 个 «классификатор», 上 «послелог; глагол со значением *подниматься*», 也 «наречие со значением *тоже, также*; частица» (как видим, почти все они являются либо служебными словами, либо специфическими глаголами, образующими особые типы китайских предложений (Гурулева, Радус, 2023)). Первое двусложное слово — местоимение 我们 «мы» появляется на 20-й позиции списка самых частотных слов.

Вместе с тем воспроизводимость китайского слова носит специфический характер в силу слоговой типологии китайского языка. В слоговых языках базовой фонологической единицей выступает слог. Совпадая с морфемой, по сути, придающей слогу значение, эта единица, называемая в европейской и российской китаистике слогоморфемой, а в китайской лингвистике просто 字 «иероглиф», является очень удобным строительным материалом для образования новых окказиональных слов в условиях действия двусложной нормы слова и ограниченного количества словообразовательных аффиксов (т. е. двусложного слова, состоящего из двух корневых морфем). В. М. Солнцев отмечает, что из всех моделей сложных слов две модели «атрибутивная и результативная могут массово порождать такие сложные слова, в которых имеется общий компонент, повторяющийся в целом ряде других сложных слов, причем в одной и той же позиции» (Солнцев, 1995, с. 191). По атрибутивной модели, например, образован следующий ряд слов: 松树 «сосна», 桦树 «береза», 杨树 «тополь», 梨树 «дерево груши», 苹果树 «дерево яблони» и др. Роль корневой морфемы 树 «дерево» в указанных словах не является семантической, поскольку сами по себе первые морфемы в этих словах уже обозначают названные деревья. Семантически эта морфема в названных словах излишняя, ее функция в большей степени структурная, заключающаяся в образовании двусложной нормы китайского

слова, которая легче воспринимается на слух, чем односложное слово (односложные названия деревьев в речи не употребляются). В случае с плодовыми деревьями 梨树 «*дерево груши*», 苹果树 «*дерево яблони*», 橘子树 «*мандариновое дерево*» и др., где первые морфемы обозначают и плоды, и сами деревья, морфема 树 «*дерево*» носит уточняющий характер, поясняя, что речь идет именно о дереве. Очевидно, во многом поэтому к соответствующим норме двусложным словам 苹果 «*яблоко, яблоня*» и 橘子 «*мандарин, мандариновое дерево*» и добавляется морфема 树 «*дерево*». Другая разновидность рядов слов, образованных по атрибутивной модели, создается с помощью общей морфемы, участвующей в формировании значений слов целого ряда. Например: 工人 «*рабочий*», 猎人 «*охотник*», 男人 «*мужчина*», 女人 «*женщина*» и др. В этом ряду морфема 人 «*человек*» не является семантически излишней, поскольку сами по себе первые морфемы не обозначают лиц (Солнцев, 1995).

Вторая модель сложного слова — результативная — также очень продуктивна в образовании рядов слов. С помощью этой модели образуются глаголы. Например: 打死 «*убить*», 杀死 «*убить*», 饿死 «*умереть от голода*», 笑死 «*умирать со смеху*» и др. Этот ряд образован с помощью общей морфемы 死 «*умирать*». По поводу нее В. М. Солнцев пишет: «Фактически любое действие, которое может кончиться трагично, может быть обозначено словом, построенным по этой модели» (Солнцев, 1995, с. 194). Таким образом, В. М. Солнцев не отрицает возможности создания новых окказиональных слов, востребованных в определенной ситуации коммуникации.

В процессе исследования нами было выявлено некоторое количество окказиональных слов, отсутствующих в словарях и корпусах китайского языка и тем не менее встречающихся в китайском сегменте сети Интернет и выполняющих номинативную функцию. Нами был рассмотрен ряд слов с общей морфемой 酒 «*спиртное, вино, алкогольный напиток*». Наряду с общепринятыми словами, зафиксированными в словарях и в большом количестве встречающимися в корпусах, такими как: 啤酒 «*пиво*», 白酒 «*водка*», 葡萄酒 «*виноградное вино*», 黄酒 «*рисовое вино*», 香槟酒 «*шампанское*», 鸡尾酒 «*коктейль алкогольный*» и др., был обнаружен ряд окказиональных слов, которые не удалось найти в словарях китайского языка и корпусах. К таким словам относятся: 虎酒 «*тигровое вино*» (вино из лекарственных трав уссурийских лесов России с добавлением костного клея, извлеченного из костей тигра); 肉酒 «*мясное вино*» (отварное мясо в вине с сахаром); 圣诞树酒 «*вино рождественской ели*» (алкогольный напиток в бутылке, выполненной в форме рождественской ели); 棕酒 «*коричневое вино*» (название вина, входящее в наименование китайской компании 日照市棕酒生物科技有限公司 Rizhao Brown Wine Biotechnology Co., Ltd.); 西瓜酒 «*арбузный алкогольный коктейль*»; 甜瓜酒 «*алкогольный коктейль из дыни*»; 蟋蟀酒 «*сверчковое вино*» (бытовое название импортного португальского вина «GRILOS»); 老鼠酒 «*мышинная настойка*» (лечебная настойка на только что рожденных мышатах, используется при травмах); 龙酒 «*вино дракона*» (бытовое название китайского вина 国台龙酒 Guotai Dragon Wine); 猫酒 «*кошачье вино*» (вода для кошек с добавлением кошачьей мяты, вызывающая реакцию, похожую на опьянение); 狗酒 «*собачье вино*» (напиток для собак, вызывающий реакцию, похожую на опьянение). Указанные примеры встречались нам в диапазоне от 1 до 7–8 раз, в основном в блогах соцсетей и вопросно-ответных системах китайского сегмента сети Интернет. Довольно часто контекст использования указанных лексических единиц представлял вопрос пользователя, например: «Что такое *тигровое вино* и какая от него польза?» — и ответ на него другого участника коммуникации.

Приведенные примеры представляют собой именно окказиональные слова (а не словосочетания), идиоматическое значение которых сформировалось вследствие действия механизма метафоризации, например 猫酒 «кошачье вино» само по себе не представляет именно алкогольный напиток; 老鼠酒 «мышинная настойка» — это вообще не напиток, а лечебное средство для растирания при травмах; 西瓜酒 «арбузный алкогольный коктейль» — это не алкоголь, выжатый из арбуза, а напиток, приготовленный путем добавления алкоголя и других ингредиентов к соку арбуза (сравним с несвободными словосочетаниями: 鹿肉 «оленина», 鸡肉 «курятина», 羊肉 «баранина», в которых первая морфема названия животных и общая морфема 肉 «мясо» находятся между собой в отношениях посессивности и не образуют общего идиоматического значения слова).

Судьба окказиональных слов может быть разной: вероятно, некоторые из них существуют какое-то время в языке и исчезают, некоторые постепенно начинают в нем закрепляться. Так, нами было выявлено два случая фиксации новых окказиональных слов в корпусе ВВС: 蝙蝠酒 «настойка из летучей мыши» (настойка из белого и рисового вина с добавлением порошка из сушеных летучих мышей), количество примеров в корпусе — 3; 鹿酒 «настойка из оленя» (бытовое обобщенное название 鹿茸酒 «настойки на пантах оленя» и 雄鹿酒 «настойки из самца оленя»), количество упоминаний в корпусе — 7.

Приведенный пример окказиональных слов с общей морфемой 酒 «спиртное, вино, алкогольный напиток» и многолетнее наблюдение за речью носителей китайского языка позволяет нам сказать, что в китайском языке постоянно существует некоторый пласт окказиональных сложных слов, не фиксируемых в словарях и национальных корпусах, но легко создаваемых при необходимости из удобных строительных «кирпичей» — слогоморфем, на письме обозначаемых отдельными иероглифами. Таким образом, говоря о воспроизводимости сложного китайского слова (равно как и слов-повторов, состоящих из двух одинаковых корней), можно заключить, что она носит не абсолютный, а относительный характер, означающий, что наряду с абсолютным большинством воспроизводимых сложных слов, зафиксированных в словарях, в письменной и устной речи существуют случаи создания окказиональных слов, понятных языковому сообществу. Вместе с тем воспроизводимость простого односложного слова, производного и сложнопроизводного слов абсолютна и не вызывает сомнений.

В заключение отметим, что слово в китайском языке обладает всеми основными характеристиками слова, определяемыми в других языках: цельностью, выделенностью и свободной воспроизводимостью в речи. Эти характеристики неразрывно связаны между собой, обуславливая существование друг друга. Китайское слово обладает цельностью звучания и значения, носящей специфический характер: цельность размывается за счет наличия фонетического шва в многосложных словах и морфологической значимости слогаделения, но нивелируется в силу постоянной воспроизводимости слова, формирующей его устойчивый фонетический образ, а также за счет действия механизма метафоризации, преобразующей простую сумму значений корневых морфем в новое значение слова и формирующей идиоматичность этого значения, закрепляющегося за определенным фонетическим образом. Китайское слово обладает выделенностью в речи, однако она носит не морфологический характер, свойственный формосвязывающим языкам, а синтаксический, что соответствует пониманию

изоляции как синтаксического, а не морфологического явления, заключающегося в выражении отношений между словами путем использования словоупотребления и служебных слов. И, наконец, китайское слово обладает свободной воспроизводимостью в речи, поскольку китайские слова не создаются каждый раз заново, а воспроизводятся. Это свойство китайского слова позволяет создавать и успешно использовать многочисленные словари слов китайского языка и осуществлять их поиск в корпусах текстов. Относительный характер воспроизводимости китайского слова придает существующая возможность простого создания сложного слова по мере необходимости, что ведет к существованию в языке «серого» пласта постоянно и легкообразуемых и исчезающих (либо закрепляющихся) в языке окказиональных сложных слов (реже слов-повторов), понятных всем членам языкового коллектива. Однако абсолютное большинство слов в китайском языке является воспроизводимыми неокказиональными сложными словами, либо простыми односложными словами, либо производными или сложнопроизводными словами, они зафиксированы в словарях и устойчиво функционируют в языке.

Таким образом, научная новизна исследования заключается в том, что впервые в отечественной науке был описан специфический характер трех базовых универсальных характеристик китайского слова: его *специфической цельности*, *синтаксической выделенности* и *относительной свободной воспроизводимости*, подтверждающий факт существования слова как единицы китайского языка и правомерность использования этого понятия применительно к китайскому языку. Важнейшим дифференциальным признаком сложного китайского слова названа идиоматичность его значения, образуемая посредством действия механизма метафоризации, преобразующего совокупность значений корневых морфем в идиоматическое значение слова. Действие этого механизма впервые описано нами в 2021 году (Гурулева, Калинин, 2021). До описания указанного механизма сложные слова в китайском языке рассматривались только с точки зрения функционирования процессов внутреннего синтаксиса слова, а механизм формирования идиоматичности значения сложного слова, сохраняющего его целостность и способствующего его выделенности и воспроизводимости, в расчет не принимался. В текущем исследовании осмысление действия указанного механизма метафоризации получило дальнейшее развитие с точки зрения аргументации совокупности характеристик китайского слова: этот механизм сохраняет цельность сложного слова и способствует его выделенности и свободной воспроизводимости в речи. Представленная точка зрения открывает широкие перспективы для исследования проблемы слова в китайском языке с позиций новых направлений лингвистической науки: когнитивной, корпусной, компьютерной лингвистики и т. д.

Список источников

1. Иванов, И. А., & Поливанов, Е. Д. (2001). *Грамматика современного китайского языка*. Эдиториал.
2. Ошанин, И. М. (1946). *Слово и часть речи в китайском языке* [Диссертация ... д-ра филол. наук. Москва].
3. Рождественский, Ю. В. (1969). *Типология слова*. Высшая школа.
4. Солнцев, В. М. (1995). *Введение в теорию изолирующих языков*. Восточная литература.
5. Курдюмов, В. А. (2021). Метафора на стыке китайского и европейского миров. Введение в проблему. В Е. Ф. Серебрянникова, О. В. Кузнецова и др. (Ред.). *V Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в русле трансдисциплинарной регионологии* (с. 88–93). Материалы Международной научно-практической

конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Олега Марковича Готлиба, Иркутск, 19–21 октября 2021 г. Иркутский государственный университет.

6. *Китай — язык, жизнь, образование, работа, бизнес. БКРС.* (2023, 10 июля). <https://bkrs.info/>

7. *Сяньдай ханьюй цыдянь.* (Словарь современного китайского языка). (2023, 10 июля). <https://cidian.bmcx.com/>

8. *Бэйцзин юянь дасюэ юйляоку.* (Корпус Пекинского университета языка и культуры). (2023, 10 июля). <http://bcc.blcu.edu.cn/>

9. *Бэйцзин дасюэ чжунго юяньсюэ яньцзю чжунсинь юйляоку.* (Корпус Центра китайской лингвистики Пекинского университета). (2023, 10 июля). http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/

10. Семенас, А. Л. (1985). Формальные особенности словосложения в китайском языке. В Н. В. Омелянович (Отв. ред. и авт. предисл.). *Языки Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока. Проблемы сложных слов* (с. 83–99). Наука.

11. Горелов, В. И. (1989). *Теоретическая грамматика китайского языка.* Просвещение.

12. *Сяньдай ханьюй чанюнцы бяо.* (Перечень частотных слов современного китайского языка). (2023, 10 июля). <http://www.moe.gov.cn/ewebeditor/uploadfile/2015/01/13/20150113085920115.pdf>

13. *Лингвистический энциклопедический словарь.* (Под ред. В. Н. Ярцевой). (1990). Советская энциклопедия.

14. Гурулева, Т. Л., & Абдрахманова, А. Р. (2022). Типологические характеристики слоговых языков (на материале языков Восточной и Юго-Восточной Азии). *Современное педагогическое образование*, 11, 208–212.

15. Гурулева, Т. Л., & Калинин, О. И. (2021). Метафоричность как культурно обусловленная характеристика дискурса. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*, 3, 26–40.

16. Гурулева, Т. Л., & Радус, Л. А. (2023). Типология простого предложения в китайском языке. *Современное педагогическое образование*, 1, 351–356.

References

- Ivanov, I. A., & Polivanov, E. D. (2001). *Grammar of Modern Chinese*. Editorial. (In Russ.).
- Oshanin, I. M. (1946). *Word and part of speech in Chinese* [Dissertation ... Doctor of Philological Sciences. Moscow]. (In Russ.).
- Rozhdestvensky, Yu. V. (1969). *Typology of the word*. Vysshaya shkola. (In Russ.).
- Solntsev, V. M. (1995). *Introduction to the theory of isolating languages*. Vostochnaya literatura. (In Russ.).
- Kurdyumov, V. A. (2021). Metaphor at the junction of the Chinese and European worlds. Introduction to the problem. In E. F. Serebrennikova, O. V. Kuznetsova, etc. (Ed.). *5th Gottlieb Readings: Oriental and regional studies of the Asia-Pacific region in line with transdisciplinary regional studies* (pp. 88–93). Materials of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 70th anniversary of the birth of Oleg Markovich Gotlib, Irkutsk, October 19–21, 2021. Irkutsk State University. (In Russ.).
- China — language, life, education, work, business. BCRS.* (2023, July 10). <https://bkrs.info/>
- Сяньдай ханьюй цыдянь.* (Dictionary of Modern Chinese). (2023, July 10). <https://cidian.bmcx.com/> (In Chinese).
- Бэйцзин юянь дасюэ юйляоку.* (Beijing Language and Culture University Chinese Corpus). (2023, July 10). <http://bcc.blcu.edu.cn/> (In Chinese).
- Бэйцзин дасюэ чжунго юяньсюэ яньцзю чжунсинь юйляоку.* (Center for Chinese Linguistics of Pekin University Corpus). (2023, July 10). http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/ (In Chinese).
- Semenas, A. L. (1985). Formal features of word composition in Chinese. In N. V. Omelyanovich (Ed. and author's preface). *Languages of Southeast Asia and the Far East. Compound Word Problems* (pp. 83–99). Nauka. (In Russ.).

11. Gorelov, V. I. (1989). *Theoretical grammar of the Chinese language*. Prosveshchenie. (In Russ.).
12. Сяньдай ханьюй чанюнцы бяо. (List of common words in modern Chinese). (2023, July 10). <http://www.moe.gov.cn/ewebeditor/uploadfile/2015/01/13/20150113085920115.pdf> (In Chinese).
13. *Linguistic encyclopedic dictionary*. V. N. Yartseva (Ed). (1990). Sovetskaya enciklopediya. (In Russ.).
14. Guruleva, T. L., & Abdrakhmanova, A. R. (2022). Typological characteristics of syllabic languages (based on the languages of East and Southeast Asia). *Modern Pedagogical Education, 11*, 208–212. (In Russ.).
15. Guruleva, T. L., & Kalinin, O. I. (2021). Metaphoricity as a culturally conditioned characteristic of discourse. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics, 3*, 26–40. (In Russ.).
16. Guruleva, T. L., & Radus, L. A. (2023). Typology of a simple sentence in Chinese. *Modern Pedagogical Education, 1*, 351–356. (In Russ.).

Информация об авторе

Татьяна Леонидовна Гурулева — доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры китайского языка Института иностранных языков МГПУ; профессор кафедры восточных языков Всероссийской академии внешней торговли.

Information about the author

Tatiana L. Guruleva — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of Chinese Department, Institute of Foreign Languages, MCU; Professor of Eastern Languages Department, Russian Foreign Trade Academy.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК 811.134.2'06

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.51.3.11

**ЯЗЫКОВЫЕ МАРКЕРЫ КУЛЬТУРНОЙ ТРАВМЫ
В НАРРАТИВАХ СОЦИАЛЬНЫХ СТРАДАНИЙ
(НА МАТЕРИАЛЕ НАРРАТИВОВ МЕКСИКАНЦЕВ
ОБ ИСПАНСКОЙ КОНКИСТЕ)****Горностаева Юлия Андреевна**

Сибирский федеральный университет,

Красноярск, Россия,

yulyatald@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6233-4995>

Аннотация. Статья посвящена проблеме выявления языковых маркеров культурной травмы, связанных с испанской конкистой, в нарративах социальных страданий представителей мексиканской лингвокультуры. Данная работа проведена в рамках теории культурной травмы, разрабатываемой американской социологической школой. Актуальность проблематики обусловлена: 1) чрезвычайной важностью испанской конкисты как травмирующего события; 2) самой научной концепцией культурной травматизации, позволяющей обнаруживать новые значимые и причинно-следственные отношения между ранее не связанными событиями, структурами, восприятиями и действиями. Цель исследования — описать связанный с испанским завоеванием и вербализованный в речи представителей мексиканской лингвокультуры процесс культурной травматизации и определить позволяющие детектировать данное травмирующее событие в речи языковые маркеры культурной травмы. Ведущим методом исследования является нарративный анализ, реализуемый посредством рассмотрения четырех репрезентаций травмирующего события в речи: 1) природа боли; 2) природа жертвы; 3) связь жертвы травмы с широкой аудиторией; 4) возложение ответственности. В ходе анализа в рамках каждой из репрезентаций культурной травмы выделены следующие группы ее языковых маркеров: 1) лексико-тематическая группа «Преступления», лексико-тематическая группа «Дискриминация местного населения», лексико-тематическая группа оценочных отрицательных прилагательных и существительных; 2) этнонимы, называющие коренные народы Латинской Америки; топонимы, именующие завоеванные территории; имена собственные убитых вождей майя и ацтеков; 3) замещающие наименования праздника «Día de Hispanidad» и травмирующего события «conquista»; 4) лексические и грамматические единицы, вербализующие призывы к извинению; имя главного испанского завоевателя — Эрнана Кортеса.

Ключевые слова: культурная травма, нарратив социальных страданий, репрезентация, коллективная идентичность, конкиста.

Для цитирования: Горностаева, Ю. А. (2023). Языковые маркеры культурной травмы в нарративах социальных страданий (на материале нарративов мексиканцев об испанской конкисте). *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 3(51), 130–146. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.51.3.11>

Original article

UDC 811.134.2*06

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.51.3.11

**LINGUISTIC MARKERS OF CULTURAL TRAUMA
IN SOCIAL SUFFERING NARRATIVES
(BASED ON MEXICAN NARRATIVES ABOUT
THE SPANISH CONQUEST)****Yulia A. Gornostaeva**

Siberian Federal University,

Krasnoyarsk, Russia,

yulyatald@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6233-4995>

Abstract. The article aims at identifying linguistic markers of cultural trauma associated with the Spanish conquest in the social suffering narratives of the Mexicans. The research is carried out within the framework of the cultural trauma theory, developed by the American sociological school. The relevance of the problem is due to: 1) the extreme importance of the Spanish conquest as a traumatic event; 2) the very scientific concept of cultural trauma, which makes it possible to discover new significant and causal relationships between previously unrelated events, structures, perceptions and actions. The purpose of the study is to describe the process of cultural traumatization associated with the Spanish conquest and verbalized in the speech of the Mexican linguistic culture representatives, and to determine the linguistic markers of cultural trauma that make it possible to detect this traumatic event in speech. The main research method is narrative analysis, implemented by considering four representations of a traumatic event in speech: 1) the nature of pain; 2) the nature of the victim; 3) the connection of the victim of trauma with the audience; 4) the assignment of responsibility. The analysis while considering each of the representations of cultural trauma enabled to identify the following groups of linguistic markers: 1) the lexical-thematic group «Crime», the lexical-thematic group «Discrimination of the local population», the lexical-thematic group of negative evaluative adjectives and nouns; 2) ethnonyms naming the indigenous peoples, toponyms naming the conquered territories; proper names of slain Mayan and Aztec leaders; 3) substitute names for the holiday «Día de Hispanidad» and the traumatic event «conquista»; 4) lexical and grammatical units that verbalize calls for an apology; the name of the main Spanish conqueror — Hernan Cortes.

Keywords: cultural trauma, narrative of social suffering, representation, collective identity, conquest.

For citation: Gornostaeva, Yu. A. (2023). Linguistic markers of cultural trauma in social suffering narratives (based on Mexican narratives about the Spanish conquest). *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3(51), 130–146. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.51.3.11>

Введение

Происходящие события в стране и мире никогда не остаются незамеченными, они всегда имеют свои экономические, политические и психологические последствия. Разного рода драматические события — войны, завоевания, пандемии и т. п. — травмируют общество и обязательно отражаются в языке. Процесс культурной травматизации представляет несомненный интерес в рамках социологических, лингвистических и политологических исследований, поскольку он напрямую связан с формированием коллективной идентичности и конструированием коллективной памяти.

В Латинской Америке таким травмирующим событием стала испанская конкиста, начавшаяся с момента открытия Колумбом Америки и закончившаяся уничтожением древних цивилизаций. День испанской нации, который отмечается 12 октября, вызывает противоречивые чувства у представителей испаноязычной лингвокультуры, ведь в латиноамериканском обществе из поколения в поколение передаются воспоминания о тех травмирующих событиях.

Культурная травма традиционно представлена преимущественно в трудах зарубежных социологов и лингвистов, которые рассматривают ее во взаимосвязи с коллективной идентичностью. Самой известной работой, описывающей процесс культурной травматизации, стала книга «Cultural Trauma and Collective Identity», созданная коллективом авторов — разработчиков данной теории — Дж. Александером, Р. Айерманом, Б. Гизеном, Н. Смелзером и П. Штомпкой (Alexander, 2004).

Р. Айерман рассматривал культурные последствия рабства для афроамериканской коллективной идентичности (Euerman, 2001). Н. Смелзер уделял внимание механизмам конструирования культурной травмы, противопоставляя ее травме психологической (Smelser, 2004). Б. Манц исследовал геноцид в деревне майя в Гватемале с точки зрения теории культурной травмы (Manz, 2002). Б. Гизен изучал культурную травму в постнацистской Германии в контексте формирования национальной идентичности вокруг фигуры преступника и комплекса вины, связанного с Холокостом (Giesen, 2004). Отметим, что Холокост как культурная травма и другие массовые убийства в призме данной научной теории привлекали внимание всего коллектива авторов американской социологической школы, а результаты их исследований были представлены в совместных публикациях (Alexander, 2016).

Культурная травма в отечественной науке изучалась не так активно, в основном небольшим числом ученых-социологов и философов. Так, исследовались различные траектории социальной памяти и формы ее мифологизации (Будюкин и Линченко, 2015), в том числе в контексте войны и Холокоста (Линченко, 2018). Объектом исследования некоторых философов становились травмы культурной памяти в аспекте концептуального анализа (Аникин и Головашина, 2017). Историки уделяют внимание репрезентации культурной травмы и описывают музеефикацию Холокоста (Рождественская, 2017). Отметим, что языковая репрезентация культурной травмы не представлена в трудах отечественных лингвистов.

Данное исследование реализовано в русле теории культурной травмы, разработанной социологами Дж. Александером и П. Штомпкой. В качестве **объекта** исследования выступает связанный с испанской конкистой и репрезентированный в нарративах социальных страданий представителей мексиканской лингвокультуры процесс культурной травматизации. **Предмет** исследования — языковые маркеры культурной травмы.

Цель исследования: описать процесс культурной травматизации, сопряженный с испанской конкистой и вербализованный в речи носителей испанского языка из Мексики, и определить языковые маркеры культурной травмы, которые дают возможность детектировать это травмирующее событие в речи.

Актуальность темы обусловлена чрезвычайной важностью испанской конкисты как травмирующего события, изменившего ход истории всего человечества, а также самой научной концепцией культурной травматизации, позволяющей обнаруживать новые значимые и причинно-следственные отношения между ранее не связанными

событиями, структурами, восприятиями и действиями, в том числе посредством выделения языковых маркеров культурной травмы.

Научная новизна работы обусловлена объектом исследования — процессом культурной травматизации, вызванной конкистой, языковые аспекты которой еще не рассматривались в научных работах отечественных и зарубежных ученых, в том числе с позиции травмирующего события.

Культурная травма как социальный процесс в контексте формирования коллективной идентичности

В XX веке люди впервые стали говорить на языке травмы о том, что они травмированы определенными событиями прошлого и испытывают связанные с ними переживания в настоящем. Это происходило под влиянием новых непредвиденных и нежелательных обстоятельств, сложившихся в силу травмирующего социально значимого события, оказавшего значительное влияние на мироощущение граждан (Alexander, 2004). Язык травмы стал средством вербализации травмирующих смыслов, инструментом выражения психологических переживаний людей.

Так, ключевым понятием нашего исследования является «культурная травма», определяемая как «эмпирическая научная концепция, предполагающая новые значимые причинно-следственные отношения между ранее не связанными событиями, структурами, восприятиями и действиями» (здесь и далее перевод наш. — Ю. Г.) (Alexander, 2004, p. 12); это исторический опыт народа, испытавшего на себе последствия травмирующего события (Alexander, 2004), который репрезентирован в языке. Данный вид травмы — это нестабильное социальное состояние, «травматическая последовательность или динамичный, развивающийся процесс» (Sztompka, 2000, p. 453).

Культурная травма взаимосвязана со смежным понятием «культурный шок», которое позиционируется как начальная ступень травматической последовательности. Культурный шок — это сложный и болезненный для человека процесс, в ходе которого происходит ломка существующих стереотипов, вследствие чего затрачиваются физические и психологические ресурсы индивида. Культурный шок возникает как ответ на травмирующее событие или воспоминание о нем, когда происходит делегитимация и перестройка фундаментальных ценностей культуры, основ идентичности и коллективной гордости (Sztompka, 2000).

Не всякое социально значимое изменение может быть квалифицировано как культурная травма, которая, будучи травмирующим процессом перестройки социального строя, характеризуется следующими конститутивными признаками: 1) происходит в период дезорганизации и несогласованности общества (Sztompka, 2000, p. 453); 2) влечет внезапные и быстрые изменения; 3) имеет радикальный, глубокий и всесторонний характер, затрагивающий фундаментальные основы общества; 4) воспринимается представителями лингвокультуры как навязанные, экзогенные, приходящие извне изменения; 5) ощущается как неожиданные, непредсказуемые, удивительные, шокирующие и отталкивающие изменения (Sztompka, 2000, p. 452).

Как отмечает Дж. Александер, чтобы травмы проявились на коллективном уровне, социальные кризисы должны стать культурными. Травма — это результат того, что дискомфорт и боль проникают в суть коллективной идентичности (Alexander, 2004).

Культурная травма также может появиться через опосредованное переживание событий, конструируемое средствами массовой информации. «Массово-опосредованный опыт всегда предполагает избирательное конструирование и репрезентацию, поскольку то, что визуализируется, является результатом действий и решений профессионалов относительно того, что является значительным и как это должно быть представлено» (Eyerman, 2004, p. 62).

Культурная травма всегда подрывает один или несколько важнейших компонентов культуры и общества (Smelser, 2004). В дополнение к своим разрушительным социальным последствиям травмирующие события также порождают кризис культуры и идеологической системы. Нарушения в социальной системе незамедлительно вызывают изменения в культурной системе общества, и наоборот, поскольку все элементы системы взаимосвязаны.

«Травма — это коллективный феномен, состояние, испытываемое группой, сообществом или обществом в результате разрушительных событий, культурно интерпретируемых как травмирующие» (Sztompka, 2000, p. 458). Культурная травма всегда влияет на коллектив и поэтому не может быть индивидуальным психологическим нарушением.

Как культурный процесс травма сопряжена с формированием коллективной идентичности и конструированием коллективной памяти. Культурная травма чревата потерей идентичности и смысла, изменениями в социальной структуре группы людей, достигшей определенной степени сплоченности (Eyerman, 2004).

Влияние культурной травмы заметно сильнее, если наблюдаются значительные различия между устоявшимся образом жизни и новым, созданным впоследствии травматического события, что, в свою очередь, порождает искаженное формирование коллективной идентичности.

Культурная травма неизбежно влечет за собой появление новых элементов в языке, поскольку отдельные личности как члены социальной группы транслируют символические характеристики травмирующего общества событий.

Так, в религии лингвистический аспект культурной травмы проявляется в связи процесса травматизации и теодицеи, когда задачей языка служит объяснение и оправдание наличия мирового зла (Alexander, 2004). В литературе языковые изменения, вызванные культурной травмой, находят отражение в новых жанрах и особенностях повествования, которые направлены на образную идентификацию травмы и эмоциональный катарсис. Например, после трагических событий Холокоста, фашизма, этноцида в Гватемале, геноцида индейцев в Северной и Южной Америке сформировался особый жанр — «литература выживших» (Hayes, 1999).

«Когда средства массовой информации пытаются обозревать травматический процесс, он приобретает новые возможности языкового выражения, но в то же время подвергается изменениям из-за особого рода ограничений» (Alexander, 2004, p. 18). Опосредованная среда СМИ позволяет драматизировать травмирующие события, вольно интерпретировать их, что, в свою очередь, дает возможность оказывать влияние на граждан.

Когда культурная травма затрагивает правовую сферу жизни общества, она требует наличия в языке способов самовыражения, т. е. терминов для определения процесса травматизации и вынесения вердиктов относительно юридических обязанностей, наказаний за преступления и материальной компенсации (Alexander, 2004).

Таким образом, в реальной речевой практике лингвистический аспект культурной травмы находит выражение в различных сферах жизни общества. Язык культурной травматизации во многом обусловлен особенностями социальных институтов, иерархией и стратификацией, иными словами, язык выступает в качестве посредника между жертвами и виновными социального насилия. Репрезентация культурной травмы формирует новый господствующий нарратив социальных страданий, который получил освещение в трудах философов и социологов, однако собственно лингвистический аспект нарратива социальных страданий незаслуженно игнорировался.

Нарратив социальных страданий как пространство трансляции травматического опыта

Под нарративностью понимается особая структура излагаемого материала, предполагающая рассказ истории об определенном событии, изменившем исходную ситуацию: 1) внешнем естественном, акциональном и интеракционном событии; 2) внутренней ситуации того или другого персонажа — ментальном событии (Шмид, 2003, с. 10).

Нарратив рассматривается как смысловое единение содержания и события наррации (Тюпа, 2002). При этом событийная канва повествования должна отражать нарушение первоначального состояния равновесия, т. е. элементы нарратива должны быть связаны не только временными, но и трансформационными отношениями (Троцук, 2006).

Событийность и темпоральность — это два конститутивных признака нарратива, который «рассматривается как структурно заданный жанр, имеющий начало, конец, протагониста и события, расположенные в линейном порядке» (Кутковая, 2014, с. 28).

В рамках нарративного подхода существует несколько векторов его изучения и определения. Так, Д. Макадамс понимает под нарративом жизненную историю как основу идентичности человека в модернистском обществе. Он отмечает важность проведения анализа отдельных жизненных эпизодов, который позволяет сделать акценты не на сюжете, а на переживании, сфокусироваться на изучаемых аспектах идентичности (McAdams, 2011).

У. Лабов и Дж. Валецки изучают нарратив как структурированную определенным образом схему организации и воспроизведения опыта прошлого и предлагают модель структурного анализа нарратива (Labov, Waletzky, 1966).

По мнению А. де Фина, нарратив дает возможность человеку структурировать понимание самого себя и свой жизненный опыт. Нарратив занимает центральное место в изучении идентичности и выступает способом ее выражения, конструирования и воплощения (De Fina, 2003).

Немаловажно отметить, что, поскольку нарратив отражает опыт не только отдельного индивида, но и целой лингвокультуры (Обдалова и Левашкина, 2019), а также во многом обусловлен текущим социокультурным контекстом речемыслительной деятельности, в более поздних исследованиях лингвистами все чаще вводится термин «дискурс»: ввиду своей сложности и многоаспектности он позволяет соотнести человека, его дискурсивную деятельность и культуру, проанализировать социальный контекст, в котором находятся участники коммуникации. Дискурсивная деятельность всегда сопряжена с познанием, осмыслением и интерпретацией языковой картины

мира его участников в процессе речемыслительной деятельности (Обдалова, Минакова и Соболева, 2016). Так, в парадигму современной лингвистической науки вводится понятие нарративного дискурса, который представляет собой комплексное речевое действие, реализуемое по определенной схеме (Егоршина, 2002).

А. Хасимото работает в русле теории культурной травмы и выделяет три категории нарратива. Главным критерием выступает оценка морального значения военных и политических действий и их влияние на формирование будущего травмируемой группы. Автор пишет о следующих категориях нарратива (Hashimoto, 2015):

1. Нарратив о павших национальных героях. Героические повествования, как правило, содержат дискурс о долге, который часто звучит в официальных речах на торжественных мероприятиях. Направлены на поддержание чувства гордости за национальную принадлежность и отвлечение внимания от вины государства в развязывании войны.

2. Нарратив сопереживания и отождествления с жертвами трагедий: преобладают семейные истории о травмирующем опыте, описывающие страдания жертв как результат жестокого, бездушного угнетения и непростительных актов пыток и насилия.

3. Нарратив о раскаявшемся преступнике, в котором ему выражается сожаление. Данная категория нарратива вербализуется в журналистских расследованиях, документальных фильмах, академических публикациях и интеллектуальных дискуссиях, а также в мемуарах и рассказах ветеранов (Hashimoto, 2015).

Ведущим методом исследования нарратива служит нарративный анализ — совокупность методов изучения текста, повествовательных конструктов, в которых «язык представляется как посредник, недвусмысленно передающий неизменные и единственные значения» (Ярская-Смирнова, 1997, с. 40). Проводя нарративный анализ, мы можем «прояснить, насколько случайны применяемые термины и выражения для конкретной культурной и исторической ситуации» (Ярская-Смирнова, 1997, с. 53).

Говоря о методологии изучения нарративов в их неразрывной связи с культурой, нельзя не упомянуть о полевых лингвистических исследованиях нарративов верхнекускоквимцев, носителей одного из атабаскских языков на Аляске, реализованных отечественными языковедами и позволивших подробно описать уникальные грамматические явления языка атабасков Верхнего Кускоквима, а также выявить векторы русского культурного и языкового влияния на представителей данной лингвокультуры (Кибрик, 2018).

Предметом изучения в нарративном анализе выступает рассказанная история, или повествование, с точки зрения способов упорядочивания опыта в последовательную цепь событий (Троцук, 2006).

Нарративный анализ предполагает, что исследователь становится частью жизненной ситуации, описываемой респондентом, и на основе собственных навыков эмпатии с помощью нарративного анализа способен выявить языковые маркеры, выражающие чувствительность рассказчика к историческим деталям, чтобы осознать степень их влияния на настоящее и будущее.

Нарративы о травме — это особый тип нарративов, национальное наследие, с помощью которого члены группы могут поделиться своими переживаниями с потомками. Нарративы о травмируемом событии являются коммуникативным пространством трансляции травматического опыта и в концепции Дж. Александера названы «нарративами социальных страданий». С помощью нарративного анализа и других

лингвистических методов нам представляется возможным провести анализ нарративов социальных страданий на предмет выделения языковых маркеров культурной травмы — универсальных языковых единиц, позволяющих детектировать наличие культурной травмы, связанной с испанской конкистой, у представителей мексиканской лингвокультуры. Нарративный анализ в рамках теории культурной травмы проводится с опорой на рассмотрение четырех репрезентаций травмы на языковом уровне. Репрезентация травмы, в свою очередь, — это рассказ новой истории, которая в то же время является сложным и многозначным символическим процессом. Дж. Александер вводит понятие господствующего нарратива (*master narrative*), в создании которого важную роль играют четыре репрезентации (Alexander, 2004):

1. Природа боли. Что именно произошло с определенной группой или целой общностью, к которой эта группа принадлежит?

2. Природа жертвы. Какая группа людей испытала травмирующую боль? Были ли это конкретные индивиды/группы или народ в целом? Приняла ли на себя основную тяжесть боли единственная и ограниченная группа, или в этом были замешаны несколько групп?

3. Связь жертвы травмы с более широкой аудиторией. В какой степени аудитория, которой репрезентируется травма, ощущает идентичность с группой, непосредственно подвергшейся нападению?

4. Возложение ответственности. Для создания убедительного нарратива о травме крайне важно установить личность преступника — антагониста. Кто травмировал жертву? Кто вызвал травму? Этот вопрос всегда является вопросом символического и социального конструирования.

Испанская конкиста как травмирующее событие и языковые маркеры культурной травмы: результаты и дискуссия

Флотилия под командованием Христофора Колумба 12 октября 1492 года достигла острова, позднее получившего название Сан-Сальвадор. Таким образом, было положено начало отношениям между Америкой и остальным миром. Развитие коренного населения Америки было прервано европейскими завоевателями-конкистадорами. Индейцы отличались от европейцев своим языком, верованиями, обычаями, традициями, а также имели физические особенности: цвет кожи, разрез глаз, рост и телосложение. Конкистадоры стремились покорить народы и завоевать земли для обогащения Испании. Представители коренного населения считались язычниками, поэтому для европейских государств, в которых господствовала католическая религия, они не имели юридических прав: это означало, что для «легитимации господства испанской короны было достаточно самого факта открытия Америки и ее захвата» (Роблес Эррера и Малинко, 2018, с. 95).

Духовенство навязывало христианскую религию, колонизаторы грабили, истребляли и порабощали коренное население, испанское завоевание оборвало всякое дальнейшее самостоятельное развитие американских индейцев.

Испанская конкиста была приостановлена 16 апреля 1550 года Карлом I, тогда была проведена дискуссия «Вальядолидская хунта» (*исп. La Junta de Valladolid*,

дословно: «Собрание в Вальядолиде»). Юристы и теологи обсуждали гуманность и законность методов конкисты. «Европейское доминирование сохранялось в течение длительного периода, и 300 лет колонизации привели к таргетированию европейских моделей власти на латиноамериканскую почву» (Роблес Эррера и Малинко, 2018, с. 97).

Таким образом, испанское завоевание стало одним из наиболее драматических травмирующих событий для жителей Нового Света, оказало значительное влияние на все сферы жизни общества, в том числе на формирование культурной идентичности и самоидентификацию народов Латинской Америки, привело к перестройке социальной системы. Можно с уверенностью полагать, что жителям поработанных территорий была нанесена культурная травма, а связанные с ней переживания потомки испытывают до сих пор, что определенным образом вербализовано в языке.

Мы провели анализ нарративов социальных страданий (в терминологии Дж. Александера) на испанском языке представителей мексиканской лингвокультуры о конкисте в соответствии с описанной Дж. Александром схемой языковой репрезентации культурной травмы. Материал исследования отбирался методом целевой выборки: анализировались нарративы представителей мексиканской лингвокультуры о конкисте, задействовались как письменные, так и устные источники. Были проанализированы нарративы действующего президента Мексики Андреса Мануэля Лопеса Обрадора (Andrés Manuel López Obrador), мэра Мехико Клаудии Шейнбаум (Claudia Sheinbaum), мексиканских историков и антропологов Родриго Мартинеса Баракса (Rodrigo Martínez Baracs) и Гийема Оливье (Guilhem Olivier), археолога Маргариты Коссиач (Margarita Cossich), активистов и лидеров сообществ коренных народов Мексики (Iaku Signingioy и др.), а также некоторых представителей мексиканской политической элиты.

Были отобраны нарративы о конкисте представителей мексиканской правящей элиты, а также других авторитетных персоналий Мексики, имеющих определенное отношение к данному травмирующему событию в силу своей профессиональной деятельности (археологи, историки, общественные активисты) или этнической принадлежности (представители коренных народов Мексики), с 2019 по 2022 год, которые были опубликованы в различных периодических изданиях, на страницах официальных государственных структур (например, правительства Мексики), а также выложены на видеохостинге YouTube. Мы остановились на данном временном отрезке, поскольку именно с 2019 года в мексиканском нарративном дискурсе усилились антииспанские настроения, что было связано с официальным письмом действующего президента Мексики Андреса Мануэля Лопеса Обрадора Королю Испании с требованием извинений за события, развернувшиеся в эпоху испанского завоевания. Общий объем анализируемого материала — более 182 000 знаков и 4 часа 15 минут видео. Нами были выделены группы языковых маркеров культурной травмы, сигнализирующие о наличии каждого из компонентов ее языковой репрезентации в нарративе социальных страданий.

Под языковым маркером понимается вычленяемая, подлежащая формализации и дальнейшей параметризации языковая единица, указывающая на присутствие в тексте некоторого более сложного, не поддающегося параметризации явления. При этом для всех типов маркеров характерно свойство появляться в тех же контекстах, что и некое искомое явление (Колмогорова и Горностаева, 2021).

В ходе проводимого анализа в основе выделения типов языковой репрезентации культурной травмы лежал тематический критерий: анализируемый языковой фрагмент, соотносимый нами с определенным типом языковой репрезентации, должен отражать обозначенные Дж. Александером тему и смысловое содержание данного типа. Первый тип языковой репрезентации — **природа боли** — предусматривает описание травматических событий, которые произошли с определенной общностью, и в нашем случае раскрывается через описание происходящего времен испанской колонизации. Можно выделить несколько групп языковых маркеров, идентифицирующих природу боли и включающих в себя лексические единицы с различной семантикой (табл. 1) (здесь и далее курсив и полужирное выделение в приведенных примерах, а также перевод на русский язык наши. — Ю. Г.):

Таблица 1 / Table 1

Маркеры языковой репрезентации природы боли
Markers of linguistic representation of the nature of pain

Лексико-тематическая группа	Примеры*	Лексические единицы, входящие в группу языковых маркеров**
Преступления (убийства, уничтожение природных ресурсов, разрушение)	<p>(1) <i>Genocidas emprendidas</i>. <...> <i>la conquista se realizó mediante innumerables crímenes y atropellos</i> <...>. ‘Совершались геноциды. <...> Конкиста происходила через бесчисленные преступления и произвол <...>’.</p> <p>(2) <i>Se realizó un sostenido saqueo de las riquezas naturales</i>. ‘Происходило постоянное разграбление природных ресурсов’.</p> <p>(3) <i>Tanto pueblo arrasado, saqueado y quemado</i> <...>. <i>Tantas mujeres violadas</i>. ‘Столько уничтоженных, ограбленных и сожженных заживо людей <...>. Столько изнасилованных женщин’.</p> <p>(4) <i>Durante la Colonia se vulneraron derechos individuales y colectivos</i>. ‘Во времена колонизации нарушались индивидуальные и коллективные права’</p>	<p><i>Crimen</i> (преступление), <i>destrucción</i> (разрушение), <i>genocida</i> (геноцид), <i>atropello</i> (произвол), <i>saqueo</i> (грабёж), <i>delito</i> (преступление), <i>arrasar</i> (уничтожить), <i>quemar</i> (сжечь), <i>violar</i> (насиловать), <i>matar</i> (убивать), <i>matanza</i> (убийство), <i>derrotar</i> (разрушить), <i>vulnerar derechos</i> (нарушать права)</p>
Дискриминация местного населения	<p>(1) <i>Se implantó un ordenamiento social basado en la segregación de castas y razas</i>. ‘Установлен общественный строй, основанный на сегрегации по кастовому и расовому признакам’.</p> <p>(2) <i>Se instauraron la esclavitud y las encomiendas</i>. ‘Введены рабство и командорство’.</p>	<p><i>Segregación de castas y razas</i> (сегрегация по кастовому и расовому признаку), <i>discriminación</i> (дискриминация), <i>racista</i> (расистский), <i>esclavitud</i> (рабство), <i>imponer</i> (навязывать), <i>usurpar</i> (узурпировать)</p>

Лексико-тематическая группа	Примеры*	Лексические единицы, входящие в группу языковых маркеров**
	(3) <i>Las tierras propiedad de los naturales fueron usurpadas y repartidas a colonizadores y a órdenes religiosas.</i> ‘Земли, принадлежащие туземцам, были узурпированы и розданы колонизаторам и религиозным орденам’. (4) <i>Se impuso la lengua castellana.</i> ‘Был навязан испанский язык’	
Отрицательно-оценочные прилагательные и существительные	(1) <...> <i>un acontecimiento fundacional de la actual nación mexicana, sí, pero tremendamente violento, doloroso y transgresor</i> <...>. ‘<...> Да, это фундаментальное для мексиканской нации событие, но чрезвычайно жестокое, болезненное и преступное <...>’	<i>Violento</i> (жестокий), <i>doloroso</i> (болезненный), <i>transgresor</i> (преступный), <i>horrible</i> (ужасный), <i>terrible</i> (ужасный), <i>horroroso</i> (ужасный), <i>espantoso</i> (отвратительный), <i>catástrofe</i> (катастрофа), <i>atrocidad</i> (злодеяние, зверство), <i>invasión</i> (вторжение), <i>ocupación</i> (оккупация), <i>intervención</i> (интервенция), <i>intrusión</i> (вторжение)

* Примеры взяты из письма президента Мексики Андреса Мануэля Лопеса Обрадора королю Испании Филиппу VI от 01.03.2019 (Carta a Su Majestad, Felipe VI, Rey de España, 2019) и речи в честь 500-летия падения Теночтитлана (Discurso 500 años de Resistencia Indígena, 2021).

** Выделены на основе анализа отобранного языкового материала.

Второй тип — **природа жертвы** — предполагает наименование и описание группы людей, которая приняла на себя основную тяжесть боли, и вербализована главным образом посредством упоминания коренных народов майя и ацтеков, испытавших на себе всю тяжесть данного травмирующего события. Например, языковыми маркерами, указывающими на природу жертвы, служат сами этнонимы *maya*, *aztecos*, *yaqui*, *indios* и их обобщенные наименования (*pueblos / culturas mesoamericanos / indígenas*), топонимы, называющие ключевые города-государства древних цивилизаций, захваченные и разрушенные колонизаторами (*Tenochtitlan*), а также упоминание убитых испанцами вождей (*Cuauhtémoc*). Кроме того, в нарративах социальных страданий нередко упоминаются жители Филиппин (*filipinos*) и Экваториальной Гвинеи (*ecuatoguineanos*) в качестве жертв испанской колонизации. Примеры 10–12 демонстрируют данный аспект языковой репрезентации конкисты.

(1) *Se emprendió la destrucción sistemática de las **culturas mesoamericanas**.* ‘Происходило систематическое уничтожение **мезоамериканских культур**’ (из письма президента Мексики королю Испании), (Carta a Su Majestad, Felipe VI, Rey de España, 2019).

(2) *Hoy, 13 de agosto, fecha funeral, como diría el maestro Carlos Pellicer, recordamos la caída de la gran Tenochtitlan y ofrecemos perdón a las víctimas de la catástrofe originada por la ocupación militar española de **Mesoamérica** y del resto del territorio de la actual República mexicana.* ‘Сегодня, 13 августа, в похоронную дату, как сказал бы

маэстро Карлос Пеллисер, мы вспоминаем падение великого Теночтитлана и просим прощения у жертв катастрофы, которая произошла из-за испанской военной оккупации Мезоамерики и всей остальной территории современной Мексики' (из речи в честь 500-летия падения Теночтитлана), (*Discurso 500 años de Resistencia Indígena*, 2021).

(3) *Así lo aprueban los cargos fincados por la justicia española al propio Cortés en los Juicios de Residencia a los que fue sujeto (1518–1547), de los que es emblemático el encarcelamiento y asesinato de Cuauhtémoc, último mandatario azteca, en 1525*. 'Это подтверждается обвинениями, выдвинутыми испанской судебной системой против самого Кортеса на инициированных над ним процессах (1518–1547). Одним из наиболее показательных обвинений является заключение в тюрьму и убийство последнего вождя ацтеков Куаутемока в 1525 году' (из письма президента Мексики королю Испании), (*Carta a Su Majestad, Felipe VI, Rey de España*, 2019).

Третий тип — **связь жертвы травмы с более широкой аудиторией** — проявляется в степени ощущения идентичности аудитории с группой, непосредственно подвергшейся нападению, и находит отражение в нескольких аспектах, демонстрирующих чувство идентичности жителей современной Мексики с племенами и народами, подвергшимися нападению испанских колонизаторов.

Одним из маркеров данного типа репрезентации культурной травмы являются, на наш взгляд, уникальные современные наименования праздника *Día de Hispanidad* (День испанской нации), который ежегодно с размахом отмечается во всех испаноязычных странах 12 октября — в день, когда Колумб открыл Америку. Это день испанского языка, культуры и единения народов, который в последние десятилетия вызывает отторжение у представителей латиноамериканских стран, в связи с чем был официально переименован в большинстве из них. Мы полагаем, что мексиканцы идентифицируют себя с коренными народами, подвергшимися насилию со стороны испанских завоевателей, поэтому традиционное наименование праздника, отражающее принадлежность к испанской нации и непосредственную связь с Испанией, вызывает у них негативные и болезненные эмоции, что на языковом уровне реализуется посредством своеобразной эвфемизации — перифраза, замещающего лексические единицы, вербализующие нелицеприятные факты действительности времен испанской конкисты. В Мексике День испанской нации сначала получил название *Día de la raza* 'День расы', а в 2020 году указом президента официально переименован в *Día de la Nación Pluricultural* 'День многокультурной нации'. Для сравнения: в Аргентине, например, данный праздник в 2010 году получил номинацию *Día del Respeto a la Diversidad Cultural* 'День уважения культурного разнообразия', а в Боливии в 2011 году — *Día de Descolonización* 'День деколонизации'. Во многих латиноамериканских государствах он называется *Día de la Resistencia Indígena* 'День сопротивления местного населения'.

Еще одним важным маркером, указывающим на связь широкой аудитории и жертв испанской колонизации, является эвфемизм *la resistencia indígena* (сопротивление коренных народов), который в настоящее время все чаще употребляют мексиканцы вместо термина *conquista* (завоевание). Так, президент Мексики в своей речи в честь 500-летней годовщины со дня падения Теночтитлана предложил использовать данную лексическую единицу вместо привычного термина *conquista*. Это доказывает, что испанское завоевание до сих пор вызывает болезненные ассоциации у представителей мексиканской лингвокультуры, которые идентифицируют себя с жертвами конкистадоров.

В нарративах мексиканцев ярко проявляется четвертый тип языковой репрезентации культурной травмы — **возложение ответственности**. Представители мексиканской лингвокультуры не только перекалывают всю ответственность и вину на Испанию, но и требуют от испанцев официальных извинений за конкисту. Поэтому языковые единицы, вербализующие призывы к извинению и признанию своей вины, можно отнести к категории маркеров культурной травмы, раскрывающих данный аспект репрезентации травмы. Требование извинений нередко выражается лексико-грамматическими конструкциями долженствования с инфинитивами (*deber + infinitivo, tener que + infinitivo, hay que + infinitivo*). Кроме того, своеобразным грамматическим маркером возложения ответственности и требования извинений становится *modo subjuntivo*, которое используется в сложноподчиненных предложениях с двумя подлежащими, где первая часть выражает желание/призыв/требование (*desea que + subjuntivo, pedir que + subjuntivo, querer que + subjuntivo* и т. п.). В сочетании с элементами дискурса извинения (например, *admitir responsabilidad / errores, pedir perdón, ofrecer disculpas / resarcimientos / reconciliación*) конструкции долженствования и *modo subjuntivo* могут быть отнесены к категории маркеров культурной травмы и в дальнейшем параметризованы (примеры 13–15).

(4) *México desea que el Estado español admita su responsabilidad histórica por esas ofensas y ofrezca las disculpas o resarcimientos políticos que convengan*. ‘Мексика желает, чтобы испанское государство **признало свою историческую ответственность** за эти преступления и **принесло извинения** или **предложило** соответствующую политическую **компенсацию**’ (из письма президента Мексики королю Испании), (Carta a Su Majestad, Felipe VI, Rey de España, 2019).

(5) *Se debe hacer un ejercicio de reconciliación a nivel mundial en la búsqueda de que los pueblos puedan conocer las verdades <...> y además desde el perdón*. ‘**Нужно примириться** на мировом уровне, чтобы народы смогли узнать правду <...> и помимо всего прочего — **принести извинения**’ (из речи лидера сообщества коренных народов Мексики Иаку Синингиоя), (Debe España Pedir perdón por la Conquista, 2019).

(6) *No me siento agraviado por la Conquista, sólo creo que a los pueblos indígenas sí les vendría muy bien recibir esas disculpas. Considero que sería una postura muy moderna del estado español el admitir que en el pasado se cometieron errores*. ‘Лично я не чувствую себя обиженным из-за конкисты, я просто считаю, что коренным народам действительно было бы полезно **получить извинения**. Я полагаю, что для испанского государства было бы своевременным **признать, что** в прошлом **допущены ошибки**’ (из речи политика Луиса Барсенаса), (La disculpa por la Conquista que España (ya no) le debe a México, 2021).

Кроме того, четвертый тип репрезентации травмы предполагает установление личности виновного — того, кто травмировал жертву. В нарративах социальных страданий мексиканцев главным антагонистом является Эрнан Кортес, поэтому его упоминание (*Hernán Cortés*) можно также рассматривать в качестве языкового маркера возложения ответственности.

Заключение

Процесс культурной травматизации — это осознание народом наличия угрозы для существующего порядка и безопасности в результате особого исторически

значимого социального изменения — травмирующего события, которое приводит к потере коллективной идентичности и проявляется ярче всего в дезорганизованном и несогласованном обществе. Культурная травма хранится в коллективной памяти и бездействует в коллективном подсознании до тех пор, пока у социума не возникает необходимость говорить о том, что для него важно. Так, разворачивается особый жанр — нарратив социальных страданий, который представляет собой коммуникативное пространство трансляции травмирующего опыта и позволяет человеку структурировать понимание самого себя и конструировать коллективную идентичность.

Язык в нарративах социальных страданий выступает в качестве посредника между жертвами и виновными социального насилия, а языковая репрезентация травмы — это сложный и многозначный символический процесс, вербализующий такие аспекты, как: 1) природа боли; 2) природа жертвы; 3) связь жертвы травмы с широкой аудиторией; 4) возложение ответственности.

Проводимый в рамках настоящего исследования анализ языковой репрезентации культурной травмы в нарративах социальных страданий мексиканцев о конкисте позволил не только изучить содержание жизненного опыта представителей мексиканской лингвокультуры, но и рассмотреть формы рассуждения о нем — выявить языковые маркеры культурной травмы, позволяющие детектировать данное травмирующее событие в речи. Общая для всех типов маркеров функция — появляться в тех же контекстах, что и искомое исследователями явление. В нашем случае выявленные нами языковые маркеры выполняют данную функцию, а также с регулярностью коррелируют с ментальными процессами, регулируемыми продуцирование и интерпретацию нарратива об испанском завоевании.

Кроме того, можно сделать вывод о том, что нарративы социальных страданий используются для реализации манипуляции в массмедийном пространстве Мексики, направленной против испанских властей. В мексиканских СМИ преобладает явная негативная языковая репрезентация травмирующего события в целях делегитимации испанской колонизации, оказывающая манипулятивное воздействие на широкий круг читателей — жертв культурной травмы, которая спустя сотни лет формируется именно через медиа-опосредованный опыт.

В настоящий момент ведется работа над дизайном эксперимента с участием респондентов из Латинской Америки, в рамках которой посредством нарративного интервью, мотивирующего респондентов к описанию травмирующего опыта, предполагается записать нарративы социальных страданий о конкисте. Таким образом, в качестве перспектив данного исследования мы видим расширение языкового материала для получения более достоверных данных, что, в свою очередь, позволит использовать выделенные языковые маркеры культурной травмы в качестве параметров для разработки алгоритма автоматического обнаружения травмирующего опыта в речи на языке программирования Python.

Список источников

1. Alexander, J. C. (2004). *Cultural Trauma and Collective Identity*. University of California Press.
2. Eyerman, R. (2001). *Cultural Trauma: Slavery and the Formation of African Identity*. Cambridge University Press.
3. Smelser, N. J. (2004). Psychological Trauma and Cultural Trauma. *A Cultural Trauma and Collective Identity* (pp. 31–59). University of California Pres.

4. Manz, B. (2002). Terror, Grief, and Recovery: Genocidal Trauma in a Mayan Village in Guatemala. *Annihilating Difference: The Anthropology of Genocide* (pp. 292–309). University of California Press.
5. Giesen, B. (2004). *Triumph and Trauma*. Paradigm Publishers.
6. Alexander, J. C. (2016). Culture trauma, morality and solidarity: The social construction of ‘Holocaust’ and other mass murders. *Thesis Eleven: SAGE Journals*, 1, 3–16.
7. Будюкин, Д. А., & Линченко, А. А. (2015). Конструктивные и деструктивные формы мифологизации социальной памяти в прошлом и настоящем. *Диалог со временем*, 53, 384–391.
8. Линченко, А. А. (2018). Прошлое, которое не уходит: память о войне и холокосте в Литве. *Диалог со временем*, 63, 378–382.
9. Аникин, Д. А., & Головашина, О. В. (2017). Травмы культурной памяти: концептуальный анализ и методологические основания исследования. *Вестник Томского государственного университета*, 425, 78–84.
10. Рождественская, Е. (2017). Репрезентация культурной травмы: музеефикация холокоста. *Логос*, 5, 87–114.
11. Sztompka, P. (2000). Cultural Trauma: The Other Face of Social Change. *The European Journal of Social Theory*, 3(4), 449–466.
12. Eyerman, R. (2004). Cultural Trauma. *A Cultural Trauma and Collective Identity* (pp. 30–60). University of California Press.
13. Hayes, P. (1999). *Lessons and Legacies. Memory, Memorialization, and Denial*. Northwestern University Press.
14. Шмид, В. (2003). *Нарратология. Языки славянской культуры*.
15. Тюпа, В. И. (2002). Очерк современной нарратологии. *Критика и семиотика*, 5, 5–31.
16. Троцук, И. В. (2006). *Теория и практика нарративного анализа в социологии*. Уникум-центр.
17. Кутковая, Е. С. (2014). Нарратив в исследовании идентичности. *Национальный психологический журнал*, 4(16), 23–33.
18. McAdams, D. P. (2011). Narrative identity. *Handbook of Identity Theory and Research* (pp. 99–115). Springer.
19. Labov, W., & Waletzky, J. (1966). Narrative analysis: Oral versions of personal experience. *Essays on the Verbal and Visual Arts: Proceedings of the American Ethnological Society* (pp. 12–44). University of Washington Press.
20. De Fina, A. (2003). *Identity in Narrative: A study of immigrant discourse*. John Benjamins Publishing Company.
21. Обдалова, О. А., & Левашкина, З. Н. (2019). Понятие «нарратив» как феномен культуры и объект дискурсивной деятельности. *Язык и культура*, 48, 332–348.
22. Обдалова, О. А., Минакова, Л. Ю., & Соболева, А. В. (2017). Дискурс как единица коммуникативного и речемыслительного процесса в коммуникации представителей разных лингвокультур. *Язык и культура*, 37, 205–228.
23. Егоршина, Н. В. (2002). *Нарративный дискурс: семиологический и лингвокультурологический аспекты интерпретации* [Диссертация ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Тверь].
24. Hashimoto, A. (2015). *The Long Defeat: Cultural Trauma, Memory, and Identity in Japan*. Oxford University Press.
25. Ярская-Смирнова, Е. Р. (1997). Нарративный анализ в социологии. *Социологический журнал*, 3, 38–61.
26. Кибрик, А. А. (2018). Русское культурное и языковое влияние на атабасков Верхнего Кускоквима. *Традиционная культура*, 4, 11–19.
27. Роблес Эррера, А., & Малинко, Д. А. (2018). Конкиста: влияние на развитие Латинской Америки. *Актуальные проблемы экономики и управления*, 2(18), 93–99.
28. Колмогорова, А. В., & Горностаева, Ю. А. (2021). *Вербальные маркеры манипуляции в англоязычном поляризованном политическом дискурсе: опыт параметризации и автоматической обработки*. Сибирский федеральный университет.

29. *Carta a Su Majestad, Felipe VI, Rey de España*. (2019, marzo). (2023, July 10). https://www.gob.mx/cms/uploads/attachment/file/605167/CPM_Carta_presidente_AMLO_al_rey_Espa_a__11ene21.pdf
30. *Discurso 500 años de Resistencia Indígena*. (2021). (2023, July 10). <https://www.youtube.com/watch?v=3k7uzQc3Thc>
31. *¿Debe España Pedir perdón por la Conquista?* (2019). (2023, July 10). <https://www.youtube.com/watch?v=17hxWw4aPlg>
32. *La disculpa por la Conquista que España (ya no) le debe a México, según México*. (2021). Últimas noticias. El Confidencial. (2023, July 10). https://www.elconfidencial.com/mundo/2021-07-29/la-innecesaria-disculpa-que-espana-ya-no-le-debe-a-mexico_3202148/

References

1. Alexander, J. C. (2004). *Cultural Trauma and Collective Identity*. University of California Press. (In English).
2. Eyerman, R. (2001). *Cultural Trauma: Slavery and the Formation of African Identity*. Cambridge University Press. (In English).
3. Smelser, N. J. (2004). Psychological Trauma and Cultural Trauma. *A Cultural Trauma and Collective Identity* (pp. 31–59). University of California Pres. (In English).
4. Manz, B. (2002). Terror, Grief, and Recovery: Genocidal Trauma in a Mayan Village in Guatemala. *Annihilating Difference: The Anthropology of Genocide* (pp. 292–309). University of California Press. (In English).
5. Giesen, B. (2004). *Triumph and Trauma*. Paradigm Publishers. (In English).
6. Alexander, J. C. (2016). Culture trauma, morality and solidarity: The social construction of ‘Holocaust’ and other mass murders. *Thesis Eleven: SAGE Journals*, 1, 3–16. (In English).
7. Budyukin, D. A., & Linchenko, A. A. (2015). The constructive and destructive forms of social memory mythologizing in the past and at present. *Dialogue with Time*, 53, 384–391. (In Russ.).
8. Linchenko, A. A. (2018). The past, which does not leave: memory of the War and Holocaust in Lithuania. *Dialogue with Time*, 63, 378–382. (In Russ.).
9. Anikin, D. A., & Golovashina, O. V. (2017). Trauma to Cultural Memory: Conceptual Analysis and Methodological Bases of Research. *Tomsk State University Journal*, 425, 78–84. (In Russ.).
10. Rozhdestvenskaya, E. (2017). Representation of Cultural Trauma: the Museification of the Holocaust. *Logos*, 5, 87–114. (In Russ.).
11. Sztompka, P. (2000). Cultural Trauma: The Other Face of Social Change. *The European Journal of Social Theory*, 3(4), 449–466. (In English).
12. Eyerman, R. (2004). Cultural Trauma. *A Cultural Trauma and Collective Identity* (pp. 30–60). University of California Press. (In English).
13. Hayes, P. (1999). *Lessons and Legacies. Memory, Memorialization, and Denial*. Northwestern University Press. (In English).
14. Shmid, V. (2003). *Narratology. Yazyki slavyanskoj kul'tury*. (In Russ.).
15. Tyupa, V. I. (2002). Essay on Contemporary Narratology. *Critique & Semiotics*, 5, 5–31. (In Russ.).
16. Trocuk, I. V. (2006). *Theory and Practice of Narrative Analysis in Sociology*. Unikum-centr. (In Russ.).
17. Kutkovaya, E. S. (2014). Narrative in Identity research. *National Psychological Journal*, 4(16), 23–33. (In Russ.).
18. McAdams, D. P. (2011). Narrative identity. *Handbook of Identity Theory and Research* (pp. 99–115). Springer. (In English).
19. Labov, W., & Waletzky, J. (1966). Narrative analysis: Oral versions of personal experience. *Essays on the Verbal and Visual Arts: Proceedings of the American Ethnological Society* (pp. 12–44). University of Washington Press. (In English).

20. De Fina, A. (2003). *Identity in Narrative: A study of immigrant discourse*. John Benjamins Publishing Company. (In English).
21. Obdalova, O. A., & Levashkina, Z. N. (2019). «Narrative» as a Cultural Phenomenon and an Object of Discursive Activity. *Yazyk i kul'tura*, 48, 332–348. (In Russ.).
22. Obdalova, O. A., Minakova, L. Yu., & Soboleva, A. V. (2017). Discourse as a Unit of Communicative and Verbal and Cogitative Process in Communication of Representatives of Different Linguocultures. *Yazyk i kul'tura*, 37, 205–228. (In Russ.).
23. Egorshina, N. V. (2002). *Narrative discourse: Semiological and Linguocultural Aspects of Interpretation* [Dissertation ... Doctor of Philological Sciences: 10.02.19. Tver']. (In Russ.).
24. Hashimoto, A. (2015). *The Long Defeat: Cultural Trauma, Memory, and Identity in Japan*. Oxford University Press. (In English).
25. Yarskaya-Smirnova, E. R. (1997). Narrative Analysis in Sociology. *Sotsiologicheskii Zhurnal*, 3, 38–61. (In Russ.).
26. Kibrik, A. A. (2018). Russian Cultural and Linguistic Influence Upon Upper Kuskokwim Athabaskans. *Tradicionnaya kul'tura*, 4, 11–19. (In Russ.).
27. Robles Herrera, A., & Malinko, D. A. (2018). The Conquest of Latin America and Its Influence on the Development of Latin America. *Aktual'nye problemy ekonomiki i upravleniya*, 2(18), 93–99. (In Russ.).
28. Kolmogorova, A. V., & Gornostaeva, Yu. A. (2021). *Verbal Markers of Manipulation in the English Polarized Political Discourse: Parametrization and Automatic Processing*. Siberian Federal University.
29. *Carta a Su Majestad, Felipe VI, Rey de España*. (2019, marzo). (2023, July 10). https://www.gob.mx/cms/uploads/attachment/file/605167/CPM_Carta_presidente_AMLO_al_rey_Espa_a__11ene21.pdf (In Spanish).
30. *Discurso 500 años de Resistencia Indígena*. (2021). (2023, July 10). <https://www.youtube.com/watch?v=3k7uzQc3Thc> (In Spanish).
31. *¿Debe España Pedir perdón por la Conquista?* (2019). (2023, July 10). <https://www.youtube.com/watch?v=17hxWw4aPlg> (In Spanish).
32. *La disculpa por la Conquista que España (ya no) le debe a México, según México*. (2021). Últimas noticias. El Confidencial. (2023, July 10). https://www.elconfidencial.com/mundo/2021-07-29/la-innecesaria-disculpa-que-espana-ya-no-le-debe-a-mexico_3202148/ (In Spanish).

Информация об авторе

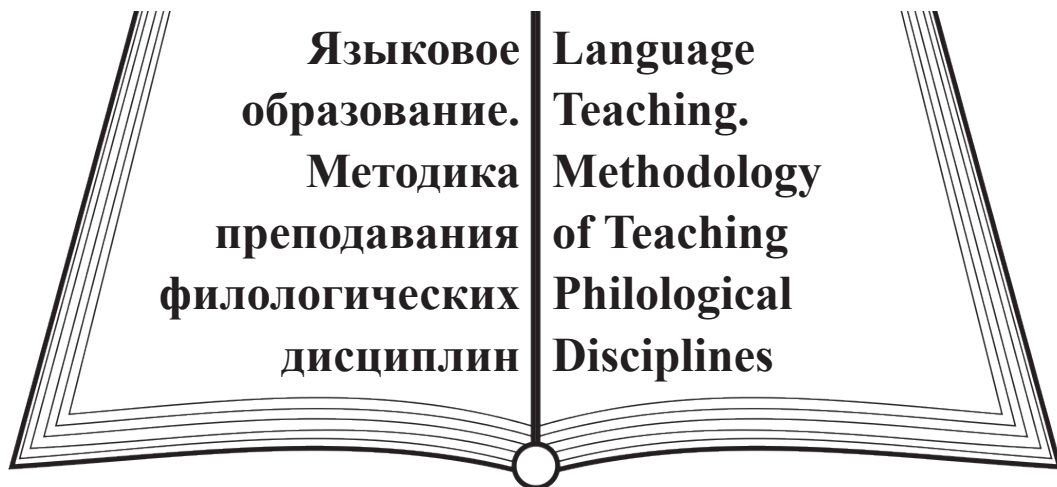
Юлия Андреевна Горностаева — кандидат филологических наук, доцент кафедры теории германских и романских языков и прикладной лингвистики Сибирского федерального университета.

Information about the author

Yulia A. Gornostaeva — PhD (Philology), Associate Professor of the Department of the Theory of Germanic and Romance Languages and Applied Linguistics, Siberian Federal University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК 378.8:811

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.51.3.12

КУЛЬТУРНАЯ ПРЕДМЕТНОСТЬ МЕТОДИЧЕСКОЙ НАУКИ КАК ОСНОВА ПРОФЕССИОНАЛЬНО- МЕТОДИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ — БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Гальскова Наталья Дмитриевна

Государственный университет просвещения,
Москва, Россия,

galskova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1414-5003>

Аннотация. Рассматривается содержание понятия «культурная предметность» методической науки как результата научно-методического познания, а также как основы фундаментализации теоретико-прикладных знаний, приобретаемых студентами в вузе, и формирования у них методологической культуры. Вскрываются связи данной науки с культурой и образованием, дается описание структуры научно-методического знания как важного элемента культурной предметности методики и средства реализации данных связей.

Ключевые слова: методическая наука, культура, лингвообразование, научно-методическое познание, научно-методическое знание.

Для цитирования: Гальскова, Н. Д. (2023). Культурная предметность методической науки как основа профессионально-методической подготовки студентов — будущих учителей иностранных языков. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 3(51), 147–154. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.51.3.12>

Original article

UDC 378.8:811

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.51.3.12

CULTURAL SUBJECTIVITY OF METHODOLOGICAL SCIENCE AS THE BASIS OF PROFESSIONAL AND METHODOLOGICAL TRAINING OF FOREIGN LANGUAGE WOULD-BE TEACHERS

Natalya D. Galskova State University of Education,
Moscow, Russia,galskova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1414-5003>

Abstract. The article regards «cultural subjectivity» of methodological science being the result of scientific and methodological knowledge, as well as the basis for the theoretical and applied knowledge acquired by university students fundamentalized, and their methodological culture formed. The research reveals the connections of this science with culture and education, as well as describes the structure of scientific and methodological knowledge as an important element of methodological cultural objectivity and means of implementing these connections.

Keywords: methodological science, culture, linguistic education, scientific and methodological comprehension, scientific and methodological knowledge.

For citation: Galskova, N. D. (2023). Cultural subjectivity of methodological science as the basis of professional and methodological training of foreign language would-be teachers. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3(51), 147–154. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.51.3.12>

В настоящее время ни у кого не вызывает сомнений справедливость утверждения о том, что уровень профессионально-методической подготовки будущих учителей иностранного языка обеспечивается целой совокупностью факторов, а именно: фундаментализацией знаний, приобретаемых студентами в теоретико-прикладных курсах в вузе; сформированным у них на базе этих знаний методическим мышлением, опытом творческой и самостоятельной деятельности, а также владением ими методологией научного познания (Языкова, 1993; Языкова, Макеева, 2015). В числе этих факторов очевидна значимая роль методической науки. Она, реагируя на вызовы и потребности конкретной исторической эпохи и учитывая последние данные сопряженных с нею научных отраслей, открывает, обобщает и систематизирует теоретико-методическое знание, его структуру, принципы, формы, методы его получения и историю, а также представляет это знание в формате определенных концепций, теорий, обучающих и лингвообразовательных моделей и др., материализующих результаты научно-методического познания.

Как известно из философии, любая наука, «предстает как единство познавательной деятельности и ее результата — научного знания» (Микешина, 2006, с. 224). Следовательно, методическая наука — это единство научно-методического познания и получаемого в качестве его результата научно-методического знания. Эту науку следует рассматривать как культурно-исторический (Степин, 2008), социокультурный (Кохановский, 2007, с. 541) и когнитивно-социальный феномен. Сегодня она имеет

надежную теоретическую основу, обладает своей экспериментальной базой для проверки различных методических гипотез, отличается непрерывным ростом объема научно-методической информации и постоянным усложнением собственной внутренней структуры и научно-методического знания, стремится усилить внутренние связи между теорией и образовательной практикой и на широкой междисциплинарной основе строить процесс научно-методического познания. Данному познанию в современном его состоянии свойственны такие особенности, как: детерминация продуцируемого научно-методического знания всем ранее накопленным объемом эмпирического и теоретического опыта в области обучения иностранным языкам; ориентация на объективность этого знания за счет усложнения проводимых в лингвообразовательной сфере экспериментов и усиления междисциплинарного и комплексного характера лингводидактических и методических изысканий; направленность на обоснование своего собственного метаязыка описания методических фактов и феноменов, лингвообразовательных процессов и явлений; полезность и практическая значимость продуцируемого научно-методического и теоретического знания; увеличение методологического ресурса и инструментария методических исследований; рост плюрализма построения научных концепций и технологий обучения иностранным языкам и др. При этом нельзя не отметить, что сам факт возникновения и существования методической науки как органической общности ее методологически значимых компонентов: лингводидактики и методики — это также убедительная демонстрация результата научно-методического познания.

Данная наука является неотъемлемой частью культуры, находится в тесной взаимосвязи с другими подсистемами культуры, и прежде всего с таким социальным институтом, как образование, и ее важным социальным сегментом — лингвообразованием. Она, впрочем, как и любая наука, являясь имманентной частью культуры, т. е. особого «мира сознательного человеческого бытия, созданного и созидаемого людьми в процессе взаимодействия с природой и между собой» (Горохов, 2015), отражает исторический генезис культуры, ее способность аккумулировать ценности, накапливать их и оказывать тем самым воздействие на все другие ее (культуры) подсистемы. Так, С. А. Лебедев, оценивая взаимодействие науки со всеми другими подсистемами культуры, пишет: «Будучи органической частью культуры, наука всегда отражает в своем состоянии и развитии как общие цели и ценности наличной культуры в целом, так и результаты своего взаимодействия с различными подсистемами культуры» (Лебедев, 2010, с. 204).

С этой точки зрения методическую науку можно трактовать как своеобразного посредника в союзе культуры и лингвообразования. Во всех аспектах ее рассмотрения (и как особой формы жизни человечества, и как системы научно-методических знаний, и как социального института, и как сферы познавательной деятельности в области обучения иностранным языкам и лингвообразования, и др.) и на разных методологически значимых уровнях научно-методического познания (лингводидактика и методика) она несет на себе печать особенностей современной с ней культуры, и прежде всего тех ценностей и ценностно-смысловых отношений, которые составляют ее ядро в конкретный период времени. Осмысление, а также педагогическая и методическая интерпретация этих особенностей, всегда обусловленных изменениями, происходящими как в широком социокультурном контексте, так и в недрах самой методической науки и сопряженных с нею наук, позволяют последней создавать

свою «специфическую культурную предметность» (Бучило, 2012, с. 170). Ее составляют:

- во-первых, так называемый когнитивный багаж методической науки, т. е. складывающееся на определенном историческом отрезке времени научно-методическое знание о лингвообразовательной реальности (в широком понимании), о развивающихся в ней процессах и явлениях, о свойственных ей закономерностях и особенностях;
- во-вторых, определенная совокупность конкретно-исторических идеалов, норм и ценностей научно-познавательной и образовательной деятельности, способов их осуществления и оценки.

Таким образом, культурная предметность методической науки, которая, как любая наука, может рассматриваться как в синхронии, т. е. в «статике, в конкретный момент времени», так и в диахронии, в динамике, «эволюционном изменении и историческом развитии» (Лебедев, 2021, с. 117), результирует процесс научно-методического познания, нацеленного на получение (производство), развитие, расширение, уточнение систематизацию, обобщение научно-методического знания, а также на его практическую реализацию в конкретных лингводидактических концепциях, методических подходах, системах и обучающих моделях, реальной лингвообразовательной практике. Данный процесс протекает на трех уровнях: эмпирическом, теоретическом и метатеоретическом (Гальскова, 2014, с. 115–119), поэтому можно говорить о трех уровнях развития научно-методического знания (развитие знания по горизонтали): эмпирического, теоретического и метатеоретического (ценностного).

Эмпирический уровень научно-методического знания представлен, как правило, в виде так называемых эмпирических высказываний, как то: протоколов наблюдений, результатов опросов, тестирования, анкетирования, различных классификаций, диаграмм и графиков, демонстрирующих определенные тенденции в использовании тех или иных методических идей и технологий в реальном образовательном процессе, а также научных фактов, которые являются результатом сопоставления этих эмпирических данных (эмпирических высказываний) с теоретическими положениями и конструктами. Группу теоретического знания, т. е. системного научно-методического знания, составляет знание об идеальных, абстрактных лингводидактических и методических конструктах и их свойствах (например, архитектоника иноязычной коммуникативной компетенции или системы обучения устному/письменному иноязычному общению; содержание и структура цели обучения иностранному языку и цели лингвообразования и др.), принципах их функционирования и совершенствования, моделях, научных гипотезах, методах и технологиях обучения языку, эффективность которых подтверждается или опровергается практикой. Данные элементы теоретического научно-методического знания, создаваемые с помощью таких методов исследования, как абстрагирование, идеализация, интуиция, мысленное творчество, составляют категориально-понятийный каркас идеальной методической теории/концепции/системы, адекватной конкретному времени и дающей представление об их свойствах, отношениях, изменениях, оценке. Это также знания о самой методической науке, о том, как эволюционирует научно-методическая мысль в историческом и актуальном ракурсах и контекстах. Что касается метатеоретического (ценностного) научно-методического знания, то оно связано с обоснованием научных парадигм в лингводидактической науке, научно-методической картины мира, охватывающей всю совокупность целостного, системного научно-теоретического знания об обучении иностранным языкам

и лингвистическом образовании на определенном этапе исторического развития науки и образовательной практики, о методологии и методах методических исследований, о философских основаниях методики обучения иностранным языкам как науки, о ценностях и смыслах лингвообразования и обучения иностранному языку, ценностных объектах научного поиска в лингвообразовательной сфере.

Следует подчеркнуть, что культурная предметность методической науки имеет ярко выраженную «этическую и ценностную наполняемость» (Кохановский, 2007, с. 542). Это значит, что тем самым она реализует так называемые аксиологические принципы данной науки (с одной стороны, системность, методологичность, обоснованность, доказательность и др., а с другой — практическую полезность, эффективность, повышение образовательного потенциала общества за счет приобщения их к новому средству познания, расширение границ коммуникативного пространства граждан общества за счет приобщения их к новому средству общения и взаимодействия и др.). Они оказывают существенное влияние на понимание смысла и задач научно-методических изысканий.

Заметим также, что уровни продуцируемого в ходе этих изысканий научно-методического знания различаются между собой не только по содержанию, но и по используемым методам его получения, обоснования, проверки и оценки (см., например, Гальскова, 2014, с. 118). При этом между данными уровнями отсутствует отношение логической выводимости одного из другого, их взаимосвязь является не логической, а, как подчеркивается в философии науки (Лебедев, 2021), содержательно-интерпретационной. Складывающаяся из этого знания культурная предметность методической науки охватывает всю совокупность целостного, системного научно-теоретического знания об обучении иностранным языкам и лингвообразовании на определенном этапе исторического развития, о структуре, эволюции и перспективах развития этого знания, о научном статусе и роли методической науки в формировании научной картины методического мира. Иными словами, культурная предметность всегда интегрирует в себе данные как теоретической рефлексии, так и анализа практики обучения языкам в различных учебных/образовательных условиях. Внутри методической науки происходит постоянный информационный обмен: обоснованные ею теоретические конструкты, модели, системы становятся фундаментом для организационно-технологических решений, а конкретные факты реальной образовательной практики по иностранному языку анализируются, интерпретируются, объясняются в контексте теоретической концепции образования и обучения иностранным языкам, принятой в каждый исторический период. Следовательно, искомые теоретические результаты, получаемые методической наукой, адресованы исключительно образовательной практике, они подтверждаются или опровергаются ею, требуют глубокого обобщения эмпирических данных, полученных в ходе как наблюдения за процессом обучения иностранному языку, так и опыта преподавания иностранного языка как учебного предмета. В этом проявляется специфическая связь методической науки с практикой. «С разными сторонами соотношения науки и практики связаны такие методологические вопросы, как соотношение эмпирического и теоретического уровней научного обоснования конкретных участков практической педагогической деятельности, место в таком обосновании результатов, полученных другими науками, и степень опосредования этих результатов на пути от теории к практике», — отмечают В. В. Краевский и Е. В. Бережнова (Краевский, Бережнова, 2008, с. 75). Качество реализации этих взаимосвязей науки и практики

во многом определяет управление развитием методической наукой, обуславливает эффективность ее влияния на реальный образовательный процесс. Ведь, как известно, методическая наука развивается, удовлетворяя практические потребности образовательной реальности, а сама реальность трансформируется и совершенствуется в опоре на научно обоснованные лингводидактические теории и инновационные организационно-технологические решения. Таким образом, понимание будущими учителями иностранного языка сущности этого обменного процесса, равно как и владение (на определенном уровне) ими культурной предметностью методической науки являются важными задачами их профессионально-методической подготовки. Тем более что именно в процессе объединения в систему рефлексивно-эмпирических и рефлексивно-аналитических компонентов получаемого научно-методического знания и в культурной предметности методической науки получают свое выражение научные смыслы последней, составляющие ее методологический базис. Эти смыслы:

- во-первых, определяют актуальные и наиболее эффективные пути и способы решения методических проблем как теоретического, так и прикладного значения;
- во-вторых, дают представление не только о закономерностях прикладного характера (как обучать языку, как действовать в конкретной учебной ситуации и др.), но и о фундаментальной сущности данной науки, основных тенденциях и перспективах ее развития, ее категориально-понятийном аппарате, о специфике и единстве составляющих ее аспектов и структурных компонентов, о структуре и уровнях научно-методического знания, способах его систематизации и уточнения, о методологии проводимых ею методических исследований.

Овладение студентами специфической культурной предметностью современной методической науки означает постижение ими ее актуальных научных смыслов, которые, в свою очередь, сегодня формулируются в таких категориях, как «языковая личность», «социальное, коммуникативное нравственное, когнитивное развитие», «культура», «познание», «учение», «деятельность», «ценностно-смысловая система», и связаны с поворотом научно-методических изысканий и организационно-технологических обучающих действий в сторону антропоцентрической парадигмы, в рамках которой в качестве механизма развития, формирования образа мира и человека в нем выступает культура. Следовательно, это создает надежную основу для формирования у студента — будущего учителя иностранного языка методологической культуры как важной составляющей его профессионально-методической компетенции.

Содержание понятия «методологическая культура учителя» составляют его умения «вести методологический поиск, направленный на отыскание личностных смыслов педагогических явлений, необходимых для развития ученика» (Борытко и др., 2008, с. 82), а важными компонентами данной культуры являются умения конструирования и проектирования учебно-воспитательного процесса и методическая рефлексия, владение которыми помогает учителю творчески решать свои педагогические задачи (Краевский, 2008, с. 119–122). Эти умения и способности важны для выработки учителем концепции своей профессионально-методической деятельности, а также для анализа, моделирования, проектирования и реализации реального лингвообразовательного процесса.

Заметим, что особую роль методологическая культура играет в условиях реформирования системы образования и внедрения в образовательный процесс новых лингвообразовательных концепций, методов обучения иностранному языку, методических подходов, образовательных и обучающих технологий и средств. В этих условиях

от учителя особенно требуются аналитические способности и рефлексивные умения для оценки новых научных смыслов, внедряемых в лингвообразовательный контекст. Он (учитель) выступает в роли настоящего исследователя, вынужденного изучать и анализировать изменения, происходящие в образовательном пространстве в целом и в предметной области «иностранный язык», оценивать эти изменения с позиции собственного опыта работы, гармонизировать свои личностные смыслы с обновленными профессиональными нормами. Подобная аналитическая и оценочная деятельность, характерная, впрочем, и для повседневной работы учителя (написание планов занятий/уроков, рабочих программ, методических разработок, статей из опыта работы и др.), придает приобретаемым им знаниям методологический характер и положительно влияет на его профессионально-методическую работу. Более того, совершая все эти действия, он приобретает новые профессиональные знания и, прежде всего, знания о методической науке и ее культурной предметности, а также профессионально значимые качества, которые в своей совокупности позволяют ему мыслить и действовать, опираясь на принципы методологии, на понимание сущности методологии познания и преобразования педагогических процессов. Это означает, что «мышление становится “принципиальным”, отличающимся надситуативной активностью», он усваивает принципы единства образования и социальной политики, целостного подхода, расширения совокупного субъекта образования, приоритета воспитательных целей в целостном педагогическом процессе» (Сластенин и др., 2013, с. 71).

Таким образом, культурная предметность современной методической науки является исходной в решении проблемы повышения уровня профессионально-методической подготовки студентов. Овладение ими актуальными научными смыслами данной науки будет способствовать успешному формированию у них научного представления о связях культуры, общества, науки и лингвообразования, а также обеспечивать им высокий уровень методологической культуры и познавательной активности.

Список источников

1. Языкова, Н. В. (1993). *Самостоятельная работа студентов по курсу методики преподавания иностранных языков*. Учебное пособие. Бурятский педагогический институт.
2. Языкова, Н. В., & Макеева, С. Н. (2015). *Формирование методической компетенции учителя иностранного языка в университете*. Монография. Тезаурус.
3. Микешина, Л. А. (2006). *Философия науки*. Учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Московский международный университет.
4. Степин, В. С. (2008). *Философия науки. Общие проблемы*. Гардарики.
5. Кохановский, В. П. (2007). *Основы философии науки*. Учебное пособие для аспирантов. 5-е изд. Феникс.
6. Горохов, В. Ф. (2015). О соотношении понятий «культура» и «цивилизация». *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*, 10(5), 132–136. (2023, 30 июня). <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sootnoshenii-ponyatiy-kultura-i-tsivilizatsiya/viewer>
7. Лебедев, С. А. (2010). *Современная философия науки: дидактические схемы и словарь*. Учебное пособие. Московский психолого-социальный институт, Модэк.
8. Бучило, Н. Ф., & Исаев, И. А. (2012). *История и философия науки*. Учебное пособие. Проспект.
9. Лебедев, С. А. (2021). *Философия и методология науки*. Монография. Академический Проект.
10. Гальскова, Н. Д. (2014). *Лингводидактика*. Учебное пособие. ИИУ МГОУ.

11. Краевский, В. В., & Бережнова, Е. В. (2008). *Методология педагогики. Новый этап*. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. 2-е изд., стер. Академия.
12. Боротко, Н. М., Моложавенко, А. В., & Соловцова, И. А. (2008). *Методология и методы психолого-педагогических исследований*. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. Академия.
13. Слостенин, В. А., Исаев, И. Ф., & Шиянов, Е. Н. (2013). *Педагогика*. Учебное пособие для студентов высших педагогических учебных заведений. Под ред. В. А. Слостенина. Академия.

References

1. Yazykova, N. V. (1993). *Self-guided work of students on the course of methods of teaching foreign languages*. Study guide. Buryat Pedagogical Institute. (In Russ.).
2. Yazykova, N. V., & Makeeva, S. N. (2015). *Building methodological competence of a foreign language teacher at the university*. Monograph. Thesaurus. (In Russ.).
3. Mikesheina, L. A. (2006). *Philosophy of Science*. Study guide. 2nd ed. Moscow International University. (In Russ.).
4. Stepin, V. S. (2008). *Philosophy of Science. Common problems*. Gardariki. (In Russ.).
5. Kokhanovsky, V. P. (2007). *Fundamentals of Philosophy of Science*. Study guide for Postgraduate Students. 5th Ed. Feniks. (In Russ.).
6. Gorokhov, V. F. (2015). On the relationship between the concepts of «culture» and «civilization». *Actual problems of the humanities and natural sciences*, 10(5), 132–136. (2023, June 30). <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sootnoshenii-ponyatiy-kultura-i-tsivilizatsiya/viewer> (In Russ.).
7. Lebedev, S. A. (2010). *Modern Philosophy of Science: Didactic Schemes and Dictionary*. Study guide. Moscow Psychological and Social Institute, Modek. (In Russ.).
8. Buchilo, N. F., & Isaev, I. A. (2012). *History and philosophy of science*. Study guide. Prospect. (In Russ.).
9. Lebedev, S. A. (2021). *Philosophy and Methodology of Science*. Monograph. Akademicheskij Proekt. (In Russ.).
10. Galskova, N. D. (2014). *Linguodidactics*. Study guide. IIU MGOU. (In Russ.).
11. Kraevsky, V. V., & Berezhnova, E. V. (2008). *Methodology of pedagogy. New stage*. Textbook for students of higher educational institutions. 2nd ed. Academy. (In Russ.).
12. Borytko, N. M., Molozhavenko, A. V., & Solovtsova, I. A. (2008). *Methodology and methods of psychological and pedagogical research*. Textbook for students of higher educational institutions. Academy. (In Russ.).
13. Slastenin, V. A., Isaev, I. F., & Shiyanov, E. N. (2013). *Pedagogy*. Coursebook for university students. Edited by V. A. Slastenin. Academy. (In Russ.).

Информация об авторе

Наталья Дмитриевна Гальскова — доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры методики преподавания иностранных языков Государственного университета просвещения.

Information about the author

Natalya D. Galskova — Doctor of Pedagogy (Dr. habil), Professor, Professor at the Department of Methods of Teaching Foreign Languages, State University of Education.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК 378.8:811

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.51.3.13

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ УЧИТЕЛЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В КОНТЕКСТЕ РЕФОРМИРОВАНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Коряковцева Наталия Федоровна

Московский государственный лингвистический университет,

Москва, Россия,

korakovtseva@mail.ru, 0000-0002-5223-3872

Аннотация. Статья посвящена профессиональной подготовке учителя иностранного языка в контексте реформирования отечественной системы высшего образования; рассматриваются такие актуальные вопросы, как: создание условий для персонализации профессиональной подготовки и построения студентом индивидуальной образовательной траектории; расширение возможностей интеграции в профессиональную деятельность; увеличение потенциала самостоятельной учебной деятельности как компонента многоформатной модели профессиональной подготовки.

Ключевые слова: профессиональная подготовка, учитель иностранного языка, высшее образование.

Для цитирования: Коряковцева, Н. Ф. (2023). Актуальные вопросы профессиональной подготовки учителя иностранного языка в контексте реформирования отечественной системы высшего образования. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 3(51), 155–161. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.51.3.13>

Original article

UDC 378.8:811

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.51.3.13

TOPICAL ISSUES OF FOREIGN LANGUAGE TEACHERS PROFESSIONAL TRAINING IN THE CONTEXT OF REFORMING HOME SYSTEM OF HIGHER EDUCATION

Nataliya F. Koryakovtseva

Moscow State Linguistic University,

Moscow, Russia,

korakovtseva@mail.ru, 0000-0002-5223-3872

Abstract. The article dwells on foreign language teachers professional training in the context of reforming home system of higher education; the following topical issues are considered: ensuring conditions for personalizing professional training and developing personal route of professional education by students; enlarging possibilities for integrating in professional activity; enlarging the potential of student's independent work as a component of the multi-format professional training system.

Keywords: professional training, foreign language teachers, higher education.

For citation: Koryakovtseva, N. F. (2023). Topical issues of foreign language teachers professional training in the context of reforming home system of higher education. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3(51), 155–161. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.51.3.13>

В нашей стране сложилась эффективная модель профессионально-педагогического образования и подготовки высококвалифицированных учителей иностранных языков для системы непрерывного лингвистического образования, которой мы по праву гордимся. Она сформировалась и устойчиво развивается с опорой на фундаментальные теоретико-методологические и практико-ориентированные исследования, проводимые на базе ведущих лингвистических и педагогических университетов и факультетов иностранных языков. Значительный вклад в развитие теории и практики языкового образования, педагогического образования, разработку концепции профессионально-методической подготовки учителя иностранного языка, межкультурного подхода к языковому образованию и др. внесла Наталья Витальевна Языкова — представитель замечательной плеяды отечественных ученых. Предметом особого интереса в научно-методическом творчестве Н. В. Языковой являются вопросы профессиональной подготовки учителя иностранных языков, которые сегодня требуют специального внимания с учетом разрабатываемой реформы высшего образования.

В настоящее время продумываются пути переустройства отечественного высшего образования, которые связаны, как известно, с выходом из Болонского соглашения, направлены на обеспечение оптимальных структурных изменений уровневой подготовки с сохранением лучших отечественных традиций качественного образования и культурных ценностей в соответствии с задачами нашего общества. В литературе, и не только педагогической, разворачивается дискуссия по вопросам переосмысления подходов к уровневой системе высшего образования, формулируются предложения по ее новому видению в современных условиях профессиональной сферы.

Отмечается, что одним из вызовов профессионального образования в условиях «повышения динамизма профессиональной сферы» является обеспечение профессиональной мобильности специалиста, способного «перемещаться из одной профессии в другую» (Игошев, 2014). Для профессиональной подготовки учителя иностранного языка профессиональная мобильность означает в значительной степени возможность и способность менять образовательный контекст преподавания иностранного языка в системе непрерывного языкового образования, а также перемещаться и создавать другие условия образовательной среды. Для этого, безусловно, требуется способность адаптировать свои компетенции, варьировать состав профессиональных умений, способность анализировать особенности образовательного контекста и принимать самостоятельные профессиональные решения на основе профессиональной рефлексии и личностной автономии (ценностно-смысловой, деятельностной, эмоционально-волевой).

В ходе дискуссии высказываются разные мнения относительно многоуровневой модели высшего профессионального образования: от возврата к моноуровневой подготовке до возможной ее трансформации и совершенствования с учетом накопленного отечественного и мирового опыта. Интерес, с нашей точки зрения, представляет модель интегрированного уровневого образования на базе многоформатности и гибкой структуры. Так, проанализировав опыт применения уровневой подготовки в практике

России и неанглосаксонских стран, ученые предлагают пути трансформации многоуровневой системы (бакалавриат – магистратура – специалитет – аспирантура) в модель интегрированного образования, фундаментом которого выступает межуровневая мобильность (Константинова и др., 2023). Рекомендую авторскую модель интегрированного уровня образования, исследователи отмечают, что «в условиях динамизма профессиональной сферы и роста профессиональной мобильности многоуровневая система высшего образования оказывается более перспективной, а ее новые контуры целесообразно выстраивать в направлении обеспечения ее многоформатности, структурной гибкости, открытости, внутренней и внешней интегративности... гибкости сроков обучения на всех уровнях и возможных схем выстраивания индивидуальных образовательных траекторий в системе межуровневой мобильности» (Константинова и др., 2023, с. 9).

Выделяемые в ходе дискуссии направления трансформации отечественной системы высшего образования ориентированы, прежде всего, на повышение качества профессионального образования, его конкурентоспособности, обеспечение устойчивости системы и ее опережающее развитие. Основные направления трансформации в рамках многоуровневости предполагают многоформатность, гибкость и межуровневую подвижность образовательной системы, интегрированной с наукой и профессиональной сферой деятельности будущего специалиста. При этом в качестве важных аспектов создания многоформатной модели выделяются вопросы, связанные с обеспечением условий для персонализации профессиональной подготовки и построением студентом индивидуальной образовательной траектории; расширением возможностей интеграции в профессиональную деятельность; увеличением потенциала самостоятельной учебной деятельности как компонента многоформатной модели профессиональной подготовки.

Остановимся подробнее на выделенных актуальных вопросах многоформатной организации профессиональной подготовки учителя иностранного языка в контексте трансформации многоуровневой системы педагогического образования и подчеркнем значение отечественного опыта, накопленного в разных форматах профессиональной подготовки учителя иностранного языка.

Персонализация профессиональной подготовки учителя иностранного языка и создание условий для построения студентом индивидуальной образовательной траектории в рамках многоуровневой системы могут быть обеспечены посредством использования таких форм, как: модульная организация образовательного процесса и дополнительные образовательные программы; сетевые возможности других факультетов и вузов; расширение поля студенческой научно-исследовательской деятельности.

Возможности построения студентом индивидуальной траектории профессиональной подготовки на базе курса «Основы методики обучения иностранным языкам» могут быть реализованы за счет включенных модулей или дополнительных образовательных программ, обеспечивающих диверсификацию (специализацию) подготовки учителя иностранного языка для разных (вариативных) образовательных контекстов: дошкольное языковое образование, обучение иностранному языку на разных этапах/уровнях школьного образования (начальный, средний, старший, в том числе профильный), профессионально ориентированное обучение в вузе, система дополнительного языкового образования, условия корпоративного обучения, открытое дистанционное

образование и др. Интересный опыт реализации образовательных модулей или дополнительных программ по выбору студента накоплен в целом ряде отечественных вузов. Дополнение базового компонента образовательной программы специализированными модулями и/или дополнительными программами позволяет расширить потенциал общей образовательной программы и в значительной степени подготовить выпускника к динамичным условиям профессиональной сферы.

Построение студентом индивидуальной траектории профессионального образования осуществимо также в рамках внутривузовской мобильности. В качестве примера можно привести применение внутривузовской мобильности в Московском государственном лингвистическом университете (МГЛУ), позволяющей студентам получить второе образование, в частности педагогическое и переводческое, переводческое и педагогическое, специалиста в области лингвистики, межкультурной коммуникации и юриспруденции и др. Перспективной формой видится также задействование сетевых возможностей других вузов.

Расширение поля проблемно-исследовательских, творческих проектов в русле студенческой научно-исследовательской деятельности как традиционная форма профессионального образования имеет глубокие традиции в подготовке учителя иностранного языка. Многоуровневая система, как известно, позволяет обеспечить условия для преемственности студенческой научно-исследовательской работы на последовательных уровнях подготовки в общем контексте научно-исследовательской деятельности профильных кафедр. Увеличение масштабов научно-исследовательской деятельности студента за счет включения актуальной современной тематики и интеграции творческой и практической деятельности в рамках многоформатной системы профессионального образования выступает эффективным средством персонализации профессиональной подготовки студента.

Что касается студенческой научно-исследовательской работы, то в профильных вузах и на факультетах накоплен значительный опыт функционирования студенческих научных обществ на основе преемственности научно-исследовательской деятельности профильных кафедр. Неизменный интерес вызывает такая форма студенческой научно-исследовательской деятельности, как научные конференции, проводимые благодаря совместной организации и сетевому сотрудничеству вузов. Таким примером может служить ежегодная конференция студенческих научно-исследовательских работ по актуальной проблематике теории и методики обучения иностранным языкам, которая проводится на базе Московского государственного университета просвещения (прежнее название — Московский государственный областной педагогический университет) при тесном взаимодействии с Московским педагогическим государственным университетом, МГЛУ, а также вузами Республики Беларусь — Минским государственным лингвистическим университетом и Гомельским педагогическим университетом.

Возможности интеграции в профессиональную деятельность традиционно реализуются в процессе работы студентов на семинарских занятиях и во время педагогической практики. В этой связи следует отметить вклад Н. В. Языковой в разработку программно-методического обеспечения процесса профессионально-методической подготовки учителя иностранного языка, в концепции которой (Н. В. Языкова) подчеркивается значимость творческого потенциала системы подготовки будущего учителя, обеспечения условий для накопления им опыта творческой деятельности, овладения методологией познания, выработки способности самостоятельно обновлять свои знания,

расширять теоретический кругозор и методическое мастерство. Отмечается необходимость более тесного взаимодействия учебной, научной и практической деятельности в школе (Языкова, 2008). Предложенная Н. В. Языковой система профессионально-методических задач в курсе методики обучения иностранным языкам (Языкова, 2012) используется как базовая в организации теоретической и практической подготовки, вместе с тем типология этих задач постоянно расширяется в связи с развитием теории и методики обучения языку и культуре, теории разработки учебно-методических средств (Тарева, Тарев, 2014).

Необходимо выделить очень важное, с нашей точки зрения, положение в трактовке предлагаемой системы задач — профессионально-методическая задача рассматривается Н. В. Языковой как исследование проблемы, что подчеркивает ее методологический, рефлексивно-творческий характер и ценностно-смысловую значимость для студента. Здесь уместно соотнести данную трактовку с понятием проблемной ситуации как единицы содержания обучения, по А. А. Вербицкому. *Проблемную ситуацию* можно определить «как содержащее противоречие и не имеющее однозначного решения соотношение объективных обстоятельств и условий, в которых действует человек или группа людей; форма связи субъекта с объектом познания. Осознание какого-либо противоречия в процессе деятельности (например, невозможности выполнить теоретическое или практическое задание с помощью ранее усвоенных знаний) переживается субъектом как интеллектуальное затруднение. Оно приводит к появлению потребности в новых знаниях, в том неизвестном, которое позволило бы разрешить данное противоречие, что и обуславливает необходимость включения мышления. В результате анализа проблемной ситуации она может быть преобразована либо в задачу, либо в проблему» (Вербицкий, 2017, с. 130).

Говоря о расширении возможностей интеграции в профессиональную деятельность, подчеркнем не только и не столько увеличение объема практической деятельности (что, безусловно, важно), сколько качественный аспект — расширение вариативности проблемных ситуаций в содержании практической подготовки будущего учителя, углубление междисциплинарных связей внутри предметного поля профессионального знания и компетентности. Диапазон проблемных ситуаций в профессиональной подготовке учителя иностранных языков может варьироваться как по степени проблемности (практические, учебные, учебно-методические, учебно-исследовательские, опытно-экспериментальные, инновационные/творческие и др.), так и по проблемному полю (общефилологические, лингвокультурологические, психолингвистические, лингводидактические, методические и др.). Вариативность и широкий диапазон проблемных ситуаций в содержании профессиональной подготовки учителя иностранного языка выступает одним из важных факторов углубления и реализации межпредметных связей в объектно-предметном поле лингводидактики (как общей теории) и методики обучения иностранному языку и культуре.

В рамках многоформатной модели профессиональной подготовки важнейшим компонентом служит, как известно, самостоятельная учебная деятельность студента, которая, по сути, представляет собой системообразующий компонент профессиональной подготовки учителя иностранного языка. Мы солидарны с определением Н. В. Языковой современного характера самостоятельной учебной деятельности студента как творческой деятельности. Именно рефлексивно-творческая, исследовательская направленность обеспечивает характер учебно-познавательной деятельности, которую мы вслед

за Л. С. Выготским называем продуктивной в динамике «познание – знание – преобразование». Продуктивная учебно-познавательная деятельность обладает такими чертами, как: социальная направленность, создание личностного образовательного продукта, рефлексивно-оценочный, творческий характер, взаимосвязь самостоятельного управления (автономности) и ответственности субъекта, диалоговый характер сотворчества субъектов образовательного процесса (Коряковцева, 2003).

Продуктивный (творческий) характер учебно-познавательной деятельности обеспечивает эффективное овладение профессиональной компетентностью, личностное и профессиональное развитие будущего учителя иностранного языка в парадигме, определяемой Б. С. Гершунским как «познание – знание – грамотность – компетентность – культура – менталитет», где «именно менталитет занимает высшую ступень, предопределяя содержание всех других звеньев цепочки» (Гершунский, 1998, с. 130). В этой связи подчеркнем российскую интеллектуальную, гуманистическую традицию образования, отличающуюся сбалансированностью прагматических (освоение знаний и формирование способностей) и гуманитарных аспектов (личностное развитие, культура, менталитет). Применительно к профессиональному образованию и профессиональной подготовке учителя иностранного языка это определяет парадигму «познание – профессиональное знание – профессиональная грамотность – общая и профессиональная культура – менталитет». При этом в российской интеллектуальной традиции познание выступает императивом духовности и самобытности личности (по Н. Бердяеву).

Список источников

1. Игошев, Б. М. (2014). Сущностно-логический анализ мобильности как межнаучного понятия. *Педагогическое образование в России, 1*, 105–111.
2. Константинова, Л. В., Петров, А. М., & Штыхно, Д. А. (2023). Переосмысление подходов к уровневой системе высшего образования в России в условиях выхода из Болонского процесса. *Высшее образование в России, 32(2)*, 9–24.
3. Языкова, Н. В. (2008). Концепция методической подготовки студентов педагогических факультетов иностранных языков. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование», 1(18)*, 64–74.
4. Языкова, Н. В. (2012). *Практикум по методике обучения иностранным языкам*. Просвещение.
5. Тарева, Е. Г., & Тарев, Б. В. (2014). Инновационный потенциал образовательных традиций. Учебник иностранного языка открытого типа. *Вопросы методики преподавания в вузе, 3(17)*, 364–373.
6. Вербицкий, А. А. (2017). *Теория и технологии контекстного образования*. Учебное пособие. МПГУ.
7. Коряковцева, Н. Ф. (2003). *Теоретические основы организации изучения иностранного языка учащимся на базе развития продуктивной учебной деятельности (общеобразовательная школа)* [Автореф. дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.02. Москва].
8. Гершунский, Б. С. (1998). *Философия образования*. Флинта.

References

1. Igoshev, B. M. (2014). Essential and logical analysis of mobility as an interscientific notion. *Pedagogical Education in Russia, 1*, 105–111. (In Russ.).
2. Konstantinova, L. V., Petrov, A. M., & Shtykhno, D. A. (2023). Rethinking approaches to the level system of higher education in Russia in the context of the country's withdrawal from the Bologna Process. *Higher Education in Russia, 32(2)*, 9–24. (In Russ.).

3. Yazykova, N. V. Methodological training framework for EFL teachers preparation programs at pedagogical universities. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(18), 64–74. (In Russ.).

4. Yazykova, N. V. (2012). *Hands-on methodology of teaching foreign languages*. M.: Prosveshcheniye Press. (In Russ.).

5. Tareva, E. G., & Tarev, B. V. (2014). Innovative potential traditions. Open-type textbook for foreign language learning. *Teaching Methodology in Higher Education*, 3(17), 364–373. (In Russ.).

6. Verbitsky, A. A. (2017). *Theory and technologies of contextual education*. Textbook. MPSU. (In Russ.).

7. Koryakovtseva, N. F. (2003). *Theoretical framework of EFL learning on the basis of students' productive educational activity development (secondary school)* [Abstract of the dissertation for the Doctor of Pedagogical Sciences: 13.00.02. Moscow]. (In Russ.).

8. Gershunsky, B. S. (1998). *Philosophy of education*. Flinta. (In Russ.).

Информация об авторе

Наталья Федоровна Коряковцева — доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры лингводидактики Московского государственного лингвистического университета.

Information about the author

Nataliya F. Koryakovtseva — Doctor of Pedagogy, Professor, Professor at the Foreign Language Teaching Department, Moscow State Linguistic University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК 378.8:811

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.51.3.14

**ЛИЧНОСТЬ УЧИТЕЛЯ-ПРОФЕССИОНАЛА КАК ЦЕННОСТЬ:
ВОЗВРАЩЕНИЕ К МЕТОДИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ,
ЗАЛОЖЕННОЙ ПРОФЕССОРОМ Н. В. ЯЗЫКОВОЙ****Никитенко Зинаида Николаевна**Московский педагогический государственный университет,
Москва, Россия,zinaida-nikitenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7923-9062>

Аннотация. В статье обосновывается значимость личности учителя-профессионала как цели и результата педагогического образования в области иностранных языков. Автор обращается к трудам профессора Н. В. Языковой, создателя системы методической подготовки будущего учителя иностранного языка, и показывает их теоретическую и практическую значимость для современной методической науки, рассматривает как новые понятия, введенные в терминосистему данным ученым, так и созданные им теории и технологии, достоверность которых подтверждена временем и которые представляют собой ценную методическую традицию. В заключение автор предлагает свое видение перспективных направлений развития методической науки в нашем отечестве.

Ключевые слова: учитель иностранного языка, профессор Н. В. Языкова, система методической подготовки.

Для цитирования: Никитенко, З. Н. (2023). Личность учителя-профессионала как ценность: возвращение к методической традиции, заложенной профессором Н. В. Языковой. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 3(51), 162–167. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.51.3.14>

Original article

UDC 378.8:811

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.51.3.14

**PROFESSIONAL TEACHER PERSONALITY AS A VALUE:
RETURNING TO THE METHODOLOGICAL TRADITION
LAID DOWN BY PROFESSOR NATALYA V. YAZYKOVA****Zinaida N. Nikitenko**Moscow Pedagogical State University,
Moscow, Russia,zinaida-nikitenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7923-9062>

Abstract. The article emphasizes the relevance of a professional teacher personality being the goal and result of pedagogical education in the field of foreign languages. The author refers to the works of Professor N. V. Yazykova, who created the methodological training system for future foreign language teachers, and shows their theoretical and practical significance. It considers both new concepts introduced into the term system by Professor Yazykova, and theories and technologies created, the reliability of which is confirmed by time. In conclusion, the author offers the vision of promising directions for the methodological science developing in Russia.

Keywords: foreign language teacher, professor Natalya V. Yazykova, methodological training system.

For citation: Nikitenko, Z. N. (2023). Professional teacher personality as a value: returning to the methodological tradition laid down by professor Natalya V. Yazykova. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3(51), 162–167. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.51.3.14>

Подготовка учителя — это задача не только образовательной, но и политической важности, поскольку каков профессиональный уровень учителя, таков и уровень образования подрастающего поколения, а каков уровень его образования, таков и интеллектуальный и нравственный потенциал нации. Профессор Н. В. Языкова, являясь признанным авторитетом в области теории и технологии методической подготовки учителя иностранного языка, имеет к вневременным традициям самое непосредственное отношение. Именно профессор Н. В. Языкова впервые в нашей науке разработала целостную систему подготовки учителя иностранного языка, которая получила обоснование в ее докторской диссертации «Формирование профессионально-методической деятельности студентов педагогических факультетов иностранных языков» (Языкова, 1995; Языкова, 1994).

Созданная Н. В. Языковой в 90-х годах прошлого века система является жизнеспособной до сих пор, потому что она основывается на добротных отечественных подходах: системном в сопряжении с деятельностным и личностно-деятельностным подходами, которые послужили надежным, истинным методологическим ориентиром, обеспечившим разработку достоверной теории формирования профессиональной методической деятельности студента — будущего учителя иностранного языка.

Данная теория актуальна и сегодня по многим основаниям. Во-первых, она отвечает характеристикам теории как форме научного знания: относимость понятий к одной предметной области, системность, доказательность, наличие абстрактного идеализированного объекта и непротиворечивость в самой себе. Во-вторых, профессиональное педагогическое образование справедливо трактуется Н. В. Языковой как способ развития личности в условиях активной познавательной деятельности в русле исследовательской стратегии обучения, направленной на «формирование профессиональной деятельности творческого типа, формирование умений, способностей, обеспечивающих готовность самостоятельно прогнозировать, формулировать и решать сложные педагогические задачи» (Языкова, 1995, с. 5). Ключевыми понятиями в этом определении профессионального педагогического образования выступают: личность учителя, исследовательская стратегия, творческая профессиональная деятельность, умения и способности, решение сложных педагогических задач, а это значит, что не только задач обучения, но и воспитания.

В трудах Н. В. Языковой сформулирована истинная цель методической подготовки: развитие личности учителя, его профессиональных ценностей и личностных качеств, профессионально-методической деятельности учителя иностранного языка. Данная цель, осмысленная нами и сформулированная с учетом новых реалий, — это то, что и мы отстаиваем в своих работах (Никитенко, 2023; Никитенко, 2019).

Н. В. Языкова обосновала важнейшее понятие «методическое мышление» и значимость формирования у будущего учителя методического мышления, системных знаний о предмете своей профессиональной деятельности и обобщенных способов решения методических задач, аргументировала особое построение процесса овладения профессией, что позволяет готовить учителя иностранных языков с учетом перспективного развития методической теории и практики (Языкова, 1995, с. 9). Подчеркнем, что понятие «методическое мышление теоретического типа», как и необходимость

его формирования у будущего учителя, были подтверждены доказательно с учетом данных отечественных исследований (в диапазоне 1965–2000 гг.) в разных научных областях: философии; общей, социальной, педагогической психологии; психолингвистики; педагогики; теории и методики обучения иностранным языкам.

Содержание профессионально-методической подготовки выстроено профессором Н. В. Языковой на основе достижений отечественной науки: теории социальной культуры известных педагогов и методологов В. В. Краевского и И. Я. Лернера. Первым компонентом содержания выступают знания, причем не только предметные методические и процедурные знания (как решать методические задачи), но и методологические знания. Методология — это способ познания методической действительности: о методах исследования, формах научного знания, формулировании научного аппарата исследования. Именно отсутствие методологических знаний и умений обуславливает снижение качества диссертаций разного уровня и появление за последние 20 лет работ, по большей части имитирующих научный поиск и не обладающих реальной теоретической и практической ценностью. Выражаем надежду в этой связи, что монография «Методологическая культура исследователя в лингвообразовательном научном поиске» (Гальскова, Никитенко, 2023) послужит для соискателей стимулом дальнейшей разработки методологического направления методической науки.

В содержание методической подготовки, наряду с совокупностью навыков и умений, Н. В. Языкова провидчески включила ценностное отношение будущего учителя иностранного языка к педагогической деятельности, тем самым заложив надежную основу для нового направления — *аксиологии иноязычного педагогического образования*, которое развивается в современной методической науке.

Важным для текущего этапа исследования проблемы подготовки учителя-профессионала представляется теоретическое обоснование Н. В. Языковой четырех аспектов системности методической подготовки. К таким аспектам справедливо отнесены:

- системный подход к построению модели методической подготовки;
- определение предмета усвоения в теоретическом курсе, а именно: система обучения иностранным языкам (сегодня — школьное иноязычное и вузовское лингвистическое образование);
- выделение в этой системе методики как науки в ее *историческом* развитии (выделено нами. — *З. Н.*);
- иностранный язык как учебный предмет в единстве всех методических категорий: целей, содержания, принципов, методов, средств обучения (сегодня — школьного иноязычного и вузовского лингвистического образования) — и учебно-воспитательного процесса на разных образовательных уровнях.

Это научное знание является достоверным и в наши дни, поскольку выделенные аспекты системы составляют структуру методического знания в любой исторический период развития методики как науки. Мы специально акцентировали внимание на историческом развитии методики как науки, потому что Н. В. Языкова транслирует, на наш взгляд, мысль о том, что знание студентами и аспирантами истории развития методики обучения иностранным языкам (и, добавим, с 2010 года методики иноязычного образования) необходимо, чтобы не быть им Иванами, не помнящими родства. Знание накопленных методических богатств позволяет не прерываться научной традиции, опора на которую важна и для проектирования процесса педагогического лингвистического образования будущего учителя, и для формирования его методического мировоззрения, и для развития методической науки в целом.

Достоверным, теоретически значимым и очень современным является формулирование профессором Н. В. Языковой совокупности особых методических понятий, среди которых мы выделяем методическую задачу как единицу познавательной деятельности студента. Понятие «методическая задача» в полной мере можно назвать методическим открытием того золотого для нашей науки времени, которое имеет непреходящее значение для методики.

Особенную ценность представляет, на наш взгляд, созданная профессором Н. В. Языковой теория построения вузовской учебной дисциплины «Методика обучения иностранному языку», которая показывает не только эффективный путь овладения профессией будущим учителем иностранного языка, но и ориентирует на формирование у него профессиональных ценностей и личностных качеств, необходимых для педагогической деятельности.

Практическая ценность докторской диссертации Н. В. Языковой не менее масштабна, здесь считаем важным отметить два достижения, которые являются общепризнанными и работают сегодня. К ним относятся:

- разработанная типология учебных методических задач и созданные на их основе учебные пособия по организации самостоятельной работы студентов;
- оригинальная технология формирования методических умений в разных условиях (на лекциях, практических занятиях, педагогической практике, в учебно-исследовательской и научно-исследовательской работе студентов).

Созданная на междисциплинарной основе теория и система методической подготовки учителя иностранного языка не являются умозрительными построениями, они носят продуктивный характер и реализованы в виде учебных пособий, которые широко используются в настоящее время во всех вузах РФ, осуществляющих искомую методическую подготовку.

Выделим особо тот факт, что исследование Н. В. Языковой опиралось на идеи научной школы нашего учителя — Г. В. Роговой, профессора Московского педагогического государственного университета (ранее — Московский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина), которая олицетворяет собой эпоху расцвета методической науки в нашей стране. Психологическую основу исследования составили деятельностная теория обучения (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, С. Р. Рубинштейн, П. Я. Гальперин, П. П. Блонский, А. А. Леонтьев, И. А. Зимняя и др.) и теория педагогического мышления (А. В. Петровский, В. В. Давыдов, В. С. Леднев). Эти теории и имена их создателей — наше национальное достояние.

Нужно изучать и любить свое, использовать наше богатейшее научное наследие: педагогическое, психологическое и методическое. Таким методическим богатством являются работы и идеи профессора Н. В. Языковой, которые сегодня получают свое дальнейшее развитие в трудах ее многочисленных и благодарных учеников (Языкова, Макеева, 2015) и последователей научной школы Г. В. Роговой, к этой школе имеет честь принадлежать и автор данной статьи.

Профессиональная подготовка учителя — дело государственной важности. Следует обращать внимание академического и учительского сообщества на великие и, действительно, вневременные традиции отечественной методики, современная интерпретация которых может выступить надежной основой национально-ориентированной системы профессионально-педагогического образования в нашем отечестве. Создание такой суверенной системы и ее внедрение в практику подготовки будущего учителя иностранного языка является нашей общей задачей, что предполагает изменение парадигмы

(с компетентностной на деятельностную, сопряженную с культуросообразной) и фокуса цели такой подготовки с прагматической, компетентностной на образовательную — на личность учителя-профессионала, его ценности, личностные качества, способности, умения, методическое мировоззрение. Основные характеристики учителя-профессионала окрашены духовностью: бережное отношение к детям; духовная свобода благодаря совершенному владению профессиональными умениями, направленность на образовательную цель — коммуникативное, нравственное и когнитивное развитие учащихся; творческое отношение к педагогической деятельности, обращенность к ценностям любви и добра; и, самое главное, ответственность за наших детей, учащихся, студентов, за то, какими они будут личностями и гражданами.

Мы разделяем положения теории духовного воспитания, разработанные психологом В. В. Рыжовым, согласно которой учитель-профессионал наполнен любовью к своей педагогической деятельности и к тем, ради кого она совершается (Рыжов, 2012, с. 336). Это означает, что главная особенность подлинного профессионализма состоит в духовности личности педагога, которая выражает уровень ответственности будущего учителя иностранного языка и определяет степень качества развития, воспитания и обучения школьников/студентов, т. е. определяет качество их образования.

Главными составляющими учителя являются личность и мастерство, и первое определяет второе. Доказано, что личностные качества и ценности человека влияют на качество и результативность любой деятельности, в том числе педагогической и научно-исследовательской деятельности. Самое важное, что есть в человеке, — это нравственное чувство — способность отличать добро от зла, чувство, определяющее нравственное измерение всей нашей жизни. Не воспитав нравственность, невозможно обеспечить становление личности студента/аспиранта с адекватным отношением к окружающему миру, способной к созидательной, творческой педагогической деятельности. Поэтому подготовка педагога должна иметь нравственное измерение, а это возможно, если и в школе и в вузе будет образование, а не только обучение.

Цель образования — человек, развитие его личности и способностей, а обучение — это важнейшее средство образования, строительства и самосовершенствования личности. Доминантным аспектом образования выступает воспитание. Поэтому от того, как выстроено дошкольное, школьное и вузовское образование, зависит экономика нашей страны и ее духовное становление, возрождение духовного, интеллектуального и творческого потенциала нации. В этой связи представляется важным изучать и развивать воспитательные традиции отечественной языковой педагогики. Разработка теории и методики воспитания в процессе школьного иноязычного образования и, соответственно, студентов в процессе вузовского лингвистического образования выделяется нами как значимое и перспективное направление методических исследований.

Профессиональная подготовка учителя — дело государственной значимости. Важно изучать и развивать педагогическое и методическое богатство, созданное учеными-классиками, и способствовать утверждению методической науки, отвечающей за подготовку высококвалифицированных школьных учителей и вузовских преподавателей иностранного языка на благо нашей Родины.

Список источников

1. Языкова, Н. В. (1995). *Формирование профессионально-методической деятельности студентов педагогических вузов факультетов иностранных языков* [Автореф. дис. ... д-ра пед. наук (в виде монографии): 13.00.02. Москва].

2. Языкова, Н. В. (1994). *Формирование профессионально-методической деятельности студентов факультетов иностранных языков*. Монография. Бурятское книжное издательство.
3. Никитенко, З. Н. (2023). Иноязычное образование в детском саду и средней школе: социальное измерение. *Иностранные языки в школе*, 2, 2–10.
4. Никитенко, З. Н. (2019). Профессиональная подготовка учителя иностранного языка для дошкольного и начального школьного образования: аксиологическое измерение. *Преподаватель XXI век*, 4(1), 63–68.
5. Гальскова, Н. Д., & Никитенко, З. Н. (2023). *Методологическая культура исследователя в лингвообразовательном научном поиске*. Прометей.
6. Языкова, Н. В., & Макеева, С. Н. (2015). *Формирование методической компетенции учителя иностранного языка в университете*. Монография. Тезаурус.
7. Рыжов, В. В. (2012). *Личность: творчество и духовность*. Монография. Издательство Санкт-Петербургского христианского университета.

References

1. Yazykova, N. V. (1995). *Building professional and methodological competence of future EFL teachers* [Abstract of the dissertation for the PhD (Philology) (in the form of a monograph): 13.00.02. Moscow]. (In Russ.).
2. Yazykova, N. V. (1994). *Building professional and methodological competence of future EFL teachers*. Monograph. Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Russ.).
3. Nikitenko, Z. N. (2023). Foreign language education in kindergarten and school: social dimension. *Foreign Languages at School*, 2, 2–10. (In Russ.).
4. Nikitenko, Z. N. (2019). Professional training of a foreign language teacher for pre-school and primary education: axiological dimension. *Prepodavatel XXI vek*, 4(1), 63–68. (In Russ.).
5. Galskova, N. D., & Nikitenko, Z. N. (2023). *Methodological culture of the researcher in linguo-educational scientific search*. Prometej. (In Russ.).
6. Yazykova, N. V., & Makeeva, S. N. (2015). *Building methodological competence of a foreign language teacher at the university*. Monograph. Thesaurus. (In Russ.).
7. Ryzhov, V. V. (2012). *Personality: creativity and spirituality*. Monograph. Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo hristianskogo universiteta. (In Russ.).

Информация об авторе

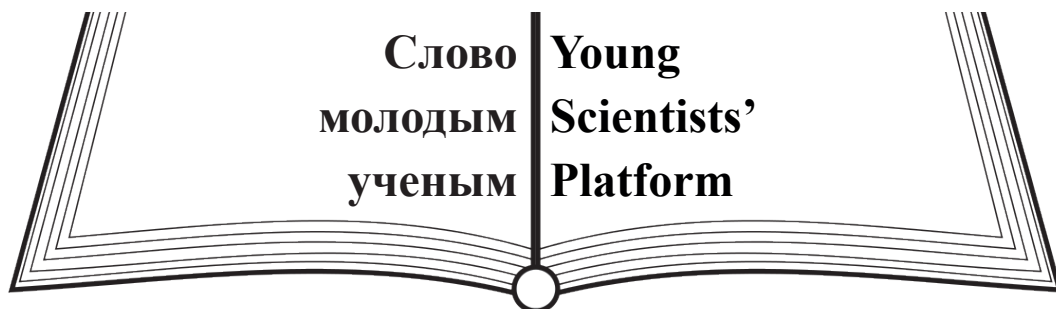
Зинаида Николаевна Никитенко — доктор педагогических наук, старший научный сотрудник, профессор кафедры лингводидактики и современных технологий иноязычного образования Московского педагогического государственного университета.

Information about the author

Zinaida N. Nikitenko — Doctor of Pedagogy, Senior Researcher Professor at the Department of Linguodidactics and Modern Technologies of Foreign Language Education, Moscow Pedagogical State University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК 811.134.2'246.2

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.51.3.15

СТРУКТУРНЫЕ И МЕТАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ БИЛИНГВАЛЬНЫХ СМИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПАРАГВАЙСКОЙ ГАЗЕТЫ САВИЧУÍ)

Нуриджанян Роза Геворковна

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Москва, Россия,

rozanurid@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0159-5654>

Аннотация. Статья посвящена анализу структурных и металингвистических особенностей парагвайской газетной прессы XIX века на материале газеты *Sabichuí*. Актуальность исследования обусловлена тем, что в отечественной филологии парагвайские фронтальные газеты еще не становились материалом исследования. Кроме того, рассматриваемая автором газета *Sabichuí* является ярким примером расцвета парагвайской двуязычной журналистики. Статья направлена на раскрытие ведущих лингвистических и экстралингвистических инструментов, используемых в текстах билингвальных газет и учитывающих особенности адресата медийного сообщения. Ведущим методом в исследовании выступил анализ содержания и структуры газетного текста, семантический, прагматический и дискурсивный анализ. В статье раскрываются структурные особенности двуязычной газеты, обусловленные четким формулированием устойчивого перитекста издания и его эдиториальной идентичности. Кроме того, автор приходит к выводу о том, что успешность газеты *Sabichuí* также связана с полифункциональностью опубликованных в ней текстов и степенью их креолизованности. Представленные в статье результаты дают возможность судить об особой степени интегративности газеты *Sabichuí*, позволившей изданию сформировать лояльную аудиторию и опосредованно оказать влияние на становление парагвайской национальной идентичности. Она, в свою очередь, во многом основана на противопоставлении себя «врагам», в том числе в лингвистическом плане — благодаря использованию языка местного автохтонного народа гуарани и контактного языка хопара (йопара).

Ключевые слова: испанский язык, язык СМИ, билингвальные газеты, Парагвай, прецедентный текст, прецедентное имя, «свой – чужой», метаязык.

Для цитирования: Нуриджанян, Р. Г. (2023). Структурные и металингвистические особенности билингвальных СМИ (на материале парагвайской газеты *Sabichuí*). *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 3(51), 168–178. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.51.3.15>

© Нуриджанян Р. Г., 2023

Original article

UDC 811.134.2'246.2

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.51.3.15

**STRUCTURAL AND METALINGUISTIC FEATURES
OF BILINGUAL MEDIA (BASED ON THE MATERIAL
OF THE PARAGUAYAN NEWSPAPER CABICHUÍ)****Roza G. Nuridzhanyan**Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia,rozanurid@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0159-5654>

Abstract. The article aims at analyzing structural and metalinguistic features of the Paraguayan newspaper press of the XIX century on the material of the newspaper Cabichuí. The relevance of the study is due to the fact that in Russian philology, Paraguayan trench newspapers have not yet become research material. In addition, the newspaper Cabichuí considered by the author is a vivid example of the heyday of Paraguayan bilingual journalism. The article is aimed at revealing the leading linguistic and extralinguistic tools used in the texts of bilingual newspapers and taking into account the characteristics of the addressee of the media message. The leading method in the study was the analysis of the content and structure of the newspaper text, semantic, pragmatic and discursive analysis. The article reveals the structural features of a bilingual newspaper, due to the clear formulation of the stable peritext of the publication and its editorial identity. In addition, the author comes to the conclusion that the success of the newspaper Cabichuí is also associated with the polyfunctionality of the texts published in it and the degree of their creolization. The results presented in the article allow us to judge the special degree of integrativity of the newspaper Cabichuí, which allowed the publication to form a loyal audience and indirectly influence the formation of the Paraguayan national identity. It, in turn, is largely based on opposing itself to «enemies», including in linguistic terms — thanks to the use of the language of the local autochthonous Guaraní people and the contact language of Jopará (Yopará).

Keywords: Spanish, media language, bilingual newspapers, Paraguay, precedent text, precedent name, «friend – foe», metalanguage.

For citation: Nuridzhanyan, R. G. (2023). Structural and metalinguistic features of bilingual media (based on the material of the Paraguayan newspaper Cabichuí). *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3(51), 168–178. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.51.3.15>

Введение

С началом Парагвайской войны (войны против Тройственного альянса, *исп.* Guerra contra la Triple Alianza, 1864–1870) в Парагвае начинается активное издание газет, журналов и альбомов (Dardo Ramírez Braschi, 2022, p. 50). Административный аппарат и стоящий во главе государства и армии Франсиско Солано Лопес переосмысливают роль средств массовой информации и обращаются к печатной прессе как к инструменту формирования нации, а также трансляции государственной позиции и военных успехов (Ruth Kirczher, & Ethan Kutlu, 2023). С 1867 по 1869 год в свет выходит сразу несколько разноформатных газет: El Centinela (1867–1868), Cabichuí (1867–1868), Cacique Lambare (1867–1868), Estrella (1869).

Одной из первых была учреждена двуязычная газета *Cabichuí*, первый номер которой был отправлен в печать в 1867 году в военном лагере Пасо Пуку (*исп.* Paso Pucú) — территория парагвайского департамента Ньеэмбуку (*исп.* Ñeembucú).

Армейская типография, выпускающая *Cabichuí*, впервые в оформлении периодики использовала иллюстрации, большая часть которых выполнялась самими солдатами. Изображения создавались посредством особого метода гравюры по дереву для дальнейшего переноса на бумагу — ксилографии (Johansson, 2012, p. 198).

Уже в первом номере *Cabichuí* появляется тезис о том, как она должна восприниматься читателем: с точки зрения современных филологов, это можно назвать поликодовым текстом (Сабадин Сантос Талавейра Медина, 2022, с. 3): «*Afecto a las ideas mudas pero elocuentes que obra el lápiz sobre el papel, hablará más acaso con sus grabados de caricatura, que con sus mal zurcidos artículos*» («Благодаря немым, но красноречивым идеям, которые рисует карандаш на бумаге, он, возможно, больше расскажет в своих карикатурных гравюрах, чем в своих плохо написанных статьях») (здесь и далее перевод наш. — *Р. Н.*). Применяемые в оформлении газеты методы, а также особенности ее структурных и содержательных компонентов позволяют ей активно воздействовать на общественное мнение, вырабатывая ключевые идеи, положенные в основу парагвайской национальной идентичности. Данный факт обуславливает ее связь с внешним социополитическим и историко-культурным контекстом и актуальность в современности.

Cabichuí можно считать образцом нового для парагвайской прессы издания не только с точки зрения особого текстового наполнения (в ней публиковались письма с фронта, записки солдат, фрагменты фронтовых рассказов, анекдоты), но и с точки зрения типографского оформления (Нуриджанян, 2022, с. 174). В титульной части каждого номера помещена маркированная печать с названием газеты, представляющая собой гравюру с изображением стаи ос: отсылка к значению слова *Cabichuí* на языке гуарани. Важно отметить, что редакторы в качестве эмблемы выбирают не пчелу, а именно осу: она становится аллегорическим образом назойливости и едкости газетных материалов: текстов и иллюстраций, отличающихся особой сатирической направленностью.

Таким образом, уже с первой страницы выстраивается устойчивый перитекст, способствующий формированию читательского горизонта ожиданий, а также помогающий аудитории ориентироваться в содержании газеты. Для этого титульная группа сопровождается разными гравюрами, связанными с его основными моментами. Номер составляют четыре листа, каждый из них делится на три полосы, некоторые полосы частично или полностью отдаются под гравюрные иллюстрации карикатурного характера.

Цель данной работы — провести комплексный структурный и семантический анализ материалов газеты *Cabichuí*, а также определить ее роль в парагвайском медиаландшафте XIX века.

Методология исследования

Французский исследователь газетных текстов Жан-Мишель Адам в работе «Издательские единицы и дискурсивные жанры: обзор печатной прессы» вводит понятие «перитекст», под ним он подразумевает структуру, на которую опирается совокупность текстов на страницах газеты (Adam, 1997, p. 3–18). Устойчивый перитекст,

как его иначе называет автор, в большей степени указывает на редакционную политику издания, государственное влияние. К составным частям данного феномена по отношению к газете в целом (устойчивый перитекст) главным образом относится название издания и далее рубрики и подрубрики. В перитекст статьи, в свою очередь, входят заголовки, подзаголовки, иллюстрации, фотографии, иные графические и текстовые элементы, использующиеся для оформления материалов.

Ключевым маркером идентичности издания выступает его название, выступающее инструментом, очерчивающим дискурсивные рамки публикуемого материала. Издатель упорядочивает систему ценностей, в которую вписывается представленная для читателя текстовая информация. Название газеты помещает информацию в определенный контекст, создает связи между событием и оригинальным взглядом на мир, согласно которому газета делает выбор в пользу тех или иных событий, систематизирует, интерпретирует окружающую ее реальность (Будучев, 2020). Титул *Cabichuí* вместе с девизом, запечатленным в первом номере: «Для врага назойливый, настойчивый и колкий» (*исп.* Molesto para el enemigo, insistente, punzante), аллегорически выстраивает целевую аудиторию, в которую, помимо солдат самой парагвайской армии, опосредованно включается и противник: опубликованные сатирические заметки и карикатуры должны его запугать и уколоть. Следовательно, устойчивый перитекст (в данном случае — название и девиз издания), помимо структурообразующей функции, обладает также и эмотивной: воздействие на адресата сообщения, изменение его мнения, формирование лояльной аудитории (Герасимова, 2011, с. 99).

Эдиториальная идентичность газеты, под которой мы понимаем совокупность лингвистических и экстралингвистических факторов, обуславливающих узнаваемость *Cabichuí*, способствует реализации ее основной задачи — поднятию морального духа солдат в военной кампании, сплочению нации вокруг общей идеи и против врага (Peris Castiglioni, 2022). Однако трудность для издателей представляла особая целевая аудитория — малообразованные индейцы, для которых пресса не могла служить главным каналом восприятия информации из-за отсутствия у них навыка чтения (Amelia Tseng, 2021, p. 120). Именно поэтому чтение газеты в военных подразделениях напоминало ритуал и проходило в строго установленном порядке: солдаты сначала смотрели на гравюру, а затем внимательно слушали чтение текста вслух грамотным офицером (López, 2022). Они собирались вместе, чтобы узнать о военных подвигах, посмотреть на фотографии и обменяться комментариями, которые позже могли быть опубликованы в следующих номерах.

Этой проблеме в том числе посвящен один из материалов газеты от 8 августа 1867 года под названием «La lectura del Cabichuí» («Чтение [газеты] Кабичуи»). В нем показано, как четыре солдата слушают, как им зачитывают статью из газеты, а в подписи к ксилографическому изображению приводится имитация диалога на языке гуарани: «— Pe iarysaca poráque // — Néi, ñahendúcatu» (*исп.* — Atiendan bien // — Sí, estamos escuchando) («— Будьте внимательны // — Да, мы слушаем»). Соответственно, среди прочих задач прессы военного периода у фронтовых газет также можно выделить и дидактическую функцию, которая при этом служила общей идее — сплочению нации и формированию национальной идентичности. Устное общение сочеталось с письменным, благодаря чему укреплялась общая эдиториальная идентичность между читателем и слушателями и, что особенно важно, усиливался эффект национальной пропаганды, свойственной газетам, издающимся в военное время.

К функциям газеты классически относятся: 1) информационная (трансляция событий в кратчайшие сроки); 2) воздействующая (оказание влияния на формирование общественного мнения и картины мира читателя); 3) популяризаторская (передача информации об открытиях в сфере науки, культуры, аналитика экономической и социально-политической ситуации); 4) экспрессивная («внеконтекстуальные выразительные языковые средства») (Кожина, 2008, с. 344). Однако в некоторых случаях в газетных материалах может также реализовываться метаязыковая (металингвистическая) функция, направленная, по словам Р. О. Якобсона, на расшифровку кода и его объяснение (Якобсон, 1997). Данная функция часто актуализируется в особых контекстах, в которых журналисту необходимо пояснить значение употребленного им или героем материала неологизма, заимствованного слова. Но в определенных случаях эта функция совместно с аксиологической (оценочной) может проявляться в текстах, дающих одновременно и определение, и оценку тому или иному событию, явлению, месту, персоналии (Коршук, 2021, с. 163–169).

Результаты исследования

Феноменом газеты *Cabichuí* с точки зрения ее содержательного наполнения можно считать концептуализацию общеязыкового содержания в конкретной социополитической ситуации. В материале «*Gramática entre las bombas*» («Грамматика посреди бомб») от 23 мая 1867 вниманию читателя представляется фрагмент диалога между двумя парагвайцами, разбирающимися в тонкостях грамматики, (*исп.* *dos de ellos tenían mucha tintura de gramática*) («двое из них владели грамматическими тонкостями») и обычным земледельцем (*исп.* *el otro era un labrador insigne consagrado á esta noble ocupación ab ineunte etate, como dicen las breviaristas*) («другой был обычным земледельцем, посвятившим себя этому благородному занятию ab ineunte etate, как говорят священные книги»). В данном случае реализуются следующие функции:

- 1) метаязыковая (формулирование определения грамматической категории в реалиях военного времени);
- 2) аксиологическая (оценка действий участников сражений);
- 3) эмотивная (оценка редакторами действий участников войны);
- 4) апеллятивная (выстраивание дихотомии «свой – чужой») с целью сформировать/изменить мнение адресата сообщения).

В разгар дружеского и оживленного разговора, как говорят авторы, обо всем и ни о чем, спрашивает один другого: «Что такое существительное?» — и другой ему отвечает: «Это то, что называет великие явления, такие как военный мятеж, мужество, отвага, союз, смелость и непобедимость парагвайцев» (*исп.* *Es el que sirve para nombrar las cosas grandes, como el pronunciamiento, el valor, la bravura, la unión, el arrojó y la invencibilidad de los paraguayos*). Подобную актуализацию категориального признака существительного как части речи предлагают «окопные грамматисты» вместо традиционного семасиологического свойства передавать значение предметности (Раевская, 2008).

Далее «грамматисты» обращаются к объяснению такого языкового явления, как имена собственные, при этом дается определение антропонимам и топонимам. Первые служат для того, чтобы называть выдающихся личностей, «благородных гениев»,

подобных маршалу Лопесу (*исп.* Para nombrar las personas ilustres, los Genios sublimes, como el Mariscal Lopez) («Чтобы называть выдающихся людей, благородных гениев, таких как маршал Лопес»), вторые — для обозначения знаменательных и памятных мест, выступающих частью парагвайского лингвокультурного пространства. При интерпретации термина «антропоним» «грамматисты» обращаются к прецедентному имени Франсиско Солано Лопеса, главнокомандующего парагвайской армией.

При толковании термина «топоним» мы видим обращение к битве при Корралес, иначе известной как Бой при Пеуахо (*исп.* Batalla de Pehuajó), важной для развития всей Парагвайской войны, так как битва была последним столкновением, развернувшимся на территории Аргентины (далее война перешла на территорию Парагвая). Другим прецедентным именем, несущим важную ценностную составляющую, является крепость Итапиру (*исп.* Itapirú), при которой 17 апреля 1866 года произошла битва, имеющая важное значение для языкового сознания парагвайцев: она положила начало вторжению войск Тройственного альянса в Парагвай. Победу в сражении одержала армия Бразилии, в связи с чем президенту Парагвая Франсиско Солано Лопесу пришлось сдать укрепление 18 апреля 1866 года. Также «грамматисты» упоминают город Курупайти (*исп.* Curupayty), где состоялась решающая битва Парагвайской войны: в ней парагвайцы под командованием генерала Хосе Эдувихиса Диаса одержали ключевую победу.

Актуализация лингвистического термина «имя собственное» также подкрепляется сравнительным оборотом, в нем авторы обращаются к общехристианским ценностям и библейским образам, таким как долина Иосафата. «Грамматисты» сравнивают трепет, вызываемый перечисленными парагвайскими топонимами, с иосафатовой долиной, упоминаемой в Ветхом Завете (*исп.* que somarán en adelante para los conquistadores con mas temblor que el Valle de Josafat á los oídos de los cristianos) («которые впредь будут вызывать у завоевателей больший трепет, чем Долина Иосафата для ушей христиан»).

Перечисленные примеры также могут быть рассмотрены с точки зрения теории культурной памяти слов, в рамках которой любое слово представляет собой «смысловые характеристики языкового знака, связанные с его предназначением, национальным менталитетом и системой духовных ценностей носителей языка, национальной идентичности его носителей» (Авербух, 2018, с. 17).

Далее участники разговора обращаются к понятию «собирательное существительное» (*исп.* nombre colectivo). При объяснении этой грамматической категории, помимо актуализации слов, являющихся частью общелингвистического словаря, выстраивается бинарная оппозиция «свой – чужой». В качестве примера для собирательного существительного «грамматисты» приводят парагвайскую армию (*исп.* Ejército Paraguayo): по формальному признаку является словом единственного числа, при этом апеллирует это понятие к группе людей (*исп.* que es singular en gramática <...> y también es plural) («который в грамматике имеет единственное число <...>, а также множественное число»).

При этом дается комментарий, способствующий созданию положительного образа армии Парагвая: «грамматически слово единственного числа, однако ценно оно как единое целое, и по своим героическим достоинствам это слово также множественного числа, потому как оно означает нацию, обладающую неисчерпаемыми ресурсами, или нацию сильных и непобедимых» (*исп.* Si, dijo el otro, es aquel que por su acabado es singular, y por su significado es plural, por ejemplo, Ejército Paraguayo, que es singular en gramática y en América por su acabado, por su valor por si unión y por sus heroicas virtudes; y también es plural, porque significa una nación inagotable de recursos u de brazos

robustos, fuertes é irresistibles). Так, собственный положительный образ выстраивается с помощью метафоры, основанной на актуализации лингвистической терминологии в военное время (Гасымова, 2022).

Далее редакторы формируют поле инаковости, вводят образ вражеской армии — бразильской и армии Тройственного альянса (*исп.* No sucede lo mismo cuando se dice — ejército brasilero, ó aliado) («Это не то же самое, когда говорят — бразильская армия или союзник»). Создается некий метаязык, с его помощью «грамматисты» объясняют солдату лингвистическую терминологию создают негативный образ «другого», называя его тем, что «по своему смыслу не подчиняется ни одному правилу: ни грамматики, ни политики, ни права» (*исп.* ni por su significado se sujeta a regla ninguna ni de gramática, ni de derecho, ni de política). Из всех частей речи для членов Тройственного альянса подходящим, по мнению парагвайцев, является наречие времени, которое «не движется и вообще ничего не совершает, кроме как трагит впустую время, жизни, имущество и все, что у него есть и что могло бы быть» (*исп.* del tiempo que ni se mueve, ni hace otra cosa que desperdiciar el tiempo, las vidas, el erario y cuanto tiene y pudiera tener). Выстраивается своего рода двоичное противоречие (Викулова, 2013, с. 34): собирательное существительное — наречие времени, парагвайская армия — армия стран Тройственного альянса, в котором первые встраиваются в парадигму «свой», а вторые — в парадигму «чужой».

Метаязыковая и аксиологическая функции проявляются в определении роли и значения фонетического явления синкопа. В соответствии со «Словарем лингвистических терминов» синкопа — это выпадение звука или группы звуков внутри слова (Васильева-Шведе, 1972). Определение, предлагаемое в материале газеты, очень близко к его общелингвистическому прочтению: «это фигура речи, употребление которой заключается в исключении из слова слога или слогов» (*исп.* es una figura de dición que se comete sin recar, suprimiendo silaba ó silabas). Особенности в интерпретации заметны на примерах, используемых «грамматистами», с тем чтобы объяснить значение нового термина. Например, в заметке появляется прецедентное имя герцога Кашиаса (*исп.* Luís Alves de Lima e Silva, Duque de Caxias) (Луис Алвес де Лима и Сильва, герцог Кашиас). Имя бразильского маршала важно для парагвайского лингвокультурного пространства, потому что в 1869 году именно его войска заняли столицу Парагвая. Кроме того, фигура Кашиаса периодически появляется на страницах *Sabichuí* и других парагвайских газет, становясь собирательным образом, с помощью которого редакторы сатирически изображают вражеские войска и конструируют поле «свой – чужой».

В рассматриваемой заметке бразильского маршала называют *Cachias de porra* (с *arg.* «жуткий Кашиас»), далее, взяв за основу данную фразу, демонстрируют пример образования синкопы — *Cachiporra*. Так, помимо очевидной языковой игры (*Cachiporra* в переводе с испанского означает «дубинка»), создается метафорический образ «дубинноголового» предводителя вражеского войска, закрепляющийся в последующих заметках газеты в ксилографических изображениях.

Завершается разговор «окопных грамматистов» фразой крестьянина «TUBICHA CHE GUSTA» (*исп.* me gusta mucho) («мне очень нравится»), представляющей собой образец лингвистического феномена — язык йопара, или хопара (*исп.* joragá, уорagá). Этот контактный язык образовался в результате длительного сосуществования на территории Парагвая испанского языка и местного индейского языка гуарани. Влияние испанского в данном случае прослеживается в большей степени на лексическом уровне и в меньшей степени на морфосинтаксическом.

В данном случае фраза состоит из испанского глагола *gustar* в форме 3-го лица единственного числа и местоимения 1-го лица единственного числа в дативе — *me* («мне»), при этом сама лексема *gustar* употреблена без каких-либо адаптаций (*gusta*), а в функционировании местоимения *me* происходит нарушение грамматической нормы: местоимение в дательном падеже заменено на личное местоимение *che* («я» на языке гуарани). *Tuvicha* (*tuvicha*) в переводе с гуарани означает «большой» и использовано в этой фразе по аналогии с испанским *mucho*. Такое лексико-грамматическое оформление фразы связано с тем, что в языке гуарани отсутствует маркирование субъекта переходного глагола, а порядок слов в большинстве коллокаций свободный (Velázquez-Castillo, 1995).

Кроме того, в заметке подчеркивается емкость и правильность новой интерпретации лингвистических терминов: собеседник, подводя итог, говорит, что «с такими примерами можно объяснить грамматику как живым, так и мертвым» (*usp. con esos ejemplorum, como dicen los gramáticos, ó estos ejemplazos, como se explican los labradores, es capaz de hacer comprender la gramática así a los muertos como á los vivos*).

Заклучение / Conclusion

Парагвайская газета *Sabichuí* является примером нового для медиасистемы страны издания: сочетание поликодового характера материалов, общей сатирической направленности и полифункциональности текстов привело к формированию особого перитекста, позволяющего не только сохранить внимание разнородной читательской аудитории, оправдав ее горизонты ожиданий, но и повлиять на восприятие тех или иных событий, исторических личностей и реалий.

Ее структурные и лингвистические характеристики обуславливают формирование особой лояльной читательской аудитории, противопоставляемой «другому». Данный принцип построения периодического издания подчеркивает способность публицистического текста к полифункциональности и интегративности, выбору наиболее эффективного способа выражения информации о тех или иных реалиях, персоналиях, событиях с точки зрения воздействия на адресата.

Список источников

1. Dardo Ramírez Braschi. (2022). Política y mitrismo en la Provincia de Corrientes durante la Guerra de la Triple Alianza. *Revista estudios paraguayos (RESPY)*, 40(1), 56–108. <https://doi.org/10.47133/respy2400102>
2. Ruth Kirczher, & Ethan Kutlu. (2023). Multilingual Realities, Monolingual Ideologies: Social Media Representations of Spanish as a Heritage Language in the United States. *Applied Linguistics, atac076*. (2023, July 10). <https://doi.org/10.1093/applin/amac076>
3. Johansson, M. L. (2012). Conflicto bélico y prensa en Paraguay durante la Guerra de la Triple Alianza (1864–1870). *Cuadernos de Marte*, 3, 187–222.
4. Сабадин Сантос Талавейра Медина, Ж. П. (2022). Смешанные тексты: креолизованный vs поликодовый vs мультимодальный. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 5(6), 2017–2023.
5. Нуридджанян, Р. Г. (2022). Феномен парагвайских траншейных газет. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 4(48), 171–180.
6. Adam, J-M. (1997). Unités rédactionnelles et genres discursifs: cadre général pour une approche de la presse écrite. *Pratiques*, 1(94), 3–18.

7. Будучев, В. А. (2020). Дискурс газет «Ле Монд» и «Коммерсантъ»: редакционная направленность через форму текста. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия Филология. Журналистика*, 2, 83–87.
8. Герасимова, С. А. (2011). Антропоцентрический подход к языку. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(8), 96–100.
9. Peris Castiglioni, C. A. (2022). Amenazas más allá de la geografía. Historia, aplicación y perdurabilidad del concepto de «enemigo interno» en el Paraguay. *Revista estudios paraguayos (RESPY)*, 40(1), 248–271.
10. Tseng, Amelia. (2021). 'Qué barbaridad, son latinos y deberían saber español primero': Language Ideology, Agency, and Heritage Language Insecurity across Immigrant Generations. *Applied Linguistics*, 42(1), 113–135.
11. López, M. H. (2022). Poblaciones indígenas en contextos urbanos, identidad y poder político. *Revista estudios paraguayos (RESPY)*, 40(2), 69–85.
12. Кожина, М. Н., Дускаева, М. Н., & Салимовский, В. А. (2008). *Стилистика русского языка*. Учебник. Флинта, Наука.
13. Якобсон, Р. О. (1996). *Язык и бессознательное*. Гнозис.
14. Коршук, В. В. (2021). Формирование жанровой структуры печатных СМИ в контексте актуальных информационных задач. В Н. А. Федотова (Под общ. ред.). *Журналистика – Медиаология – Наставничество* (с. 163–169). Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию профессора Бориса Васильевича Стрельцова и 100-летию Белорусского государственного университета, Минск, 1 марта 2021 г.
15. Раевская, М. М. (2008). Имя существительное как этнолингвистическая категория на примере испанской филологической традиции. *Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*, 3, 214–224.
16. Авербух, К. Я. (2018). Культурная память слов как проявление языковых знаний о мире. В Г. Ю. Гуляева (Ред.). *Инновационное развитие науки и образования* (с. 15–22). Монография. Наука и просвещение.
17. Гасымова, Г. М., Нелюбова, Н. Ю., & Финская, Т. Е. (2022). Роль ценностной диады МИР – ВОЙНА в языковой картине мира представителей французского общества: традиции и современность. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*, 13(1), 156–173.
18. Викулова, Л. Г., & Кулагина, О. А. (2013). Национальная идентичность в контексте инаковости: языковая репрезентация оппозиции «свой» – «чужие» во французской литературе XX века (на материале сборника эссе Ф. Мориака «Чёрная тетрадь»). *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(12), 33–42.
19. Васильева-Шведе, О. К., & Степанов, Г. В. (1972). *Теоретическая грамматика испанского языка. Морфология и синтаксис частей речи*. Для институтов и факультетов иностранного языка. Высшая школа.
20. Velázquez-Castillo, M. (1995). Noun Incorporation in Guarani: A functional analysis. *Linguistics*, 33, 673–709.

References

1. Dardo Ramírez Braschi. (2022). Política y mitrismo en la Provincia de Corrientes durante la Guerra de la Triple Alianza. *Revista estudios paraguayos (RESPY)*, 40(1), 56–108. <https://doi.org/10.47133/respy2400102> (In Spanish).
2. Ruth Kirczher, & Ethan Kutlu. (2023). Multilingual Realities, Monolingual Ideologies: Social Media Representations of Spanish as a Heritage Language in the United States. *Applied Linguistics*, atac076. (2023, July 10). <https://doi.org/10.1093/applin/amac076> (In Spanish).
3. Johansson, M. L. (2012). Conflicto bélico y prensa en Paraguay durante la Guerra de la Triple Alianza (1864–1870). *Cuadernos de Marte*, 3, 187–222. (In Spanish).

4. Sabadin Santos Talaveira Medina, J. P. (2022). Mixed Texts: Creolised vs Polycode vs Multimodal. *Philological sciences. Issues of theory and practice*, 5(6), 2017–2023. (In Spanish).
5. Nuridzhanyan, R. G. (2022). The phenomenon of Paraguayan trench newspapers. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 4(48), 171–180. (In Russ.).
6. Adam, J-M. (1997). Unités rédactionnelles et genres discursifs: cadre général pour une approche de la presse écrite. *Pratiques*, 1(94), 3–18. (In French).
7. Buduchev, V. A. (2020). The discourse of the newspapers «Le Monde» and «Kommersant»: editorial orientation through the form of the text. *Proceedings of Voronezh state university. Series: Philology. Journalism*, 2, 83–87. (In Russ.).
8. Gerasimova, C. A. (2011). Anthropocentric approach to language. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(8), 96–100. (In Russ.).
9. Peris Castiglioni, C. A. (2022). Amenazas más allá de la geografía. Historia, aplicación y perdurabilidad del concepto de «enemigo interno» en el Paraguay. *Revista estudios paraguayos (RESPY)*, 40(1), 248–271. (In Spanish).
10. Tseng, Amelia. (2021). ‘Qué barbaridad, son latinos y deberían saber español primero’: Language Ideology, Agency, and Heritage Language Insecurity across Immigrant Generations. *Applied Linguistics*, 42(1), 113–135. (In English).
11. López, M. H. (2022). Poblaciones indígenas en contextos urbanos, identidad y poder político. *Revista estudios paraguayos (RESPY)*, 40(2), 69–85. (In Spanish).
12. Kozhina, M. N., Duskaeva, L. R., & Salimovskij, V. A. (2008). *Stylistics of the Russian language*. Textbook. Flinta, Nauka. (In Russ.).
13. Yakobson, R. O. (1996). *Language and the unconscious*. Gnozis. (In Russ.).
14. Korshuk, V. V. (2021). Formation of the genre structure of printed media in the context of actual information tasks. In N. A. Fedotov (Under the general ed.). *Journalism – Media Studies – Mentoring* (pp. 163–169). Materials of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 95th anniversary of Professor Boris Vasilyevich Streltsov and the 100th anniversary of the Belarusian State University, Minsk, March 1, 2021. (In Russ.).
15. Raevskaya, M. M. (2008). Noun as an ethnolinguistic category on the example of the Spanish philological tradition. *Moscow University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, 3, 214–224. (In Russ.).
16. Averbuh, K. Ya. (2018). Cultural memory of words as a manifestation of linguistic knowledge about the world. In G. Yu. Gulyaeva (Ed.). *Innovative development of science and education* (pp. 15–22). Monograph. Nauka i prosveshchenie. (In Russ.).
17. Gasymova, G. M., Nelyubova, N. Yu., & Finskaya, T. E. (2022). The Role of the Diad PEACE – WAR Value in the Linguistic Worldview of the French Society Representatives. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(1), 156–173. (In Russ.).
18. Vikulova, L. G., & Kulagina, O. A. (2013). National Identity within the Context of Otherness: Linguistic Representation of the «Native» – «Foreign» Opposition in French Literature of the XXth Century (the Essay Volume «The Black Notebook» by F. Mauriac). *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(12), 33–42. (In Russ.).
19. Vasil’eva-Shvede, O. K., & Stepanov, G. V. (1972). *Theoretical grammar of the Spanish language. Morphology and syntax of parts of speech*. For faculties of foreign languages. Vysshaya shkola. (In Russ.).
20. Velázquez-Castillo, M. (1995). Noun Incorporation in Guarani: A functional analysis. *Linguistics*, 33, 673–709. (In English).

Информация об авторе

Роза Геворковна Нуридзян — аспирант кафедры иберо-романского языкознания филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Information about the author

Roza G. Nuridzhanyan — Post-graduate Student of the Department, Philological Faculty, of Iberian Romance Linguistics, Lomonosov Moscow State University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК 811.131.1'367.63

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.51.3.16

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СЛУЖЕБНЫХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ В КОМЕДИЯХ ИТАЛЬЯНСКИХ АВТОРОВ XVI ВЕКА В СОПОСТАВЛЕНИИ С ФЕНОМЕНАМИ *ITALIANO NEOSTANDARD*

Кутеко Дарья Андреевна

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Москва, Россия,

kuteko_darja@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0918-602X>

Аннотация. Вопросы нормирования и кодификации итальянского языка неизменно находятся в центре внимания исследователей, которые, однако, до сих пор не пришли к однозначному мнению относительно времени возникновения итальянского языка неформального общения. Это определяет актуальность проблемы, которой посвящено данное исследование. Его новизна определяется новым ракурсом рассмотрения проблематики. Феномены, описываемые в современных грамматиках как инновативные на текущей стадии развития итальянского языка, обнаруживаются в текстах многовековой давности — в комедиях итальянских авторов XVI века, в связи с чем представляется продуктивным изучить особенности их бытования в старых текстах и сопоставить с современным языком неформального общения. Данную работу мы посвятим функционированию служебных частей речи. Ведущим методом в исследовании материала послужил сравнительный анализ: выборка материалов включала в себя комедии авторов северных, центральных и южных регионов — таким образом, была учтена крайне важная для Италии диалектная география. В работе исследуются контексты реализации вторичных функций некоторых союзов, частотное опущение сослагательного наклонения в уступительных и временных придаточных предложениях, широкий спектр использования частиц *ci* и *ne*, заменяющих предложные конструкции, феномен полифункционального союза *che* и некоторые другие явления, характерные для нового стандарта итальянского языка. Представленные в статье примеры дают основание сделать вывод о том, что итальянский язык на текущем этапе развития не вырабатывает инновативные структуры и явления, но скорее претерпевает процесс рестандартизации, при котором прескриптивная норма становится дескриптивной. Итоги исследования вносят вклад в более точное и глубокое понимание процессов, происходящих в итальянском языке на современном этапе, и позволяют определить тенденции, характерные для языка начиная с самых ранних этапов развития.

Ключевые слова: итальянский комический театр, XVI век, служебные части речи, рестандартизация, *parlato-recitato*.

Для цитирования: Кутеко, Д. А. (2023). Функционирование служебных частей речи в комедиях итальянских авторов XVI века в сопоставлении с феноменами *Italiano neostandard*. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 3(51), 179–188. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.51.3.16>

Original article

UDC 811.131.1'367.63

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.51.3.16

FUNCTION OF AUXILIARY PARTS OF SPEECH IN COMEDIES BY 16TH CENTURY ITALIAN AUTHORS IN COMPARISON WITH THE *ITALIANO NEOSTANDARD* PHENOMENA

Daria A. Kuteko

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia,kuteko_darja@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0918-602X>

Abstract. The issues of standardization and codification of the Italian language are invariably in the focus of researchers' attention. Nevertheless, there is ambiguity concerning the time when the Italian language of informal communication appeared. This determines the relevance of the problem. The phenomena that are described in modern grammars as innovative are found in texts centuries old — in the comedies of Italian authors of the XVI century. That's why it seems productive and interesting to study the features of their functioning in these texts and compare them with the modern language of informal communication. Due to the impossibility of conducting oral surveys or working with audio recordings of speech acts dating back in to the XVI century, the method of comparative analysis served as the leading research method: the sample of materials for the study included comedies by authors from the northern, central and southern regions — thus, dialectal geography was taken into account. That is extremely important for Italy. The article presents the contexts for implementing the secondary functions of some conjunctions, the frequent omission of the subjunctive mood in concessive and temporary subordinate clauses, a wide range of use of the particles *ci* and *ne* replacing prepositional constructions, the phenomenon of the polyfunctional conjunction *che* and some other phenomena. The examples presented in the article allow us to conclude that the Italian language at the current stage of development does not create innovative structures and phenomena but is rather undergoing a process of re-standardization while the prescriptive norm is becoming descriptive. The results of the study contribute to a more accurate and deeper understanding of the processes taking place in the Italian language at the present stage as well as to determining the trends typical of the language at the initial stages of development.

Keywords: Italian comic theatre, 16th century, restandardization, parlato-recitato.

For citation: Kuteko, D. A. (2023). Function of auxiliary parts of speech in comedies by 16th century Italian authors in comparison with the *Italiano neostandard* phenomena. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3(51), 179–188. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.51.3.16>

Введение / Introduction

Принято считать, что итальянский язык достаточно долгое время оставался языком исключительно письменного общения, доступным лишь образованным слоям населения, а потому почти не использовался в ситуациях повседневной коммуникации. Об этом пишет лингвист и историк итальянского языка Бруно Мильборини: «Еще в начале XIX века итальянский существовал в основном в письменной форме, за пределами центральной Италии на нем почти не говорили» (Migliorini, 2019, p. 533). Позднее языковед Туллио де Мауро подкрепляет тезис

Мильорини точными числами: «В период национального объединения Италии число италофонов составляло немногим более 600 тысяч человек при народонаселении, превосходящем 25 миллионов», — из этих подсчетов следует, что италофоны едва составляли 2,5 % населения страны (De Mauro, 2021, p. 43).

Филолог Лука д'Онгия в статье «Как давно итальянцы говорят по-итальянски?» соглашается с этим общепринятым подходом, однако предлагает учитывать вариативность по шкале диамезии, т. е. вариативность, обусловленную каналом коммуникации, в которой не только противопоставлены письменная и устная речь (D'Achille, 2018, p. 31; Mioni, 1983, p. 499), но и присутствуют некие промежуточные жанры, демонстрирующие совмещение и наложение друг на друга обоих каналов: например, текст публичного выступления, написанный заранее и зачитываемый вслух, или же драматическое произведение, текст которого имитирует спонтанные речевые акты (Nencioni, 1983, p. 4). Д'Онгия поднимает проблему источников, отмечая тот факт, что получить информацию о языке, на котором говорили в прошлом, можно двумя способами: из прямых свидетельств, сконцентрированных на проблеме разговорного языка (например, работы итальянских интеллектуалов и авторов грамматик), а также из текстов, созданных не с целью описать разговорный язык, но содержащих «осадок» с большей или меньшей точностью воспроизведенного вербального взаимодействия (D'Onghia, 2018, p. 40). Такой подход позволяет решить следующие задачи: по-новому осмыслить проблему неформального общения именно на итальянском языке (а не на многочисленных диалектах) в период возникновения его кодифицированной нормы, а также сравнить один и тот же регистр языка на современном этапе и пять веков назад.

Методология исследования / Methodology

В связи со спецификой методов исследования и по причине значительной временной дистанционности, а также отсутствия возможности устной беседы с информантами или же работы с аудио- или видеоматериалами, воспроизводящими живой итальянский язык XVI века (Hernández-Campoy, Conde-Silvestre, 2014, p. 66–67), крайне важным источником для анализа представляются тексты комедий. Они имитируют спонтанную устную речь (данный феномен получил название *parlato-recitato* (D'Onghia, 2014, p. 151)), поскольку это помогает достичь комического эффекта: реплики должны быть понятны зрителям и пародировать ситуации естественного повседневного общения, а не подражать высокому стилю ученых трактатов. Кроме того, прослеживается связь с прагматикой высказываний: было бы нелепо расточать проклятия или рассуждать на темы, связанные с материально-телесным низом, высоколитературным языком.

Другая значимая черта комического театра связана одновременно с диафазической (иными словами, функционально-стилистической (Coseriu, 1956, p. 36)), диатопической (территориально-диалектальной) и диастратической (соответствующей дифференциации социальных групп населения (Flydal, 1951, с. 242–243)) вариативностью: нередко средством речевой характеристики персонажей становится использование диалектных черт. Это интересно не только из-за того, что география всегда имела особое значение для Италии (достаточно вспомнить Мандзони, предложившего «омыть

в водах Арно» литературный язык (Nencioni, 1999, p. 311)), а диглоссийная ситуация сосуществования литературного языка и диалекта характеризовала итальянский язык на протяжении всей его истории (Жолудева, 2020, с. 500), но и потому, что на современном этапе *italiano regionale* служит основным источником пополнения нормы: многие наиболее употребительные заимствования кодифицируются, постепенно расширяется сфера их использования (Berruto, 2014, pp. 156–157). Можно предположить, что данная тенденция характерна и для предшествующих объединению Италии эпох, а затем проверить, все ли явления, считающиеся инновативными на текущей стадии развития языка (так называемом *italiano neostandard* — идиоме, характеризующимся наддиалектностью, полифункциональностью, социальным престижем, а также допускающим ошутимо большую, по сравнению с *italiano standard*, вариативность (D’Achille, 2018, p. 36)), являются действительно беспрецедентными и представляют собой совершенно новый виток в истории идиома.

Для разговорного регистра особенно важны служебные части речи — предлоги, союзы и частицы, — поэтому в данном исследовании было решено сосредоточиться на анализе их функционирования. Кроме того, на современном этапе развития итальянского языка можно выделить множество считающихся инновативными феноменов, связанных непосредственно со служебными частями речи.

В современном разговорном языке, прежде всего, активно проявляется тенденция к сокращению богатого наследия служебных частей речи, используемых в литературных или бюрократических текстах. Говорящий, как правило, выбирает из очень ограниченного набора вариантов, что приводит к менее частотному употреблению одних союзов и к расширению спектра функций других. Речь может идти как о более широком распространении единственного союза из ряда синонимичных (например, не требующий после себя сослагательного наклонения уступительный союз *anche se* вместо *sebbene* или *quantunque*), так и о появлении у союза совершенно нового, нетипичного для него, смысловыражения (так, *mentre*, помимо временного, приобретает противительное значение). Отдельного внимания заслуживает полифункциональный союз *che*, выступающий в роли универсального коннектора и вводящий определительные, целевые, причинные, временные и ряд других придаточных, а также заменяющий конструкции с предлогами и местоимениями — *di cui, del quale, dei quali* и т. п. (Мельникова, Кашина, 2021, с. 70). Маркером разговорной речи также становится частотное употребление частиц *ne* и *ci*, особенно последней в функции местоименного актуализатора — иными словами, десемантизация частицы «с целью подчеркнуть соотнесенность глагола с коммуникативной ситуацией» (Марченко, 2019, с. 201).

Выбор в качестве материала исследования произведений XVI века также обусловлен тем, что именно в этот период появление книгопечатания привело к принятию единой языковой нормы, а следовательно, и появлению идиома, понятного во всех уголках тогда еще очень раздробленного и полицентричного государства (лингвистическую полемику той поры принято называть «*Questione della lingua*», или же «Спор о языке» (Жолудева, 2014, с. 237)). Таким образом, именно XVI век можно условно принять за точку отсчета существования итальянского в качестве осознанно и сознательно нормированного языка.

Для полноты и достоверности анализа были выбраны комедии авторов — выходцев из разных регионов. Центральные регионы представлены комедиями сиенца Алессандро Пикколомини «Постоянство в любви» («*L’Amor Costante*», 1536) и уроженца Рима Франческо Бело «Педант» («*Il Pedante*», 1538), северные — произведениями

венцианца Джироламо Парабоско «Ночь» («La Notte», 1546) и аретинца Пьетро Аретино «Таланта» («La Talanta», 1588), южные — творениями неаполитанцев Джордано Бруно «Подсвечник» («Il Candelaio», 1582) и Джамбаттисты делла Порта «Служанка» («La Fantesca», 1598). Все произведения принадлежат к жанру «ученой комедии», на базе которой впоследствии развилась знаменитая комедия дель арте. Как писал М. Л. Андреев, «итальянская комедия XVI века оставляет впечатление разнообразия, почти феерического, и монотонности, почти удручающей. Оба впечатления верны... Разнообразие ренессансной комедии заложено в ее стиле и ее слове — это тот уровень, где она позволяет себе быть вполне свободной и вполне индивидуальной» (Андреев, Хлодовский, 1988, с. 176). Одним из основных способов создания комического эффекта во всех комедиях выступает речевая характеристика персонажей.

Результаты / Results

Среди особенностей функционирования служебных слов, присущих разговорному языку, в текстах комедий, во-первых, следует отметить разнообразные случаи употребления союзов. Наблюдается тенденция замещения союзов, требующих сослагательного наклонения, на синонимы, допускающие изъявительное наклонение. Например, условный союз *solo se* употребляется вместо *purché* или *a condizione che*: «...che quante ricchezze alla fine si possono havere, che in ogni modo l'huomo di quanta robba, e stato egli ha, *solo se* ne veste, e se ne vive...» (Parabosco, 1546, p. 16) / «Если эта свадьба ему удастся, не пройдет и четырех месяцев, как он об этом пожалеет» (здесь и далее курсив и перевод наши. — Д. К.).

Союз *mentre* нередко употребляется в противительном значении: «Falsetta. Oime, tu sei felice: ma odi *mentre* io me lo ricordo» (Parabosco, 1546, p. 30) / «Фальсетта. Ты ведь счастлив: но ты слышишь, а я-то помню»; «Ho restituito al soldato i suoi scudi, *mentre* il mio padron vecchio m'ha sforzato a tenere quegli che gli tolse il figliuolo» (Aretino, 1956, p. 76) / «Я вернул солдату его щиты, а мой старый хозяин заставил меня оставить себе то, что отобрал у него сын».

Намечается тенденция замены выражениями с союзом *come* / *come mai* или *come è* / *com'è* — вопросительного союза *perché*: «Gerasto. *Come è* così impedito della lingua, Narticoforo caro? *come* così sconcio della faccia?» (Della Porta, 1597, p. 35) / «Джерасто. Почему он так косноязычен, дорогой Нартикофоро? Откуда такое грязное лицо?». Но союз *perché* продолжает использоваться в другом значении — целевом (в этом случае требует сослагательного наклонения), причем довольно часто в усеченной форме *ché*: «Minio. Caminiamo, *ché* non ci veda fermati...» (Belo, 1912, p. 92) / «Пойдем, чтобы не увидели, что мы остановились».

В ситуациях современного неформального общения союз *che* может выполнять очень широкий ряд функций, заменяя множество союзов, союзных слов и даже конструкций с предлогами — этот феномен принято называть «*che polivalente*», или же «многофункциональный союз *что*» (Berruto, 2017, p. 43). Рассмотрим, в каких значениях он встречается в текстах комедий.

Прежде всего, он выступает в своей основной функции, вводя изъяснительное придаточное предложение: «Nepita. Non dubitar *che* alle donne piacciono più questi uomini...» (Della Porta, 1597, p. 10) / «Непита. Не сомневайся, *что* женщинам

нравятся больше эти мужчины». Придаточное предложение, вводимое союзом *che*, может иметь дополнительное значение причины: «Curzio. <...> Ma non curare, *che* gli trattano bene!» (Belo, 1912, p. 125) «*Куцио*. <...> Но не беспокойся, *потому что* с ними хорошо обращаются»; следствия: «Dimodio. Andiamo in casa *che* più adagio ragioneremo» (Parabosco, 1546, p. 24) / «*Димодио*. Пойдем в дом, *так* мы спокойнее поразмышляем»; времени: «Vergilio. Quand'io penso, messer Giannino, quanto, dal primo giorno *che* poneste il pie fuor di casa vostra...» (Piccolomini, 1912, p. 10) / «*Вергилио*. Когда я думаю, мессер Джаннино, сколько прошло с того дня, *когда* Вы ступили за порог своего дома»; или же вводить определительное придаточное: «Ascanio. <...> Ho udito dire, *che* un certo censore de l'opre di Giove, *che* si chiama Момо...» (Bruno, 1863, p. 134) / «*Асканио*. <...> Я слышал, будто некий цензор работ Юпитера, *которого* зовут Момо...»; «Cleria. Come non ti conosco? Così tu conoscesti l'amor *che* porto a tuo fratello...» (Della Porta, 1597, p. 12) / «*Клерия*. <...> Так тебе стало бы известно о любви, *которую* я питаю к твоему брату».

Также этот союз употребляется в эмфатической конструкции «*adesso sì che*», подчеркивающей соотнесенность действия с настоящим: «Rita. *Adesso sì che* ti vego» (Belo, 1912, p. 110) / «*Рита*. *Вот теперь да*, я тебя вижу», а иногда и вовсе является плеонастическим — *che* служит текстовым коннектором, не обладая при этом каким-либо конкретным значением: «Falsetta. Onde avviene adunque, *che* tu *che* sei buono...» (Parabosco, 1546, p. 18) / «*Фальсетта*. Так и получается, ты *ведь* добрый». Его семантика в подобных контекстах становится довольно размытой, *che* выступает в роли полифункционального союза, вводящего придаточные разного типа, а также заменяющего конструкции с предлогами. Например, в текстах XVI века он используется вместо предлога *di* при сравнении существительных: «Dimodio. Io ti dico *che* un giovane naturalmente è più geloso *che* un vecchio» (Parabosco, 1546, p. 41) / «*Димодио*. Говорю тебе, что *молодой человек* по природе *своей ревнивее старика*». При этом в большинстве случаев, даже если речь идет о придаточных предложениях, *Congiuntivo* не используется.

Кроме того, нередко употребление изъясительного наклонения после союзов, которые, согласно правилам грамматики, требуют сослагательного: «Luzio. <...> E me sono scordato de fare collazione, ch'è peggio: *benché* madonna me *ha dato* un quatrino *ché* me ne còmpari una ciambella» (Belo, 1912, p. 92) / «*Луцио*. <...> И что еще хуже, я забыл позавтракать, хотя мадонна *дала* мне денег, чтобы я купил себе пирог».

Для выражения значения предшествования (*до того, как..., прежде, чем...*) в текстах комедий XVI века употребляется сложный союз *innanzi che*: «Vergilio. Che sapete voi se Lucrezia, *innanzi che* voi l'amasse, aveva ancor ella posti i suoi pensieri altrove» (Piccolomini, 1912, p. 10) / «*Верджилио*. Откуда вы знаете, *прежде чем* полюбить вас, думала ли Лукреция о ком-то еще», однако и более распространенный на современном этапе временной союз *prima che* тоже встречается (примечательно, что в основном в комедии северного автора): «Blando. <...> *prima che* chiuda questi occhi...» (Aretino, 1956, p. 40) / «*Бландо*. <...> *прежде чем* закроются эти глаза»; «Fora. *Prima che* io venga a te a la facchina, ti vo far vedere, *che* anch'io ho ingegno» (Aretino, 1956, p. 51) «*Фора*. *Прежде чем* я стану твоим носильщиком, хочу показать тебе, что и у меня тоже есть талант».

Частотны и полифункциональны в текстах комедий и частицы *ne* и *se*, многозначные и широко употребляемые и в современном языке. Например, очень часто встречается частица «*ne*» в рамках эмфатических конструкций: «Fulvia. *Che ne* credi tu *di questo mio pensiero?*» (Belo, 1912, p. 101) / «*Фульвия*. А что ты думаешь *о ней*,

об этой моей мысли?»; «Tranguggia. <...> *delle donne io ne son sicuro...*» (Parabosco, 1546, p. 47) / «Трангуджа. <...> *в женищинах, в них-то я уверен*». Кроме того, она может входить в состав прономинальных глаголов: «Cesa. <...> *El bello è che poi se ne vanno avantiando come se gli fosse un grande onore*» (Belo, 1912, p. 95) / «Чека. <...> Прекрасно, что они *уходят* так, будто бы для них это великая честь»; «Nastagia Ruffiana. <...> *e avisalo che egli se ne parta...*» (Parabosco, 1546, p. 12) / «Настаджа Руффиана. <...> и предупреди его, чтобы он отсюда *уходил*».

Еще более распространена частица *ci*: она заменяет конструкции с предлогом *a*: «Cesa. <...> *E me delibero che non me ci coglia più*» (Belo, 1912, p. 97) / «Чека. <...> И клянусь, что я больше не попадусь *на это*»; обладает локативным значением: «Malfatto. *Vedi ch'io non ci voglio venire*» (Belo, 1912, p. 98) / «Мальфатто. Видишь, что я не хочу *туда* идти»; «Baila. <...> *Se egli non ci andasse, bisognarebbe ch'io trovassi modo di farglilo andare*» (Parabosco, 1546, p. 46) / «Байла. <...> А если бы он *туда* не пошел, мне пришлось бы найти способ заставить его пойти»; употребляется как часть прономинальных глаголов: «Mochione. <...> *e ci vorrà di tempo e moneta*» (Bruno, 1863, p. 107) / «*потребуется* время и деньги»; «Panurgo. *Troppo tempo ci vuole*» (Della Porta, 1597, p. 39) / «Панурго. *Нужно* слишком много времени»; входит в состав эмфатических конструкций: «Granchio. *Che colpa ci ho a questo io?*» (Della Porta, 1597, p. 42) / «Гранкио. *А в чем тут* моя вина?». Помимо перечисленных функций, частица *ci* выступает в качестве местоименного актуализатора — как и *che polivalente*, она десемантизируется, однако подчеркивает связь сообщения с текущим моментом и повышает степень эмоциональной вовлеченности: «Rita. *Che non ci possi invecchiare!*» (Belo, 1912, p. 111) «Рита. *Что* мы не можем стареть!»; «Fulvia. *E che ci potevo fare?*» (Belo, 1912, p. 93) «Фульвия. *И что* я мог с этим поделать?», — что особенно употребительно в ситуациях неформальной бытовой коммуникации на современном итальянском языке.

Дискуссия / Discussion

Важно, что реплики, в которых содержатся проанализированные явления, принадлежат преимущественно представителям низшего сословия: слугам, кормилицам, параситам, — являясь таким образом ярким средством речевой характеристики персонажей, подчеркивающим социальную принадлежность. Представители высших слоев населения употребляют их гораздо реже и только в ситуациях общения со слугами, обращаясь непосредственно к ним.

Кроме того, подобная лингвистическая дифференциация указывает на возросший в XVI веке интерес к языковым проблемам и вопросам нормирования языка: речь становится социальным маркером, какие-либо диалектные вкрапления, кроме тосканского, начинают восприниматься в высшем обществе как нечто постыдное, престиж же тосканского наречия повышается, что находит отражение не только в прагматике исследуемых текстов, в их синтаксисе и морфологии, но и в сюжете: можно предположить, что герой-венецианец из комедии Аретино «Таланта», державший у себя флорентийца с целью избавиться от диалектизмов, характерных для своего региона, имел реальные прототипы. «Прежде держали гуманистов, чтобы усовершенствоваться в латинском и греческом языке. Теперь приглашают людей, от которых можно перенять чистую тосканскую речь» (Дживелегов, 2015, с. 146).

Заклучение / Conclusion

Таким образом, наличие рассмотренных феноменов (а именно появление дополнительных значений у союзов *mentre* и *perché*; замена требующих Congiuntivo союзов на синонимы, допускающие изъявительное наклонение, или же употребление после таких союзов индикатива; многофункциональный союз *che*; активное использование частиц *ci* и *ne* вместо предложных конструкций, а также появление новой функции местоименного актуализатора у частицы *ci* в текстах комедий итальянских авторов XVI века дает основание заключить, что это старые структуры и явления для итальянского языка. На современной стадии идиом претерпевает процесс рестандартизации, при котором явления, характерные для сниженного узуса, постепенно проникают в норму и кодифицируются. Так, в настоящее время в словарных статьях наблюдается пополнение списка значений союзов *mentre* и *che*, так же как и частиц *ci* и *ne*, что внешне выглядит как инновация, на самом же деле является проникновением в стандарт активно используемых социально маркированных элементов разговорного стиля, зафиксированных в языке комедий в разных регионах Италии уже в XVI веке.

Текущая норма итальянского языка допускает определенную долю черт, маркированных с точки зрения диатопии (Cerruti, 2020, с. 25). При этом нередко феномены, характерные для диалектов, начинают активно использоваться сначала в других региональных вариантах, а потом кодифицируются (Tomasin, 2022, с. 359). Как, например, произошло с союзом *prima che*, который в XVI веке употреблялся преимущественно в комедиях северных авторов, в основном заменяясь аналогом *innanzi che* в центральных и южных регионах, однако сейчас прочно вошел в употребление.

Причем в силу того, что проанализированные явления, представляя особенности региональных вариантов итальянского, раньше служили маркером «неверного» узуса, можно сделать вывод о том, что на современном этапе развития итальянского языка норма становится более широкой (дескриптивной, т. е. описательной, а не прескриптивной, т. е. предписывающей), наконец начиная соответствовать узусу.

Список источников

1. Migliorini, B. (2019). *Storia della lingua italiana, introduzione di Ghino Ghinassi*. Bompiani.
2. De Mauro, T. (2021). *Storia linguistica dell'Italia unita*. Laterza.
3. D'Achille, P. (2018). *L'italiano contemporaneo*. Mulino.
4. Mioni, A. (1983). Italiano tendenzionale: osservazioni su alcuni aspetti della standardizzazione. A cura di Benincà P. *Scritti linguistici in onore di Giovan Battista Pelligriani*. Vol. 2, 495–517.
5. Nencioni, G. (1983). Autodiacronia linguistica: un caso personale. *Quaderni dell'Atlante lessicale toscano*. Olschki, 1–25.
6. D'Onghia, L. (2018). Da quanto tempo gli italiani parlano italiano? Riflessioni sparse sulla questione dell'italofonia preunitaria. *Trasversalità delle lingue e dell'analisi linguistica a c. di G. Fiorentino, C. Ricci e A. Siekiera*. Cesati, 35–48.
7. Hernández-Campoy, J. M., & Conde-Silvestre, J. C. (Eds.). (2014). *The Handbook of Historical Sociolinguistics*. Wiley-Blackwell.
8. D'Onghia, L. (2014). Drammaturgia. Storia dell'italiano scritto. II. *Prosa letteraria*. A cura di Antonelli G., Motolese M. e Tomasin L. Carocci editore, 153–202.
9. Coseriu, E. (1956). *La geografia linguistica*. Universidad de la República.
10. Flydal, L. (1951). Remarques sur certains rapports entre le style et l'état de langue. *Norsk tidsskrift for sprogvidenskap*, 16, 241–258.

11. Nencioni, G. (1999). *La lingua di Manzoni: avviamento alle prose manzoniane*. Mulino.
12. Жолудева, Л. И. (2020). К вопросу о понятии *italiano neostandard*. *Вестник Кемеровского государственного университета*, 22(2), 499–506.
13. Berruto, G. (2014). *Sociolinguistica dell'italiano contemporaneo*. Carocci.
14. Мельникова, Л. С., & Кашина, Е. А. (2021). Типичные черты нового стандарта итальянского языка на синтаксическом уровне. В О. В. Лапунова (Гл. ред.). *Романия: языковое и культурное наследие* (с. 30–34). Материалы II Международной научно-практической конференции, Минск, 6 мая 2021 г.
15. Марченко, Е. Г. (2019). Имитация спонтанной устной речи в пьесах сиенских комедиографов XVI века. *Stephanos*, 4(36), 197–203.
16. Жолудева, Л. И. (2014). Проблемы языкового нормирования в ранних итальянских и португальских лингвистических сочинениях: территориальная и функциональная основы нормы. *Ученые записки Орловского государственного университета*, 1(57), 231–238.
17. Андреев, М. Л., & Хлодовский, Р. И. (1988). *Итальянская литература зрелого и позднего Возрождения*. Наука.
18. Parabosco, G. (1546). *La Notte*. Tomaso Botietta.
19. Aretino, P. (1956). *La Talanta*. Rizzoli.
20. Della Porta, G. (1597). *La Fantesca*. Sessa.
21. Belo, F. (1912). Il Pedante. I. Sanesi (Ed.). *Commedie del Cinquecento*. Vol. I. Laterza, 83–163.
22. Berruto, G. (2017). What is changing in Italian today? Phenomena of restandardization in syntax and morphology: an overview. M. Cerruti, C. Crocco, & S. Marzo (Eds.). *Towards a New Standard: Theoretical and Empirical Studies on the Restandardization of Italian*.
23. Bruno, G. (1863). *Il Candelaio*. C. Teoli, & G. Daelli (Eds.)
24. Piccolomini, A. (1912). L'Amor Costante. I. Sanesi (Ed.). *Commedie del Cinquecento*. Vol. II. Bari, 1–123.
25. Дживелегов, А. К. (2015). *Очерки итальянского Возрождения*. Л. М. Сурис (Ред.). Директ-Медиа.
26. Cerruti, M. (2020). Il parlato regionale oggi: un italiano composito? *Lid'O XV*, 15–31.
27. Tomasin, L. (2022). Tracce napoletane nella lessicografia veneziana. *Saggi di linguistica e storia della lingua italiana per Rita Librandi* (pp. 345–352). A cura di D. D'Aguzzo, M. Fortunato, R. Piro, C. Tarallo, Cesati, 2022.

References

1. Migliorini, B. (2019). *Storia della lingua italiana, introduzione di Ghino Ghinassi*. Bompiani. (In Italian).
2. De Mauro, T. (2021). *Storia linguistica dell'Italia unita*. Laterza. (In Italian).
3. D'Achille, P. (2018). *L'italiano contemporaneo*. Mulino. (In Italian).
4. Mioni, A. (1983). Italiano tendenzionale: osservazioni su alcuni aspetti della standardizzazione. A cura di Benincà P. *Scritti linguistici in onore di Giovan Battista Pellegrini*. Vol. 2, 495–517. (In Italian).
5. Nencioni, G. (1983). Autodiacronia linguistica: un caso personale. *Quaderni dell'Atlante lessicale toscano*. Olschki, 1–25. (In Italian).
6. D'Onghia, L. (2018). Da quanto tempo gli italiani parlano italiano? Riflessioni sparse sulla questione dell'italofonia preunitaria. *Trasversalità delle lingue e dell'analisi linguistica a c. di G. Fiorentino, C. Ricci e A. Siekiera*. Cesati, 35–48. (In Italian).
7. Hernández-Campoy, J. M., Conde-Silvestre, J. C., eds. (2014). *The Handbook of Historical Sociolinguistics*. Wiley-Blackwell. (In Spanish).
8. D'Onghia, L. (2014). Drammaturgia. Storia dell'italiano scritto. II. *Prosa letteraria*. A cura di Antonelli G., Motolese M. e Tomasin L. Carocci editore, 153–202. (In Italian).

9. Coseriu, E. (1956). *La geografia lingüística*. Universidad de la República. (In Catalan).
10. Flydal, L. (1951). Remarques sur certains rapports entre le style et l'état de langue. *Norsk-tidsskrift for sprogvidenskap*, 16, 241–258. (In French).
11. Nencioni, G. (1999). *La lingua di Manzoni: avviamento alle prose manzoniane*. Mulino. (In Italian).
12. Zholudeva, L. I. (2020). The Concept of *Italiano Neostandard*. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 22(2), 499–506. (In Russ.).
13. Berruto, G. (2014). *Sociolinguistica dell'italiano contemporaneo*. Carocci. (In Italian).
14. Melnikova, L.S., & Kashina, E.A. (2021). Typical features of new standard of Italian language at the syntactic level. In O. V. Lapunova (Editor-in-Chief). *Romania: Linguistic and Cultural Heritage* (pp. 30–34). Materials of the II International Scientific and Practical Conference, Minsk, May 6, 2021. (In Russ.).
15. Marchenko, E. G. (2019). Spontaneous Spoken Language Imitation in the Comedies by the 16-century Siena-born Authors. *Stephanos*, 4(36), 197–203. (In Russ.).
16. Zholudeva, L. I. (2014). Language standardization issues in early Italian and Portuguese linguistic treatises: territorial and functional bases of language norm. *Scientific notes of Orel State University*, 1(57), 231–238. (In Russ.).
17. Andreev, M. L., & Khlodovskii, R. I. (1988). *Italian literature of the late Renaissance*. Nauka. (In Russ.).
18. Parabosco, G. (1546). *La Notte*. Tomaso Botietta. (In Italian).
19. Aretino, P. (1956). *La Talanta*. Rizzoli. (In Italian).
20. Della Porta, G. (1597). *La Fantesca*. Sessa. (In Italian).
21. Belo, F. (1912). Il Pedante. I. Sanesi (Eds.) *Commedie del Cinquecento*. Vol. I. Laterza, 83–163. (In Italian).
22. Berruto, G. (2017). What is changing in Italian today? Phenomena of restandardization in syntax and morphology: an overview. M. Cerruti, C. Crocco, S. Marzo (Eds.). *Towards a New Standard: Theoretical and Empirical Studies on the Restandardization of Italian*. (In English).
23. Bruno, G. (1863). *Il Candelaio*. C. Teoli, & G. Daelli (Eds.). (In Italian).
24. Piccolomini, A. (1912). L'Amor Costante. I. Sanesi (Ed.). *Commedie del Cinquecento*. Vol. II. Bari, 1–123. (In Italian).
25. Dzhivegov, A. K. (2015). *Essays on the Italian Renaissance*. Direct-Media. (In Russ.).
26. Cerruti, M. (2020). Il parlato regionale oggi: un italiano composito? *Lid'O XV*, 15–31. (In Italian).
27. Tomasin, L. (2022). Tracce napoletane nella lessicografia veneziana. *Saggi di linguistica e storia della lingua italiana per Rita Librandi* (pp. 345–352). A cura di D. D'Aguzzano, M. Fortunato, R. Piro, C. Tarallo, Cesati. (In Italian).

Информация об авторе

Дарья Андреевна Кутеко — аспирант кафедры романского языкознания филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Information about the author

Daria A. Kuteko — Postgraduate of Romance Languages Department, Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК [811.161.1+811.581]:373.612.2

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.51.3.17

**ОБРАЗЫ ПТИЦ КАК ОДНО ИЗ СРЕДСТВ
ОБОЗНАЧЕНИЯ ВЫСОКОЙ САМООЦЕНКИ ЧЕЛОВЕКА
В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ****Юй Вэньсинь**Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Москва, Россия,ywx970614@163.com, <https://orcid.org/0009-0004-8882-5070>

Аннотация. Статья посвящена проблеме обозначения высокой самооценки человека с помощью обращения к образам птиц в русском и китайском языках. Актуальность данного исследования определяется тем, что самооценка тесно связана с пониманием человеческой сущности и играет важную социальную роль, влияя на взаимодействие между людьми. Метафора как средство обозначения самооценки, основываясь на сходстве между объектами, служит одним из ключевых способов описания чувств и эмоций. Цель настоящей работы — выявить общие и различительные черты выражения высокой самооценки с помощью образов птиц. Решение данной задачи достигается на основе анализа лексем, фразеологизмов, устойчивых сравнений, извлеченных из толковых, фразеологических словарей и словарей устойчивых сравнений двух языков. К анализу привлекались также данные текстовых корпусов, содержащие соответствующие компоненты. Для осуществления поставленной цели были использованы методы, включающие в себя семантический анализ, элементы компонентного анализа, контрастивный анализ. В результате был получен материал, анализ которого позволил сделать вывод о том, что в обоих языках образы птиц могут ассоциироваться с высокой самооценкой, воспринимаемой обществом чаще негативно, чем позитивно. С опорой на языковые данные, а также на результаты, полученные в процессе обобщения и анализа существующих исследований, было установлено, что петух, павлин, пава и лебедь в обоих языках используются для выражения высокой самооценки. Разница заключается в том, что в русском языке к этому списку добавляются индюк и гусь. Существенное отличие касается образа журавля: в китайском языке он ассоциируется с положительно воспринимаемой высокой самооценкой, в то время как в русском языке этот образ скорее связан с негативной оценкой.

Ключевые слова: метафора, образы птиц, лексемы, устойчивое сравнение, русский и китайский языки.

Для цитирования: Юй, Вэньсинь. (2023). Образы птиц как одно из средств обозначения высокой самооценки человека в русском и китайском языках. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 3(51), 189–195. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.51.3.17>

Original article

UDC [811.161.1+811.581]’373.612.2

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.51.3.17

**BIRD IMAGES AS ONE OF THE MEANS
OF DENOTING HIGH SELF-ESTEEM
IN THE RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES****Yu Wenxin**Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia,ywx970614@163.com, <https://orcid.org/0009-0004-8882-5070>

Abstract. This article analyzes the concept of high self-esteem through the bird imagery in both the Russian and Chinese languages. This work proves significant, as it delves into the profound interconnection between self-esteem and the comprehension of human nature, all while elucidating its influential role in the intricate tapestry of social interactions. Metaphor emerges as a prominent vehicle, capitalizing on the juxtaposition of objects to vividly depict a wide array of emotions and sentiments, including the intricate concept of self-esteem. Study material included lexemes, phraseological units, stable comparisons proverbs extracted from explanatory, phraseological and stable comparisons dictionaries of the Russian and Chinese languages. The study methods used included descriptive analytical method, definitional analysis, component analysis, comparative analysis. The research revealed the linkage between bird imagery and the high self-esteem within the linguistic landscapes of both Russian and Chinese. However, it is noteworthy that within societal perceptions, this association tends to be predominantly construed in a negative light rather than a positive one. Substantiated by the linguistic data and the synthesis of existing research, reveal that the rooster, peacock, peafowl and swan are used in both languages to express high self-esteem. Furthermore, in Russian turkey and goose are added to this list. Notably, a noteworthy discrepancy arises when contemplating the image of the crane: its embodiment in the Chinese language bears a distinctly positive connotation, associated with a positively perceived high self-esteem, while in Russian, it gravitates toward a negative assessment.

Keywords: metaphor, image of birds, lexemes, stable comparison, Russian and Chinese languages.

For citation: Yu, Wenxin. (2023). Bird images as one of the means of denoting high self-esteem in the Russian and Chinese languages. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3(51), 189–195. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.51.3.17>

Введение

Данная работа посвящена изучению языковых средств обозначения высокой самооценки человека в русском и китайском языках. Высокая самооценка является социально значимым чувством, которое связано с самоанализом, пониманием самого себя, выявлением собственных положительных качеств и поступков. Одновременно следует отметить, что высокая оценка каким-либо человеком своих собственных заслуг и в китайском, и в российском обществе получает в большинстве случаев отрицательную оценку социума. Этот конфликт оценок отражается в языке и нуждается в изучении. Для выражения высокой самооценки предназначены различные лексико-фразеологические средства. В лексических системах языков представлен

ряд глаголов, содержащий указанный семантический признак и его оценку: *гордиться, чваниться, зазнаваться, важничать* и др. На высокую самооценку указывают прилагательные *надменный, спесивый, чванливый* и др. Особенно ярко передают значение высокой самооценки устойчивые сравнения, содержащие указание на образец, эталон, который представляет собой концентрированное выражение данного качества в каком-либо конкретном объекте. Центральным объектом анализа в настоящей статье выступают устойчивые сравнения, содержащие образы птиц, которые своими повадками напоминают поведение людей, высоко оценивающих свою личность. Цель данной статьи — выявить сходство и различия в языковом представлении чувства высокой самооценки при обращении к образам птиц в русском и китайском языках.

Выявление средств и способов языкового выражения одного и того же смысла («высокая самооценка») в разных языках — задача, соответствующая современной деятельностной лингвистической парадигме (Милославский, 2017). Для решения поставленной задачи необходимо учитывать различные исследовательские подходы, связанные с лингвистическим анализом эмоций, который получил отражение в работах Ю. Д. Апресяна, Н. Д. Арутюновой, А. Вежицкой и других ученых. Языковые данные помогают создавать языковой портрет человека (Апресян, 1993, с. 7), написание которого требует применения различных средств. Устойчивые сравнения — источник формирования метафор, которые появляются на основе замеченного сходства между объектами, поэтому обращение к метафоре особенно необходимо. Основополагающую роль при описании чувств и эмоций играет метафорический подход (Лакофф, Джонсон, 2004, с. 49).

Метафора, являясь ключом к пониманию основ мышления, «играет важную роль в создании национально-специфического видения мира и его универсального образа» (Арутюнова, 1990, с. 6). Человек способен видеть общность между конкретными и абстрактными предметами. Такой механизм ведет к конвенционализации смысла, который закрепляется в семантике слов. Таким образом, с помощью метафоры развиваются разные средства и способы выражения одного и того же смысла, наряду с прямым и точным значением. Метафорический подход может быть дополнен смысловым, предполагающим опору на прототипы (Вежицкая, 1996, с. 367). В исследовании самооценки важно также учитывать ценностный подход к описанию чувств и эмоций, помогающий выявить положительные и отрицательные оценочные смыслы.

Методология и материал исследования

В ходе исследования использовались методы, включающие в себя семантический анализ, элементы компонентного анализа, контрастивный анализ. Образы птиц как одно из средств выражения высокой самооценки в русском и китайском языках до сих пор не подвергались специальному анализу в данном ракурсе. Анализ текстовых фрагментов, выбранных из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и Корпуса китайского языка (ВСС), показал, что в русском и китайском языках высокая самооценка может фиксироваться с помощью образов таких птиц, как петух, индюк, гусь, павлин, пава, лебедь, журавль.

Результаты и дискуссия

Человек с высокой самооценкой, выраженной в таких качествах, как чванство, высокомерие, надменность, нередко подчеркивает свое превосходство через взгляд, позу, манеру чрезмерно высоко держать голову, походку и другие внешние черты, способные послужить причиной для сравнения с птицами, повадки которых напоминают поведение человека. А образы петуха, индюка, павлина и гуся соотносятся с этими чертами, реализуясь в речи в форме сравнения.

Человек с положительной высокой самооценкой держится спокойно, двигается неторопливо и достойно. Образы лебедя и павы в определенной степени соответствуют этим признакам, что и получает отражение в устойчивых сравнениях из НКРЯ (здесь и далее источником русскоязычных примеров послужил НКРЯ. — Юй Вэньсинь)¹: *А сама-то величава, выступает будто павы* (здесь и далее курсив наш. — Юй Вэньсинь) (А. С. Пушкин. Сказка о царе Салтане).

Рассмотрим более подробно ряд образов птиц, создающих оценочное представление о человеке с высоким самомнением.

Индюк из-за своего широкого распускающегося хвоста и характерного способа передвигаться выглядит высокомерным и надменным. Основные метафорические значения слова *индюк* зафиксированы в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой: с помощью иллюстративного материала индюк представлен как гордый, высокомерный человек: *Надулся, как индюк кто-н. (о том, кто имеет гордый и глупый вид)* (Ожегов, Шведова, 1992, с. 247). В «Большом словаре русских народных сравнений» В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной отмечается, что образ индюка используется при описании заносчивого, чванливого, надменного человека (Мокиенко, Никитина, 2008, с. 234).

В русском языке широко представлены устойчивые сравнительные конструкции: *кобениться (пыжиться) как индюк; надуваться, как индюк; надутый (напыщенный), как индюк, шагать (вышагивать), как индюк (индюком); вид, как у индюка*. Текстовую фиксацию отмеченного словарями значения демонстрируют языковые данные из НКРЯ:

И ходил Аваков, *гордо подняв свой крупный нос, ну, честное слово, как индюк.* (С. М. Голицын. Записки уцелевшего, 1980–1989);

— *О да! — не поняв насмешки, напыщенно воскликнул Петр, выпятил, как индюк, грудь и проткнул тростью воздух.* (В. Я. Шишков. Емельян Пугачев. Кн. 1. Ч. 1–2, 1934–1939).

Другое название индюка — индейский петух, образ которого используется в устойчивых сравнениях: *верить, как индейский петух, в свою красоту; надменен, как индейский петух* (Мокиенко, Никитина, 2008, с. 234).

Образ петуха также используется для характеристики высокомерного человека и в русском, и в китайском языках. Иллюстративный материал «Толкового словаря русского языка» подтверждает вышесказанное: *Ходить петухом (с гордым и важным видом)* (Ожегов, Шведова, 1992, с. 515). Устойчивые сравнения дополняют картину: *важничать, как петух; важничать, как петух на навозной куче; ходить как петух (петухом)*. Отмеченные словарями значения нашли отражение в НКРЯ:

¹ www.ruscorpora.ru

Гордый, как петух, он стоит в непринужденной позе, подперев рукой левый бок, щегольски выставив вперед правую ногу и свободно вытянув высокую трость с вызолоченной булавою. (Л. П. Гроссман. Записки Д. Аршиака, 1931).

В китайском языке лексическая единица *петух* на письме передается как 公鸡. Согласно «Словарю Синьхуа», в китайском языке *петух* используется для описания людей с сильным самолюбием, боевым духом и высокомерием (Словарь Синьхуа, 2000, с. 201). В «Словаре современного китайского языка» также указано, что петух используется для описания «людей высокомерных, заносчивых и бойких» (Словарь современного китайского языка, 2016, с. 190). Реализацию этого значения можно проиллюстрировать следующим примером из ВСС (здесь и далее источником китайскоязычных примеров послужил ВСС. — Юй Вэньсинь)²: 他的话滴水不漏, 昂着头像一只骄傲的公鸡。毕淑敏, 《百草园·唯美品读书系妈妈福尔摩斯 (毕淑敏卷)》 — Его слова непротиворечивы и точны, он держит голову высоко, как *гордый петух* (здесь и далее перевод наш. — Юй Вэньсинь) (Би Шумин. Сад сотни трав. Отдел эстетического чтения).

Павлин подчеркивает свое превосходство через пышный, распускаемый веером глазчатый хвост, пестрое, нарядное оперение. В «Толковом словаре русского языка» отмечается, что, используя слово *павлин*, говорят о «человеке, уделяющем повышенное внимание своей внешности, одежде, держащемся высокомерно, заносчиво» (Ожегов, Шведова, 1992, с. 488), что подтверждают и русские устойчивые сравнения: *ходить (выступить), как павлин (павлином); вид у кого-то, как у павлина; походка, как у павлина; распускать хвост, как павлин*. Стоит отметить, что в русском языке *павлин* используется только для описания мужчин: «Я ловил на себе завистливые взгляды сослуживцев и надувался от гордости, как павлин» (Д. С. Филиппов. Билет в Катманду, 2009 // Волга, 2012). Слово *нава*, в свою очередь, применяется для описания женщин, причем с положительной оценкой: *ходит, словно нава*, т. е. величаво, плавно.

В китайском языке *павлин* или *нава* используются для изображения самодовольных людей, но в этом случае не наблюдается гендерной ориентированности. В «Словаре современного китайского языка» одно из толкований слова *павлин* в переносном значении — *самодовольный человек* (Словарь современного китайского языка, 2016, с. 1092). 现在瓶儿就像一只骄傲的孔雀, 总是昂首挺胸, 摆出一副自以为是的样子, 看上去真是让人讨厌。尉菁, 《爱我, 请告诉我》 — Сейчас Пин эр выглядит как *гордый нава*, действительно противно. Она часто выставляет себя напоказ, вздымает голову. (Вэй Цзин. Если ты меня любишь, скажи мне, пожалуйста).

В русском языке высокая самооценка, к которой общество относится негативно, может выражаться с помощью **образа гуся**. Сравнительные обороты *вид, как у гуся* и *как гусь* используются для описания надменного, чванливого и спесивого человека, выглядящего глупо:

Да, Скиба держится важно и нелепо, как гусь. (П. А. Сажин. Трамонтана, 1959 // Современник, 1977).

Высокая самооценка, связанная с честью и достоинством, в русском и китайском языках может выражаться через **образ лебедя**. Птица с длинной красиво изогнутой шеей и плавными движениями напоминает человека, который держится спокойно и уверенно. В «Большом словаре русских народных сравнений» отмечается, что выражение *сидеть как лебедь* используется для обозначения с достоинством и благородством восседающего

² <http://bcc.blcu.edu.cn>

человека (Мокиенко, Никитина, 2008, с. 337). Примеры из НКРЯ тоже демонстрируют это: «Шотландец нас обошел — стройный, гордый, *как лебедь*» (Георгий Владимов. Три минуты молчания, 1969).

В современном китайском языке *лебедь* буквально означает *гусь в небе*, на письме передается как 天鹅. Согласно «Словарю современного китайского языка» одно из используемых образных значений слова *лебедь* — это «*благородная и достойная женщина или ее изящная поза*» (Словарь современного китайского языка, 2016, с. 1669). 在这样的泥泞中, 她的头像云山巅的天鹅一样昂得高高的, 她的衣服依旧华丽高贵, 一尘不染, 走得不紧不慢。潘海天, 《九州》 — «Она идет спокойно и неторопливо по такому грязному пути, высоко подняв голову *как лебедь* на вершине гор. Ее платье по-прежнему было блистательным и величественным, чистое, нигде ни пылинки, ухоженное» (Пан Гаитян. Кюсю).

В китайском языке **журавль** на письме передается как 鹤. В китайской культуре белый цвет символизирует элегантность, благородство, нравственную чистоту, непорочность. У журавля белое оперенье, он высоко и гордо стоит на своих тонких ногах и является воплощением элегантности и достоинства. В «Словаре современного китайского языка» дается следующее толкование: «*перен.* О людях с изысканными манерами и достоинством» (Словарь современного китайского языка, 2016, с. 1388). Известное выражение 鹤鸣之士 (букв.: «журавль кричит на дальнем болоте, крик разносится по полям») используется для обозначения ученого с высокими душевными качествами, с большим именем и честью, но без должности. Выражение 鹤立鸡群 (букв.: «стоять как журавль среди кур») имеет значение «выделяться среди других своими способностями» (Словарь идиом Синьхуа, 2002).

В древнекитайской культуре образ журавля широко использовался в поэзии в качестве метафоры. В русском языке образ журавля противоречив. С одной стороны, отмечается ценность этой птицы, ассоциативно связанной с прекрасной недостижимой мечтой (ср. противопоставление: лучше синица в руках, чем журавль в небе); с другой стороны, журавль может обозначать смешного и нелепого человека, вышагивающего с важным видом: «...ходит серьезный, прямой, важный, как журавль на болоте» (М. А. Шолохов. Поднятая целина, 1959).

Заключение

Сопоставление образов птиц, способных выражать высокую самооценку в русском и китайском языках, выявляет их универсальные и национально-специфические компоненты. Установлено, что образы птиц, связанные с высокой самооценкой, представлены в обоих языках. Сходство состоит в том, что в обоих языках **петух, павлин, пава и лебедь** употребляются для выражения высокой самооценки человека. Разница состоит в том, что в русском языке этот ряд шире. Кроме того, в китайском языке слово **журавль** по отношению к человеку может ассоциироваться с его высокой самооценкой, положительно оцениваемой социумом, а в русском языке, напротив, оцениваемой отрицательно.

Список источников

1. Милославский, И. Г. (2017). Цель как характеристика лингвистического исследования. *Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*, 1, 9–23.

2. Апресян, В. Ю. (1993). Метафора в семантическом представлении эмоций. *Вопросы языкознания*, 3, 27–35.
3. Лакофф, Дж., & Джонсон, М. (2004). *Метафоры, которыми мы живем*. Едиториал УРСС.
4. Арутюнова, Н. Д. (1990). *Теория метафоры*. Прогресс.
5. Вежбицкая, А. (1996). *Язык. Культура. Познание*. Русские словари.
6. *Толковый словарь русского языка Ефремовой*. (2000). Русский язык (2023, 10 июля). <https://www.efremova.info>
7. Ожегов, С. И., & Шведова, Н. Ю. (1992). *Толковый словарь русского языка*. Азъ. (2023, 10 июля). <https://ozhegov.info/>
8. Мокиенко, В. М., & Никитина, Т. Г. (2008). *Большой словарь русских народных сравнений*. Олма Медиа Групп.
9. 新华字典. (2000). 商务印书馆. / *Словарь Синьхуа*. (2000). Коммерческая пресса. / *Xinhua Dictionary*. (2000). Commercial Press.
10. 现代汉语词典. (2016). 商务印书馆. / *Словарь современного китайского языка*. (2016). Коммерческая пресса. / *Modern Chinese Dictionary*. (2016). Commercial Press.
11. 新华成语大词典. (2002). 商务印书馆. / *Словарь идиом Синьхуа*. (2002). Коммерческая пресса. / *Xinhua Idiom Dictionary*. (2002). Commercial Press. (2023, 10 июля). <http://www.hydc.com/cy/>

References

1. Miloslavskiy, I. G. (2017). Target as a characteristic of the linguistic research. *Moscow University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, 1, 9–23. (In Russ.).
2. Apresyan, V. Yu. (1993). Metaphor in the semantic representation of emotions. *Voprosy yazykoznanija*, 3, 27–35. (In Russ.).
3. Lakoff, George. (2004). *Metaphors we live by*. Editorial URSS. (In Russ.).
4. Arutyunova, N. D. (1990). *The theory of metaphor*. Progress. (In Russ.).
5. Vezhbitskaya, A. (1996). *Language. Culture. Cognition*. Russian dictionaries. (In Russ.).
6. *Explanatory dictionary of the Russian language by Efremova*. (2000). Russian language. (2023, July 10). <https://www.efremova.info> (In Russ.).
7. Ozhegov, S. I., & Shvedova, N. Yu. (1992). *Explanatory dictionary of the Russian language*. Az. (2023, July 10). [https://ozhegov.info.](https://ozhegov.info/) (In Russ.).
8. Mokienko, V. M., & Nikitina, T. G. (2008). *The Big Dictionary of Russian Folk Comparisons*. Olma Media Group. (In Russ.).
9. 新华字典. (2000). 商务印书馆. / *Xinhua Dictionary*. (2000). Commercial Press. (In Chinese).
10. 现代汉语词典. (2016). 商务印书馆. / *Modern Chinese Dictionary*. (2016). Commercial Press. (In Chinese).
11. 新华成语大词典. (2002). 商务印书馆. / *Xinhua Idiom Dictionary*. (2002). Commercial Press. (2023, July 10). <http://www.hydc.com/cy/> (In Chinese).

Информация об авторе

Юй Вэнсинь — аспирант факультета иностранных языков и регионоведения, кафедры сопоставительного изучения языков Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Information about the authors

Yu Wenxin — Postgraduate Student, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК 378.016:811.161.1(=581)

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.51.3.18

**АНАЛИЗ ОШИБОК НА ОСНОВЕ
УЧЕБНОГО КОРПУСА РУССКИХ ТЕКСТОВ****Хоу Линьсюе**Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия,1246564833@qq.com, <https://orcid.org/0000-0002-5600-4161>

Аннотация. В статье представлен анализ ошибок на основе учебного корпуса русских текстов, который является вспомогательным методом оптимизации учебной деятельности, что имеет большое значение для лиц, изучающих иностранные языки. Цель данной работы — анализ типичных письменных ошибок, допускаемых китайскими студентами в процессе изучения русского языка, определение влияния китайского и английского языков на изучение русского языка с точки зрения межъязыковой интерференции. Для достижения цели в статье описываются параметры учебных русских текстов и предлагается разработанная типология ошибок. Относительное значение количества ошибок, рассчитанное с помощью коэффициента K , служит основным методом оценки уровня знаний, а также частоты допускаемых ошибок китайскими студентами при создании текстов на русском языке. В статье предложены рекомендации для преподавателей по оптимизации процесса обучения русскому языку с учетом интерференции китайского и английского языков.

Ключевые слова: анализ ошибок, учебный корпус, количественный анализ, овладение русским языком, китайские студенты.

Для цитирования: Хоу, Линьсюе. (2023). Анализ ошибок на основе учебного корпуса русских текстов. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 3(51), 196–207. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.51.3.18>

Благодарности: Исследование проводится при поддержке Государственного комитета по стипендиям КНР (грант № 202007127064).

Original article

UDC 378.016:811.161.1(=581)

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.51.3.18

**ERROR ANALYSIS BASED
ON THE ACADEMIC CORPUS OF RUSSIAN TEXTS****Hou Linxue**Herzen State Pedagogical University,
Saint Petersburg, Russia,1246564833@qq.com, <https://orcid.org/0000-0002-5600-4161>

Abstract. The article presents an error analysis based on the corpus of Russian texts, which is an auxiliary method of optimizing educational activities, which is of great importance for people studying foreign languages. Therefore, the aim of this research is to analyse typical written errors made

by Chinese students in the process of learning Russian, to determine the influence of Chinese and English on learning Russian from the point of view of interlingual interference. In order to achieve the goal, the article describes the parameters of educational Russian texts and proposes the developed typology of errors. The relative value of the number of errors calculated by the K coefficient is the main method of assessing the level of knowledge as well as the frequency of errors made by Chinese students when making up texts in Russian. The article offers recommendations for teachers to enhance the process of teaching Russian taking into account the interference of Chinese and English.

Keywords: error analysis, study corpus, quantitative analysis, Russian language acquisition, Chinese students.

For citation: Hou, Linxue. (2023). Error analysis based on the academic corpus of Russian texts. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3(51), 196–207. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.51.3.18>

Acknowledgements: The study was realized with the support of the China Scholarship Council (Grant No. 202007127064).

Введение

Ошибки — неизбежная и неотъемлемая часть процесса изучения иностранного языка (Corder, 1976, p. 167). С развитием информационных технологий стали возможны более эффективные исследования анализа ошибок, например на базе учебного корпуса, представляющего собой аннотированный массив текстов со специальной разметкой ошибок, которые допускают в процессе изучения родного или иностранного языка при создании текстов (Захаров, Богданова, 2020, с. 67). В отличие от традиционного метода анализ ошибок на основе учебного корпуса опирается на аутентичные данные и позволяет извлекать контекст ошибок. Кроме того, учебный корпус дает возможность судить об ошибках более объективно. Цель данной статьи — определение типичных ошибок, допускаемых китайскими студентами и установленных на основе учебного корпуса русских текстов посредством количественного анализа.

Методология исследования

Для достижения поставленной цели была решена предварительная задача: создание учебного корпуса русских текстов, что предполагает отбор текстов китайских студентов, идентификацию и классификацию ошибок, проведение их разметки и метаразметки.

Отбор текстов китайских студентов

В качестве материала для предварительного исследования были использованы 457 сочинений по десяти темам 90 студентов первого курса китайских университетов по специальности «Русский язык». Чтобы студенты не допускали ошибок из-за непонимания смысла тем, были выбраны темы для сочинений, близкие учащимся, например «Интересное путешествие», «Мой любимый город», «Мои увлечения», «Любимый писатель» и т. д. Общий объем учебного корпуса русских текстов составляет около 481 529 тысяч токенов — слогоморфем.

Идентификация и классификация ошибок

В учебном корпусе русских текстов под ошибкой понимается нарушение норм речи носителя языка (James, 2001, p. 67). Это значит, что ошибка в речи китайских студентов, противоречащая правилам и нормам русского языка, воспринимается как неправильность (Хоу, 2022, с. 248). В соответствии с этим определением ошибки, допускаемые китайскими студентами в учебном корпусе русских текстов, разделены на пять типов и 14 подкатегорий, всего же выделено 35 вариантов.

Особое внимание уделяется тому, что в данной классификации отдельно рассматриваются ошибки в использовании каждой части речи и ошибки из-за буквального перевода с китайского языка на русский. Дело в том, что китайский и русский языки принадлежат к разным языковым семьям, между ними существуют значительные различия в словообразовании и форме выражения грамматических значений (Вавилова, 2011). Из-за этих различий и влияния родного языка китайские учащиеся часто встречаются с трудностями и допускают больше ошибок в употреблении частей речи русского языка, к ним относятся: неверное применение предлогов, неправильное образование форм склонения имен существительных, некорректное управление глаголов и др. Именно поэтому такие ошибки заслуживают пристального внимания. В процессе анализа и классификации ошибок они были особым образом размечены в корпусе в целях выявления типичных трудностей и языковых характеристик китайских учащихся при овладении русским языком.

Проведение разметки ошибок и метаразметки

Разметка дает возможность идентифицировать тексты по различным параметрам, позволяя осуществлять осмысленный поиск по корпусу (Елохов, Югов, Ланин, 2014, с. 514), а также увеличивать многократное использование корпуса. Опираясь на систему разметки TEI, можно разделить виды разметки китайского учебного корпуса русских текстов на две части: метаразметка (экстралингвистическая разметка) и разметка ошибок (Хоу, 2022, с. 128). Следует отметить, что уровень владения английским языком китайских студентов был включен в метаразметку. Это связано с тем, что китайские студенты по специальности «Русский язык», по сути, имеют опыт изучения английского языка. С помощью тегов метаразметки по уровню владения английским языком можно получить данные для анализа влияния знаний английского языка на овладение русским языком.

Для оценки уровня знаний и частоты допускаемых ошибок китайскими студентами при создании текстов на русском языке предлагается применять относительное значение числа допускаемых ошибок, для вычисления которого вводится коэффициент K :

$$K = F_f / L,$$

где F_f — частота ошибки типа f в исследуемом тексте, L — объем текста в словах.

Значения этого коэффициента вычисляются в интервале $0 < K < 1$, при этом чем ниже значение коэффициента, тем выше уровень знаний. Коэффициент вычисляется для разных авторов, тексты которых вошли в учебный корпус, и для разных типов ошибок, выявляемых построенной типологией.

Поскольку значения частот определяются десятками единиц, а объемы текстов — тысячами слов, то значения коэффициента K выражаются десятичными дробями с большим количеством нулей после запятой. См., например, $K = 8 / 81\,449$, что при оценке частоты неверного использования форм деепричастия конкретного обучаемого оценивается как $K_1 = 0,00009822$, а тот же коэффициент при неверном употреблении возвратной формы глаголов $K = 16 / 81\,449$ получает значение $K_2 = 0,00019644$. Для удобства сравнения этих значений введено сокращение десятичной дроби до шестого знака: $K_1 = 0,000098$ и $K_2 = 0,000196$, что упрощает действия с ними, не нарушая их соотношение.

Результаты исследования

После извлечения и проверки всех ошибок в учебном корпусе русских текстов было обнаружено, что общий объем письменных текстов составляет около 81 449 слов и в этих текстах было допущено 2 890 ошибок, исключая 80 ошибок, которые вызваны тем, что учащиеся недостаточно владеют компьютером. Частота типов ошибок в учебном корпусе показана на рисунке 1 и в таблице 1.

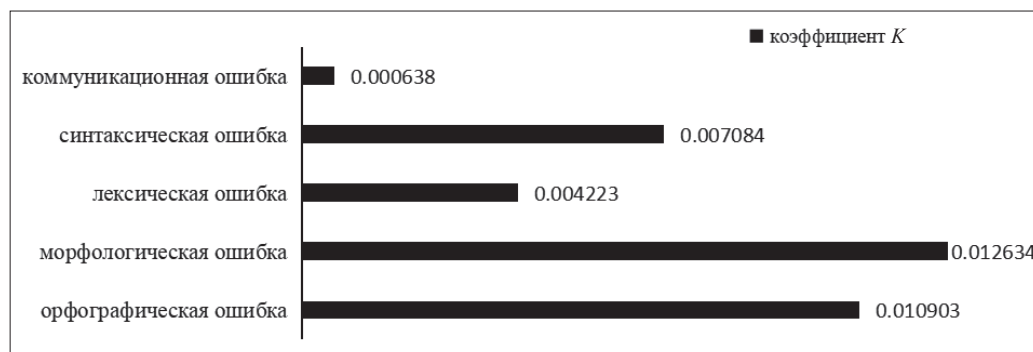

Рис. 1. Значения коэффициента K при различных ошибках в учебном корпусе

Fig 1. The value of coefficient K for different errors in learner corpora

Таблица 1 / Table 1

Значения коэффициента K в разных подкатегориях ошибок в учебном корпусе

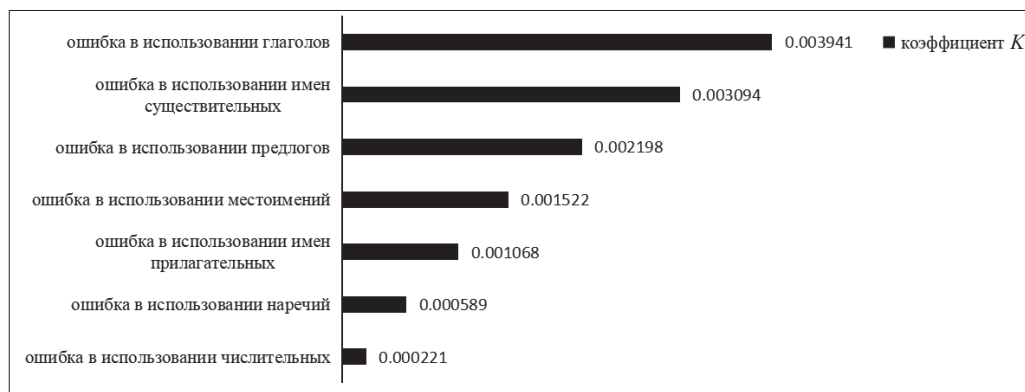
The value of coefficient K for different types of errors in learner corpora

Ошибка	Подкатегория ошибки	Коэффициент K
Орфографическая	Неверное правописание	0,010903
Морфологическая	Ошибка в использовании частей речи	0,012634
Лексическая	Ошибка в употреблении слова	0,002529
	Неверное применение устойчивых словосочетаний	0,001694
Синтаксическая	Нарушение структуры предложений	0,001915
	Нарушение норм формального синтаксиса	0,002505
	Пунктуационная ошибка	0,002664
Коммуникативная	Логическое нарушение	0,000638

Согласно результатам, представленным в таблице 1, морфологическая ошибка лидирует по частоте допущенных ошибок. В этом разделе у студентов были следующие ошибки: неверное спряжение глаголов и склонение слов. Второй по частоте допущенных ошибок оказалась орфографическая ошибка. Третье место занимала синтаксическая ошибка, включающая пропуск членов предложения, нарушение согласования предложения, отсутствие знаков препинания и т. д. Лексических ошибок было немного меньше, чем синтаксических. Коммуникационная ошибка встречается реже всего.

Проанализировав все данные, указанные выше, можно сделать вывод, что китайские студенты испытывают трудности в запоминании русских слов и грамматических правил спряжения и склонения, на которые необходимо обратить внимание преподавателей и сделать их приоритетными в обучении русскому языку. Кроме того, у китайских студентов испытывают трудности при согласовании структуры предложений и использовании синонимов; данные навыки необходимо тренировать, выполняя определенные упражнения.

При анализе частоты типов ошибок важно обратить внимание на то, что наибольшее значение коэффициента K наблюдается при ошибках в употреблении частей речи: он составляет 0,012634. Следовательно, данный тип ошибок является самым частотным и типичным при овладении русским языком китайскими студентами. Ранжированные по частоте ошибки в применении частей речи представлены на рисунке 2.

Рис. 2. Значения коэффициента K при ошибках в использовании частей речи

Fig 2. The value of coefficient K for POS errors

Из представленной информации на рисунке 2 можно установить, что самыми сложными для китайских студентов являются глаголы, за ними следуют имена существительные, предлоги и местоимения. По сравнению с другими категориями, китайские студенты допустили меньше ошибок в употреблении прилагательных, наречий и числительных. С одной стороны, это доказывает, что китайские студенты лучше понимают грамматические правила применения прилагательных и наречий, чем предлогов, которые не встречаются в китайском языке; с другой стороны, это говорит о том, что китайские студенты не имеют достаточного разнообразия в своих русских выражениях, не могут активно включать в речь прилагательные и наречия для их обогащения (Dun, 2020, p. 72).

Для китайских студентов, которые недавно начали изучать русский язык, важнее целостность структуры предложений, а не богатство их лексического состава. То есть китайские студенты уделяют больше внимания существительным, глаголам, местоимениям и предлогам в своих текстах, для того чтобы обеспечить целостность структуры предложений. Проанализируем ранжированный по частоте список ошибок, допускаемых китайскими студентами в использовании вышеперечисленных частей речи (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Значения коэффициента K при частотных ошибках в использовании частей речи
The value of coefficient K for typical and frequent POS errors

Ошибка в использовании	Подкатегория ошибки	Коэффициент K
Глаголов	Неверное использование возвратной формы	0,000196
	Неверное употребление несовершенного или совершенного вида	0,001375
	Неверное управление глагола	0,002235
	Неверное применение форм деепричастия	0,000037
	Неверный выбор типа причастия	0,000098
Имен существительных	Неверное использование форм числа и отсутствие согласования по роду	0,000749
	Неверное образование форм склонения	0,002345
Предлогов	Неверное управление предлога	0,000982
	Употребление неверного предлога	0,001215
Местоимений	Неверный выбор местоимения	0,000994
	Неверное образование форм склонения	0,000528

В соответствии с данными, представленными в таблице 2, наиболее частотные ошибки в использовании глаголов допускаются в их управлении, а ошибки в употреблении имен существительных связаны с образованием форм склонения. Затруднения в применении предлогов возникли у китайских студентов из-за смещения их значений. При включении в речь местоимений наблюдается неверный выбор местоимения.

Кроме того, частота неверного использования возвратной формы глагола китайских студентов оценивается как $K_1 = 0,000196$, а частота неверного управления глагола и неверного применения глаголов несовершенного или совершенного вида соответственно оцениваются как $K_2 = 0,002235$, $K_3 = 0,001375$. По сравнению K_1 с K_2 и K_3 , установлено, что значения K_2 и K_3 намного больше значения K_1 . То есть во время обучения русскому языку китайские студенты испытывают больше трудностей при изучении таких тем, как управление глаголов и употребление глаголов несовершенного или совершенного вида, но при этом они лучше понимают и усваивают использование возвратной формы глагола.

Причина этого кроется во влиянии родного языка на овладение иностранным языком, т. е. в межъязыковой интерференции, при которой правила из одного языка механически переносятся на другой язык, что приводит к появлению ошибок (Муродова, Панжиев, 2022, с. 1625). Там, где структуры родного языка совпадают формально и семантически, процесс усвоения иностранного языка облегчается, а там, где они различны, тормозится (Filipovic, 1971, p. 107). Сопоставительный анализ

китайского и русского языков показывает, что русский язык — синтетический, т. е. в нем преобладают синтетические формы выражения грамматических значений (Злобина, Сорокина, 2018, с. 131). Он сильно отличается от китайского языка, передающего грамматические отношения через отдельные служебные слова, фиксированный порядок слов и контекст. В связи с этим китайский язык не имеет соответствующих русскому языку грамматических понятий, таких как спряжение, управление, склонение и др. (Щелокова, 2022, с. 161).

Таким образом, китайским студентам, изучающим управление глаголов и использование глаголов несовершенного или совершенного вида, трудно понимать и усваивать эти грамматические правила из-за отсутствия соответствующих понятий в китайском языке. Однако возвратная форма глагола имеет более близкое грамматическое понятие в китайском языке, т. е. предложение со словом 被 (Wang, 2019, р. 153), поэтому китайским студентам по специальности «Русский язык» легче понять эту грамматику и допускать меньше ошибок.

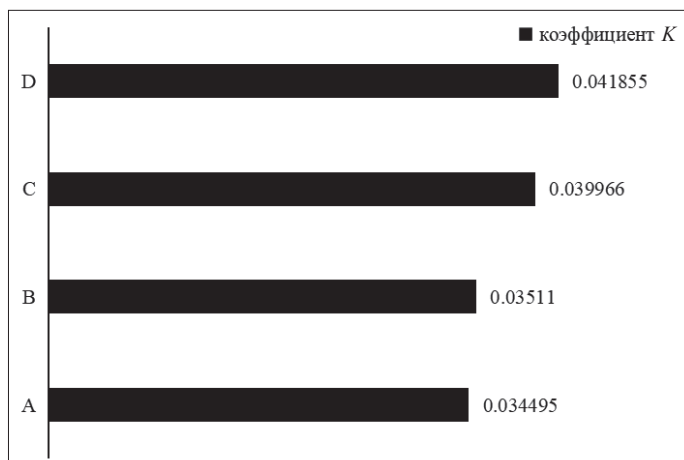
Более того, согласно данным таблицы 2, китайские студенты сделали меньше ошибок в использовании деепричастия и причастия, при которых значения коэффициента K составили 0,000037 и 0,000098. Причина этого заключается не в том, что китайские студенты лучше усваивают эти грамматические правила, а в том, что они не обращаются к таким сложным грамматическим конструкциям.

Помимо родного языка, иностранный язык, которым учащийся уже овладел, а также опыт и стратегии обучения, приобретенные в процессе овладения этим иностранным языком, также оказывают влияние на изучение нового иностранного языка (Hufeisen, 1998, р. 169). Например, большинство китайских студентов, обучающихся по специальности «Русский язык» в китайских университетах, изучали английский как второй иностранный язык в начальной, средней и старшей школе. В результате на начальном этапе изучения русского языка им часто мешает английский язык, поскольку возникает интерференция. В китайском учебном корпусе русских текстов уровень английского языка определялся в соответствии с баллами по английскому языку на ЕГЭ (уровень А: 150–135 баллов; уровень В: 134–120; уровень С: 119–105; уровень D: ниже 105). Ранжированные списки по частоте ошибок, допускаемых китайскими студентами на разных уровнях английского языка, представлены на рисунке 3.

На основе ранжированного списка, представленного на рисунке 3, можно сделать вывод, что в целом чем выше уровень английского языка студента, тем меньше ошибок он допускает при овладении русским языком. Английский и русский языки принадлежат к одной индоевропейской языковой семье. Кроме того, между ними существуют сходства в некоторых грамматических структурах и грамматических понятиях (Пешеходько, Чаплыгина, 2021). Следовательно, новички, которые знают английский язык, могут быстрее понять эти грамматические правила при овладении русским языком, в отличие от тех, кто не так хорошо владеет английским языком. Например, частота ошибок в использовании предлогов и нарушении видовременной соотнесенности в предложениях, допускаемых китайскими студентами с разными уровнями владения английским языком (табл. 3).

Из представленного в таблице 3 списка следует, что по мере роста уровня владения английским языком значение коэффициента K при обеих этих ошибках приближается к нулю. Другими словами, китайские студенты с высоким уровнем английского языка лучше понимают употребление предлогов и видовременной

Рис. 3. Значения коэффициента K при ошибках китайских студентов с разными уровнями владения английским языком

Fig 3. The value of error coefficient K of Chinese students with different English levels

Таблица 3 / Table 3

Значения коэффициента K при ошибке в использовании предлогов и нарушении видовременной соотнесенности в предложениях
The value of coefficient K for the incorrect use of prepositions and tenses

Коэффициент K	Уровень английского языка			
	A	B	C	D
Ошибки в использовании предлогов	0,001566	0,001908	0,002164	0,002566
Нарушение видовременной соотнесенности в предложениях	0,000696	0,000826	0,001325	0,001516

соотнесенности в предложениях. Из-за отсутствия соответствующих понятий в китайском языке применение предлогов и видовременной соотнесенности в предложениях всегда представляли собой трудность для китайских студентов. Однако конструкция для выражения обстоятельства места в английском языке соответствует предложной конструкции в русском языке (Болтакулова, 2015, с. 585) и проще для использования, в то же время в английском языке необходимо следовать соответствию видовременной соотнесенности между главными и придаточными предложениями. Именно в силу сходства русского и английского языков в этих конструкциях китайские студенты с высоким уровнем английского языка реже допускают эти два типа ошибок при овладении русским языком.

Кроме того, у студентов, хорошо знающих английский язык, наблюдаются более эффективный подход к изучению иностранного языка и хорошие учебные привычки (Cheng, 2021, p. 31), что облегчает адаптацию на начальном этапе изучения русского языка. См., например, частоту орфографических ошибок и неверного использования устойчивых выражений, допускаемых китайскими студентами с разным уровнем владения английским языком (см. табл. 4).

Важная причина орфографических ошибок заключается в том, что уровень сформированности орфографического навыка у учащихся недостаточен, а также мал

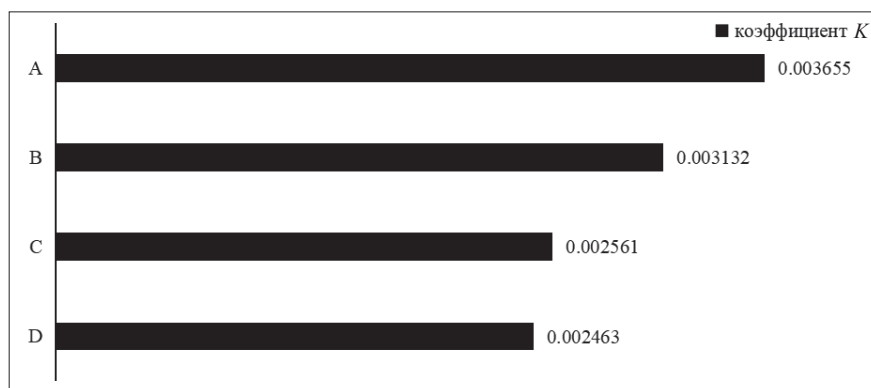
Таблица 4 / Table 4

**Значения коэффициента K при орфографических ошибках
и неверном использовании устойчивых выражений**
The value of coefficient K for spelling errors and incorrect use of fixed expression

Коэффициент K	Уровень английского языка			
	A	B	C	D
Орфографические ошибки	0,004874	0,006179	0,006492	0,006805
Неверное использование устойчивых выражений	0,001450	0,001538	0,002031	0,002542

словарный запас (Пазова, Щербашина, 2014, с. 134). В учебном корпусе русских текстов неверное использование устойчивых выражений в основном вызвано буквальным переводом с китайского языка на русский, например *получение образование <sic>*. Оба типа ошибок отражают отсутствие эффективных методов обучения при овладении русским языком и, как следствие, навыков у учащихся. В соответствии с данными, представленными в таблице 4, китайские студенты, у которых выше уровень английского языка, реже допускают эти два типа ошибок по сравнению с теми, у кого уровень английского языка ниже. В ходе изучения английского языка они выработали хорошие навыки, поэтому в процессе овладения русским языком более эффективно запоминают слова, выбирают правильные и подходящие методы и избегают таких ошибок, как буквальный перевод.

Однако английский язык также негативно влияет на изучение русского языка, например при использовании имен существительных (рис. 4).

Рис. 4. Значения коэффициента K при использовании имен существительных

Fig 4. The value of error coefficient K for the noun error

Согласно результатам, представленным на рисунке 4, студенты, хорошо владеющие английским языком, чаще допускают ошибки в использовании имен существительных. Основная причина заключается в том, что грамматические понятия рода, числа и падежа имен существительных, которые также встречаются в английском языке, значительно отличаются от русского языка, что приводит к отрицательной интерференции. Род английских существительных в основном определяется в соответствии с полом одушевленных существительных, а русские существительные определяются в основном по окончаниям (Zhang, 2020). Кроме того, формы числа и склонения имен существительных в русском языке намного сложнее,

чем в английском языке. В процессе изучения русского языка английские грамматические правила мешают учащимся применять соответствующие русские грамматические правила, особенно учащимся с высоким уровнем английского языка.

Заключение

В целом из-за больших различий между китайским и русским языками китайские студенты сталкиваются с трудностями при овладении русским языком, особенно теми грамматическими правилами, которые не соответствуют китайскому языку (склонение имен существительных, управление глаголов, использование глаголов несовершенного или совершенного вида, употребление предлогов и др.). Основываясь на метаразметке китайского учебного корпуса, удалось проанализировать активное влияние английского языка на изучение русского языка. Из этого можно сделать вывод, что в целом студенты, хорошо успевающие по английскому языку, лучше овладевают русским языком.

Учитывая интерференции китайского и английского языков при овладении русским языком, преподавателям рекомендуется акцентировать внимание на контрастном изучении русского, китайского и английского языков, направлять студентов на восприятие различий и сходств между родным и иностранным языком, чтобы помочь им понимать соответствующие грамматические правила и выбирать подходящие методы, а также избегать ошибок, таких как буквальная перевод.

Список источников

1. Corder, S. P. (1967). The significance of learner's errors. *Iral-international Review of Applied Linguistics in Language Teaching*, 5, 161–170. <https://typeset.io/papers/the-significance-of-learner-s-errors-4b2pxnhtyk>
2. Захаров, В. П., & Богданова, С. Ю. (2020). *Корпусная лингвистика*. Издательство Санкт-Петербургского университета.
3. James, C. (2001). *Errors in Language Learning and Use: Exploring Error Analysis*. Foreign Language Teaching and Research Press.
4. Хоу, Линьсюе. (2022). Классификация ошибок для создания разметки в учебном корпусе русских текстов. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*, 203, 247–254.
5. Вавилова, Е. Н. (2011). Лексическая интерференция в речи китайских учащихся. *Молодой ученый*, 7(30), 143–146.
6. Елохов, Е. С., Югов, А. С., & Ланин, В. В. (2014). Создание хранилища научных публикаций с применением методов корпусной лингвистики. *Открытые семантические технологии проектирования интеллектуальных систем*, 4, 513–516.
7. Хоу, Линьсюе. (2022). Методы разметки учебного корпуса русских текстов. *Университетский научный журнал*, 69, 126–132.
8. 董爱华. 基于学习者语料库的语言错误分析探究[J]. 北京印刷学院学报, 2020, 28(4):4 [Дун, Айхуа. (2020). Исследование анализа языковых ошибок на основе учебного корпуса. *Вестник Пекинского полиграфического института*, 28(04), 71–74]. DOI: CNKI:SUN:BYXB.0.2020-04-022; https://xueshu.baidu.com/usercenter/paper/show?paperid=1x-3e0xu08g260vg0c64g08c0uc547115&site=xueshu_se&hitarticle=1
9. Муродова, С. П., & Панжиев, Н. П. (2022). Межъязыковая интерференция. *Science and Education*, 6(3), 1623–1628.
10. Filipovic, R. (1971). The Yugoslav Serbo-Croatian-English Contrastive Project. *In Papers in Contrastive Linuistics*. Cambridge University Press, 107–114.

11. Злобина, Ю. И., & Сорокина, М. О. (2018). Некоторые типичные ошибки в письменных работах китайских студентов: классификация и анализ. *Мир науки, культуры, образования*, 4(71), 130–132.
12. Щелокова, А. А. (2022). Интерференция как лингвистическая основа формирования ошибок (на примере речи китайцев). *Эпомен: филологические науки*, 1, 159–167.
13. 王静. 俄汉被动结构对比[J].青年文学家,2019(20):153–155 [Ван, Цзин. (2019). Сравнение пассивных конструкций в русском и китайском языках. *Молодые писатели*, 20, 153–155]. https://xueshu.baidu.com/usercenter/paper/show?paperid=134k0vx09g0b0pp0dc2e0gw042794427&site=xueshu_se
14. Hufeisen, Britta. (1998). L3 Stand der Entwicklung: Was bleibt zu tun? *Tertiarsprachen. Theorien, Modelle, Methoden*, 169–183.
15. Пешеходько, В. А., Чаплыгина, О. В. (2021). Этимологическое сходство русской и английской лексики. *Образование и наука в России и за рубежом*, 5(81), 145–148.
16. Болтакулова, Г. Ф. (2015). Способы выражения обстоятельства времени в английском и русском языках и его место в предложении. *Молодой ученый*, 14(94), 583–585.
17. 陈露. 英语对零起点俄语专业学生的迁移影响探析[J].现代交际, 2021(2):30–33 [Чэнь, Лу. (2021). Изучение влияния английского языка на китайских студентов по специальности русский язык. *Современная коммуникация*, 2, 30–33]. https://xueshu.baidu.com/usercenter/paper/show?paperid=1w5s0xx0705608y0wq3b0mg07v780244&site=xueshu_se
18. Пазова, Л. М., & Щербашина, И. В. (2014). Орфографическая безграмотность и пути ее преодоления. *Вестник Майкопского государственного технологического университета*, 3, 130–134.
19. 张春华. 英语语言迁移对俄语的影响研究[J].人才培养,2020(5):108–109 [Чжан, Чуньхуа. (2020). Исследование влияния переноса английского языка на изучение русского языка как второй иностранной язык. *Развитие талантов*, 5, 108–109]. https://xueshu.baidu.com/usercenter/paper/show?paperid=104f0mb06a310430fm0j0p009h377883&site=xueshu_se

References

1. Corder, S. P. (1967). The significance of learner's errors. *Iral-international Review of Applied Linguistics in Language Teaching*, 5, 161–170. <https://typeset.io/papers/the-significance-of-learner-s-errors-4b2pxnhtyk> (In English).
2. Zakharov, V. P., & Bogdanova, S. Yu. (2020). *Methods in corpus Linguistics*. Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. (In Russ.).
3. James, C. (2001). *Errors in Language Learning and Use: Exploring Error Analysis*. Foreign Language Teaching and Research Press. (In English).
4. Hou, Linxue. (2022). Classification of errors in Russian texts for building learner corpora. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 203, 247–254. (In Russ.).
5. Vavilova, E. N. (2011). Lexical interference in the speech of Chinese students. *The Young Scientist*, 7(30), 143–146. (In Russ.).
6. Elokhov, E. S., Yugov, A. S., & Lanin, V. V. Publications repository creation based on corpus linguistics techniques. *Open Semantic Technology for Intelligent Systems*, 4, 513–516. (In Russ.).
7. Hou, Linxue. (2022). The methods of annotating a Russian learner corpus. *Humanities and Science University Journal*, 69, 126–132. (In Russ.).
8. 董爱华. 基于学习者语料库的语言错误分析探究[J].北京印刷学院学报, 2020, 28(4):4 [Dun, Aihua. (2020). A study of language error analysis based on training corpus. *Bulletin of the Beijing Polygraphic Institute*, 28(04), 71–74]. DOI: CNKI:SUN:BYXB.0.2020-04-022; https://xueshu.baidu.com/usercenter/paper/show?paperid=1x3e0xu08g260vg0c64g08c0uc547115&site=xueshu_se&hitarticle=1 (In Chinese.).
9. Murodova, S. P., & Panzhiev, N. P. (2022). Interlingual interference. *Science and Education*, 6(3), 1623–1628. (In Russ.).

10. Filipovic, R. (1971). The Yugoslav Serbo-Croatian-English Contrastive Project. In *Papers in Contrastive Linguistics*. Cambridge University Press, 107–114. (In English).
11. Zlobina, Yu. I., & Sorokina, M. O. (2018). Some Typical Errors in Chinese Students' Writing: Classification and Analysis. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 4(71), 130–132. (In Russ.).
12. Schelokova, A. A. (2022). Interference as a linguistic basis of error formation (on the example of Chinese speech). *Epomen: filologicheskie nauki*, 1, 159–167.
13. 王静. 俄汉被动结构对比[J]. 青年文学家, 2019(20):153–155 [Wang, Qiang. (2019). A Comparison of Passive Constructions in Russian and Chinese. *Young Writers*, 20, 153–155]. https://xueshu.baidu.com/usercenter/paper/show?paperid=134k0vx09g0b0pp0dc2e0gw042794427&site=xueshu_se (In Chinese).
14. Hufeisen, Britta. (1998). L3 Stand der Entwicklung: Was bleibt zu tun? *Tertiarsprachen. Theorien, Modelle, Methoden*, 169–183. (In German).
15. Peshekhodka, V. A., & Chaplygina, O. V. (2021). Etymological Similarity of Russian and English Vocabulary. *Obrazovanie i nauka v Rossii i za rubezhom*, 5(81), 145–148. (In Russ.).
16. Boltakulova, G. F. (2015). Ways of expressing the circumstance of time in English and Russian and its place in the sentence. *Molodoj uchenyj*, 14(94), 583–585. (In Russ.).
17. 陈露. 英语对零起点俄语专业学生的迁移影响探析[J]. 现代交际, 2021(2):30–33 [Cheng, Lu. (2021). Studying the Influence of English on Chinese Students in Russian Studies. *Modern Communication*, 2, 30–33]. https://xueshu.baidu.com/usercenter/paper/show?paperid=1w5s0xx0705608y-0wq3b0mg07v780244&site=xueshu_se (In Chinese).
18. Pazova, L. M., & Shcherbashina, I. V. (2014). Spelling illiteracy and ways to overcome it. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologiceskogo universiteta*, 3, 130–134. (In Russ.).
19. 张春华. 英语语言迁移对俄语的影响研究[J]. 人才培养, 2020(5):108–109 [Zhang, Chunhua. (2020). A Study of the Effect of English Language Transfer on the Learning of Russian as a Second Foreign Language. *Talent Development*, 5, 108–109]. https://xueshu.baidu.com/usercenter/paper/show?paperid=104f0mb06a310430fm0j0p009h377883&site=xueshu_se (In Chinese).

Информация об авторе

Хоу Линьсюе — аспирант кафедры образовательных технологий в филологии филологического факультета Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.

Information about the author

Hou Linxue — Postgraduate Student of the Department of Educational Technologies in Philology, Philological Faculty, Herzen State Pedagogical University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Обзорная статья

УДК 378.8.24:[37.016:811]

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.51.3.19

ИССЛЕДОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМ ЛИНГВОДИДАКТИКИ В РАМКАХ НАУЧНЫХ ШКОЛ РОССИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЗАЩИТ ДИССЕРТАЦИЙ, МГПУ, 2019–2022)

Колесников Андрей Александрович¹,
Корзун Оксана Олеговна²

^{1,2} Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия,

¹ kolesnikov@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6655-1417>

² korzunOO@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1201-611X>

Аннотация. В статье анализируются диссертационные исследования и научные публикации соискателей, защитившихся в диссертационном совете 72.2.007.06 на базе Московского городского педагогического университета (МГПУ). Показано, что тематика кандидатских диссертаций, защищенных в 2019–2022 годах, соотносится с тремя основными направлениями научного поиска: а) формированием разных видов компетенций и входящих в них умений, обеспечивающих становление определенных личностных характеристик при обучении языкам; б) разработкой новых приемов и технологий обучения в области разных речевых и коммуникативных видов деятельности; в) методикой проектирования новых типов учебных пособий для обучения языкам на разных этапах.

Ключевые слова: диссертационный совет 72.2.007.06, научная школа, направления научного поиска.

Для цитирования: Колесников, А. А., Корзун, О. О. (2023). Исследование современных проблем лингводидактики в рамках научных школ России (на материале защит диссертаций, МГПУ, 2019–2022). *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 3(51), 208–217. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.51.3.19>

Original article

UDC 378.8.24:[37.016:811]

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.51.3.19

**MODERN LINGUISTIC DIDACTICS STUDIES
THROUGH THE LENSES OF RUSSIAN SCIENTIFIC SCHOOLS
(ON THE MATERIAL OF THESES DEFENSES, MCU, 2019–2022)**

Andrey A. Kolesnikov¹,
Oksana O. Korzun²

^{1,2} Moscow City University,
Moscow, Russia,

¹ kolesnikov@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6655-1417>

² korzunOO@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1201-611X>

Abstract. The paper considers dissertation researches and scientific publications prepared by the future PhDs who have presented their theses to dissertation council 72.2.007.06 assembled in Moscow City University (MCU). There is evidence that the topics of doctoral dissertations presented in 2019–2022 comply with the three main directions of scientific research: a) developing various types of competencies and their constituents that contribute to facilitating certain personal features relevant for language learning; b) designing new methods and strategies of advancing various types of language skills in students; c) designing new types of study guides for language learning at different stages.

Keywords: dissertation council 72.2.007.06, research school, research fields.

For citation: Kolesnikov, A. A., Korzun, O. O. (2023). Modern linguistic didactics studies through the Lenses of Russian scientific schools (on the material of theses defenses, MCU, 2019–2022). *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3(51), 208–217. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.51.3.19>

Научно-исследовательская деятельность Института иностранных языков МГПУ (далее — ИИЯ МГПУ) в области языкового образования имеет многовекторный характер, основывается на актуальных достижениях разнообразных научных школ нашей страны и, интегрируя их, обеспечивает создание собственных оригинальных новаторских научных продуктов. Открытость любым продуктивным научным новациям определяет характер лингводидактической научной школы ИИЯ МГПУ «Межкультурное многоязычное образование как фактор социальных трансформаций» и специфику работы созданного на базе института диссертационного совета 72.2.007.06 (председатель совета и руководитель научной школы — доктор педагогических наук, профессор Е. Г. Тарева).

В период с 2019 по 2022 год в диссертационном совете было защищено 15 диссертаций по специальности 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (иностранные языки; русский язык); из них 12 — по методике обучения иностранным языкам и 3 — по методике обучения русскому языку. Обобщая исследовательские приоритеты, можно выделить три основных направления научного поиска: а) исследования в области формирования разных видов компетенций и входящих в них умений, обеспечивающих становление определенных личностных характеристик при обучении языкам; б) представление новых приемов и технологий обучения в области разных речевых и коммуникативных видов деятельности; в) методика проектирования новых типов учебных пособий в области обучения языкам на разных этапах.

Обратимся к обобщению работ в рамках первого и самого обширного направления — к исследованиям в области *формирования разных видов компетенций*. В диссертационном исследовании *О. А. Малых* установлены и описаны содержание, структура и компонентный состав фонологической компетенции, развитие которой происходит в контексте учебного трилингвизма (при изучении китайского языка как первого иностранного). Автор обосновала зоны переноса и интерференции, проявляющиеся в условиях взаимодействия трех контактирующих языков (китайский – английский – русский), уточнила и методически типологизировала компоненты содержания обучения произносительной стороне речи студентов, овладевающих китайским языком в языковом вузе, с учетом факторов переноса и интерференции. Теоретическая значимость этого исследования заключается в том, что была существенно пополнена концепция билингвального и полилингвального обучения иностранным языкам за счет актуализации значимости межъязыковых сопоставлений на фонологическом уровне трех контактирующих языков: русского, английского и китайского (Малых, 2017).

В своем диссертационном исследовании *Н. В. Хомович* обращается к вопросу проектирования уровневой методики формирования грамматической компетенции студентов-лингвистов на основе сложных грамматических явлений испанского языка. Для эффективного формирования грамматической компетенции автор предусматривает дифференциацию грамматических явлений по уровням сложности и предлагает использовать адекватные этим уровням алгоритмы обучающих действий и серии обучающих упражнений. Таким образом, автором разработана теоретическая база уровневой методики формирования грамматической компетенции обучающихся в контексте второго иностранного языка, пополнена концепция развития лингвистического мышления студентов факультетов иностранных языков в аспекте осознания ими различных понятийных систем и алгоритмов формулирования мысли средствами второго иностранного языка, уточнены условия и когнитивно-познавательные приемы активизации металингвистических знаний обучающихся в целях осмысления грамматических явлений второго иностранного языка (Хомович, 2018).

Исследование *А. А. Тарасова* затрагивает проблему формирования компетентностной основы иноязычной продуктивной письменной речи обучающихся начальной школы. Диссертантом уточнен компонентный состав элементарной иноязычной письменной коммуникативной компетенции за счет включения дискурсивного компонента, определенного наряду с другими компонентами как объект целеполагания в языковом образовании в начальной школе. Помимо этого, автор обосновал теоретические положения, определяющие развивающий и мотивирующий потенциал иностранного языка в начальной школе, систему психолого-педагогических условий внедрения технологии формирования элементарной иноязычной письменной коммуникативной компетенции, обеспечивающей реализацию иноязычной продуктивной письменной речи обучающихся начальной школы (Тарасов, 2018).

Научная значимость работы *Е. В. Шостак* заключается в доказательстве состоятельности и эффективности многокомпонентной модели формирования у студентов многопрофильного вуза многоязычной компетенции, основанной на оригинальных принципах и включающей в себя методы и приемы, направленные на интегрированное формирование асимметричных по содержанию компонентов данной компетенции. Автор вносит вклад в расширение представления о многоязычной компетенции,

формируемой у студентов многопрофильного вуза в аспекте доказательства асимметричной конфигурации ее компонентов: профессионально ориентированной речевой компетенции с применением английского языка как языка профессиональной культуры и общей речевой компетенции с применением испанского языка как языка функционального общения. Диссертантом создана и апробирована итеративно-уровневая система упражнений для формирования многоязычной компетенции асимметричной конфигурации, которая нашла свое применение в практике иноязычной подготовки студентов многопрофильного вуза (Шостак, 2020).

В диссертации *Н. В. Вишневецкая* обосновывает функциональную значимость лексического компонента социолингвистической компетенции будущего преподавателя вуза. Данный компонент, по мнению автора, обеспечивает восприятие, понимание и продуцирование вузовским преподавателем иностранных языков профессионального лексикона, транслирующего специализированную (в области обучения иностранным языкам) картину мира и обуславливающего полноценность иноязычной профессиональной коммуникации на международном уровне взаимодействия специалистов в целях реализации кооперативного научного и образовательного сотрудничества. Ученый обосновывает потенциал аутентичных разножанровых текстов, передающих лексическими средствами реалии сферы профессионального педагогического общения иностранных специалистов в области теории и методики обучения иностранным языкам. Авторская методика дополняется технологией обучения студентов лексическому компоненту социолингвистической компетенции, включающей в себя комплекс упражнений и заданий, нацеленных на ознакомление, тренировку и речевую практику более 250 отобранных лексических единиц (Вишневецкая, 2019).

Обратимся к диссертационным исследованиям в области русского языка и литературы, которые можно отнести к первому направлению исследований. Отличительной чертой этих работ является ориентация на метапредметный уровень развития речевой компетенции. Так, в диссертации *А. И. Страдовой* разрабатывается новая научная идея о необходимости развития воссоздающего воображения как особого читательского умения метапредметного характера у учащихся начальной общеобразовательной школы на уроках литературного чтения, обогащающая научную концепцию обучения младших школьников чтению в процессе начального речевого развития. Теоретическая значимость этой работы заключается в том, что в ней раскрыты теоретические представления о воссоздающем воображении читателей младшего школьного возраста как о психическом процессе в целом и о сложном читательском умении, формируемом в процессе обучения младших школьников при работе с текстовыми фрагментами, в частности. Диссертант выявляет показатели оценки уровня развития воссоздающего воображения у учащихся начальных классов с учетом его особенностей у читателей этого возраста, создает систему упражнений, направленных на развитие воссоздающего воображения как читательского умения при работе младших школьников с художественным произведением (Страдова, 2019).

В диссертации *Н. А. Донской* доказывается необходимость формирования текстовых умений на уроках русского языка в начальной общеобразовательной школе с опорой на структурно-смысловую модель (топос) «определение», что способствует реализации метапредметного уровня преподавания данной дисциплины. Автором представлена лингвистическая и методическая трактовка топоса «определение», его дидактический потенциал как основы формирования текстовых умений учащихся

начальной общеобразовательной школы, обоснован перечень специальных текстовых умений, которые формируются у обучающихся на основе топоса «определение». Благодаря проведенному исследованию были разработаны учебные материалы для формирования текстовых умений младших школьников с опорой на топос «определение» на уроках русского языка, создана система упражнений и заданий, направленных на формирование названных умений младших школьников, описан прием конкретизации структурно-смысловой модели (Донская, 2021).

В своей диссертационной работе *В. В. Бутурлова* обращается к проблеме обучения школьников интерпретации мифологического текста как коммуникативной деятельности на основе речевого произведения с эксплицитной авторской оценочностью. Диссертантом разработана, теоретически обоснована и экспериментально проверена методика формирования коммуникативных умений в процессе подготовки к написанию сочинения, основанная на интерпретации текстов, содержащих нарративное и понятийное отражение нравственных категорий. В исследовании раскрыты теоретические представления о коммуникативных умениях интерпретационного характера как об учебных действиях, призванных выразить личностно ориентированный отклик учащегося на прочитанное в диалоге с условным автором текста и с социумом; расширено представление о процедуре учебной интерпретации мифологического текста как речевого произведения духовно-нравственного содержания; описаны текстовый, подтекстовый и гипертекстовый уровни репрезентации нравственного компонента в содержании мифологического речевого произведения как дидактического средства; раскрыты лингводидактические функции мифологического сюжета (Бутурлова, 2021).

В большинстве диссертаций второй группы с исследовательским акцентом в области *разработки новых приемов и технологий обучения* особое внимание уделяется методике обучения недостаточно разработанным видам коммуникативной деятельности преимущественно на вузовском этапе языкового образования. Так, *М. А. Смолова* в своей диссертации разрабатывает технологию обучения реферированию на китайском языке, учитывающую межкультурный, личностный и профессиональный контекст письменно-речевого общения, опосредованного китайскими реферативными текстами. В ходе разработки данной технологии автором установлены и описаны лингводидактические, межкультурные и жанровые особенности письменного иноязычного реферирования на китайском языке, осуществляемого русскоязычными студентами языкового вуза, выявлены и описаны содержательные особенности способности реферировать тексты на китайском языке, которая подразумевает овладение тремя дискурсивными стратегиями реферирования (сканирующей, дифференцирующей и интегрирующей), создана научно обоснованная процедура отбора и организации первичных (исходных) текстов и рефератов (вторичных текстов) на китайском языке в целях развития у студентов способности к письменному иноязычному реферированию. Таким образом, в исследовании получила дальнейшее развитие теория обучения иноязычной письменной речи за счет научного обоснования особых стратегий реферирования текстов на китайском языке, доказательства их статуса как объектов овладения студентами старших курсов языковых вузов (Смолова, 2017).

Диссертация *И. В. Харламенко* посвящена разработке модели обучения письменноречевой деятельности студентов неязыкового вуза в рамках самостоятельной внеаудиторной работы в условиях смешанной формы обучения с учетом дидактических

возможностей вики-технологий. Научный вклад автора заключается в разработке форм организации внеаудиторной самостоятельной работы студентов в условиях смешанного обучения посредством алгоритмизированных интерактивных заданий на открытых и закрытых вики-страницах, в дополнении реестра критериев оценивания, само- и взаимооценивания иноязычных письменных-речевых умений студентов неязыковых вузов в ходе выполнения вики-заданий (Харламенко, 2016).

Диссертационное исследование *С. С. Заровняевой* посвящено поиску путей совершенствования процесса обучения студентов технического вуза иноязычной профессиональной коммуникации в условиях взаимодействия родного национального (якутского), русского и английского языков в Республике Саха (Якутия). В работе раскрыты теоретические представления о концепции языкового поликультурного образования применительно к техническому вузу в условиях субординативного билингвизма. Диссертант расширяет представление об иноязычном профессиональном тезаурусе как ведущем компоненте содержания обучения студентов технического вуза иноязычной профессиональной коммуникации в условиях естественного субординативного билингвизма. Автором разработана модель обучения студентов иноязычной профессиональной коммуникации на основе тезауруса в условиях субординативного билингвизма (Заровняева, 2018).

Диссертация *М. Н. Мизгулиной* посвящена разработке методики обучения аудированию текстов на японском языке на начальном этапе обучения системы дополнительного образования. Автором предложена новаторская технология обучения аудированию текстов на японском языке, включающая в себя методы, приемы и средства, направленные на формирование навыков и умений, нацеленных на снятие существенных для обучающихся трудностей, с которыми они сталкиваются на начальном этапе дополнительного образования. В своей работе диссертант предлагает критерии отбора и организации аудитивного и наглядного материала, раскрывает теоретические представления об особенностях восприятия на слух японской речи у русскоязычных реципиентов, расширяет представление о функционировании психофизиологических механизмов аудирования текстов на японском языке на начальном этапе обучения. Разработанные диссертантом учебные материалы для формирования у учащихся 5–6-х классов навыков и умений аудирования на японском языке в системе дополнительного образования внедрены в практику обучения в нескольких школах г. Москвы (Мизгулина, 2018).

Исследователь *Е. А. Солянка* в своей диссертации обращается к актуальной проблеме обучения студентов языкового вуза письменной интернет-коммуникации на китайском языке в сфере обиходно-бытового общения. Автор осуществил глубокий анализ лингвистических и экстралингвистических особенностей письменной интернет-коммуникации на китайском языке, а также социокультурной специфики китайской блогосферы. Впервые в лингводидактических целях диссертантом вскрыты, систематизированы и типологизированы особенности китайского языка интернет-общения как объекта овладения на начальном этапе обучения в языковом вузе, предложена и обоснована технология обучения студентов письменной интернет-коммуникации в сфере обиходно-бытового общения на китайском языке. Данная технология представлена в формате операционального алгоритма действий субъектов лингвообразовательного процесса — преподавателей и студентов начального этапа языкового вуза. Наряду с этим, диссертант вносит вклад и в дальнейшее развитие

компетентностного подхода применительно к своему предмету исследования. Например, теоретически обоснован и разработан компонентный состав письменной иноязычной компетенции в сфере блог-общения, определены и теоретически описаны параметры уровней сформированности этой компетенции у студентов начального этапа обучения в языковом вузе (Солянка, 2019).

Особое место среди защищенных диссертаций занимают работы, посвященные разработке *новых типов учебных пособий* в области обучения языкам на разных этапах. В исследовании *М. С. Воскресенской* получила дальнейшее развитие теория учебника иностранного языка для специальных целей в аспекте усиления принципа контекстуализации при разработке содержания и структуры учебного пособия, созданного с учетом параметров профессионального дискурса. Автором установлены и описаны характеристики и компоненты иноязычной интеракциональной компетенции юриста как способности мобилизовать систему профессиональных знаний российской и зарубежной правовых систем, умений публичного выступления, правового интервьюирования и консультирования, ценностных установок для решения правовых задач в условиях экстрапрофессионального и интрапрофессионального взаимодействия. В терминосистему лингводидактики введены понятия «интеракционально направленное учебное пособие по иностранному языку» и «интерактивный принцип проектирования учебного пособия по иностранному языку», отражающие своеобразие проектирования и моделирования учебной книги. В результате разработана авторская технология проектирования учебного пособия, которое служит средством формирования иноязычной интеракциональной компетенции студентов юридического профиля подготовки (Воскресенская, 2016).

Еще одно исследование в этой серии было проведено *А. А. Кирилловых*, посвященное разработке профессионально ориентированной концепции учебного пособия для обучения иностранному языку студентов неязыкового вуза. Созданная концепция ориентирована на достижение студентами личностных, предметных и метапредметных результатов процесса обучения иностранному языку, совокупно представленных в форме профессионально ориентированного социального опыта, осваиваемого студентом; нацелена на формирование иноязычной профессионально-коммуникативной компетенции обучающихся на начальном этапе их профессиональной подготовки в вузе; реализуется как целостная система взаимосвязанных компонентов методического обеспечения процесса обучения иностранному языку студентов неязыкового вуза. В терминосистему лингводидактики автор вводит понятие «модифицируемое полимодальное упражнение» как профессионально ориентированное деятельностное средство, обеспечивающее одновременное развитие у обучающихся умений всех видов иноязычной речевой деятельности. Диссертантом разработана целостная система таких упражнений применительно к обучению студентов технических вузов, которая и положена в основу учебного пособия (Кирилловых, 2020).

Подводя итог, отметим многообразие предложенных авторами исследовательских решений в проблемных областях современной лингводидактики. Вместе с тем вариативность предметов исследования и авторских подходов в рассмотренных диссертациях гармонично встраиваются в ценностную картину лингводидактической научной школы ИИЯ МГПУ «Межкультурное многоязычное образование как фактор социальных трансформаций». Диссертационные исследования в области методики обучения русскому языку затрагивают вопросы развития речи детей младшего

возраста и профессиональной коммуникации будущих педагогов, что свидетельствует о перспективе развития еще одной научной школы ИИЯ МГПУ, руководителем которой является профессор Н. Д. Десяева. Многообразие научных изысканий расширяет область педагогических исследований, которую заполняют последователи, ученики и аспиранты, развивая основополагающие идеи теории научных школ ИИЯ МГПУ.

Список источников

1. Малых, О. А. (2017). Обучение студентов произносительной стороне речи на китайском языке в условиях учебного трилингвизма. *Проблемы современного педагогического образования*, 57(5), 224–230.
2. Хомович, Н. В. (2018). Принципы формирования у студентов-лингвистов грамматической компетенции на втором иностранном языке. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*, 7(130), 48–53.
3. Тарасов, А. А. (2018). Теоретические основы формирования элементарной иноязычной письменной речевой компетенции младшего школьника. *Современные проблемы науки и образования*, 2. (2023, 12 июля). <https://science-education.ru/ru/article/view?id=27556>
4. Шостак, Е. В. (2020). Модель многоязычного обучения в многопрофильном вузе. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*, 25(189), 39–47.
5. Вишневецкая, Н. В. (2019). Социолингвистическая компетенция преподавателя иностранного языка как объект рассмотрения. *Иностранные языки в школе*, 4, 29–34.
6. Страдова, А. И. (2019). Проблема формирования у читателей младшего школьного возраста воссоздающего воображения. *Начальное образование*, 5, 13–21.
7. Донская, Н. А. (2021). Формирование текстовой компетенции с опорой на модель «определение». *Мир науки, культуры и образования*, 1(86), 11–13.
8. Бутурлова, В. В. (2021). Интерпретация мифологического текста как способ его творческого переосмысления. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*, 201, 187–193.
9. Смолова, М. А. (2017). Реферирование как вид учебно-профессиональной деятельности студента российского языкового вуза. *Казанский педагогический журнал*, 1, 120–123.
10. Харламенко, И. В. (2016). Использование вики-технологии для организации совместной работы по составлению вики-гlossария терминов специальности силами студентов неязыкового вуза. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*, 11(163), 73–81.
11. Заровняева, С. С. (2018). Тезаурусный подход к формированию лексической компетенции студентов технического вуза. *Современные наукоемкие технологии*, 4, 123–127.
12. Мизгулина, М. Н. (2018). Как подготовить школьников к разделу «аудирование и понимание» пятого уровня экзамена. *Иностранные языки в школе*, 6, 23–28.
13. Солянок, Е. А. (2019). Обучение студентов письменной обиходно-бытовой коммуникации на китайском языке. *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики*, 2, 161–170.
14. Воскресенская, М. С. (2016). Подходы к модернизации учебника иностранного языка для специальных целей. *Проблемы современного педагогического образования. Серия: Педагогика и психология*, 53, 41–46.
15. Кирилловых, А. А. (2020). Требования к учебно-методическому пособию как целостному дидактико-методическому обеспечению профессионально ориентированного иноязычного образования. *Вестник Вятского государственного университета*, 4, 86–94.

References

1. Malyh, O. A. (2017). Teaching Chinese (Mandarin) pronunciation in the context of educational trilingualism. *Problems of modern pedagogical education*, 57(5), 224–230. (In Russ.).

2. Homovich, N. V. (2018). Principles of grammatical competence development with the students of linguistics in the second foreign language. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 7(130), 48–53. (In Russ.).
3. Tarasov, A. A. (2018). Theoretical analysis of building foreign language writing competence of primary school students. *Modern Problems of Science and Education*, 2. (2023, July 12). <https://science-education.ru/ru/article/view?id=27556> (In Russ.).
4. Shostak, E. V. (2020). A didactic model providing plurilingual training in multidisciplinary university. *Tambov University Review. Series: Humanities*, 25(189), 39–47. (In Russ.).
5. Vishneveckaya, N. V. (2019). Sociolinguistic competence of a foreign language teacher as a research subject. *Foreign Languages at school*, 4, 29–34. (In Russ.).
6. Stradova, A. I. (2019). The problem of the formation of recreational imagination by primary school readers. *Primary education*, 5(7), 13–21. (In Russ.).
7. Donskaya, N. A. (2021). Forming a textual competence, based on the model «definition». *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 1(86), 11–13. (In Russ.).
8. Buturlova, V. V. (2021). Interpretation of a mythological text as a way of its creative re-thinking. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 201, 187–193. (In Russ.).
9. Smolova, M. A. (2017). Summary writing as a form of educational and professional activities of Russian language high school's graduate student. *Kazan Pedagogical Journal*, 1(120), 120–124. (In Russ.).
10. Harlamenko, I. V. (2016). Using wiki-technologies as a tool for creating collaborative glossary of special terms by science students. *Tambov University Review. Series: Humanities*, 11(163), 73–81. (In Russ.).
11. Zarovnyaeva, S. S. (2018). Thesaurus approach to lexical competence formation of students of technical institutions of higher education. *Modern high technologies*, 4, 123–127. (In Russ.).
12. Mizgulina, M. N. (2018). How to prepare secondary school students for the JLPT № 5 listening comprehension. *Foreign Languages at school*, 6, 23–28. (In Russ.).
13. Solyanko, E. A. (2019). Teaching written colloquial communication in the Chinese language: New challenges. *PNRPU Linguistics and pedagogy bulletin*, 4, 74–83. (In Russ.).
14. Voskresenskaya, M. S. (2016). Approaches to modernization of foreign language for specific purposes textbook. *Problems of modern pedagogical education. Series: Pedagogika I psihologiya*, 53, 41–46. (In Russ.).
15. Kirillovyh, A. A. (2020). Requirements for the educational and methodological manual as a holistic didactic and methodological support for professionally oriented foreign language education. *Herald of Vyatka State University*, 4(138), 86–94. (In Russ.).

Информация об авторах

Андрей Александрович Колесников — доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры германистики и лингводидактики Института иностранных языков МГПУ.

Оксана Олеговна Корзун — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры методики обучения английскому языку и деловой коммуникации Института иностранных языков МГПУ.

Information about the authors

Andrey A. Kolesnikov — Doctor of Pedagogy, Docent, Full Professor of the German Studies and Linguistic Didactics Department, Institute of Foreign Languages, MCU.

Oxana O. Korzun — PhD (Pedagogy), Docent, Associate Professor of the Department of Methodology of Teaching English and Business Communication, Institute of Foreign Languages, MCU.

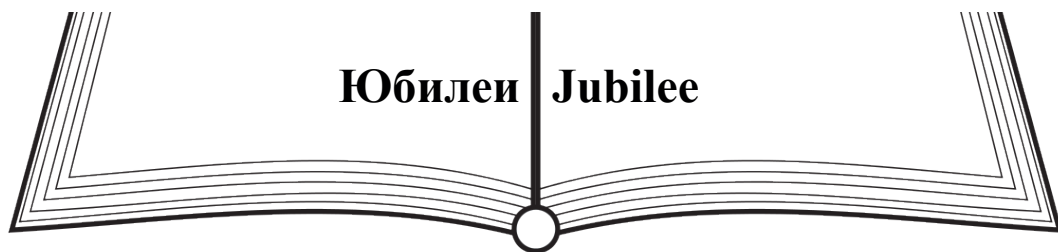
Вклад авторов:

Андрей Александрович Колесников — концепция исследования; развитие методологии; написание исходного текста; итоговые выводы.

Оксана Олеговна Корзун — концепция исследования; развитие методологии; доработка исходного текста; итоговые выводы.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.

КО ВСЕМУ НУЖНО ПРИМЕНЯТЬ СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД!

Юбилею Н. В. Языковой посвящается

Наталья Витальевна Языкова, последовательница классических традиций методической науки, отмечает в 2023 году юбилейную веку на своем жизненном пути. Доктор педагогических наук, профессор, заслуженный учитель Российской Федерации, награжденный орденом «Знак Почета», золотым почетным нагрудным знаком Республики Бурятия, многочисленными почетными знаками и грамотами Министерства образования СССР и РФ; заслуженный работник народного образования Республики Бурятия, почетный профессор Бурятского государственного университета (БГУ); заслуженный профессор Московского городского педагогического университета (МГПУ), ныне профессор кафедры методики обучения английскому языку и деловой коммуникации этого вуза. Она имеет развитую школу учеников, последователей и друзей, вдохновляет их на неустанный научный поиск как своими научными методическими идеями, так и личным жизненным примером...

Главное — правильно сформулировать коммуникативную задачу!

Профессиональная и научная жизнь Натальи Витальевны во многом связана с развитием педагогического образования в Республике Бурятия. Родившись 28 июля 1943 года в семье служащих, Наталья Витальевна Языкова после окончания средней школы в г. Улан-Удэ поступила на факультет английского языка Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина (МГПИ им. В. И. Ленина), который окончила с отличием в 1965 году. Вернувшись в родной город, свою профессиональную деятельность начала в качестве ассистента кафедры английского языка Бурятского государственного педагогического института им. Джоржи Банзарова (БГПИ им. Д. Банзарова) и учителя школы № 3 с углубленным изучением английского языка (г. Улан-Удэ). После окончания аспирантуры по кафедре методики преподавания иностранных языков МГПИ им. В. И. Ленина и успешной защиты диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук на тему «Использование методических задач в процессе подготовки учителя иностранного языка» продолжила работу в БГПИ им. Д. Банзарова.

Важно подобрать правильный метод!

Профессиональная деятельность развивалась предельно методично: работа в вузе в качестве ассистента кафедры английского языка (1965–1967), старшего преподавателя и доцента кафедр английского языка и английской филологии (1968–1970), заведующего кафедрой английского языка (1971–1981), декана факультета иностранных языков (1983–1996), проректора-директора Института педагогического образования БГУ, профессора и заведующего кафедрой профессионально-педагогической подготовки (1996–2006), профессора и заведующего кафедрой теории и методики обучения иностранным языкам МГПУ (2006–2016). В настоящее время в должности профессора кафедры методики обучения английскому языку и деловой коммуникации МГПУ руководит научным направлением «Профессионально-методическая подготовка студентов» в рамках курсов соответствующих учебных дисциплин и педагогических практик. Научная работа в рамках данного направления отражена в статьях, опубликованных в ведущих российских изданиях, подготовке выпускных квалификационных работ студентов. Разрабатывает и руководит широко востребованными образовательными программами магистратуры по направлению 44.04.01 «Педагогическое образование», профили «Межкультурное языковое образование в школе» (2015–2017), «Межкультурное языковое образование в школе и вузе» (2017–2021); «Технологии межкультурного языкового образования в школе и вузе» (2021–2022).

Чтобы чему-то научить, нужно обучать!

Постоянная установка на поиск новых путей к самореализации и сотрудничеству позволили Наталье Витальевне Языковой внести значительный вклад в совершенствование качества методической подготовки учителей в Бурятии. Как следствие, она стала одним из инициаторов и разработчиков концепции Института педагогического образования, созданного в 2006 году после открытия на базе БГПИ – БГУ Университетского образовательного комплекса, в который входило 14 городских и сельских школ республики, получивших статус университетских гимназий БГУ.

Если учебные действия правильные, добьетесь цели на продуктивной фазе...

Благодаря инициативе и организаторскому таланту профессора Натальи Витальевны Языковой научная методическая школа БГУ получила официальный статус в 1996 году с открытием аспирантуры по специальности «Теория и методика обучения и воспитания (иностранные языки)». В 1999 году начинает работу диссертационный совет по защите кандидатских диссертаций по данной специальности, который и поныне является единственным в Сибири и на Дальнем Востоке. Председателем совета в течение восьми лет была Наталья Витальевна Языкова.

В науке, как и в жизни, нужно занимать активную позицию

Активная научная позиция Натальи Витальевны Языковой нашла выход в написании и публикации более 120 научных трудов. Научная деятельность посвящена

разработке концептуальных основ системы формирования методической компетенции выпускников педагогических университетов. Результаты исследования проблемы методической подготовки будущих учителей иностранных языков обобщены в докторской диссертации «Формирование профессионально-методической деятельности студентов педагогических факультетов иностранных языков», которая была с блеском защищена в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова в 1995 году. Кроме того, сфера научных интересов профессора Натальи Витальевны Языковой включает в себя обширную проблематику межкультурного подхода к иноязычному образованию на современном этапе в компетентностном ключе. Вдохновляя своих последователей, Наталья Витальевна осуществляет регулярную организацию и проведение научных и методологических семинаров и научных конференций в области профессионального иноязычного образования; выступает ответственным редактором сборников научных работ, выпускаемых по результатам проведенных конференций; принимает регулярное участие в научных конференциях всероссийского и международного уровней, выступает с лекциями по актуальным проблемам современного языкового образования.

Сущность коммуникативной компетенции — в межкультурности и грамотном диалоге культур...

Такой диалог был налажен в 1988 году с Америкой. Наталья Витальевна Языкова работала преподавателем русского языка и культуры в штатах Иллинойс и Оклахома (США) в рамках обменной программы AFS (American Field Service) и Министерства просвещения СССР. В продолжение диалога в 2000 году выиграла грант «Гражданская инициатива» для поездки в США в составе группы российских преподавателей вузов и школьных учителей для обмена педагогическим опытом с американскими коллегами, а в 2005 году — грант Института международного образования по программе Фулбрайта для проведения научного исследования в университете штата Иллинойс. Как результат, была концептуализирована система межкультурного подхода к современному иноязычному образованию, а в практическом плане — собран обширный материал для составления и последующей публикации культурологического словаря-справочника US Education и учебного пособия для профильной общеобразовательной школы и педагогических вузов US Education Reader: High School and College Culture.

И еще, вначале необходимо правильно сформировать ориентировочную основу деятельности...

Впоследствии она может стать и вовсе пожизненно-ориентировочной основой. Наталья Витальевна Языкова выступила соруководителем (совместно с профессором А. В. Щепиловой) научной школы «Межкультурное языковое образование в 21-м веке» (2009–2019), разрабатывая системное обоснование межкультурно ориентированной концепции иноязычного образования на разных уровнях. Исследовательская повестка научной школы стала естественным продолжением многих идей, возникших в свое время на базе факультета иностранных языков БГУ. Заложив

основы системы профессионально-методической подготовки учителей английского языка в рамках бурятского методического сообщества, Наталья Витальевна обогатила фундаментальность изучения системных основ лингводидактики исследованием актуальных тенденций ее развития. В рамках многочисленных диссертационных исследований (специальность 13.00.02) на соискание ученых степеней кандидатов и докторов педагогических наук, осуществляемых под научным и идейным руководством профессора Натальи Витальевны Языковой, был успешно выявлен и разработан многоаспектный потенциал межкультурного подхода к обучению иностранным языкам. В частности, в научных исследованиях И. Н. Столяровой, М. Ф. Овчинниковой, И. С. Кашенковой, Е. В. Васильевой, Е. С. Лутковой, В. А. Гончаровой, Н. В. Сорокиной и др. были системно разработаны культуросообразные линии социокультурной, лингвокультурологической, социолингвистической, социодискурсивной, собственно межкультурной вариаций преломления лингводидактической теории к практике от школы до вуза, объединенные единым смысловым лейтмотивом межкультурного иноязычного образования, насыщенного синергией междисциплинарного осмысления. Многопозиционность научных мировоззрений, проявленная в ходе изучения разнообразных проблем формирующегося межкультурного иноязычного образования в рамках школы (например, проблематика межкультурно ориентированного учебника, стереотипного мышления как фактора национального самосознания, возможностей лингвокультурологической интерпретации текстов, а также дискурсивного анализа медиатекстов, анализ ценностной структуры национального сознания, др.), отграничила поле постоянного смыслового напряжения, собственно определяя векторы непрерывного научного развития. В данное время научная школа («Межкультурное языковое образование как фактор социальных трансформаций») является ведущей научно-исследовательской платформой в области отечественной лингводидактики и функционирует на базе Института иностранных языков МГПУ под руководством доктора педагогических наук, профессора Елены Генриховны Таревой.

Ученика нужно любить...

И он ответит вам тем же. С теплотой и большой признательностью относятся многочисленные ученики Натальи Витальевны Языковой к своему Учителю, воплощая полученные идеи на практике — преподавательской и жизненной — и понимая, что наилучший результат лишь следствие корректно найденного метода...

А успешность метода, как известно, основывается на правильно найденных принципах, гармоничном содержании и ясной цели. Как у подлинного ученого, все компоненты этой методической системы отражаются и в жизни Натальи Витальевны. Поздравляя нашего дорогого и глубоко почитаемого учителя, преподавателя, коллегу, друга и идейного руководителя со знаменательной датой, желаем дальнейшего развития главного гения ученого — воплощать системную теорию на собственной выдающейся практике!

В. А. Гончарова

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Уважаемые авторы!

В нашем журнале публикуются как оригинальные, так и обзорные статьи по филологии (литературоведению, русскому языку, германским языкам, романским языкам, восточным языкам), теории языка, языковому образованию, межкультурной коммуникации.

Журнал адресован преподавателям высших и средних учебных заведений, учителям школ, аспирантам, соискателям ученой степени и студентам.

Редакция просит авторов при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике МГПУ. Серия «Филология. Теория Языка. Языковое образование» (далее — «Вестник»), руководствоваться данными требованиями к оформлению научной литературы, рекомендованными Редакционно-издательским советом университета и разработанными в соответствии с ГОСТ Р 7.07–2021 «Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление».

Авторами статей «Вестника» могут быть ученые, исследователи (докторанты, аспиранты).

Научные статьи принимаются в течение года и в случае положительного решения редколлегии включаются в рукопись одного из очередных номеров журнала в порядке поступления.

Не принимаются ранее опубликованные статьи и материалы, не отвечающие предъявляемым далее требованиям.

Журнал публикует только оригинальные высококачественные научные работы (не менее 85 % по результатам проверки в системе обнаружения текстовых заимствований «Антиплагиат»: <https://mgpu.antiplagiat.ru/>).

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья
УДК 82-1: 82-193.3
DOI

Строфика и жанровое разнообразие поэзии О. Уайльда

Николаева Марина Николаевна

Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия,
NikolaevaM@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0152-1647>

Аннотация. Статья посвящена .... Актуальность исследования обусловлена ... Статья направлена на раскрытие / обоснование / разработку ... Ведущим методом в исследовании выступил ... Выборка исследования включала ... В статье выявлено / обосновано / раскрыто ... Представленные в статье результаты / материалы позволяют ... **(200–250 слов).**

Ключевые слова: жанр, строфика, классическая стихотворная форма, катрен, терцет, рифма **(3–15 слов / словосочетаний).**

Для цитирования: Николаева, М. Н. (2022). Строфика и жанровое разнообразие поэзии О. Уайльда. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование», 1(45), ___*. <https://doi.org/xxx>

Original article

DOI

Strophic and genre diversity of O. Wilde's poetry

Marina N. Nikolaeva

Moscow City University,
Moscow, Russia,
NikolaevaM@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0152-1647>

Abstract. The article regards / features/ studies ... The study proves relevant due to ... The article aims at ... The principal research method is... The empirical data include ... The paper reveals / claims ... The findings contribute to ... **200–250 words.**

Keywords: genre, stanza, classical poetic form, quatrain, tercet, rhyme **(3–15 words).**

For citation: Nikolaeva, M. N. (2022). Strophic and genre diversity of O. Wilde's poetry. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education, 1(45), ___*. <https://doi.org/xxx>

Введение / Introduction

Творческая индивидуальность Оскара Уайльда, представителя англо-ирландской литературы, ключевой фигуры эстетизма и западноевропейского модернизма, формировалась под воздействием философско-эстетических доктрин Уолтера Пейтера, оксфордского наставника Уайльда и идей Джона Рёскина. Так, У. Пейтер утверждал, что «only organizing power of art could arrest the rush of time <...> and would allow the individual's awareness 'to burn always with this hard, gem-like flame'» (Varty, 2000, p. X).

Современные исследователи отмечают, что изучение творчества О. Уайльда «through a contextualized historical perspective has become an important approach» (Yang, 2020, p. 36). Мы согласны, что важно рассматривать творчество писателя с опорой на жизненные факты. Однако сформировавшийся за столетие «феномен Уайльда», который «проявился в особом внимании к личности О. Уайльда, в какой-то степени заслонила для многих его творчество не только в массовом сознании, но и в трудах исследователей, как его современников, так и уайльдоведов последующих поколений» (Луков, 2007).

Текст .....

Во введении четко формулируются цели и задачи. Концепция исследования базируется на доказанных научных положениях.

Методология исследования / Methodology

В разделе **Методология исследования** приводится обоснование выбора методологического подхода, дается описание эксперимента, материала и процедуры исследования. Текст .....

Текст текст текст текст

Результаты и дискуссия / Результаты исследования / Ход исследования / Results and discussion

В разделе **Результаты** приводится описание того, что было получено, а не сделано. Важно придерживаться последовательного логического изложения. Результаты иллюстрируются минимально необходимыми примерами. В разделе **Дискуссия** полученные результаты анализируются в контексте уже имеющихся данных. Рассматриваются возможные причины и следствия. Текст .....

Текст текст текст текст

Заключение / Conclusion

В **Заключении** подводятся теоретически, методологически и практически значимые итоги и перспективы исследования. Новая информация не вводится. Текст .....

Текст текст текст текст

Список источников

1. Varty, A. (2000). Introduction. *The Collected Poems of Oscar Wilde*. Wordsworth Edition Limited. III–XXVI.

2. Yang, Yu. (2020). The Aesthetics of Exhibitionism: Oscar Wilde as a Public Aesthete. *English Language, Literature & Culture*, 5(1), 36–44. <https://doi.org/10.11648/j.ellc.20200501.14>
3. Луков, Вл. А., & Соломатина, Н. В. (2007). *Феномен Уайльда: тезаурусный анализ*. Издательство Московского гуманитарного университета. https://mosgu.ru/nauchnaya/publications/monographs/Lukov%26Solomatina_Wilde/
4. Чупрына, О. Г., Баранова, К. М., & Меркулова, М. Г. (2018). Судьба как концепт в языке и культуре. *Вопросы когнитивной лингвистики*, 3, 120–125.
5. Тетельман, А. И. (2007). *Взаимодействие жанров в творчестве Оскара Уайльда* [Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. Казань].
6. Рауд, Н. П. (2007). *Образный строй поэзии Оскара Уайльда* [Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. Санкт-Петербург].
7. Бахнова, Ю. А. (2010). *Поэзия Оскара Уайльда в переводах поэтов Серебряного века* [Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. Томск].
8. Уайльд, О. (2017). *Критик как художник. Искусство и действительность*. Рипол Классик.
9. *Литературная энциклопедия терминов и понятий* (под ред. А. Н. Николюкина). (2001). ИНИОН РАН: Интелвак.
10. *Твердые стихотворные формы*. (2021, 18 мая). <https://myfilology.ru//137/tverdye-stikhotvornye-formy>
11. Бехер, Р. И. (1965). Философия сонета, или Маленькое наставление по сонету. *Вопросы литературы*, 10, 190–208.
12. Николаева, М. Н. (2015). Языковые особенности стихотворных «пейзажных картин» О. Уайльда. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(17), 50–57.

References

1. Varty, A. (2000). Introduction. *The Collected Poems of Oscar Wilde*. Wordsworth Edition Limited. III–XXVI.
2. Yang, Yu. (2020). The Aesthetics of Exhibitionism: Oscar Wilde as a Public Aesthete. *English Language, Literature & Culture*, 5(1), 36–44. <https://doi.org/10.11648/j.ellc.20200501.14>
3. Lukov, Vl. A., & Solomatina, N. V. (2007). *Phenomenon of O. Wilde's: thesaurus analysis*. Moscow Humanities University Publishing house. https://mosgu.ru/nauchnaya/publications/monographs/Lukov%26Solomatina_Wilde/ (In Russ.).
4. Chupryna, O. G., Baranova, K. M., & Merkulova, M. G. (2018). Fate as a concept in language and culture. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, 3, 120–125. (In Russ.).
5. Tetelman, A. I. (2007). *Genre interrelation in O. Wilde's works* [Abstract of the dissertation for the PhD (Philology): 10.01.03. Kazan]. (In Russ.).
6. Raud, N. P. (2007). *Image system in O. Wilde's poetry* [Abstract of the dissertation for the PhD (Philology): 10.01.03. Saint-Petersburg]. (In Russ.).
7. Bakhnova, Yu. A. (2010). *O. Wilde's poetry in Silver Age poets' translation* [Abstract of the dissertation for the PhD (Philology): 10.01.03. Tomsk]. (In Russ.).
8. Wilde, O. (2017). *Critic as artist. Art and reality*. Ripol Klassik. (In Russ.).
9. *Literary encyclopaedia of terms and concepts*. (2001). INION RAN: Intelvak. (In Russ.).
10. *Fixed verse*. (2021, May 18). <https://myfilology.ru//137/tverdye-stikhotvornye-formy/> (In Russ.).
11. Beher, R. I. (1965). Sonnet philosophy or a small guidebook on sonnets. *Voprosy literatury*, 10, 190–208. (In Russ.).
12. Nikolaeva, M. N. (2015). Language features of O. Wilde's Impressionism poems. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1 (17), 50–57. (In Russ.).

Информация об авторе

Марина Николаевна Николаева — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии Института иностранных языков МГПУ.

Information about the author

Marina N. Nikolaeva — PhD (Philology), Docent, Associate Professor of English Philology Department, Institute of Foreign Languages, MCU.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Рукопись статьи отправляется по электронной почте секретарям «Вестника» (Л. А. Борботько, И. И. Матвеева) **в зависимости от принадлежности статьи той или иной тематике:**

– литературоведение (иностраные языки), германистика, романистика, теория языка, теория межкультурной коммуникации языковое образование, лингводидактика (иностраный язык): ludmilaborbotko@gmail.com;

– литературоведение (русский язык, славянские языки), русистика, языковое образование: vestnikmgpu@mail.ru

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научный журнал / Scientific Journal

Вестник МГПУ.

Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование».

MCU Journal

of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education

2023, № 3 (51)

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:
серия ПИ № ФС77-82093 от 17 октября 2021 г.

Главный редактор:

доктор педагогических наук, профессор *Е. Г. Тарева*

Главный редактор выпуска:

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т. П. Веденева*

Редактор:

Е. С. Терновскова

Корректор:

К. М. Музамилова

Перевод на английский язык:

Л. А. Борботько

Техническое редактирование и верстка:

Г. П. Васильева, О. Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр МГПУ
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.

Телефон: 8-499-181-50-36.

https://www.mgpu.ru/centers/izdat_centre/

Подписано в печать: 04.12.2023 г.

Формат: 70 × 108 1/16. Бумага: офсетная.

Объем: 14,25 печ. л. Тираж: 1000 экз.